

Arend Lijphart
Democracy in Plural Societies
A Comparative Exploration

А. ЛЕЙПХАРТ

**ДЕМОКРАТИЯ
В МНОГОСОСТАВНЫХ
ОБЩЕСТВАХ**

**СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ**

ИНСТИТУТ

ОТКРЫТОЕ
ОБЩЕСТВО

Democracy in Plural Societies

A COMPARATIVE EXPLORATION

Arend Lijphart

NEW HAVEN AND LONDON   YALE UNIVERSITY PRESS

66
142

А.ЛЕЙПХАРТ

ДЕМОКРАТИЯ В МНОГОСОСТАВНЫХ ОБЩЕСТВАХ

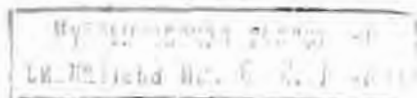

СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

Перевод с английского
Б.И. Макаренко

Научные редакторы перевода
д-р ист. наук *А.М. Салмин*
и канд. ист. наук *Г.В. Каменская*

2466557

АСПЕКТ ПРЕСС

Москва
1997

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы и средних специальных учебных заведений готовится и издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках программы «Высшее образование».

Редакционный совет: В.И. Бахмин, Я.М. Бергер, Е.Ю. Геннева,
Г.Г. Дилигенский, В.Д. Шадриков

Перевод с английского **Б.И. Макаренко**

Рецензент **Г.В. Каменская**

Лейпхарт А.

Л 33 Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование/Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В. Каменской. — М.: Аспект Пресс, 1997. — 287 с.— ISBN 5—7567—0208—3

Классический труд американского политолога о принципах и практике функционирования демократии в неоднородных обществах. На примере четырех европейских демократий автор формулирует общие закономерности и механизмы разрешения неизбежных для этих обществ противоречий. Автор проводит анализ удачных и неудачных попыток разрешения противоречий в несовершенных демократиях.

Книга предназначена для студентов-политологов, преподавателей и научных работников.

Л 0302010000—026 Без объявл.
06И(03) — 97

ББК 66.2

© 1977 by Yale University.

All rights reserved.

This book may not be reproduced, in whole or in part, in any form (beyond that copying permitted by Sections 107 and 108 of the U.S. Copyright Law and except by reviewers for the public press), without written permission from the publishers.

© Издание на русском языке,

«Аспект Пресс», 1997.

ISBN 5—7567—0208—3

Предисловие научного редактора

Вниманию русского читателя предлагается книга, если не составившая эпоху в современной политологии, то по крайней мере ставшая в ней заметной вехой.

«Демократия в многосоставных обществах» — самая известная работа Арнда Лейпхарта, исследователя, родившегося в 1935 г. в Нидерландах и ныне живущего в США и работающего в Калифорнийском университете (Сан-Диего), где он является профессором-исследователем в области политической науки*.

Исследование Лейпхарта посвящено анализу не лежащих на поверхности основ современной демократии, тем ее аспектам, которые оказались чрезвычайно важными, даже решающими для судьбы данного типа политической организации, лишь только она начала распространяться за пределами тех нескольких стран, где ей удалось укорениться до второй половины XX в.

Книга принадлежит к весьма многочисленной, хотя и крайне разнородной, группе исследований, в которых выразилось характерное для последних десятилетий XX в. понимание демократии. Речь идет о том, что демократия — самая, вероятно, влиятельная политическая идея XIX в., стала к началу XX в. политической реальностью, к его середине — реальностью геополитической, превратившись, пусть только формально, в явно преобладающий в мире тип политического устройства.

---

* Читатели журнала «Полис» смогли в 1993 г. познакомиться с несколькими отрывками из этой книги (№№ 1–2, 3, 4). А. Лейпхарту принадлежат также работы: Демократии: Типы мажоритарного и консенсусного правления в двадцати одной стране (Democracies: Patterns of Majoritarian and Consensus Government in Twenty-One Countries, 1984), Участие во власти в Южной Африке (Power-Sharing in South Africa, 1985), Избирательные законы и их политические последствия (Electoral Laws and Their Political Consequences, 1986), Парламентское правление против президентского (Parliamentary versus Presidential Government, 1992), Избирательные системы и партийные системы: Сравнительное исследование двадцати семи демократий (Electoral Systems and Party Systems: A Comparative Study of Twenty-Seven Democracies, 1945–1990, 1994), а также множество статей о выборах и избирательных системах в «Electoral Studies» и других журналах. Кроме того, А. Лейпхарт известен в академической среде как создатель уникального — на сегодняшний день лучшего в мире — архива («Избирательный архив Лейпхарта»), содержащего данные о выборах в значительной части современных демократий (примерно 350 выборов в 26 странах мира).

Конечно, уже в XVIII — начале XIX столетия были вполне реальными демократические режимы Северной Америки и Швейцарии. Но то, по общему признанию, — особые, *исключительные* сообщества: сравнительно небольшие республики, противопоставившие себя миру европейских монархий с их колониальными империями и сумевшие в конечном счете избежать вырождения в нестабильные республиканские олигархии, как это случалось, скажем, во Франции или Испании в периоды «первых», да и «вторых», республик, а также в Латинской Америке.

В тот период очень мало кто был готов оценить демократию как ценностно особый, обладающий универсальным достоинством политический строй. В ней видели и достоинства, и недостатки, которые контрастировали с достоинствами и недостатками других форм государственности. Вряд ли кто осмелился бы тогда определить ее в духе ставшей трюизмом фразы сэра Уинстона Черчилля о «худшей форме правления, за исключением всех остальных».

Так происходило отчасти из-за свойственной господствовавшей культуре того времени неготовности воспринимать форму власти отдельно от ее содержания и, если угодно, — ее личности, а отчасти по другой причине. Европейская ученая культура именно в тот период с огромным трудом начинала вырываться из пут восходящего к Возрождению представления, согласно которому всякая новация — это если и не буквальное возвращение к опыту Древней Греции и Рима, то во всяком случае нечто такое, смысл чего закодирован в античной цивилизации. Между тем мыслители и Возрождения, и XVII, и XVIII, и даже большей части XIX вв., воспринимавшие античность прежде всего через классические тексты, представляли древнюю государственность отнюдь не примитивно-дихотомичной. Ее анализ допускал и даже предполагал как ценностное суждение, так и смирение перед тайной объективно существующих форм.

У Аристотеля, как известно, можно обнаружить шесть видов государственного устройства, симметричные триады: «правильные» — *царская власть (басилейя), аристократия, полиция*; и «неправильные», извращенные, или выродившиеся, — *тирания, олигархия, демократия**.

Эта последняя, в отличие от *политии* (правления большинства, избранного на основе некоторого ценза и пекущегося о всеобщем благе), есть правление неумящего большинства ради собственного блага.

В новое время именно так понимали демократию ее недоброжелатели, противопоставлявшие ей либо реальную модель, обычно абсолютную монархию, самодержавие, либо какой-то теоретически более совершенный и, как представлялось, практически реализуемый строй: конституционную монархию, иногда умеренный республиканский режим. Те же, кто использовал термин в положительном смыс-

---

* *Аристотель*. Политика. — Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4. С. 457–462.

ле, были склонны скорее связывать его исторически с *афинской демократией*, а теоретически — с тем, что Аристотель назвал *полицией* (при том, что сам термин «полития» надолго исчезает из обихода). При этом на практике осуществление демократического идеала могло сводиться к внесению в реальную государственность конституционных и к усилению в ней законных начал вообще.

Были, конечно, и такие, кого восхищала как раз аристотелевская *демократия*, но в конце XVIII в. они предпочитали именовать себя республиканцами, а в XIX в. — все определеннее начали увлекаться идеей социализма.

Наконец, некоторые пронизательные политические умы, вроде Алексиса де Токвиля и Джона Стюарта Милля, видели в демократическом устройстве XIX в., которое они рассматривали как нечто неизбежное, прораставшее сквозь современную им государственность, независимо от ее конкретной формы, потенции и *политии*, и *демократии*, как их понимал Аристотель. Со времени выхода в свет знаменитой книги А. Токвиля «О демократии в Америке» (1-й том — в 1835 г., 2-й — в 1840 г.) пристальное внимание начинает уделяться заокеанскому образцу — живому и быстро развивающемуся, его плюсам и минусам с точки зрения европейской практики. Благодаря Токвилю и его последователям демократия становится предметом эмпирико-социологического изучения, а не только философского или исторического анализа. Вообще, по мере роста американской демократии ее начинают несколько идеализировать в Европе (гораздо больше, чем, например, швейцарскую, казавшуюся многим неповторимым локальным, а иногда даже *архаическим* исключением — реликтом), и демократия как политическая система стала подсознательно восприниматься — иногда это можно наблюдать до сих пор — сквозь призму американского опыта.

Наряду с подобным «персонифицированным» образом демократии в сознании европейских правоведов и социологов конца XIX — первой половины XX в. демократия оставалась абстрактной идеей, отчасти — образом по преимуществу все той же американской политики, но *лучшей*, чем реальная, очищенной от всего случайного, *специфически американского*. Именно этот идеал и воспринимался как норма и цель политического развития всех реальных демократий, не исключая и самой американской.

Что касается отклонений от идеала, то они рассматривались как «атавизм или патология, и хотя ожидаемое и желанное совпадение с просвещенческими политическими нормами никогда не было полным, национальный характер или социальный характер отдельных групп никогда не воспринимался в качестве сколько-нибудь значимого объясняющего фактора»*.

* Almond G., Verba S. The Civic Culture Revisited. Boston, 1980. P. 4.

На протяжении большей части прошлого века *демократия как идея* самоопределялась по многим осям сразу. Во внутренней политике — по отношению к абсолютизму и бюрократии; во внешней — к практике великих империй; в политической философии и истории — к античности, «восточной деспотии», средневековью; в науке — к реальности, бросающей вызов политической философии.

При этом исподволь в разных странах, при разных режимах утверждались такие неотъемлемые от «демократического мифа» идеи и институты, как избирательное право (все более всеохватывающее), разделение властей, самоуправление, право ассоциации, светский характер государства и школы, национальное самоопределение и т.д.

Укрепление во Франции Третьей республики знаменовало собой впечатляющее торжество демократической идеи, уже объявленной ее приверженцами *универсальной*, во всей ее тогдашней полноте, причем не где-то на краю ойкумены и не на альпийских высотах, а в одной из крупнейших и старейших держав европейского континента, бывшей некогда оплотом христианского монархизма и легитимизма.

«Сердечное согласие» европейских держав, вступивших в мировую войну под лозунгом борьбы в защиту *свободы* против «тевтонского деспотизма», проявилось в приветствии весной 1917 г. присоединения России к *семье свободных народов*...

Итогом «империалистической» войны стало образование на развалинах вековых империй почти десятка *демократических* республиканских режимов, с переменным успехом пытавшихся отстоять свою самобытность перед лицом как династической реакции, так и, что для них было серьезнее, Коминтерна, с одной стороны, и фашистских, националистических, тоталитарных движений — с другой. Одновременно продолжалось распространение *практической демократии* вширь — поверх политических и цивилизационных барьеров.

Вторая мировая война формирует демократическое сообщество как геополитическую реальность.

Атлантическая хартия (1941 г.) фиксирует особое *западное* видение антигитлеровской коалиции. Ялтинское и Потсдамское соглашения, создание ООН в 1945 г., НАТО в 1949 г., учреждение и расширение Совета Европы, становление Европейского сообщества и превращение его в Европейский союз и т.д., — вехи образования многоуровневого, эшелонированного международного сообщества, закладывающего в основу своей идеологии *демократические ценности*. В борьбе с ним последовательно терпят поражение блок «держав оси» и «социалистическое содружество», причем каждый из противников — именно в той области, которую считал для себя смыслообразующей. Нацизм — на поле боя, коммунизм — в так называемом экономическом соревновании. Современные мировые Афины как бы берут реванш у современной мировой Спарты за поражение своего предшественника — античного полиса в Пелопоннесской войне.

И вновь, как и прежде, в тени впечатляющих событий происходит внешне почти незаметное распространение отдельных демократических приемов и учреждений по всему миру, а также повсеместное, хотя и неравномерное, *углубление* демократии как политической системы и политической культуры.

Всеобщее избирательное право распространяется на женщин и на молодежь, начиная с 18 лет, отменяются или снижаются другие цензы, кое-где право голоса на местных выборах получают иностранцы. В основном англосаксонские по происхождению (как принято считать) элементы демократии дополняются новым, пришедшим из Скандинавии: институт *омбудсмана* (государственного правозащитника, уполномоченного по правам человека) укореняется сначала в нескольких странах Европы, а затем в том или ином виде получает всеобщее признание и распространение. После второй мировой войны огромную роль в политике начинают играть вопросы социального обеспечения, формируются соответствующие институты, механизмы и обычаи. Наконец, демократия становится *социальной*.

Возникает феномен, который в Италии называют «государством вспомоществования», в англосаксонских странах, в Германии, в России — «государством всеобщего благосостояния» (у нас до недавнего времени — неизменно в кавычках). Во Франции его обычно определяют как «государство-провидение», «государство-покровитель» и т.д. Совокупность конкретных структур и отношений «социального государства» в его политическом воплощении составляет нечто такое, что позволяет, видимо, говорить об определенной мутации (во всяком случае, очередном изменении) некой государственности, успешней, казалось бы, вполне выявить на предыдущем этапе развития свою норму и прийти в большее или меньшее, в зависимости от национального типа, соответствие с нею. Конфликт и поиск консенсуса по поводу моделей хозяйственной деятельности и *образа жизни* — преимущественно в экономическом смысле — теснят, начиная с 30-х гг. XX в., конфликты и проблемы, относящиеся к поиску равновесия различных политических культур, которые менее опосредованно, чем вопросы экономики, связаны с миром высших — религиозных, а также моральных — ценностей.

В то же время мутация не настолько велика, чтобы исчезло всегда сохранявшееся, хотя и принимавшее различные формы ощущение *особости* этой вырастающей из некой культуры государственности по отношению к другим типам, — будь то цивилизационным или формационным. Торжество социального государства совпадает с периодом, когда это ощущение даже усилилось, обретя форму противопоставления «Запада», «западной демократии» — «не-Западу»: «Востоку», «коммунистическому блоку», «третьему миру».

На протяжении большей части XX в. демократия воспринимается уже не как альтернатива античному полису или «старому порядку»,

а как теоретически универсальная, хотя практически и ограниченная некими культурными границами, форма политического устройства, предполагающая участие широких слоев населения в определении (прежде всего путем выборов и референдумов) состава правительства и характера политики, в частности экономической.

Мало кто решается, по крайней мере в принципе, отказать массам в праве на волеизъявление и на то, чтобы с таким волеизъявлением считались. Монархия и демократия на Западе перестают быть антонимами. Впрочем, одновременно перестают быть синонимами понятия «демократия» и «республика», а образцом самой стабильной демократии — *политики* оказывается, пожалуй, монархическая Англия... Главными же врагами демократии становятся уже не монархия и олигархия, а *формальность* и *нестабильность* самой демократии.

XX в. дает достаточно примеров того, как демократия, формально сохраняясь в качестве определенной системы институтов и совокупности процедур, совершенно выхолащивается, утрачивая право называться «правлением большинства». Немало было примеров и неустойчивости демократии, ее уязвимости в отношении разного рода дестабилизирующих обстоятельств, которые вызывают к жизни силы, отменяющие или «приостанавливающие» действие демократических конституций. Хуже того, из самой демократии рождается немыслимая вне универсальности демократического идеала такая современная форма тирании, как тоталитаризм, предполагающий замену демократического устройства «народным сообществом», «демотией» или «социалистическим строем». Во всех достаточно разнообразных современных способах оправдания, установления и поддержания режимов, насилующих природу человека как существа, одаренного свободой воли, непременно предполагается соучастие самих масс, что, возможно, является наиболее впечатляющим, хотя и не столь привлекательным, отдельно взятым результатом всесветного торжества демократической идеи.

Вообще, можно сказать, что за полтора столетия главная тема, связанная с демократией, сменилась, и данную переменную констатировал не кто иной, как Карл Раймунд Поппер: сегодня это не оправдание идеи демократии с помощью этических, богословских, философских построений или аргументов здравого смысла, а озабоченность ее хрупкостью и поиски способов ее укрепления*.

Все это немного напоминает задачу с квадратурой круга: строй, претендующий на наиболее адекватное выражение природы человека как свободного существа и рассчитанный на существо весьма несовершенное, по определению не может быть, наверное, стабильным. Правда, задача обычно явно или неявно конкретизируется: практи-

---

* Popper K. The Open Society and its Enemies Revisited//Economist. April, 1988. P. 26.

ческая проблема — не столько в создании неразрушаемой при всех обстоятельствах демократии, сколько в том, чтобы застраховать ее от крайнего неразумия законодателей и от кипения гражданских и обычных человеческих страстей. Иными словами — изобрести не вечный двигатель, а всего лишь машину с приспособлением fool proof.

Но для того чтобы понять, почему машина дает сбой, надо изучить, как она вообще работает. Именно *работает*, а не *должна работать* по инструкции.

Еще накануне первой мировой войны появились работы, в которых предпринимались попытки связать особенности политического поведения и политических ориентаций избирателей с особенностями хозяйственного уклада той или иной местности, которые в свою очередь зависят от природных особенностей. Начали исследоваться, в том числе и в сравнительном аспекте, особенности избирательного поведения, формирования политических партий и функционирования партийных систем, деятельности государственных институтов в условиях демократического режима. С точки зрения метода эти исследования как бы заключены в треугольнике, вершины которого составляют:

— эмпирические исследования, использующие (по крайней мере до середины 70-х годов) все более рафинированные методы опросов общественного мнения. К началу 80-х годов «золотой век» социологии в политике, как представляется, остался позади, а опросы — как общие, так и предельно прагматические — в основном превратились в стандартную процедуру рутинного исследования демократической политики;

— описательные работы, основанные на «вживании» в исследуемый предмет. Реальная демократия уже давно стала предметом такого изучения, во всяком случае с момента поездки в Североамериканские Соединенные Штаты А. Токвиля. Его книга — блестящий образец эмпирического анализа, тем более удивительный, что молодой французский историк и социолог провел в Новом Свете всего лишь несколько месяцев. Учителя социологов первой половины XX в., просветители, настолько внимательно всматривались в человека, в его изменчивую природу, в человеческие характеры, что их ученики были готовы едва ли не с первого взгляда улавливать устойчивые черты господствующего в данном народе типа или, быть может, основных господствующих типов, образующих неповторимое, как кожный узор на пальцах, сочетание. Поколение, воспитанное на «Персидских письмах» и «Духе законов» Монтескье, умело узнавать самую суть политических установлений, ибо видело в народе живое целое, органически вырабатывающее свое политическое устройство.

Этот дар моментального узнавания сегодня почти утрачен, его не заменит старательное описание «национальных характеров» и «анатомий государства» — слишком скрупулезное, чтобы быть литературой, и слишком слабо обоснованное методологически, чтобы чис-

литься по разряду науки. Как правило, авторы сегодняшних научных описаний «характеров» и «анатомий» вынуждены исходить из предположения, что характер любого народа и дух любого учреждения могут быть описаны и заслуживают описания. При этом они подсознательно сравнивают один образ «со всеми», как того требует современная компаративистика. Их предшественники, между тем, сравнивали один интересный характер с другим интересным, как, собственно, и происходит в живом общении, что облегчало их задачу;

— абстрактные работы, в которых демократическая система анализируется без какой бы то ни было привязки к конкретной стране или культуре — разве что к партийной и избирательной системе. Являясь своеобразным порождением математической экономики, эти исследования в некотором отношении дисциплинируют мышление тех, кто занимается анализом выборов, голосования в парламентах, теорией и практикой партийных коалиций и т.д.

Во второй половине XX в. умножение числа демократических режимов и распространение их по всему миру (как в пределах традиционного Запада — Западной Европы и Северной Америки, так и за его пределами) дало много новой информации для политологов и государственных деятелей.

Исследования послевоенного периода показали, что даже «классическая» западная демократия далеко не так проста и одномерна, как привыкли думать ее ранние теоретики. Демократический режим вполне может сосуществовать с фрагментами более или менее «закрытого», в терминологии К. Поппера, общества, интегрируя их политически, причем демократические государства могут различаться по степени присутствия в них таких фрагментов. В этом тезисе — суть одной из важнейших политологических работ послевоенного периода, книги американских исследователей Габриэла Алмонда и Сиднея Вербы «Гражданская культура»*.

Концепция «гражданской культуры» (*civic culture*) Г. Алмонда и С. Вербы призвана на одном языке, в одной системе категорий описать как «просвещенческую» демократию, которая признается реальной составляющей демократического режима, так и то, что долгое время считалось простым отклонением от нее — шла ли речь о «западном ядре» или о «новых демократиях».

Как напишет сам Алмонд спустя полтора десятилетия после выхода этой знаменитой книги, в качестве ее рабочей гипотезы была принята позаимствованная из идей эпохи Просвещения и либеральной политической теории «рационально-действенная» модель демократического гражданства, или модель успешно действующей демократии, исходящая из посылки, что все граждане вовлечены в

---

* Almond G., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963.

политику и активно участвуют в ней, что их участие предполагает информированность, аналитический и рациональный подход.

В книге же «Гражданская культура» в итоге доказывалось, что подобная рационально-активистская модель — лишь один из компонентов гражданской культуры, но не единственный. Что касается модели гражданства, основанной на идеях участия и рациональности, то из нее, по мысли авторов, невозможно логически вывести стабильное демократическое правительство. Стабильная демократия становится возможной лишь тогда, когда она соединяется с такими в известном смысле своими противоположностями, как пассивность, вера, почтительное отношение к власти и компетентности*.

Реальный исторический фон появления книги Алмонда и Вербы — кризис и гибель итальянской и германской демократий, нестабильность III Республики во Франции в межвоенный период, а в первые послевоенные десятилетия — вновь нестабильность или неукорененность демократии в этих же странах в сочетании со становящейся все более очевидной «инородностью» некоторых западных демократий (Латинская Америка), при постоянном вызове со стороны коммунизма, с одной стороны, и национализма — с другой.

Предлагая свою концепцию «гражданской культуры», Алмонд и Верба отдавали себе отчет в том, что она, по сути, возвращала их к одной из самых старинных идей политической философии, а именно к концепции смешанного правления, в пользу которого высказывались еще Аристотель, Полибий и Цицерон. Затем оно нашло выражение в некоторых ранних теориях разделения властей**.

Речь идет о тех теориях, которые были призваны обосновать интеграцию в единый государственный организм и специализацию в нем, с одной стороны, монархии и аристократии, сакрализованных и иерархизированных, а с другой — представительных учреждений, избираемых «от народа» на основе рационально-правовой процедуры. Такое понимание разделения властей воплотилось, в частности, в структуре английского парламента или, по выражению Джона Локка, «законодательной системы»***: монарх (о том, что он — тоже часть этой системы, сегодня нередко забывают), наследственная верхняя палата лордов и нижняя, демократическая — палата общин.

Идея такого устройства на долгие годы стала характерной для умеренного, «срединного» течения политической философии XVIII—XIX вв. Лишь со временем она трансформировалась в чисто институциональную, как бы годную на все случаи, концепцию *норматив-*

---

* *Ibid.* P. 12.

** Подробнее см.: *Салмин А.* Современная демократия: очерки становления. М.: Ad Marginem, 1997. С. 106—131.

*** *Локк Дж.* Два трактата о правлении//Соч.: В 3 т. М.: Мысль, 1987—1988. Т. 3. С. 392.

ного разделения властей. При этом на практике даже в США, где в конституции именно такая идея разделения властей восторжествовала (хотя и не была эксплицитно провозглашена в ней как «формула!»), в правовом и политическом обиходе давно говорят не о ней, а о системе «сдержек и противовесов» — столь же нормативной, но гораздо более расплывчатой, допускающей различные толкования.

Да и в других современных демократиях разделение властей в классическом смысле выглядит сегодня довольно проблематичным. В условиях, когда победившая партия получает «все» (во всяком случае, в мажоритарных двухпартийных демократиях) — и исполнительную власть, и контроль над законодательной, и (иногда) косвенный контроль даже над некоторыми важнейшими звеньями судебной власти*, — на первый план выходит вопрос о реальном, а не институциональном взаимном уравнивании различных центров власти.

На смену институциональному приходит функционально-прагматический подход. Гарантия работоспособности и стабильности демократических институтов повсеместно видится уже не в разграничении трех основных ветвей власти, а в «сдержках и противовесах», в институционализации «контрвласти» (или «контрвластей»), будь то оформление взаимодействия между большинством и оппозицией, распределение полномочий и ответственности между центральным и региональными (там, где они есть) правительствами или даже любыми местными единицами. В то же время становится очевидным, что проблема стабильности и гарантированности демократии вообще не сводится только к наличным властям как таковым.

Эти власти избираются на основании демократической процедуры, по законам, в основе которых чаще всего лежит формальное понимание разделения властей, восторжествовавшее в XIX в. Отношение к власти, между тем, далеко не всегда, не во всех слоях и группах общества соответствует такому пониманию. Любое общество неоднородно, а национальные сообщества слишком непохожи друг на друга, чтобы можно было забыть о разном восприятии одних и тех же демократических институтов, о различающихся реакциях на них, а также о всевозможных формах использования данных институтов.

Именно на это обстоятельство и обратил пристальное внимание Г. Алмонд еще в середине 50-х годов. Подход его можно, пожалуй, свести к призыву: «Назад к Аристотелю!», но его надо воспринимать в адекватном контексте. Это, конечно, не абсурдное стремление вернуться к античному мыслителю от современности, а всего лишь противопоставление комплексного и сравнительного подхода к политике, ассоциирующегося с именем автора «Политии», подходам тех,

---

* Например, право президента США назначать членов Верховного суда взамен выбывших, что обычно приводит к выдвижению в этот орган представителей «своей» партии.

кто во все времена воспринимал власть по преимуществу нормативно и институционально.

«Ни Полибий, ни Цицерон, — пишет Алмонд, — не выявляют психологических аспектов политики и не принимают во внимание разнообразия политических систем так, как это делают Платон и, в особенности, Аристотель. Аристотель тщательно учитывает психологическую переменную в контексте обсуждения лучшего из реально возможных государственных устройств, представляющего собой соединение олигархии и демократии в обществе, в котором средние классы преобладают: либо в смысле их относительной многочисленности по сравнению с богатыми и бедными, либо, по крайней мере, в смысле достаточности их численности для поддержания равновесия власти. Такая полития, в основе которой лежит сочетание смешанного правления и преобладания среднего класса, вероятно, будет отличаться «равновесием несоединимых составляющих» гражданской культуры: своего рода умеренным политическим участием, внушающим сдержанность политическим вождям и правительственным чиновникам; политической вовлеченностью, не являющейся ни вполне прагматичной, ни чисто эмоциональной; формой включенности в политический процесс, которая, будучи динамичной, подчиняется общепризнанным нормам гражданского единства»*.

Именно так выглядит у Алмонда «возвращение к Аристотелю». Но в равной степени можно сказать, что это, правда, уже в другом контексте, на ином историческом витке, есть возвращение и к ранним, изначальным концепциям разделения властей, к Ш. Монтескье, к тем, кто рассматривал такое «разделение» как способ решения, в частности, политико-культурной, а не только политико-институциональной, как у Дж. Локка, задачи. Не требует, вероятно, специального объяснения, что ни одно из заявленных или сравнительно легко прочитывающихся «возвращений» не является буквальным заимствованием методологии и стиля изложения. Алмонд — политический социолог середины XX столетия, ученик М. Вебера и Т. Парсонса.

Макс Вебер выделяет, как известно, три основных идеальных типа отношений, существующих между властителями и подданными: *традиционный, рационально-правовой и харизматический*. Здесь не место говорить об обоснованности такой классификации, о возможности ее критики с точки зрения историко-генетического подхода. Отметим лишь, что анализ Вебера отнесится ко времени, когда еще сравнительно слабо были развиты ретроспективная политология и сравнительное религиоведение. Так или иначе, веберовская схема позволяла структурировать и классифицировать политические системы с точки зрения определенного типа отношения к власти.

---

* *Almond G., Verba S. The Civic Culture Revisited. P. 13.*

Небесполезно вспомнить, как Вебер описывал выделенные им способы обретения властью законности, тем более, что именно от них отталкивался (но только отталкивался) Алмонд, формулируя идеально-типические особенности своих политических субкультур.

Традиционный способ легитимации власти, по Веберу, это такой, при котором власть воспринимается как обладавшая законностью «всегда», «с незапамятных времен». *Рационально-правовая* власть, главной формой которой является бюрократия, предполагает, что властителю повинуются, поскольку признают правомерность системы законов, обеспечившей его приход к власти и позволяющей ему отправлять власть. Наконец, *харизматическая* власть основывается на вере в вождя, в его сверхчеловеческие качества. Именно к этим типам восходят предложенные Алмондом и Вербой типы политической культуры: «*приходской*», «*подданический*» и «*участнический*»*.

В последние годы критики иногда называют идею политической культуры «псевдоконцепцией»**.

Но, строго говоря, сам Алмонд никогда и не считал ее концепцией как таковой. «Политическая культура — не теория, — пишет он. — Это понятие относится к набору переменных, которые могут быть использованы при создании теорий, но в той мере, в какой оно обозначает набор переменных и облегчает тем самым исследование. Данное понятие сообщает психологическому и субъективному измерениям политики некоторую способность служить объясняющими факторами, равно как и допускает, что существуют такие контекстуальные и предполагаемые им самим переменные, которые могут объяснить его. Способность политической культуры выступать в качестве объясняющей категории является эмпирическим вопросом, открытым для выдвижения гипотез и проверки»***.

Не останавливаясь на критике, высказанной за почти тридцать лет в адрес «Гражданской культуры», отметим лишь одно принципиальное и довольно типичное возражение****.

По мнению Р. Роговски, например, политическая культура — слишком широкое и расплывчатое понятие, чтобы объяснять что бы то ни было. Между социоэкономическими, этническими и религиозными интересами, с одной стороны, и политической структурой — с другой, существуют ясные рациональные отношения, причем рациональное индивидуалистическое объяснение политической структуры представляет собой более экономный вид теории, чем политическая культура*****.

---

* *Almond G., Verba S. The Civic Culture. P. 18.*

** См., напр.: *Hermet G. Sociologie de la construction democratique, 1986. P. 10.*

*** *Almond G., Verba S. The Civic Culture. P. 19.*

**** Ответом на эту критику может в какой-то мере служить книга «Возвращаясь к гражданской культуре», процитированная выше (*Almond G., Verba S. The Civic Culture Revisited.*)

***** *Rogowski R. A Rational Theory of Legitimacy. Princeton (N.Y.), 1976.*

В одной из поздних работ Алмонд вполне резонно, на наш взгляд, ответил на это, что история «по большей части не подтверждает того, что структура политических институтов и их легитимность могут быть объяснены с помощью простых ссылок на рациональный эгоистический интерес. Разумеется, рациональные интересы социальных классов, религиозных и этнических групп — мощный двигатель политических движений и конфликтов, вносящий существенный вклад в те или иные исторические результаты. Однако патриотизм, приверженность своей общине, религиозные ценности, наконец, просто привычки и традиции, очевидно, невозможно исключить из числа факторов, объясняющих политическую структуру и легитимность»*.

Вероятно, идея политической культуры в версии, предложенной Алмондом, и в самом деле практически неуязвима для критики. В конечном счете она призвана лишь наполнить эмпирическим (в том числе статистическим) содержанием те идеально-типические конструкции, которые восходят к Парсонсу и через него — к Веберу, отражая тип мировидения конца XIX — первых десятилетий XX вв. Модель Алмонда фактически есть лишь способ, позволяющий сделать это, а не какая-то самостоятельная идеально-типическая структура. Поисковая модель «гражданской культуры» сделала свое дело, мысли Вебера обрели солидное эмпирическое обеспечение, равно как возможность и далее служить практическим инструментом «понимания» окружающего мира, т.е. его аналитического «освоения»**.

...Аренд Лейпхарт, бесспорно, — исследователь «алмондовского» поколения, воспитанного на идее о том, что демократия не обязательно требует для своего укоренения высокой степени однородности общества с точки зрения ценностей и типов политического поведения. Вместе с тем его книга, опубликованная через десятилетие с небольшим после «Гражданской культуры», принадлежит, в общем, уже иной эпохе***.

Если скрытым, а отчасти и явным стимулом к созданию «Гражданской культуры», ставшей завершением целой серии работ Алмонда, явилась озабоченность судьбой новых демократий Европы и, шире, европейских демократий вообще, то к моменту начала работы над «Демократией в многосоставных обществах» доминирующей темой в обсуждении перспектив современной государственности становится вопрос о ее неукорененности за пределами исторического Запада, а

* Almond G., Verba S. *The Civic Culture Revisited*. P. 20.

** Из «послеалмондовских» исследований политической культуры следует в первую очередь отметить серию работ, выполненных под руководством Р. Инглхарта (особенно работу *Inglehart R. The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Publics*. Princeton (N.Y.). 1977.

*** Срок не слишком большой даже для 50–70-х гг., когда в социологии и политологии очень быстро менялись исследовательские установки и стили в незначительной степени благодаря развитию методики эмпирического анализа.

возможно даже — о чуждости демократической идеи бытийным основам «незападного мира», будь они следствием цивилизационных особенностей или формационного запаздывания.

Лейпхарт не случайно ссылается в своей книге на «знаменитый синдром из семнадцати пунктов» Люсиана Пая, в совокупности определяющих характер политического процесса «незападного типа»*.

Значение модели Л. Пая для развития сравнительной политологии (и не только для нее) в самом деле велико, и не столько потому, что конкретное западное общество может быть адекватно описано с ее помощью, сколько в связи с невозможностью для любого компаративиста не отнестись как-то к этой модели, с которой он чаще всего встречается в чьем-то изложении. Отчасти это связано с вызывающей «несовременностью» самого способа концептуализации постулатов Л. Пая.

Обобщив бытующие в науке дорациональные представления и эмпирические наблюдения, Л. Пай создал «идеальный тип» в духе М. Вебера, и этот тип выражает определенный уровень постижения проблемы своеобразия Запада на языке своей эпохи, продолжающейся до тех пор, пока сохраняет целостность и коммуникативность этот язык. Любопытно, что статья Пая, озаглавленная «Незападный политический процесс», практически и состоит лишь из упомянутых семнадцати пунктов с небольшими комментариями к каждому. В комментариях разъясняется содержание тезисов, но никак не обосновывается их происхождение — ни в смысле предыстории, ни с точки зрения логической связи с остальными.

Вот эти тезисы:

1. В западных обществах сфера политики не отделена резко от областей общественных и личных отношений.
2. Политические партии склонны претендовать на выражение мировоззрения и представляют образ жизни.
3. Политический процесс отличается преобладанием клики.
4. Характер политических ориентаций предполагает, что руководству политических группировок принадлежит значительная свобода в определении стратегии и тактики.
5. Оппозиционные партии и стремящиеся к власти элиты часто выступают в качестве революционных движений.
6. Политический процесс характеризуется отсутствием интеграции среди участников, что является следствием отсутствия в обществе единой коммуникационной системы.
7. Политический процесс отличается значительными масштабами рекрутирования новых элементов для исполнения политических ролей.
8. Для политического процесса типично резкое различие в политических ориентациях поколений.
9. Западные общества отличаются незначительностью консенсуса в отношении узаконенных целей и средств политического действия.
10. Интенсивность и широта политической дискуссии мало связаны

---

* См.: с. 51 настоящей книги.

с принятием политических решений. 11. Отличительной чертой политического процесса является высокая степень совмещения и взаимозаменяемости ролей. 12. В политическом процессе невелика значимость явным образом организованных групп интересов, играющих функционально-специализированные роли. 13. Национальное руководство вынуждено апеллировать к недифференцированной обществу. 14. Неструктурированный характер незападного политического процесса вынуждает лидеров придерживаться более определенных взглядов во внешней, а не во внутренней политике. 15. Эмоциональные и символические аспекты политики оттесняют на второй план поиски решений конкретных вопросов и общих проблем. 16. Велика роль харизматических лидеров. 17. Политический процесс обходится в основном без участия политических «брокеров».

Если попытаться определить гносеологический статус «зеркала Пая», то его можно, наверное, интерпретировать как авторскую версию считающихся общепринятыми правил политической игры, нормативно ориентированных на «избегание тирании» средствами «правового государства» (в терминах К. Поппера). Нельзя сказать, что круг проблем, очерченный Л. Паем, чужд Г. Алмонду и С. Вербе, благо, «синдром» формулируется практически одновременно с работами Алмонда, в которых впервые намечаются подходы к будущей «Гражданской культуре».

Специфика «незападного» типа политики отнюдь не является для них тайной, и важным теоретическим достижением двух авторов как раз является то, что они обнаруживают «не-Запад» не где-нибудь, а внутри самого Запада, в виде определенного культурного «кода», который обуславливает практические ориентации и поведение большего или меньшего (это зависит от конкретного общества), но всегда значительного его сегмента. Во всяком случае, достаточно значительного, чтобы его интеграция в демократическую систему стала необходимым условием стабильности последней. Более того, ориентации, которые нельзя назвать типично (по сути — односторонне) «западными», обнаруживаются даже у части тех, чье поведение в общем и целом соответствует стандарту.

И все же у Алмонда и Вербы в принципе доминирует «модернизаторский» (в смысле известной «теории модернизации») подход к становлению гражданской культуры, особенно заметный в последней главе их книги «Гражданская культура и стабильность демократии».

Это не примитивное «модернизаторство», под которым понимается превращение традиционной культуры сразу в современную, необходимую, как представлялось и представляется многим по сей день, предпосылку демократического режима. Речь идет об использовании индустриализации и образования в качестве средств, помогающих создать именно гражданскую культуру, т.е. синтезирующую субкультуры, а не просто современную, являющуюся лишь одной из этих

субкультур. Однако пафос работы Алмонда и Вербы — в ориентации в будущее, пусть даже модернизаторский оптимизм скорректирован некоторым скепсисом или, по крайней мере, осторожностью.

Пафос книги Аренда Лейпхарта иной. Если попытаться выделить ее квинтэссенцию как исследования сравнительного, то в ней явно и неявно выражена мысль о том, что демократия как политический строй более или менее нейтральна по отношению к «западности» или «незападности» своего субстрата.

То, что мы обычно называем «современной демократией», есть лишь одна из ее разновидностей, получившая преимущественное развитие сначала в англосаксонских странах, и в первую очередь, разумеется, в Британии, а затем в крупнейших демократиях, относящихся к иным этнокультурным общностям Европы. Но есть и другой тип, не столь заметный, не сразу обративший на себя внимание исследователей, долгое время считавших его какой-то «переходной формой», частным случаем политического режима, условно говоря, британского, французского или американского типа, или же структурой, пригодной лишь для особых, всякий раз уникальных условий. И именно он во многом обесмысливает противопоставление «Запада» «не-Западу», поскольку едва ли не одинаково успешно в одних случаях, и одинаково безуспешно в других функционирует и здесь, и там.

Этот тип — *сообщественная демократия в многосоставных обществах* — особая форма устройства, предполагающая такое организованное взаимодействие основных «единиц» (этнических, религиозных или культурных общностей, составляющих политику), при котором ни одна из них не оказывается в течение длительного времени в состоянии, могущем быть расцененным как изоляция. Аренд Лейпхарт устанавливает, что многосоставность обществ — не такая уж редкость, чтобы считать ее исключением из правил. Предпочтение в пользу однородности государства связано, скорее, с идеологическими соображениями, чем с действительной значимостью и распространенностью такого рода политий.

Правда, предпочтение, отдаваемое гомогенным обществам, Лейпхарт почему-то связывает с суждением Аристотеля, констатировавшего, что государство стремится, насколько возможно, быть обществом, состоящим из одинаковых и равных (см. с. 35). Но никто иной, как Аристотель, наряду с этим писал, что «государство при постоянно усиливающемся единстве перестает быть государством. Ведь по своей природе государство представляется неким множеством. Если же оно стремится к единству, то в таком случае из государства образуется семья, а из семьи — отдельный человек: семья, как всякий согласится, отличается большим единством, нежели государство, а один человек — нежели семья. Таким образом, если бы кто-нибудь и оказался в состоянии осуществить это, то все же

этого не следовало бы делать, так как он тогда уничтожил бы государство». И далее: «Государство не может быть по своей природе до такой степени единым, как того требуют некоторые...»*

Строго говоря, и в первом (приведенном Лейпхартом), и во втором случае Аристотель пишет не о *многосоставности* общества, а всего лишь о его *органической сложности*. Однако многосоставность, особенно уходящая корнями в историю, без особого труда может быть истолкована как разновидность этой сложности, ее частный случай. Так или иначе, мысль Аристотеля глубже, чем та односторонняя трактовка, которая, как полагает Лейпхарт, укоренилась в политологии.

Это попутно. Действительно важна отмечаемая Лейпхартом связь между модернизационной теорией и идеей национальной интеграции (например, у «раннего» С. Хантингтона). Восходящая к А. Гамильтону и Дж. С. Миллю (а не Аристотелю) мысль о том, что демократический режим в многосоставном обществе маловероятен, если вообще возможен, связана как раз с тем представлением, опровергнуть которое стремились Алмонд и Верба, — с идеей абсолютной рациональности и «прозрачности» демократии**.

С просвещенческой точки зрения любые «иррациональные» общности, будь то основанные на единстве веры, языка или ценностей, изначально, по определению, инородны идее свободы, понимаемой как абсолютная свобода индивида от всего, что не основано на разуме. Алмонд и Верба исследуют реальную многосоставность «рациональной» демократии на уровне культуры, т.е. фактически на уровне отношений к существующим политическим институтам.

Лейпхарт делает следующий шаг: он выявляет демократические сообщества, чья многосоставность закреплена в самих институтах. Идея смешанного правления вновь возвращается в политическую науку, притом в ее институционалистское течение. Это, конечно, специфическое смешанное правление — горизонтально, а не вертикально организованное, но все же, пожалуй, смешанное в самом глубоком, сокровенном смысле: оно соединяет в одном государстве, на этот раз демократическом, людей, разделенных разным происхождением и, следовательно, разным мировидением (даже если разница определяется «только» языком).

Более того, тщательный анализ демократии как реальной формы правления по сути приводит Лейпхарта к парадоксальной мысли о том (неясно, правда, готов ли он сам сделать все выводы из нее),

---

* Аристотель. Указ. соч. С. 404, 405.

** И А. Гамильтон, и Дж. С. Милль требовали, каждый по-своему, от демократии «единства языка» (см.: *The Federalist Papers: Alexander Hamilton, James Madison, John Jay*. No 12. N.Y.: Penguin, 1961. P. 94.; *Mill J.S. Considerations on Representative Government*. N.Y.: Liberal Arts Press, 1958. P. 230.

что в наибольшей степени отвечающая объективной многосоставности общества сообщественность как форма его политической организации — явление более широкое, чем круг явно многосоставных обществ. Да и смысл самого понятия «многосоставность», первоначально преимущественно ограниченный плюральностью языков, этносов и религий, постепенно начинает расширяться. Это происходит, по крайней мере, в тот момент, когда к числу многосоставных начинают причисляться общества, в состав которых входят религиозная (католическая) и светская субкультуры.

После всего сказанного остается, правда, вопрос: а не нужно ли еще последовательнее установить связь между многосоставностью политики и смешанностью правления, рассматривая первое и второе в неразрывном единстве и не ограничиваясь всякий раз фиксацией лишь самого верхнего, хотя и самого очевидного, слоя — той группы (или, чаще, пары) общностей, которые наиболее явным, институционально закрепленным способом организуются в общественное устройство. И не является ли (хотя бы отчасти) сохраняющаяся, пусть редуцированная, «смешанность» правления неявной подпоркой явной сообщественности, как, впрочем, и явной мажоритарности — двух конкурирующих принципов, утвердившихся в разных группах демократий?

Все это, впрочем, вопросы для теоретического размышления и для будущего эмпирического анализа.

Книга А. Лейпхарта практически полезна для российских политологов и политиков. Не в том, конечно, смысле, что его наблюдения и рекомендации, относящиеся к 60–70-м годам и к странам, весьма непохожим на Россию, можно рассматривать как конкретные рецепты переустройства нашей государственности. Надо отметить, что единственный совет самого профессора Лейпхарта, прямо относящийся к России и содержащийся в предисловии, любезно написанном им специально для нашего издания, выглядит не очень убедительно. В самом деле, при дедуктивном выведении мысли о предпочтительности для сегодняшней Российской Федерации пропорциональной избирательной системы из общей — и в основе своей верной — идеи соответствия друг другу сообщественности и пропорциональности представительства как двух принципов самоорганизации многосоставных обществ, теряются кое-какие немаловажные детали. Например, то обстоятельство, что в сегодняшней России партии как структуры, обеспечивающие вертикальную интеграцию общества, по сути еще не сложились.

Избиратели в этих условиях голосуют за имена, а не за программы, и если применяется пропорциональная избирательная система, то в лучшем случае за первые два-три имени в списке. Выбирая их, избиратели получают в нагрузку к популярным политикам и большее или меньшее число других, иногда никому не известных.

В принципе же у «партий московского Садового кольца» не появится стимула систематически работать в провинции. Стимулом могла бы служить скорее как раз мажоритарная избирательная система, вынуждающая кандидатов создавать организации в округах (или использовать существующие), одновременно консолидируясь на общенациональном уровне.

Кроме того, в том же предисловии Лейпхарт признает, что индийская демократия является по сути общественной — предположение, которое он прежде исключал. В Индии, однако, всегда использовалась мажоритарная избирательная система с голосованием в один тур (*the First Past the Post System*) — и никакая иная...

Некоторые аспекты работы А. Лейпхарта подвергаются сегодня критике — более или менее справедливой. Так, один из ведущих специалистов в области теории межэтнических отношений, профессор университета Дж. Б. Дьюка Доналд Л. Хоровиц, суммируя, очевидно, разнообразные претензии к теории Лейпхарта, пишет: «Лишь немногие государства за пределами Западной Европы пошли по этому (общественному. — А.С.) пути, а некоторые, принужденные так поступить (Кипр, к примеру), быстро свернули с него. Существует несколько очевидных и менее очевидных причин непопулярности раздробления суверенной власти в разделенных обществах. Всякому понятно, что у тех, кто обладает всей полнотой государственной власти, нет ни малейшего стимула ни с того ни с сего отдавать кому-то ее значительную часть. Мотив, о котором чаще всего вспоминают в соответствующей связи, — понимание лидерами опасности взаимного уничтожения — связан с временными рамками, редко принимаемыми в расчет политиками. И уж во всяком случае, им не бывает ясно с самого начала, что разрушительный конфликт не может быть наиболее эффективно подавлен с помощью той же самой системы, которая позволяет сохранять власть в их руках. Более того, чувства вождя и их последователей в разделенных обществах едва ли располагают их к тому, что выглядит как уступки другой стороне. Если же говорить о государственных деятелях, то предположение, будто элиты неизменно менее этноцентричны, чем те, кто их поддерживает, лишено какого бы то ни было основания. Данные большинства исследований не показывают, что лидеры менее этноцентричны, чем их сторонники, а некоторые свидетельствуют о том, что в действительности этноцентризм возрастает с образованием»*.

Вывод, к которому приходит Д. Л. Хоровиц, звучит не слишком вдохновляюще для сторонников общественных механизмов: «Практика неоднократно свидетельствовала о том, что независимо от

---

* *Horowitz D.L. Self-Determination: Politics, Philosophy, and Law. — In: Ethnicity and Group Rights. Ed. by I. Shapiro, W. Kymlicka. New York University Press, New York and London, 1997. P. 439.*

убеждений лидеров, когда они стремились к компромиссу, коридор их возможностей в вопросах этнической композиции власти в разделенных обществах оказывался чрезвычайно узким. Сторонники компромисса слишком легко оттесняются экстремистами, как только последние начинают утверждать, что имеет место предательство групповых интересов. Короче говоря, нет такого механизма, который позволил бы принять или сохранить общественные институты, особенно в области электоральной политики*.

При всей справедливости этих наблюдений они, пожалуй, скорее удачно корректируют некоторые положения концепции А. Лейпхарта, чем опровергают ее в целом. Действительно, трудно ожидать, что общественные механизмы, требующие некоего исходного консенсуса, будут легко приняты противоборствующими сторонами при росте напряженности в межгрупповых отношениях, не говоря уже о ситуации острого конфликта. Но из этого не следует, что они будут отвергнуты с порога в относительно спокойной обстановке, под прямыми или косвенным давлением международного сообщества, которое сегодня обычно так или иначе вмешивается в подобные конфликты, и особенно когда конфликт заводит участников в тупик, исчерпывает себя и наступает время подведения неутешительных итогов и поиска политических решений. Рекомендация Хоровитца ориентироваться скорее на интересы групповых элит, чем на их миролюбивые чувства и на институты, в том числе — различные специально сконструированные типы избирательных систем**, в этом контексте выглядит как развитие лейпхартовских идей, их технологическое применение к политическим реальностям.

Русский читатель — политолог и политик — может увидеть в зеркале концепции А. Лейпхарта такие не бросающиеся в глаза явления в реальной жизни России, ее прошлом и настоящем, на которые он, возможно, раньше не обращал внимания или не вполне представлял себе их универсального смысла.

Поиск межгруппового согласия — одна из нитей отечественной политической истории, заметная в имперский период и не прерывавшаяся даже в советский, когда, казалось бы, режим мог обходиться и без «соучастия во власти» кого бы то ни было. Тем не менее, определенная «национальная политика» существовала и в тот период, и у нее были свои скрытые успехи и тщательно, но безуспешно скрывавшиеся провалы. И те, и другие заслуживают сегодня серьезного анализа, во всяком случае, они не должны отметаться как что-то совершенно несущественное.

---

* *Ibid.* P. 440.

** *Ibid.* P. 440. См. также: *Horowitz D.L. A Democratic South Africa? Constitutional Engineering in a Divided Society.* Berkeley: University of California Press, 1991.

В сегодняшней политической практике тоже можно обнаружить явления, поддающиеся описанию в терминах, предложенных Лейпхартом: достаточно вспомнить хотя бы страсти, кипевшие недавно вокруг закона «О свободе совести и религиозных объединениях», а также в связи с отсутствием графы «национальность» в новом российском паспорте. Речь в данном случае идет, конечно, не о сложившейся модели политического процесса, а о его типе, еще не обретшем сколько-нибудь завершенной формы. Между тем в ряде республик Российской Федерации влияние организованных групп, сложившихся на конфессиональной или этнической основе, на политический, в том числе законодательный, процесс уже вполне ощутимо.

...С концепцией Лейпхарта можно и нужно спорить, но поднятые им проблемы невозможно обойти при анализе и прогнозе развития межгрупповых конфликтов в различных частях России, СНГ, в других частях мира. Хотелось бы надеяться, что «Демократия в многосоставных обществах» найдет в России не просто благодарного, но и творческого читателя, настроенного на решение проблем российской государственности с помощью всех средств, которыми располагает современная политическая наука, готового применять их гибко и, в случае необходимости, развивать.

Салмин А. М.,
профессор,
Москва, ноябрь 1997 г.

Предисловие к русскому изданию книги

Демократия в многосоставных обществах:

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Я рад, что моя книга *«Демократия в многосоставных обществах»* переведена на русский язык и таким образом станет доступной русскоязычным читателям. Ранее она уже переводилась на арабский, японский, испанский и хорватский языки. Впервые на английском языке книга была издана в 1977 г. — ровно двадцать лет назад и до сих пор регулярно переиздается.

Главной причиной подобного долголетия книги я считаю то, что ее основные положения для 90-х годов и для следующего века оказались даже более актуальными, чем для 70-х. Еще при написании книги я предвидел исключительно важную роль этнических и других различий как источника конфликтов в обществе и указывал на настоятельную необходимость создания демократических институтов, которые могли бы сделать такие конфликты управляемыми. В 70-х и 80-х годах подобные конфликты затенялись глобальным противостоянием эпохи холодной войны. Однако с ее окончанием этнические и иные противоречия стали основными источниками конфликтов в мире. Данные перемены совпали с мощной тенденцией демократизации. Это означает, что вопрос о том, как совместить демократию с глубокими внутренними различиями в обществе, стал главным вызовом в сегодняшнем мире.

Я считаю, что со времени первой публикации (двадцать лет назад) моя книга нисколько не утратила актуальности. Хочу также отметить, что продолжал активно писать по этой теме: в свет вышел целый ряд статей в научных журналах и сборниках работ, а также книга *«Разделение власти в Южно-Африканской Республике»* (издана Институтом международных отношений Калифорнийского университета в Беркли; 1985 г.). Я написал ее, когда у власти в ЮАР еще находилось белое меньшинство, и преследовал при этом две цели. Во-первых, я доказывал, что лучшим способом демократизации в многосоставном*

---

* В настоящее время в переводной и отечественной литературе все чаще встречается термин «плюралистическое общество», соответствующий английскому «plural society». В ряде изданий употребляются в качестве синонимов и термины

южноафриканском обществе является принятие общественной* формы демократии, и во-вторых, я сформулировал конкретные рекомендации относительно форм общественных институтов и правил, которые, по моему мнению, в наибольшей степени соответствовали условиям этой страны. С большим удовлетворением я отметил, что принятая в 1994 г. временная конституция во многом реализовала положения основного закона, который предложил я.

Во всех последующих работах я не изменил отношения к основным идеям теории общности, но несколько скорректировал акценты и детали, о чем и скажу далее. Самые важные перемены по сравнению с 1977 г. произошли в конкретных общественных демократиях, которые рассматривались в книге *«Демократия в многосоставных обществах»*. Многие изменились в таких странах, как Бельгия, Ливан, Малайзия. Появились новые общественные демократии в Чехо-Словакии** и ЮАР. Пожалуй, главное изменение в моих теоретических взглядах состоит в том, что я пришел к такому выводу: Индия следует считать общественной демократией, а поскольку Индия является крупнейшей из демократических стран с населением, приближающимся к миллиарду человек, то такое уточнение представляется весьма важным. Далее я дам более подробный комментарий к этому и некоторым другим примерам.

РАЗВИТИЕ ТЕОРИИ

Во 2-й главе книги *«Демократия в многосоставных обществах»* я определил общественную демократию, указав ее четыре главных признака, и по-прежнему считаю, что они в наибольшей степени

«неоднородное общество», «внутренне разделенное общество» и др. В данном случае, дабы не нарушать традицию, сложившуюся при переводе фрагментов из трудов А. Лейпхарта, в том числе и из настоящей работы, сохранен термин «многосоставное общество». (Прим. ред.)

* Понятие «общественность», от которого образовано слово «общественный», производно от слова «общество» (consociation), достаточно распространенного в научной литературе (известно, например, что еще Дж. Локк размышлял о религиозном сообществе). Сегодня оно широко употребляется не только в политической науке, но и в политической практике («мировое сообщество», «региональное сообщество», например, «Европейское экономическое сообщество» — ЕЭС; «локальное сообщество», в том числе в рамках отдельных государств, и т.п.), отражая вполне конкретные реалии современной политической жизни. В Новом англо-русском словаре (авт.: проф. В.К. Мюллер и др. М., 1996. С. 146) английское слово «consociation» переводится как «объединение», поэтому понятие «общественность» в тексте данной книги буквально означает «объединенность — на определенных принципах — различных общностей (по терминологии А. Лейпхарта — «сегментов») в рамках сообщества». (Прим. ред.)

** Речь идет о Чехо-Словакии до 1993 г. (Прим. ред.)

характеризуют эту форму демократии. Однако теперь я обычно подразделяю их на два **главных** и два **вспомогательных** признака. Главные признаки — большая коалиция и автономия сегментов*, поскольку именно они максимизируют влияние каждого сегмента в процессе принятия решений двумя путями: путем участия наряду с другими сегментами в решениях по общим вопросам и утверждения исключительного права принимать решения по проблемам, для которых общего согласия не требуется. Признаки вспомогательные, но значительно усиливающие действие главных, — это пропорциональность и право вето. Кроме того, я пришел к выводу, что право меньшинства на вето оказывается наиболее действенным тогда, когда оно ограничено вопросами культурных, религиозных и лингвистических (языковых) прав и автономии и имеет неформальный и гибкий характер, но не является (как на Кипре) всеобъемлющим и не закрепляется в конституции. Что же касается недостатков общественной демократии, то сейчас я считаю гораздо менее необходимым доказывать, что она не есть «второсортный» вариант демократии. Я совершенно согласен с точкой зрения сэра Артура Льюиса (которого я многократно цитирую в 5-й главе книги), что принцип полноценного политического участия гораздо важнее, чем принципы правления большинства и наличия сильной политической оппозиции. Более того, было бы совершенно неправильно противопоставлять «элитарный» характер общественной демократии «общенародному» характеру мажоритарной демократии. Во всех демократиях элиты в значительной мере доминируют, и главное различие между общественной и мажоритарной демократиями заключается не в степени этого доминирования, а в том, насколько элиты ориентированы на сотрудничество, или, напротив, на конкуренцию друг с другом.

В 3-й главе я сформулировал девять «вторичных» условий, благоприятных для установления и функционирования общественной демократии. Ныне я пришел к выводу, что два из этих девяти условий имеют наибольшее значение, а именно: (1) отсутствие такого сегмента, который представлял бы собой абсолютное большинство, и (2) отсутствие значимого социально-экономического неравенства между сегментами. Остальные семь благоприятных условий не столь принципиальны, хотя, разумеется, они сохраняют известное значение. К ним относятся: (3) примерно одинаковые размеры сегментов (численность групп), что позволяет обеспечить равновесие сил между ними; (4) ограниченность числа групп, дабы переговоры между ними не превратились в слишком сложный процесс; (5) относительно

---

* Под сегментами автор понимает некие совокупности индивидов, представляющие собой организованные или неорганизованные группы, которые различаются по языковым (лингвистическим), религиозным, этническим и т.п. признакам, исповедуют разные взгляды и имеют разные интересы. (Прим. ред.)

небольшой размер страны, что упрощает процесс принятия решений; (6) наличие внешней опасности, способствующей усилению внутреннего единства; (7) наличие общих, единых для всех сегментов общества ориентаций, смягчающих ориентации отдельных его сегментов; (8) компактное проживание групп населения, составляющих сегменты, что позволяет при необходимости прибегать к федерализму как форме обеспечения их автономии; (9) наличие исторических традиций достижения компромисса и согласия.

В заключительной 7-й главе я подчеркнул, что президентское правление и мажоритарную избирательную систему нельзя считать абсолютно несовместимыми с общественной демократией, но гораздо более предпочтительны для нее парламентское правление с коллегиальным органом во главе исполнительной власти и пропорциональная избирательная система. В более поздних работах я высказывался по указанным двум вопросам еще категоричнее. Из этого, в частности, следует, что для чрезвычайно неоднородного российского общества я рекомендовал бы парламентское правление и пропорциональное представительство, а не сильную президентскую власть и крайне диспропорциональную избирательную систему, которые были введены в демократической России.

Наконец, я хотел бы отметить, что многим моим читателям не понравились термины *consociation* («сообщественность») и *consociational* («сообщественный»), — они казались им слишком длинными и трудными для произношения. По этой причине я стал чаще использовать другой термин — *power-sharing* (совместная власть, соучастие в отправлении власти), не внося, однако, при этом никаких изменений в его смысл: оба этих термина являются синонимами.

НОВЫЕ СООБЩЕСТВЕННЫЕ ДЕМОКРАТИИ

Новый демократический режим, установленный в 1989 г. в Чехо-Словакии, т.е. в этнически неоднородном многосоставном обществе, стал почти хрестоматийным примером общественной демократии: (1) он управлялся кабинетом широкой коалиции с участием представителей как чешского большинства, так и словацкого меньшинства; (2) государство имело федеративное устройство и включало в себя автономные республики — Чешскую и Словацкую — с собственными правительствами; (3) избирательная система была строго пропорциональна, единственным правилом, допускавшим отклонение от нее, был установленный пятипроцентный барьер (однако на выборах 1990 г. никаких существенных нарушений пропорциональности не произошло); (4) в конституцию было заложено право вето в форме положения, предусматривающего, что и конституционные поправки, и иные существенные законодательные акты не только

должны были приниматься квалифицированным большинством всех законодателей, но и требовали большинства и чешских, и словацких депутатов верхней палаты, голосовавших раздельно. Такая общественная система оказалась недолговечной — в 1993 г. страна была разделена. Таким образом, совершенно очевидно, что общественная система в Чехо-Словакии не сработала. Однако следует отметить два момента. Во-первых, если бы раздела не произошло, то только общественная система могла бы обеспечить мирное сосуществование чехов и словаков, и совершенно невозможно себе представить, чтобы лучшие результаты могла дать мажоритарная система. Во-вторых, сама по себе общественная система заслуживает хотя бы некоторой похвалы уже за то, что раздел страны имел ненасильственный и мирный характер.

В ЮАР процесс демократизации начался в 1990 г., когда были отменены запреты на деятельность Африканского национального конгресса (АНК) и других освободительных движений, а Нельсон Мандела и другие лидеры были выпущены из тюрем или вернулись из изгнания. Последовавшие за этим переговоры между лидерами всех влиятельных политических сил ознаменовались принятием в 1994 г. временной конституции, которая имела сугубо общественный характер: (1) конституция устанавливала, что все партии, получившие более 5% мест в Национальном собрании, имеют право войти в правительство; и действительно, после выборов 1994 г. был сформирован кабинет министров большой коалиции с участием Африканского национального конгресса, Национальной партии (НП)* и партии Инката**;

(2) автономия в области образования была гарантирована конституционным положением, предусматривавшим право культурных, религиозных и лингвистических (языковых) групп на создание собственных школ и управление ими, поскольку подразумевалось, что такая школьная система будет полностью финансироваться государством; (3) все выборы проводились по пропорциональной системе, и первое Национальное собрание было избрано с почти совершенным соблюдением пропорциональности; (4) право меньшинства на вето было сформулировано в виде требования большинства в две трети голосов для внесения конституционных поправок, и что еще более важно, в форме запрета на пересмотр таких основополагающих положений, как пропорциональное представительство и автономность систем образования даже квалифицированным большинством. В постоянной конституции, которая была принята в 1996 г. и должна вступить в силу в 1999 г., некоторые из этих положений

---

* Национальная партия — крупнейшая партия белого населения ЮАР, находившаяся у власти с 1948 по 1994 гг. (Прим. пер.)

** Крупнейшая партия зулусского населения ЮАР. (Прим. пер.)

были ослаблены. В частности, новая конституция уже не содержит положения о создании кабинетов министров большой коалиции. Следует отметить, что в 1996 г. Национальная партия добровольно вышла из правительства. Однако весьма вероятно, что на неформальной основе и в будущем будут формироваться кабинеты министров, отвечающие принципу большой коалиции или с участием не всех, но нескольких — ведущих — политических партий. Я решился бы предсказать, что в ЮАР в общих чертах сохранится общественный строй.

В 6-й и 7-й главах книги *«Демократия в многосоставных обществах»* я отмечал, что индийской демократии присущи многие общественные черты, но все же называл Индию «несообщественной». Однако продолжительное пребывание в Дели в 1993 г. заставило меня убедиться в полной ошибочности такого взгляда и необходимости совершенно иного подхода. На протяжении пятидесяти лет после достижения независимости в 1947 г. (за исключением краткого перерыва 1975–1977 гг., когда власть осуществлялась авторитарными методами) Индия была и остается поныне совершенно и полностью общественным государством: (1) индийские кабинеты министров представляли собой большие коалиции благодаря тому, что партия Индийский национальный конгресс (ИНК) опиралась на максимально широкий спектр политических сил: в состав кабинета входили министры, принадлежавшие ко всем основным религиозным, лингвистическим (языковым) и региональным сегментам индийского общества; (2) автономия сегментов проявлялась в трех формах: в форме федеративной системы, в которой границы штатов в основном совпадали с границами лингвистических (языковых) групп, в форме права религиозных и лингвистических (языковых) меньшинств создавать и контролировать собственные школы и, наконец, в форме специальных законов о гражданском состоянии для религиозных меньшинств (подобных аналогичным законам в Ливане и на Кипре); (3) несмотря на мажоритарную избирательную систему пропорциональность достигается благодаря компактному проживанию лингвистических (языковых) групп, наличию гарантированных мест в парламенте для представителей касты неприкасаемых, специальных квот в государственном аппарате и университетах для выходцев из непривилегированных групп, а также благодаря упоминавшейся широкой общественной основе ИНК; (4) неформально существует и право меньшинства на вето, которое, в частности, позволило мусульманскому меньшинству сохранить особые законы о гражданском состоянии, а лингвистическим (языковым) меньшинствам — предотвратить придание языку хинди статуса единственного официального языка. Поскольку, как уже указывалось, Индия — страна с населением, приближающимся к одной пятой всех жителей Земли, постольку констатация общественного характера индийской демократии представляется весьма важной.

РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ В ДРУГИХ СООБЩЕСТВЕННЫХ ДЕМОКРАТИЯХ

Бельгия

Бельгийцы продолжали укреплять общественную демократию для того, чтобы справиться с проблемами лингвистических (языковых) различий и расколов между франкофонами и фламандцами. Принятая в 1993 г. поправка к конституции официально превратила страну в федерацию лингвистических (языковых) общностей.

Ливан

Сообщественная демократия в Ливане пала в результате гражданской войны, разразившейся в 1975 г. Однако она была восстановлена Таифскими соглашениями 1989 г., с принятием которых были исправлены отдельные недостатки изначальной общественной системы, в частности, было снято жесткое соотношение 6:5 между христианами и мусульманами в парламенте, давшее христианским конфессиям преимущество даже при том, что мусульмане со временем составили большинство населения, и постоянное закрепление высшего политического поста — президента страны — за христианином-маронитом (см. 5-ю главу книги *«Демократия в многосоставных обществах»*). В Таифе соотношение 6:5 было заменено равным парламентским представительством христиан и мусульман, а объем полномочий премьер-министра, представляющего мусульман-суннитов, был расширен с целью практически уравновесить полномочия президента.

Малайзия

В 5-й главе я писал, что после периода авторитарного правления в 1969—1971 гг. политическая система в Малайзии не может называться ни вполне общественной, ни вполне демократической. События, произошедшие после публикации книги в 1977 г., подтвердили правильность такой оценки. Доминирование малайцев в правительстве еще более усилилось, честной и свободной конкуренции на выборах власти не допускают. Однако следует отметить, что представители китайской и индийской общин по-прежнему входят в правительство и нет фактов, свидетельствующих о прямом подавлении этих меньшинств.

Кипр

На Кипре общественная демократия действовала в течение весьма короткого промежутка времени (с 1960 по 1963 гг.), а надежды на ее восстановление кажутся навеки утраченными после турецкого втор-

жения в 1974 г. и последовавшего за этим раздела страны на южное государство греков-киприотов и северное государство турок-киприотов. Тем не менее, с 1985 г. генеральный секретарь ООН Хавьер Перес де Куэльяр и сменивший его на этом посту Бутрос Бутрос Гали неоднократно выступали с предложениями по воссоединению Кипра, и их предложения имели поразительное сходство с общественными положениями конституции 1960 г. Данное обстоятельство свидетельствует об осознании ими того факта, что даже при неудачном опыте общенациональности этот тип политической системы все же остается единственной надеждой на успешное преодоление кризиса.

Колумбия

Во 2-й главе книги я утверждал, что в 1958—1974 гг. колумбийская система смены на посту президента поочередно представителей либералов и консерваторов, а также равное представительство обеих партий в кабинете министров и парламенте имели сходство с общественной моделью, хотя Колумбию нельзя считать многосоставным обществом. Однако специалисты по Колумбии убедили меня, что либералы и консерваторы — не просто политические партии, а политические организации двух отчетливо проявляющих себя сегментов общества. Это означает, что Колумбия все же должна быть отнесена к числу общественных демократий. Соглашение, которым устанавливалась такая система, утратило силу в 1974 г., однако в колумбийское правительство по-прежнему входят министры, принадлежащие как к президентской, так и ко второй по величине партии страны.

Суринам

Оптимизм, выраженный мною в 6-й главе книги по поводу восстановления большой коалиции с участием креолов и индейцев в правительстве Суринама, оказался необоснованным. Напротив, демократическое развитие было прервано военным переворотом 1980 г., за которым последовало установление жесткого военного режима. Важно отметить, однако, что падение демократии в Суринаме в 1980 г. означало провал не общественной демократии, а «мажоритарного режима», правившего страной с 1973 по 1980 гг.

Нидерландские Антильские острова

В 6-й главе я описывал жесткое противостояние островов Кюрасао и Аруба, а также отмечал постоянную угрозу выхода Арубы из состава единого государства. Такое предсказание оказалось правильным: в 1986 г. Аруба вышла из состава Нидерландских Антилл. Разумеется, это означает, что в конечном счете общественная система

в данной стране не сработала. Но вместе с тем следует отметить, что, как и в чехословацком варианте, именно общественность позволила превратить выделение Арубы в согласованный и мирный процесс.

Канада

Сходное развитие событий может иметь место и в Канаде. В 4-й главе я называю Канаду «наполовину общественным» государством, однако после 1977 г. степень общественности в этой стране возросла благодаря большей автономии, завоеванной канадскими провинциями, особенно Квебеком. Тем не менее, по-прежнему не исключена вероятность выхода Квебека из состава Канады. На референдуме о независимости идея отделения была забаллотирована лишь незначительным большинством квебекских избирателей. Но если Квебек все же выйдет из состава Федерации, то этот процесс скорее всего будет иметь мирный характер.

Северная Ирландия

В заключение скажу несколько слов о Северной Ирландии. После непродолжительного эксперимента с общественным правительством в 1974 г. (4-я глава) установление общественности в этой части Соединенного Королевства оказалось невозможным. Однако английское правительство пошло на введение в Северной Ирландии пропорциональной избирательной системы, а в 1992 г. ввело полную автономию в сфере образования. Более того, правительство Великобритании по-прежнему считает, что общественность является единственным возможным и приемлемым вариантом выхода из кризиса. В позднейшем развернутом проекте урегулирования, опубликованном в 1995 г., оно вновь высказалось за правительство широкой коалиции с участием католиков и протестантов и за введение права вето для католического меньшинства.

По моему глубокому личному убеждению, сформировавшемуся во время работы над книгой *«Демократия в многосоставных обществах»* и в процессе анализа описанных выше изменений, общественная демократия остается *наиболее перспективной* формой демократии для многосоставных обществ, и *единственно возможной* формой демократии для обществ, отличающихся крайне высокой степенью многосоставности.

Аренд Лейнхарт

Ла-Джолла, Калифорния
апрель 1997 г.

Многосоставные общества и демократические режимы

В многосоставном обществе трудно создать и поддерживать стабильный демократический режим — таково твердо установившееся в политологии мнение, которое восходит к изречению Аристотеля о том, что «государство стремится, насколько это возможно, быть обществом, состоящим из одинаковых и равных»¹. Социальная однородность и политическое согласие рассматриваются как необходимые предварительные условия или факторы, в значительной степени содействующие стабильной демократии. И напротив, глубокие социальные различия и политические противоречия в многосоставных обществах считаются причиной нестабильности и провалов демократий.

Настоящее исследование посвящено рассмотрению особой формы демократии, а именно общественной демократии, которая заставляет внести следующую поправку в сформулированное выше положение: достичь и поддерживать стабильное демократическое правление в условиях много-

---

¹ Aristotle. Politics/trans. Ernest Barker. New York: Oxford University Press, 1958. P. 181. (В связи с тем, что А. Лейпхарт ссылается на английский перевод данной мысли Аристотеля, не имеющей аналога в русском переводе его «Политики», мы сочли необходимым сохранить ссылку на нью-йоркское издание сочинения античного философа. — Прим. ред.)

составного общества хотя и *трудно*, но отнюдь *не невозможно*². При общественной демократии центробежные тенденции, присущие многосоставному обществу, уравниваются установками на взаимодействие и соответствующим поведением лидеров различных сегментов общества.

Сотрудничество элит — первая и основная отличительная черта общественной демократии. Ряд тесно связанных с ней дополнительных характеристик будет рассмотрен в следующей главе.

Сообщественность является моделью одновременно и эмпирической, и нормативной. Во-первых, она служит объяснением политической стабильности в ряде малых европейских демократий, о которых пойдет речь в главах 2 и 3 настоящей книги: Австрии, Бельгии, Нидерландах и Швейцарии. В настоящее время эти страны отходят в своем развитии от высокой степени общественности. В них достигли апогея острые противоречия между общественными группами и тесно спаянными объединениями элит, сформировавшимися в конце 50-х годов, в результате чего тенденция общественности пошла на спад, но, заметим, не в результате провала общественной демократии, а потому что общественность стала себя изживать именно благодаря своему успеху. В данной книге мы будем рассматривать эти страны на общественной стадии их развития. Это предполагает, что под «Австрией» будет подразумеваться Австрия периода сотрудничества католической и социалистической элит, воплощенного в «Большой коалиции»; «Нидерланды» станут скорее символом голландского опыта общественности, чем описанием сегодняшней Голландии и т.д. По этой же причине данные статистики и опросов, приведенные в исследовании, будут по возможности максимально приближены к 1960 г., а не к настоящему времени.

ВЫЗОВ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМ ПЕССИМИСТАМ

Хотя общественность как стадия развития четырех перечисленных европейских стран подходит к концу, интерес к этому явлению ни в коем случае не может быть чисто историческим. Преуспев в создании стабильных демократических режимов в обществах с серьезными внутренними противоречиями, она выделяется как исключение из правил не только в европейской политике, но и во всемирном масштабе. В исследовании 114 политий Роберт А. Даль отмечает: если из политий с низким уровнем субкультурного многообразия

² Термин «сообщественный» (consociational) образован от слова «сообщество» (consociatio) из книги Иоганнеса Альтузиуса «Politica Methodice Digesta» (1603).

58% являются полиархиями или близки к ним, то среди политий* со средним уровнем многообразия полиархии составляют лишь 36%; из тех же, в которых многообразие характеризуется как сильное или экстремальное, в этот разряд попадают лишь 15%³. В частности, бедствием для многих стран, не принадлежащих к западному миру, стали две неразрывно связанные друг с другом проблемы — глубокий раскол общества по самым разным признакам и политическая нестабильность. Опыт сообщественности в Австрии, Бельгии, Нидерландах и Швейцарии представляется конкретным примером того, как демократия может стать устойчивой и эффективной системой правления в многосоставном обществе. В 5-й, 6-й и 7-й главах настоящего исследования общественная демократия будет рассмотрена как нормативная модель, что имеет особую важность для многосоставных обществ «третьего мира».

Аргумент, подтверждающий мысль о том, что общественная демократия может выступать в качестве нормативной модели, бросает вызов распространенному ныне пессимистическому настрою, и в этом его нетривиальность. Такой настрой основан на убеждении, что после периода 50-х и начала 60-х годов, для которого был характерен чрезмерный оптимизм, в 70-х годах общепринятым в отношении перспектив развития демократии стал пессимизм. Конечно, демократия потерпела слишком много неудач, и слишком много вспышек насилия наблюдалось в многосоставных обществах в последние годы, чтобы взгляд на возможности утверждения демократии оставался слишком радужным. Но предаваться отчаянию было бы столь же неразумно. Пессимисты со спокойной совестью могут отвергнуть или проигнорировать приводимые в этой книге аргументы и рекомендации, но только в том случае, если они придут к убеждению, что общественная демократия не просто маловероятна, а совершенно невозможна в многосоставных обществах «третьего мира», но такая точка зрения вряд ли будет иметь право на существование после анализа всех имеющихся фактов.

«Пессимистам от демократии» следует также иметь в виду, что в их пессимизме заложена опасность самосбывающегося пророчества: если политики и политологи сочтут, что демократия «не сработает» в многосоставных обществах «третьего мира», то они не будут и

---

* Употребляемое А. Лейпхартом в ряде случаев понятие «полития» перекликается с аналогичным (хотя и не тождественным) понятием Аристотеля, который писал: «... когда в интересах общей пользы правит большинство, тогда употребляем обозначение, общее для всех вообще форм государственного устройства, — полития» (Аристотель. Соч.: В 4 т. М., 1969. Т. 1. Ч. 1. С. 472). (Прим. ред.)

³ Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971. P. 110–111.

пытаться установить ее или заставить действовать там, где она установлена. Подобный негативный подход, естественно, лишь повысит вероятность того, что там и дальше будут доминировать недемократические формы правления.

ОПРЕДЕЛЕНИЯ

Многие термины, которые мы только что использовали, хорошо известны, широкоупотребимы и в большинстве случаев не нуждаются в пояснениях. Тем не менее, возможно, было бы полезным дать определение ключевым понятиям для того, чтобы избежать их неправильного толкования. Во-первых, *многосоставное общество* (plural society) есть общество, разделенное, по выражению Гарри Экштейна, «сегментарными различиями». Он пишет: «Таковые существуют там, где линии политического противостояния частично, а особенно полностью, совпадают с линиями социального разделения общества, и прежде всего с теми, которые являются наиболее значимыми из всех линий, проходящих внутри общества»⁴.

Сегментарные различия могут иметь религиозную, идеологическую, языковую, региональную, культурную, расовую или этническую природу. Дальнейшая характеристика, следующая из определения Экштейна, подразумевает, что политические партии, группы интересов, средства коммуникации, школы, добровольные объединения имеют тенденцию к организации по линиям, повторяющим контуры существующих внутри общества границ. Группы населения, выделяемые на основе указанных различий, будут именоваться *сегментами* многосоставного общества.

Демократия — это понятие, которое решительно не поддается определению. Здесь отметим следующее: в данной книге оно используется как синоним того, что Р. Даль называет «полиархией»⁵. Это не такая система власти, которая полностью воплощает в себе все демократические идеалы, а такая, которая в достаточной степени приближается к ним.

Политическая *стабильность* — почти столь же сложный и многозначный термин. В данном исследовании им обозначена многомер-

---

⁴ *Eckstein H.* Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 34. См. также: *Zuckerman A.* Political Cleavage: A Conceptual and Theoretical Analysis//British Journal of Political Science 5. No 2 (April 1975). P. 231–248; *Schermerhorn R.A.* Comparative Ethnic Relations: A Framework for Theory and Research. New York: Random House, 1970. P. 123–127.

⁵ *Dahl R.A.* Polyarchy. P. 1–9, 231–249.

ная концепция, включающая в себя понятия, часто используемые в литературе по сравнительной политологии: поддержание системы, гражданский порядок, легитимность и эффективность⁶. К важнейшим характеристикам стабильного демократического режима относятся: во-первых, то, что он обладает высокой вероятностью сохранения качества демократичности, и, во-вторых, то, что он отличается низким уровнем насилия, применяемого или способного быть примененным к обществу. Эти два признака тесно связаны между собой: второе можно рассматривать и как предварительное условие, и как показатель первого. В то же время степень легитимности, присущая режиму, и его эффективность в принятии и реализации решений связаны как друг с другом, так и с первыми двумя признаками. В совокупности и во взаимозависимости четыре названных признака и определяют уровень стабильности демократии.

Ключевое понятие *сообщественной демократии* предварительно уже было определено. Подробной разработке концепции общественной демократии посвящена следующая глава. Пока же подчеркнем только, что смысл данной концепции определяют два основных момента, а именно: «сегментарные различия», т.е. различия между группами населения многосоставного общества, и политическое сотрудничество элит, представляющих его основные группы (сегменты). При этом идею общественной демократии следует отличать от двух близких к ней концепций, также используемых в сравнительных исследованиях практики общности: «сегментарного плюрализма» Вэла Р. Лорвина и «демократии согласия» Герхарда Лембруха. Лорвин акцентирует внимание на первой из характерных черт общественной демократии и оставляет за рамками исследования вопросы о реакции элит и о последствиях глубокого раскола общества. К тому же он ограничивается лишь случаями разделения общества по религиозному и идеологическому признакам. Лембрух определяет демократию согласия как стратегию урегулирования конфликтов скорее путем сотрудничества и договоренностей между различными элитами, чем путем конкурентной соревновательности и принятия решений по принципу большинства. Это является второй отличительной чертой общественной формы организации власти⁷.

---

⁶ См.: *Eckstein H. The Evaluation of Political Performance: Problems and Dimensions// Sage Professional Papers in Comparative Politics. No 01-017. Beverly Hills: Sage, 1971; Hurwitz L. Contemporary Approaches to Political Stability//Comparative Politics 5. No 3 (April 1973). P. 449–463.*

⁷ *Lorwin V.R. Segmented Pluralism: Ideological Cleavages and Political Cohesion in the Smaller European Democracies//Comparative Politics 3. No 2 (January 1971). P. 141–144; Lehmbruch G. Segmented Pluralism and Political Strategies in Continental Euro-*

Другими словами, общественная демократия — это «сегментарный плюрализм», включающий все возможные в многосоставном обществе линии разделения, плюс демократия согласия. Примеры, приводимые Лорвином и Лембрухом, а также Эриком А. Нордлингером в его сравнительном анализе практики урегулирования демократическими методами конфликтов в разделенных глубокими противоречиями обществах, взяты из опыта тех же четырех стран, которые рассматриваются в первой половине настоящей книги⁸. Другие случаи, рассматриваемые всеми или некоторыми из названных авторов, — это Люксембург, Ливан и Малайзия. Люксембург, с указанной точки зрения, подобен четырем более крупным европейским общественным демократиям, но его опыт опущен здесь из чисто практических соображений, а именно ввиду недостатка данных, необходимых для сравнительного исследования. Ливан и Малайзия будут рассмотрены в 5-й главе как довольно удачные примеры общественной демократии в «третьем мире».

МНОГОСОСТАВНЫЕ ОБЩЕСТВА И ДЕМОКРАТИЯ В «ПЕРВОМ МИРЕ»

Важность общественной демократии как эмпирической модели обусловлена тем, что она позволяет лучше понять истинную природу западных демократий. Стимулом для создания данной модели послужила теоретическая разработка проблем политической стабильности, особенно классическая типология политических систем Габриела А. Алмонда, впервые предложенная им в 1956 г. и являющаяся самой значительной из предпринятых к настоящему времени попыток классификации демократий различных типов⁹. Коль скоро модель общественной демократии предполагает усовершенствование и дополнение получившей широкое признание типологии Ал-

---

pe: Internal and External Conditions of 'Concordant Democracy'//paper presented at the Round Table of the International Political Science Association, Turin, September 1969, P. 1—2. См. также: *Lehmbruch G. Proporzdemokratie: Politisches System und politisches Kultur in der Schweiz und in Osterreich*. Tübingen: Mohr, 1967.

⁸ *Nordlinger E.A. Conflict Regulation in Divided Societies*//Occasional Papers in International Affairs. No 29. Cambridge, Mass.: Center for International Affairs, Harvard University, 1972.

⁹ *Almond G.A. Comparative Political Systems*//Journal of Politics 18. No 3 (August 1956). P. 391—409; эта статья была без изменений перепечатана в книге: *Almond G.A. Political Development: Essays in Heuristic Theory*. Boston: Little, Brown, 1970, Ch. 1.

монда, необходимо подробнее остановиться на его идеях. Это важно еще и потому, что Алмонд не только вводит ряд существенных переменных и отношений, на основе которых он и выделяет типы демократии, но и объединяет несколько тесно связанных друг с другом теорий и концепций в целостную типологию: речь идет о частично совпадающем и пересекающемся членстве в различных общностях, партийных системах, разделении властей и политическом развитии. Все они исключительно важны и для анализа общественной демократии.

В ранней формулировке своей типологии Алмонд подразделил политические системы на четыре основных типа: англо-американскую, европейскую континентальную, до- или частично индустриальную и тоталитарную системы. Первые две — это типы демократических режимов; они определяются характером политической культуры и ролевой структуры. Англо-американские системы отличаются «однородной светской политической культурой» и «высокоспециализированной» ролевой структурой, тогда как континентальным европейским системам присущи «раздробленность политической культуры», т.е. существование автономных, мало соприкасающихся друг с другом «политических субкультур», и ролевая структура, в которой «роли задаются субкультурами и имеют тенденцию к формированию собственных подсистем распределения ролей»¹⁰. Другими словами, континентальные европейские системы представляют собой многосоставные общества. Великобритания и Соединенные Штаты Америки являются примерами первого, немногосоставного типа, а Веймарская Германия, Франция и послевоенная Италия — второго. Различие между этими двумя типами демократии рассматривается в более поздней (1966 г.) и гораздо более тщательно разработанной типологии политических систем, предложенной Алмондом совместно с Г. Бингемом Пауэлом-младшим¹¹.

Прежде чем продолжить анализ типологии Алмонда, сделаем два уточняющих замечания. Во-первых, несмотря на то, что терминология Алмонда основывается на географических названиях, он не рассматривает географическое положение ни как основной, ни как дополнительный критерий различия между англо-американским и континентальным европейским типами демократий. В той же самой статье, где Алмонд впервые предложил данную типологию, он подчеркнуто отверг любую классификацию, связанную с региональными характеристиками, как «основанную не на свойствах поли-

¹⁰ *Ibid.* P. 398–399, 407.

¹¹ *Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics: A Developmental Approach.* Boston: Little, Brown, 1966. P. 217, 259–266.

тической системы, а на ее местоположении», что не является значимым признаком¹². Во-вторых, примеры, проанализированные им в статье 1956 г. и в последующих работах, относятся к политическим системам, существовавшим в 50-х — начале 60-х годов, даже ранее, а потому не могут отражать ситуацию 70-х годов. Эта оговорка имеет особое значение для Великобритании и США. Более того, под Францией следует понимать только Третью и Четвертую республики.

В обеих системах Алмонда характер политических культур и ролевые структуры увязываются с политической стабильностью в рассматриваемых странах. Англо-американский тип с его однородной политической культурой и автономными партиями, группами защиты интересов и средствами коммуникации ассоциируется со стабильностью, а континентальный европейский тип с его раздробленной культурой и взаимной зависимостью партий и групп — с нестабильностью. Такое же соотношение безоговорочно повторяется и в «функциональном подходе в рамках сравнительной политологии», разработанном Алмондом¹³. Уильям Т. Блум утверждает, что подобный подход подразумевает «теорию наиболее эффективной (т.е. стабильной) системы» и что «характерные черты наиболее эффективного государственного строя... поразительно схожи с современной парламентской демократией, особенно — в ее британском воплощении», т.е., другими словами, с англо-американским типом¹⁴. В терминологии самого Алмонда, континентальный европейский тип ассоциируется с «иммобильностью» и «непреодолимой угрозой того, что часто называют “цезаристским переворотом”». При таком нестабильном типе организации власти будущее демократии не гарантировано и не исключено установление диктатуры; в нем даже, как заявляет Алмонд, заключен «потенциал тоталитаризма». В более поздней работе Алмонда утверждается, что иммобильность, присущая континентальному европейскому типу демократии, может иметь «существенные (и, очевидно, неблагоприятные) последствия для его стабильности и выживания». В противоположность системе Алмонда, британская система описывается как «гибкая» в том смысле, что она

---

¹² *Almond G.A. Comparative Political Systems.* P. 392.

¹³ *Almond G.A. Introduction: A Functional Approach to Comparative Politics// Almond G.A., Coleman J.S. (ed.) The Politics of the Developing Areas.* Princeton: Princeton University Press, 1960. P. 3—64.

¹⁴ *Bluhm W.T. Theories of the Political System: Classics of Political Thought and Modern Political Analysis.* Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1965. P. 150. См. также: *Rothman S. Functionalism and Its Critics: An Analysis of the Writings of Gabriel Almond// Political Science Reviewer* 1, 1971. P. 242—243, 246—247.

«способна реагировать и на внутренние, и на внешние воздействия более гибко, чем многие другие системы»¹⁵.

РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ И ТЕОРИЯ ЧАСТИЧНОГО СОВПАДЕНИЯ*

Схема Алмонда во многом перекликается с доктриной разделения властей, для которой также важна тема стабильности демократии, и перекликается прежде всего в оценках вероятности того, что однажды созданный демократический режим будет сохраняться и далее. В своем выступлении в качестве президента на ежегодном собрании Американской ассоциации политических наук в 1966 г. Алмонд противопоставил теории разделения властей теорию систем, отнеся первую к «господствующей парадигме» политических наук в XVIII и XIX вв., на смену которой приходит парадигма систем. В то же время он подчеркнул общность этих двух теорий, назвав авторов «Статей Федералиста»** системными теоретиками¹⁶. Связь между разделением властей и функциональным подходом Алмонда в этом контексте особенно важна, так как одним из кри-

¹⁵ Almond G.A. Comparative Political Systems. P. 408; Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics. P. 106, 262.

* Словосочетание «overlapping memberships», используемое А. Лейпхартом, буквально означает «частично совпадающие принадлежности (членство)». В данном случае автор имеет в виду одновременную принадлежность индивида к нескольким организованным или неорганизованным социальным группам с характерными для них интересами и взглядами. В рамках концепции общественной демократии данное словосочетание отражает смысл так называемой *теории частичного совпадения*, согласно которой частичное совпадение принадлежности индивида к разным социальным группам, различающимся по политическим, языковым, этническим, религиозным и иным признакам, влечет за собой частичное совпадение его интересов и взглядов с интересами и взглядами этих социальных групп и вследствие этого — большую умеренность его взглядов «благодаря суммарному психологическому воздействию разнородного окружения» (см. с. 45 настоящей книги). (Прим. ред.)

** «Статьи Федералиста», или «Федералист», — это знаменитые 85 писем-статей, опубликованных в октябре 1787 — августе 1788 гг. в нью-йоркских газетах А. Гамильтоном, Дж. Мэдисоном и Дж. Джейм в защиту конституции 1787 г. В статьях, подписанных псевдонимом «Публиус», подчеркивалась важность сильного и эффективного правительства Союза, гарантированного от перерождения в диктатуру умелым, тонко продуманным разделением властей. Традиция признает «Статьи Федералиста» третьим по значимости текстом в американской политической истории после «Декларации независимости» и Конституции 1787 г. (Прим. ред.)

¹⁶ Almond G.A. Political Theory and Political Science//American Political Science Review 60. No 4 (December 1966). P. 875—876; Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics. P. 11.

териев различия между англо-американским и континентальным европейским типами у Алмонда выступает ролевая структура, а точнее — степень автономности или изолированности ролей.

Главное различие между доктриной разделения властей и схемой Алмонда заключается в том, что идею разделения властей Алмонд распространяет не только на три формальные «ветви» власти (законодательную, исполнительную и судебную), но и на неформальные политические подструктуры (партии, группы интересов, средства коммуникации), причем главный акцент переносится на последние (структуры «на входе»), а не на первые (структуры «на выходе»). Другие различия имеют почти исключительно терминологический характер. Алмонд понимает власть как функцию, и соответственно разделение властей у него становится разграничением функций. И разделение властей в трактовке «Федералиста», и должным образом осуществленное разграничение политических функций способствуют стабильности демократических систем. Для Великобритании (пример англо-американского типа) характерно «сохранение четких границ... между подсистемами политики», для Франции же, представляющей континентальный европейский тип, — «отсутствие жестких линий разграничения... между различными частями политической системы». Французские партии и группы интересов «не образуют развитых автономных политических подсистем. Они взаимопроницающи, особенно в католической, социалистической и коммунистической субкультурах. Точно так же англо-американский и континентальный европейский типы различаются степенью независимости средств информации. В Соединенных Штатах Америки, Великобритании и в странах старого Британского Содружества* существуют «независимые и самые различные по ориентациям средства информации», тогда как для Франции и Италии «характерна пресса, которая склонна подчиняться групповым интересам и политическим партиям»¹⁷.

Подобно тому, как доктрина разделения властей дополняется идеей сдержек и противовесов, доктрина четкого разграничения функций дополняется неразрывно связанными друг с другом концепциями «многофункциональности» и «регулирующей роли». Согласно Алмонду, идеальное разделение функций на практике недостижимо. Формальные ветви власти, партии, группы интересов и т.п. неизбежно выполняют не одну, а несколько функций. «Любая

* Старое Британское Содружество включало и доминионы Великобритании — Канаду, Южно-Африканский Союз, Австралию и Новую Зеландию. (Прим. пер.)

¹⁷ Almond G.A. Functional Approach. P. 37–38, 46.

политическая структура, какой бы узкоспециализированной она ни была, ...является многофункциональной». Таким образом, здесь важно не столько то, что, например, партии осуществляют функцию интеграции исключительно политических интересов и не имеют никакой иной функции, кроме этой, сколько то, что данная функция выполняется преимущественно ими. В современных специализированных системах, прототипом которых является англо-американская демократия, существуют некоторые структуры, «функции которых четко определены и которые стремятся играть регулирующую роль в выполнении данной функции в рамках политической системы в целом»¹⁸.

Помимо того что первый критерий типологии Алмонда — ролевая структура — сближается с доктриной разделения властей, существует еще и тесная связь между вторым критерием — политической культурой — и понятием «частично совпадающая принадлежность (членство)», предложенным сторонниками «теории групп» Артуром Ф. Бентли и Дейвидом Б. Труменом и близким по значению понятию *пересекающихся противоречий* Сеймура Мартина Липсета. Эти понятия основываются на предположении, что если индивид принадлежит одновременно к нескольким организованным или неорганизованным группам с различными интересами и взглядами, то его воззрения будут более умеренными благодаря суммарному психологическому воздействию разнородного окружения. Кроме того, лидеры организаций с разнородным (гетерогенным) составом участников в данной ситуации подвергаются разнонаправленному давлению и также будут стремиться выбирать умеренный, средний курс. Подобная умеренность жизненно важна для политической стабильности. Напротив, если общество раздрается острыми противоречиями, а институциональные связи и ориентации индивидов замыкаются исключительно внутри определенных сегментов общества, то в нем не будет места разнонаправленному давлению, столь необходимому для политической умеренности и стабильности. Как утверждает Трумен, если сложносоставному обществу удастся избежать «революции, вырождения, упадка и сохранить стабильность, ...то это произойдет только благодаря тому, что интересы связывают индивида с несколькими группами»¹⁷. Липсет доказывает, что «шансы на стабильность демократии увеличиваются, если группы людей и отдельные граждане принадлежат одновременно к нескольким политически значимым общественным

¹⁸ *Ibid.* P. 11, 18.

¹⁹ *Truman D.B. The Governmental Process: Political Interests and Public Opinion.* New York: Knopf, 1951. P. 168.

объединениям»²⁰. А Бентли называет компромисс «самой сутью действия процесса пересечения интересов различных групп»²¹.

В терминах политической культуры частично совпадающее членство (принадлежность) в разных первичных общностях характерно для однородной (гомогенной) политической культуры, тогда как в неоднородной, раздробленной, разделенной культуре пересечения субкультур либо немногочисленны, либо отсутствуют вообще. В типологии Алмонда, стабильные англо-американские системы имеют гомогенную культуру, а нестабильные континентальные европейские системы отличаются глубокими различиями между субкультурами. Негибкость и нестабильность подобных систем, утверждает Алмонд, являются «следствием характера политической культуры». В качестве примера Алмонд и Пауэл описывают французскую систему периода Четвертой республики как разделенную на «три главных идеологических сообщества или субкультуры», когда основные партии, группы интересов и средства информации «контролировались данными идеологическими сообществами». В результате этого «требования нарастали, но не приводили к политическим переменам или изменению законодательства», что имело следствием долгие «периоды застоя, перемежаемые краткими моментами борьбы с кризисными ситуациями». Порой Алмонд и Пауэл сами применяют лексику теории частичного совпадения: в такой стране, как Франция, «человек редко подвергается воздействию “разнонаправленных давлений”, что делает более умеренными его жесткие политические установки»²². А в книге «Культура гражданственности» Алмонд и Сидней Верба утверждают, что «характер институциональных связей индивида в разных странах различен. В католических странах Европы, к примеру, данный характер таков, что способствует усилению идеологического давления. Семья, церковь, группа интересов, политическая партия, к которым принадлежит индивид, совпадают по своим идеологическим и политическим характеристикам и взаимно усиливают воздействие на процесс формирования мнения индивида. В США и Великобритании, напротив, широко распространена система частичного совпадения»²³.

---

²⁰ *Lipset S.M.* Political Man: The Social Bases of Politics. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1960. P. 88–89.

²¹ *Bentley A.F.* The Process of Government: A Study of Social Pressures, 4th ed. Evanston: Principia Press of Illinois, 1955. P. 208.

²² *Almond G.A.* Comparative Political Systems. P. 408; *Almond G.A., Powell G.B.* Comparative Politics. P. 122, 263–265.

²³ *Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton: Princeton University Press, 1963. P. 133–134.

МНОГОСОСТАВНЫЕ ОБЩЕСТВА И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

Типология Алмонда не только тесно связана с теориями разделения властей и частичного совпадения, но и сближается с традиционной дихотомной классификацией демократических форм политий. Такая классификация основана на числе действующих в политике партий и предполагает разделение на двухпартийные и многопартийные политии. При этом следует подчеркнуть, что подобная типология часто используется для классификации не только партийных, но и политических систем в целом. Например, Зигмунд Нойман утверждает, что «характер партийной системы оказывает заметное воздействие на избирательный процесс и еще более существенное — на процесс принятия политических решений... Классификация по данному признаку (числу партий), таким образом, является вполне правомерной и существенной»²⁴. А Морис Дюверже приходит к выводу, что «различие по признаку “однопартийная — двухпартийная — многопартийная система” может стать основным способом классификации современных режимов»²⁵.

И Дюверже, и Нойман подчеркивают тесную взаимосвязь между количеством партий и уровнем стабильности демократии. Двухпартийная система, отмечает Дюверже, не только «выглядит наиболее соответствующей порядку вещей», поскольку способна адекватно отразить естественную раздвоенность общественного мнения, но также потенциально стабильнее, чем многопартийная, поскольку она более умеренна. В первой обнаруживается «снижение степени политических расхождений», что ограничивает партийную демагогию, тогда как во второй происходит «углубление политических расхождений», имеет место интенсификация противоречий, сопровождающаяся «общей радикализацией общественного мнения»²⁶. Аналогичным образом Нойман утверждает, что многопартийная система, в отличие от двухпартийной, не обладает «объединяющей и централизующей силой» и соответственно «не содержит четкой перспективы эффективной политической структуризации общества»²⁷.

²⁴ Neumann S. *Toward a Comparative Study of Political Parties*//Neumann S. (ed.). *Modern Political Parties: Approaches to Comparative Politics*. Chicago: University of Chicago Press, 1956. P. 402—403.

²⁵ Duverger M. *Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State*/trans. Barbara and Robert North. London: Methuen, 1959. P. 393.

²⁶ *Ibid.* P. 215, 387—388.

²⁷ Neumann S. *Comparative Study of Political Parties*. P. 402.

Алмонд доказывает, что в современных развитых политических системах с четким разделением функций (т.е. в системах англо-американского типа) объединение политических интересов становится первой и специфической функцией политических партий и что этап объединения является своего рода «промежуточной стадией [политического] процесса», на которой происходит осознание интересов и их перевод в «относительно небольшой набор политических альтернатив». В этом случае двухпартийная система будет наиболее подходящим механизмом, а многопартийная — менее эффективным средством объединения. Тем не менее поначалу Алмонд отвергал мнение о том, что его англо-американский тип соответствует двухпартийной системе, а континентальный европейский — многопартийной. «Распространенное деление систем на однопартийные, двухпартийные и многопартийные ничего не дает для определения сущности тоталитарной, англо-американской и континентальной европейской политических систем»²⁸.

Однако в более поздних работах Алмонд безоговорочно признает тождественность собственной типологии (по крайней мере, в той ее части, которая относится к демократическим системам) и типологии, построенной по признаку числа партий. «Некоторые партийные системы способны объединять интересы гораздо эффективнее, чем другие. *Количество партий* — важный фактор. Двухпартийные системы, несущие ответственность перед широким кругом избирателей, обычно вынуждены проводить курс на объединение интересов». Вместе с тем наличие большого числа сравнительно мелких партий повышает вероятность того, что каждая партия будет попросту выражать интересы определенной субкультуры или клиентеллы при минимуме объединительных тенденций». Двухпартийные системы не только являются наилучшими объединителями интересов, но и способствуют эффективному разделению функций. Согласно Алмонду, желательно, чтобы структуры, имеющие своей важнейшей функцией объединение политических интересов, были отделены как от тех структур, которые принимают решения, так и от тех, которые выражают существующие в обществе интересы, а «действующие на основе конкуренции двухпартийные системы, очевидно, легче всего достигают такого разделения функций и сохраняют его»²⁹. Как эффективное объединение интересов, так и разде-

---

²⁸ Almond G.A. Functional Approach. P. 39, 40; Almond G.A. Comparative Political Systems. P. 397.

²⁹ Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics. P. 102–103, 107.

ление функций непосредственно связаны с уровнем стабильности демократии, и оба этих признака характерны для демократии англо-американского типа.

«ОСОБЫЕ СЛУЧАИ»

Единственной очевидной слабостью типологии Алмонда, которая во всех других отношениях имеет высокую эвристическую ценность, отличается завершенностью и четкостью изложения, является то, что в ней нет места для малых европейских демократий. В главе, в которой он впервые описывает отличительные черты англо-американского и европейского континентального типов демократий, сделана оговорка, что скандинавские страны и страны Бенилюкса исключаются из категории континентальных европейских политических систем; Австрия и Швейцария вообще не упоминаются. Для Скандинавии и Бенилюкса установлен отдельный тип, который подробно не рассматривается. Алмонд просто отмечает, что эти политические системы «сочетают в себе некоторые черты и европейского континентального, и англо-американского типов» и что они «располагаются где-то между ними». В поздних работах Алмонд более подробно определяет отличие этого третьего типа политической системы от первых двух. Давая классификацию по числу партий, он подчеркивает различие между переживающими кризис иммобильными многопартийными системами Франции и Италии и работоспособной многопартийной системой в Скандинавии и странах Бенилюкса. В последнем случае по крайней мере некоторые партии объединяют интересы достаточно широких слоев населения, как, например, социалистические партии в Скандинавии, бельгийские социалистическая и католическая партии³⁰. Данный критерий не вполне удовлетворителен, потому что его с трудом удастся применить, например, к партиям в Нидерландах, хотя, скажем, итальянская Христианско-демократическая партия ему вполне отвечает.

Второй критерий отличия жизнеспособной многопартийной системы от иммобильной гораздо более удовлетворителен, по крайней мере, для скандинавских стран, так как их «политическая система более однородна и объединяет в себе светские и традиционные элементы». По этому критерию скандинавские страны практически не отличаются от стран с англо-американским типом

³⁰ *Almond G.A. Comparative Political Systems. P. 392–393, 405; Almond G.A. Functional Approach. P. 42.*

демократии. В «Культуре гражданственности» Алмонд и Верба упоминают скандинавские страны в одном ряду с Великобританией, старыми членами Британского Содружества и Соединенными Штатами Америки, как имеющими «гомогенные политические культуры»³¹.

Однако однородная политическая культура отнюдь не характерна ни для жизнеспособных многопартийных систем Швейцарии и стран Бенилюкса, ни для двухпартийной системы Австрии. В частности, католическая, социалистическая и либеральная *familles spirituelles* («духовные семьи») в Бельгии и Люксембурге, католический, кальвинистский, социалистический и либеральный *zuilen* («столпы», т.е. вертикальные группировки) в Нидерландах, католический, социалистический и национально-либеральный *Lager* («лагеря») в Австрии — это субкультуры, совершенно аналогичные субкультурам, характерным для континентального европейского типа у Алмонда. Фактически в названных странах политические культуры еще более неоднородны, фрагментированы, чем во Франции, Италии или Веймарской Германии, внутри каждой субкультуры существует собственная система институциональных связей и средств информации при меньшей гибкости и меньшем числе вариантов принадлежности к разным субкультурам. Классификация западных демократий Лорвином по признаку степени многосоставности подтверждает это построение: Австрия, Бельгия, Люксембург и Нидерланды отнесены к категории стран с самым высоким уровнем фрагментации (дробности, неоднородности) общества; континентальные европейские демократии (по Алмонду, это — Франция, Италия и Германия) вместе со Швейцарией и Соединенными Штатами Америки — к категории стран со средним уровнем; а Великобритания, Ирландская Республика, скандинавские страны, Финляндия и Исландия включены в число стран с низкой степенью многосоставности³².

Объяснение политической стабильности общественных демократий требует учета такого дополнительного фактора, как сотрудничество лидеров различных групп, которое преодолевало бы сегментарные или субкультурные противоречия, существующие на низовом уровне. Это было бы правильнее, чем относить их к некоей промежуточной категории на шкале классификации политических культур. Именно по указанной причине опыт европейских общественных демократий имеет столь большое нормативное значение для многосоставных обществ «третьего мира»: в них демократия ста-

³¹ Almond G.A., Verba S. Civic Culture. P. 28–29.

³² Lorwin V.R. Segmented Pluralism. P. 148.

бильна не потому, что плюралистический характер общества выражен слабо, а скорее вопреки характерным для них глубоким сегментарным различиям.

МНОГОСОСТАВНЫЕ ОБЩЕСТВА И ДЕМОКРАТИЯ В «ТРЕТЬЕМ МИРЕ»

Очень многие развивающиеся страны, особенно в Азии и Африке, а также некоторые страны Южной Америки, такие, как Гайана, Суринам и Тринидад, отягощены политическими проблемами, вызванными глубокими противоречиями между сегментами общества и отсутствием объединяющего консенсуса. В специальных исследованиях по проблемам политического развития, становления национальных государств, демократизации данное обстоятельство трактуется с абсолютно взаимоисключающих позиций. С одной стороны, многие авторы подчеркивают свое нежелание признать его важность. Уолкер Коннор даже бросает большинству ведущих представителей теории образования наций упрек в том, что они «старались преуменьшить, а то и вовсе игнорировать проблемы, вытекающие из фактора этнической неоднородности общества»³³. С другой стороны, те авторы, которые не обходят вниманием данный вопрос, склонны придавать ему первостепенное значение. Например, у Люсиана У. Пая он вынесен на первое место в его знаменитом «синдроме из семнадцати пунктов», которые в совокупности определяют характер политического процесса «незападного» типа. Пай утверждает, что в «незападных» обществах политическая сфера не отделена четко от сферы социальных и личных отношений. «Основные структуры “незападной” политики имеют общинный характер, и все политическое поведение в значительной мере определяется факторами общинной принадлежности»³⁴.

Такие общинные ориентации являются тем, что Клиффорд Гирц называет «первобытной» преданностью, которая может основываться на языке, религии, обычае, местности, расе или предполагаемых кровных связях³⁵. В европейских общественных демократиях субкультуры, имеющие религиозную и идеологическую природу,

---

³³ Connor W. Nation-Building or Nation-Destroying?//World Politics 24. No 3 (April 1972). P. 319.

³⁴ Pye L. W. The Non-Western Political Process//Journal of Politics 20. No 3 (August 1958). P. 469.

³⁵ Geertz C. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States//Geertz C. (ed.). Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa. New York: Free Press, 1963. P. 109–113.

на которую в двух из этих стран накладываются еще и языковые различия, также можно рассматривать в качестве первичных общностей, если считать идеологии своего рода религией. Все названные общества как западного, так и незападного типа будут здесь именоваться многосоставными. А определение данного термина, приведенное в начале настоящей главы, близко тому смыслу, в котором его употреблял Дж. С. Фернивал. Следует отметить, что концептуальные построения Алмонда и Фернивала полностью совместимы, потому что Фернивал специально включает культурные различия в число характеристик многосоставных обществ. «Каждая группа привержена своей религии, своей культуре и языку, своим идеям и образу жизни». Он определяет многосоставное общество как такое, в котором «различные группы живут бок о бок, но изолированно, в едином политическом образовании». Эта концепция несколько более узкая, чем концепция Гирца, поскольку не распространяется на региональное деление. В многосоставном обществе, по Фернивалу, составляющие его группы хотя и существуют на единой территории, но социально удалены друг от друга. «В строгом смысле, это общество представляет собой мозаику [народов], поскольку отдельные его части смешиваются, но не соединяются друг с другом»³⁶. В данной работе принято более широкое определение, лучше отвечающее задачам сравнительного исследования, несмотря на часто раздающиеся критические замечания о том, что концепция многосоставного общества слишком расплывчата и охватывает слишком многое³⁷. В то же время, абсолютно необходимо постоянно учитывать количественные и качественные различия между многосоставными обществами: различия по типам деления общества на сегменты и по *степени* их многосоставности.

Вторая существенная особенность незападной политики — поражение демократии. После первоначального оптимизма по поводу перспектив утверждения демократии в странах, освободившихся от колониальной зависимости (эти перспективы связывались главным образом с демократическими устремлениями их лидеров), воцарился дух разочарования. И, как отмечают многие наблюдатели, существует прямая связь между двумя основополагающими чертами не-

---

³⁶ Furnivall J.S. Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands India. Cambridge: Cambridge University Press, 1948. P. 304.

³⁷ См.: Van den Muijzenberg O.D. De 'plural society': Een onderzoek naar gebruik en bruikbaarheid als sociologisch begrip. Amsterdam: Sociologisch-Historisch Seminarium voor Zuidoost Asie, 1965. P. 114–116; Katznelson I. Comparative Studies of Race and Ethnicity: Plural Analysis and Beyond//Comparative Politics 5. No 1 (October 1972). P. 135–154. Другая точка зрения выражена в: Lofchie M.F. Political theory and African Politics//Journal of Modern African Studies 6. No 1 (May 1968). P. 10–15.

западной политики: многосоставное общество оказывается неспособным сохранить демократические принципы правления. Эта зависимость была косвенным образом отмечена уже в работе Фернивала. Он применил концепцию многосоставного общества к странам, находившимся в колониальной зависимости, и высказал мнение, что их целостность поддерживается лишь недемократическими средствами колониального управления. Это согласуется с мрачной оценкой Джоном Стюартом Миллем шансов представительной демократии в многосоставном обществе. «Свободные институты едва ли возможны в стране, населенной разными национальностями. Между людьми, не испытывающими добрососедских чувств, а особенно говорящими и читающими на разных языках, единое общественное мнение, необходимое для деятельности представительной власти, существовать не может»³⁸.

Таковую же мысль в самой категоричной форме высказал и М. Г. Смит. Доминирование одного из сегментов является частью его определения многосоставного общества. Но дело здесь не только в определении. Согласно Смиту, многосоставность неизбежно требует поддержания существующего политического строя способами принуждения и силовыми методами; «разнообразие культур или многосоставность с необходимостью порождают объективную потребность в доминировании одной из социокультурных групп. Это обуславливает необходимость недемократических средств регулирования отношений между группами». Подобная интерпретация предполагает дихотомную типологию, весьма схожую с той классификацией, которую предложил Алмонд для европейских политических систем. Один тип представлен «интегрированными обществами, характеризующимися консенсусом и однородностью культуры», другой — «регулируемыми обществами, отличающимися идейным и культурным многообразием». Следовательно, однородность (гомогенность) рассматривается как необходимое предварительное условие для демократических форм политического управления, что влечет за собой и конкретный прогноз: «многие страны, недавно освободившиеся от колониальной зависимости, могут либо распасться на отдельные территории, каждая с собственным типом культуры, либо сохранить целостность, но лишь при условии установления отношений господства—подчинения между социокультурными группами»³⁹.

---

³⁸ *Mill J.S. Considerations on Representative Government*. New York: Liberal Arts Press, 1958. P. 230.

³⁹ Так изложил сущность теории Смита Лео Купер в статье «Plural Societies: Perspectives and Problems», включенной в кн.: *Kuper L., Smith M.G. (ed.). Pluralism in Africa*. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 14.

Идеи, подобные этой, занимают видное место в литературе, посвященной исследованиям по проблемам политического развития. Концепция политического развития довольно аморфна и неопределенна, в нее обычно входят (по крайней мере, входили до тех пор, пока не утвердился пессимистический взгляд на перспективы демократии) такие два параметра, как демократизация и объединение или создание нации, дополняющие другие — разделение функций и развитие эффективных специализированных политических структур. Следует отметить три аспекта понятия политического развития, вытекающие из вышеизложенного. Во-первых, демократизация и другие характеристики развития обычно понимаются как следствие объединения нации. К примеру, Пай утверждает, что политическое развитие в целом невозможно без развития у граждан прочного сознания принадлежности к единой нации. Признание важности национальной интеграции как фактора политического развития порой приводит, однако, к тому, что между двумя концепциями ставится знак равенства: политическое развитие и *есть* создание нации⁴⁰. Во-вторых, из указанного предположения следуют конкретные политические рекомендации: национальное объединение должно стать приоритетной целью и главной задачей для руководителей развивающихся стран. В-третьих, обычно считается, что процесс национального строительства подразумевает искоренение первичной субнациональной идентификации и замену ее преданностью нации. Леонард Байндер утверждает, что «объединение нации требует создания культурно-идеологического консенсуса такого уровня и масштаба, какого еще не удавалось достичь в этих (развивающихся) странах»⁴¹. То же следует и из утверждения Сэмуэла П. Хантингтона, заметившего, что политическая модернизация означает объединение нации и что это подразумевает «замену множества традиционных, религиозных, семейных и этнических центров политического влияния авторитетом единой светской общенациональной политической власти»⁴².

---

⁴⁰ *Pye L.W.* Identity and the Political Culture//*Binder L. et al.* Crises and Sequences in Political Development. Princeton: Princeton University Press, 1971. P. 117; *Pye L.W.* Aspects of Political Development. Boston: Little, Brown, 1966. P. 38. Общий обзор литературы по проблемам национальной интеграции см.: *Rokkan S.* Citizens, Elections, Parties: Approaches to the Comparative Study of the Processes of Development. Oslo: Universitetsforlaget, 1970. P. 46–71.

⁴¹ *Binder L.* National Integration and Political Development//*American Political Science Review* 58. No 3 (September 1964). P. 630.

⁴² *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 34.

Другой подход к изучению проблем политического развития опирается на идею «центра-периферии», но такой подход не дает альтернативной интерпретации процесса национального строительства. Привносимая им новизна заключается в акцентировании решающей роли элит. В получившей широкое признание концепции «центра-периферии» Эдварда Шилза центром названа та часть общества, «в руках которой сосредоточена власть», а периферией — «глубинка» (*hinterland*), ...над которой эта власть осуществляется». Центр является к тому же еще и «царством идеалов и ценностей». Система ценностей центра действительно является центральной, как ни тавтологично это звучит, поскольку «ее разделяют правящие элиты». Относительно системы ценностей между элитами центра достигнут консенсус, но приверженность ей ослабевает по мере приближения к периферии, которая может быть весьма гетерогенной и иметь совершенно различные ценностные ориентации. Для многосоставных обществ такая модель означает необходимость политического доминирования центра, представленного одним из сегментов, или, если доминирование неприемлемо, поиска общенационального консенсуса по вопросу о «включении массы населения в систему институтов и ценностей центра»⁴³. Данное заключение совпадает с выводами других представителей теорий политического развития.

Если не делать подобных обобщений, то возникает не имеющий однозначного ответа вопрос о том, насколько схема «центр-периферия» применима к многосоставным обществам. На Конференции ЮНЕСКО по проблеме образования национальных государств, состоявшейся в 1970 г., все участники согласились с мнением о том, что концепция «центра-периферии» полезна в качестве средства описания и моделирования, но в то же время раздавались критические замечания по поводу ее ограниченной применимости для изучения обществ с региональными и культурными противоречиями. Эти замечания были сформулированы в отчете конференции следующим образом:

«Что означает эта модель в территориальном смысле? Если «центр» — понятие территориальное, то возможно ли существование нескольких центров? ...Какая степень социальной и культурной гомогенности требуется центру, чтобы быть законным носителем власти и средоточием авторитета? Если же такой гомогенности нет или доминирующий центр сталкивается с сопротивлением со стороны регио-

---

⁴³ *Shils E. Centre and Periphery//Ignotus P. et al. Personal Knowledge: Essays Presented to Michael Polanyi on his Seventieth Birthday, 11 March 1961. London: Routledge and Kegan Paul, 1961. P. 117, 118, 124, 128.*

нальных центров, которые считают себя конкурирующими или даже «концентрами», то остается ли первый «центром»?⁴⁴

В случае, если на практике подобные вопросы не найдут ответов в концепции «центр-периферия», то она едва ли будет приемлемой для изучения многосоставных обществ. Шилз, однако, совершенно однозначно указывает, что его концепция центра не предполагает какого-либо прагматического сотрудничества элит. В отношении системы ценностей центра не обязательно должен сложиться всеобщий консенсус. Правящий класс может быть и «относительно сегментированным», но при этом обязательным условием является не просто «понимание совпадения интересов», а наличие чувства единства, основанного на «общем отношении к системе ценностей центра», которое объединило бы различные группы населения⁴⁵. Таким образом, вышеупомянутые вопросы не могут быть разрешены в рамках теории сообщественности.

ПРЕУВЕЛИЧЕНИЕ РОЛИ КОНТРАСТОВ МЕЖДУ «ПЕРВЫМ» И «ТРЕТЬИМ» МИРАМИ

Основная ошибка, присущая многим теоретическим работам по проблемам политического развития, состоит в преувеличении степени гомогенности западных демократий. Обычно развитие рассматривается как движение от нынешнего состояния незападных государств или их состояния на момент обретения независимости к желаемой или реально достижимой цели. В качестве подобной цели выступает идеальный тип в высокой степени гомогенного западного общества. Прделанный Фернивалом анализ многосоставных обществ основывался именно на таком дихотомном представлении о западных и незападных обществах. В своей ранней работе по Нидерландской Индии он отмечал, что многосоставные общества существуют не только в тропиках, и приводил в пример расовые противоречия в США, культурно разделенную Канаду и религиозно разделенную Ирландию⁴⁶. Однако в своей более поздней работе он подчеркнул значение «контраста между многосоставным обществом в колониях тропического пояса и уни-

---

⁴⁴ *Kothari R.* Introduction: Variations and Uniformities in Nation-Building// International Social Science Journal 23. No 3, 1971. P. 342.

⁴⁵ *Shils E.* Centre and Periphery. P. 126.

⁴⁶ *Furnivall J.S.* Netherlands India: A Study of Plural Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1939. P. 446.

тарным обществом, которое на Западе воспринимается как должное»⁴⁷. Но модель «нормальных гомогенных западных государств», предложенная Фернивалом, не характерна для всех западных обществ в целом. Она приблизительно соответствует англо-американскому типу Алмонда или, точнее, идеализированному британскому обществу. Джеймс С. Коулмен критикует наиболее распространенный взгляд на проблему политического развития, согласно которому конечным продуктом развития должна стать «современная» полития. Он утверждает, что данный подход свидетельствует об «этноцентрическом прозападном нормативном уклоне»⁴⁸. Более существенный порок названного подхода состоит, однако, в том, что такой уклон в действительности является даже не прозападным, а пробританским.

Концепция политического развития Алмонда вместе с его дихотомной типологией западных демократий позволяет ему избежать этой ошибки. По его мнению, уровень политического развития должен измеряться такими показателями, как степень дифференциации ролей, автономность подсистем и уровень секуляризации⁴⁹, которые характеризуют тип ролевой структуры и политической культуры. По сути дела, эта концепция позволяет выделить два типа западных демократий. Таким образом, континентальный европейский тип с раздробленной (негомогенной и несветской) политической культурой и слабой автономностью подсистем должен рассматриваться как относительно менее развитый по сравнению с англо-американским типом.

Фернивал и позднейшие исследователи согласны с тезисом Алмонда о политических последствиях культурной гомогенности и многосоставности, но игнорируют тот факт, что большинство запад-

---

⁴⁷ *Furnivall J.S. Colonial Policy and Practice*. P. 307. Здесь он описывает страны, подобные США и Канаде, как общества с признаками неоднородности, но не многосоставные общества (с. 305). Оливер К. Кокс заметил, что мысли, изложенные в «*Colonial Policy and Practice*», вышедшей в свет в 1948 г., видимо, были высказаны раньше, чем те, которые вошли в книгу о Нидерландской Индии, опубликованную в 1939 г. См.: *Cox. The Question of Pluralism//Race* 12. No 4 (April 1971). P. 392, 400. Различие, которое Фернивал делает между обществами с признаками неоднородности и многосоставными обществами, аналогично различию между многосоставными и гетерогенными обществами у Смита, см.: *Smith. Institutional and Political Conditions of Pluralism//Kuper L., Smith V.G. (ed.). Pluralism in Africa*. P. 28–29.

⁴⁸ *Coleman J.S. The Development Syndrome: Differentiation Equality — Capacity//Binder et al. Crises and Sequences in Political Development*. P. 74. См. также: *Mazrui A.A. From Social Darwinism to Current Theories of Modernization//World Politics* 21. No 1 (October 1968). P. 70–75.

⁴⁹ *Almond G.A., Powell G.B. Comparative Politics*. P. 105, 306.

ных обществ (по Алмонду, это континентальные европейские системы) принадлежат к типу многосоставных. На эту ошибку обратил особое внимание по крайней мере один автор. Альфред Диамант возразил против предложенного Паем деления политических систем на западные и незападные: некоторые из семнадцати характеристик Пая для незападных систем, пишет Диамант, «можно безоговорочно применить к политической ситуации в Австрии между двумя мировыми войнами». Вообще, доказывает Диамант, следует отказаться от западного идеального типа, соответствующего преимущественно британской консенсусной политической системе. «Гораздо успешнее этот идеальный тип можно было бы вывести из того, что Габриель Алмонд назвал континентальной политической системой с несколькими субкультурами. Незападные политические системы станут гораздо понятнее и ближе, если при исследовании применять к ним континентальный идеальный тип, сконструированный на основе многорасового образца (многонационального) общества, в котором отсутствует общенациональный консенсус»⁵⁰. Но предупреждение Диаманта практически осталось незамеченным.

Вторая серьезная ошибка, на которой настаивают представители теории политического развития, начиная с Фернивала, заключается в игнорировании того факта, что несколько многосоставных обществ в Европе достигли стабильной демократии, используя механизмы общности. Фернивал уверяет, что западный опыт не дает нормативной модели для многосоставных обществ, проблемы которых «требуют соответствующих способов решения, лежащих вне сферы внимания политической науки Запада. На Западе главная задача прикладной политической науки — выявление общественной воли и содействие ее реализации». Он не верит, что введение новых форм правления позволит многосоставным обществам создать и сохранить демократию, и подчеркнуто отвергает такой общественный метод, как общинное представительство. Фернивал считает, что оно «скорее раздробляет, чем сплачивает общественную волю, и работает на усиление разногласий между сегментами, а не на социальное единство». Такая пессимистическая оценка неизбежно приводит его к господствующему до сих пор в исследованиях по проблемам политического развития выводу о том, что создание общенационального консенсуса — не только необходимое условие для установления демократии, но и первейшая цель политических лидеров незападных стран. «Недостаточно... просто создать новый

---

⁵⁰ *Diamant A. Is there a Non-Western Political Process? Comments on Lucian W. Pye's 'The Non-Western Political Process'//Journal of Politics 21. No 1 (February 1959). P. 125, 126.*

политический механизм: прежде всего необходимо преобразовать общество. Функции находящихся у власти политиков состоят в создании всеобщей общественной воли, которая стала бы основой власти, представляющей весь народ в целом... Преобразование общества — необходимое предварительное условие изменения формы правления»⁵¹.

Подобные рекомендации представляют собой третью серьезную ошибку, характерную для представителей господствующего подхода к проблемам политического развития. Кроме того, это — ошибка с наиболее далеко идущими практическими последствиями. Хотя замена сегментарных приверженностей общенациональным согласием представляется логичным ответом на вопросы, встающие в связи с многосоставностью общества, было бы чрезвычайно опасно добиваться такой цели. Ввиду особой устойчивости чувства принадлежности к первичным общностям любая попытка резко ослабить его не только имеет ничтожно малые шансы на успех, особенно в краткосрочной перспективе, но может дать обратный эффект и стимулировать сплочение внутри сегментов, даже спровоцировать насилие в отношениях между ними, а не общенациональное единение. Сообщественная альтернатива позволила бы избежать такой опасности и предложить более многообещающий метод и установления демократии, и достижения достаточно высокой степени политического единства.

---

⁵¹ *Furnivall J.S. Colonial Policies and Practice. P. 489—490, 503—546.*

Сообщественная демократия

Сообщественную демократию можно определить через четыре ее характерных элемента, из которых первым и самым важным является осуществление власти большой коалицией политических лидеров всех значительных сегментов многообразного общества. Она может выступать в нескольких различных формах, например, как кабинет большой коалиции в парламентской системе, как «большой» совет или комитет с широким объемом совещательных функций, или большая коалиция с участием президента и высших должностных лиц в президентской системе. Три других важных элемента общественной демократии — это (1) взаимное вето или правило «совпадающего большинства», выступающие как дополнительная гарантия жизненно важных интересов меньшинства; (2) пропорциональность как главный принцип политического представительства, распределения постов в государственном аппарате и средств государственного бюджета и (3) высокая степень автономности каждого сегмента в управлении своими внутренними делами.

БОЛЬШАЯ КОАЛИЦИЯ

Важнейшая характерная черта общественной демократии состоит в том, что политические лидеры всех значитель-

ных сегментов многосоставного общества сотрудничают в управлении страной в рамках большой коалиции. Этот принцип может контрастировать с той системой демократии, для которой характерно разделение политической элиты на правительство, опирающееся только на парламентское большинство, и на влиятельную оппозицию. Самый яркий пример последнего типа является собой британская демократия, поэтому модель «правительство против оппозиции» далее будет именоваться британской. Стиль политического управления в общественной модели основан на объединении интересов; в британской модели — на конкурентном, или, говоря словами Мартина О. Хейслера, «соревновательном» принципе¹.

Создание большой коалиции нарушает правило, согласно которому кабинет в парламентских системах должен иметь, и обычно имеет, поддержку большинства, но не подавляющего большинства. Малая коалиция допускает существование эффективной демократической оппозиции, а кроме того, она легче формируется, поскольку требует примирения меньшего числа различных точек зрения и интересов. Это опирающееся на здравый смысл замечание согласуется и с «принципом размерности» Уильяма Х. Райкера, основанным на положениях теории игр. Данный принцип гласит: «В игре с N участников, построенной на принципе нулевой суммы (т.е. общая сумма выигрыша равна общей сумме проигрыша), где допустимы соглашения между игроками о разделе выигрыша и где игроки руководствуются рациональным расчетом и обладают полной информацией, создаются минимальные по количеству участников коалиции, способные выиграть». Применительно к аналогичным ситуациям в общественной жизни это означает, что «игроки создают коалицию с таким количеством участников, которое, по их мнению, обеспечит им победу, но не больше»².

Принцип размерности исключительно полезен для понимания сущности большой коалиции, поскольку он определяет условия создания минимальной коалиции, необходимой для выигрыша, а следовательно, для всех видов коалиций, в том числе большой. Райкер, например, отмечает, что принцип размерности может подвергаться модификациям благодаря «эффекту информации»: коалиции будут минимальными по числу участников лишь в том

---

¹ *Heisler M.O.* (ed.) *Politics in Europe: Structures and Processes in Some Postindustrial Democracies*. New York: McKay, 1974. P. 52.

² *Riker W.H.* *The Theory of Political Coalitions*. New Haven, Yale University Press, 1962. P. 32–33.

случае, если игроки будут обладать полной информацией, и чем менее полна информация, тем более большая коалиция необходима. Еще более важным является условие нулевой суммы. «Принимаются во внимание только прямые расчеты между игроками, а общий размер выигрыша игнорируется». Когда же важен общий размер выигрыша, тогда неприменимы ни принцип размерности, ни принцип нулевой суммы. Это подтверждается не только логикой, но и экспериментальными исследованиями небольших групп игроков. Райкер обнаружил, что принцип размерности применяется в играх между близкими друзьями, для которых игра есть только игра и ничего более, поэтому они свободно принимают условия нулевой суммы. Группы же, состоящие из не столь близко знакомых друг другу людей, стремились избегать игры с нулевой суммой, так как в этой игровой ситуации «соображения солидарности между членами группы и преданности ее интересам» отступали на второй план. В результате образовались более широкие, чем минимально необходимые, коалиции. Принцип нулевой суммы «налагает определенные ограничения на поведение участников, поскольку подразумевается, что при всех условиях игра будет продолжена и никакой результат не приведет к тому, что проигравшие, не согласившись с ним, выйдут из игры»³.

В политической жизни требование нулевой суммы ограничивает применение принципа размерности в создании коалиций лишь двумя типами обществ: 1) гомогенными обществами с высокой степенью консенсуса, когда общая выгода принимается как должное, и 2) обществами, которые являются полной противоположностью первых и которые раздирают острые внутренние антагонизмы и вражда. Другими словами, принцип размерности применим там, где участники политического процесса рассматривают политику либо как *игру*, либо как тотальную *войну*. В иных ситуациях будет оказываться по крайней мере некоторое давление с целью расширения коалиции, а возможно, и создания большой коалиции⁴.

Образ игры охотно используется Габриэлем А. Алмондом, когда он говорит об англо-американских демократиях. «Поскольку их

---

³ *Ibid.* P. 29, 51, 88—89, 103. О неприменимости правления большинства в многосоставных обществах см. также: Rogowski R. Rational Legitimacy: A Theory of Political Support. Princeton: Princeton University Press, 1974. P. 77—142.

⁴ Даже не в общественных парламентских системах коалиционные правительства зачастую отклоняются от минимально необходимых норм. См.: Daalder H. Cabinets and Party Systems in Ten Smaller European Democracies//Acta Politica 6. No 3 (July 1971). P. 282—303; Taylor M., Laver M. Government Coalitions in Western Europe//European Journal of Political Research 1. No 3 (September 1973). P. 205—248.

политическая культура приближается к гомогенной и пронизана духом прагматизма, постольку [политический процесс] в них в некоторой степени приобретает характер игры. Игра хороша тогда, когда ее результат неизвестен заранее, а ставки не слишком высоки». Это означает, что соревновательный стиль хорошо подходит гомогенным обществам. Однако, продолжает Алмонд, «когда ставки слишком высоки, атмосфера игры становится иной: тогда возбуждение сменяется озабоченностью»⁵. Коль скоро в многосоставных обществах ставки часто поднимаются очень высоко, то им не подходит идея превращения политики в своего рода игру: их условиям отвечает создание большой коалиции, а не следование норме «правительство против оппозиции».

Функции большой коалиции можно пояснить также, рассмотрев их в контексте противостоящих друг другу принципов консенсуса и правления большинства в рамках нормативной теории демократии. С одной стороны, широкое согласие всех граждан выглядит более демократичным, чем просто власть большинства, но, с другой стороны, единственная реальная альтернатива власти большинства — это власть меньшинства, или, по крайней мере, право меньшинства налагать вето. В большинстве демократических конституций эта дилемма разрешается установлением принципа простого большинства для нормального течения дел, т.е. когда ставки, как предполагается, не слишком высоки, и квалифицированного большинства или иного, особо определяемого законом, например, в случае принятия важных решений, скажем, принятия или изменения текста конституции. Тем самым эти конституции следуют рекомендации Жан-Жака Руссо: «Чем более серьезные и важные решения принимаются, тем ближе к единодушию должно быть возобладавшее мнение»⁶. На практике принцип большинства хорошо работает тогда, когда разброс мнений сравнительно невелик, иначе говоря, когда сложился достаточно широкий консенсус, а большинство и меньшинство не слишком далеко отстоят друг от друга. Как заметил однажды лорд Бальфур, когда «все согласны в главном, можно себе позволить немножко потолкаться»⁷. Но в политической системе с отчетливо выраженными противоречивыми и потенциально враждебными друг другу группами населения принятие

---

⁵ *Almond G.A. Comparative Political Systems//Journal of Politics* 18. No 3 (August 1956). P. 398–399.

⁶ *Rousseau J.J. The Social Contract/trans. Cole G.D.H. New York, Dutton, 1950. P. 107.*

⁷ Цит. по: *Friedrich C.J. Constitutional Government and Democracy: Theory and Practice in Europe and America. (rev. ed.). Waltham, Mass.: Blaisdell, 1950. P. 422.*

практически любого решения может стать игрой с очень высокими ставками, и тогда власть большинства ставит под угрозу цельность и благополучие системы в целом.

Даже в странах, не принадлежащих к категории многосоставных или сообщественных, большие коалиции могут образовываться на определенный период времени с целью преодоления серьезного внутри- или внешнеполитического кризиса. Например, Великобритания и Швеция, которые относятся к числу гомогенных и консенсусных демократий, прибегали к формированию правительств большой коалиции во время второй мировой войны. Такое же решение имел в виду и Роберт А. Даль, когда в разгар уотергейтского кризиса в Соединенных Штатах Америки предложил сформировать двухпартийную администрацию на период между отставкой президента Никсона и вступлением в должность нового главы исполнительной власти, избранного всеобщим голосованием. Как считал Р. Даль, временным президентом должен стать человек, «свободный от узкопартийных ориентаций», посты в его кабинете должны быть «более или менее равно распределены между республиканцами и демократами, ...а высокопоставленные чиновники аппарата Белого дома тоже должны привлекаться примерно в равном количестве от обеих партий». Особенно интересно привести его аргументацию в пользу такого предложения. «Хоть оно ново и непривычно для американцев, — писал Р. Даль, — в нем все совершенно сообразуется с духом и буквой конституции». В ряде других стран большие коалиции позволили достичь единства и стабильности во время критических переходных периодов путем умиротворения партийных страстей и укрепления консенсуса». Президент Танзании Джулиус Ньерере также доказывал, что существование политической оппозиции может нанести вред стране в условиях политического кризиса и достаточно точно суммировал, подытожил западный политический опыт следующими словами: «В западных демократиях оппозиционные партии в чрезвычайных ситуациях оставляют в стороне все противоречия и объединяются с большинством в правительстве национального единства»⁸. В многосоставных обществах сам их характер является таким фактором кризиса; в них кризис — это нечто большее, чем временная чрезвычайная ситуация, и требуется создание большой коалиции, способной функционировать в течение достаточно долгого времени.

⁸ Dahl R.A. A Bipartisan Administration//New York Times. November 14, 1973.

⁹ Nyerere J. One-Party Rule//Sigmund P.E. (ed.). The Ideologies of the Developing Nations. New York, Praeger, 1963. P. 199.

Эту аргументацию можно развивать дальше. Идею «правительство против оппозиции», предписываемую нормативной теорией демократии, можно рассматривать и как принцип исключения, согласно которому значимое меньшинство следует исключить из правительства. Но этот принцип не столь строг, как кажется, поскольку он основан на предположении, что меньшинство может стать большинством, а значит правительство и оппозиция могут поменяться местами. В долгосрочной перспективе, таким образом, каждый значительный сегмент общества может получить возможность участия в правительстве.

Есть два пути превращения меньшинства в большинство: 1) значительное количество неустойчивых во мнении избирателей могут отдать голоса не партии или партиям, стоящим у власти, а оппозиции, и тем дать ей большинство, необходимое для формирования нового правительства; 2) возможна система ротации, при которой в течение нескольких лет каждая партия будет поочередно входить в правительство.

Первый механизм не может удовлетворительно действовать в многосоставном обществе, поскольку противоречия между его сегментами с большой вероятностью будут распространяться и на политическую сферу и выразятся в противоречиях между партиями, число же неустойчивых голосов избирателей будет невелико. Второй метод может сработать только там, где существует не менее трех партий меньшинства, не имеющих заведомо предпочтительных партнеров по возможной коалиции. В отсутствие того, что Вэл Р. Лорвин назвал «способностью создавать всеохватывающие коалиции» (*Algemeinkoalitionsfahigkeit*)¹⁰, ротационные коалиции могут выступить альтернативой большой коалиции; их можно рассматривать и как диахронную большую коалицию. Но когда в наличии имеются две главных сегментарных партии, два стабильных партийных альянса или партия большинства, противостоящая двум или большему числу меньших партий, тогда большая коалиция представляет единственную возможность избежать постоянного исключения меньшинства из системы власти.

Последний аргумент в пользу создания большой коалиции и в двухпартийных, и в более сложных системах, характеризуемых указанным качеством, т.е. способностью создавать всеохватывающие коалиции, может быть сформулирован как ответ на возражение Брайана Барри против мысли о том, что большая коалиция является

¹⁰ *Lorwin V.R. Belgium: Religion, Class and Language in National Politics// Dahl R.A. (ed.). Political Oppositions in Western Democracies. New Haven, Yale University Press, 1966. P. 178.*

важнейшим инструментом достижения политической стабильности в многосоставном обществе. Барри утверждает, что большая коалиция — это чисто умозрительное построение, а на самом деле решающим фактором является готовность к компромиссу, которая не обязательно должна выражаться в виде институционализированного сотрудничества в рамках большой коалиции:

«Готовность лидеров Австрийской Народной партии в 1945 г. предложить «большую коалицию» и готовность лидеров Социалистической партии принять это предложение, — пишет Барри, — были исключительно важны, так как они продемонстрировали, что обе партии готовы действовать в примирительном духе. Но эта их позиция могла бы позволить создать стабильную систему и в том случае, если бы Народная партия сформировала правительство, придерживавшееся умеренного курса, а Социалистическая партия стала лояльной оппозицией»¹¹.

То, что умеренность и готовность к компромиссу являются необходимыми условиями для формирования большой коалиции, — очевидная истина и даже тавтология. Вместе с тем, перспектива участия в правительстве служит мощным стимулом как для отказа от радикализма, так и для поиска компромисса, поскольку в таком случае сводится к минимуму риск быть обманутым другими партиями или собственным необоснованным оптимизмом по поводу их готовности к примирению. Находясь у власти, партии, не вполне доверяющие друг другу, получают важную гарантию политической безопасности. Для этого, разумеется, необходимо быть в правительстве постоянно, а не участвовать в ротационной коалиции, состав участников которой все время меняется.

РАЗНОВИДНОСТИ БОЛЬШИХ КОАЛИЦИЙ

До сих пор идея большой коалиции излагалась в самой общей форме без определения ее конкретных институциональных форм. Кабинет большой коалиции — простейший вид общественного механизма, но ту же функцию могут выполнять и многие другие формы. Важнейшую черту большой коалиции составляет не ее конкретное институциональное устройство, а участие лидеров всех крупнейших сегментов в управлении многосоставным обществом. Швейцария и Австрия представляют собой классические примеры больших коалиций. В последние годы в высший исполни-

---

¹¹ Barry B. The Consociational Model and Its Dangers // European Journal of Political Research 3, No 4 (December 1975). P. 405.

тельный орган — Федеральный совет Швейцарии, состоящий из семи членов, входят представители четырех партий пропорционально числу полученных ими на выборах голосов* — два радикала, два социалиста, два католика и один — от крестьянской партии. Одновременно семеро советников — министров правительства — представляют языковые группы и регионы. Однако эта «магическая формула» сложилась лишь в 1959 г., когда включением второго представителя социалистов в Федеральный совет было восполнено недостаточное представительство этой партии. До 1891 г. Совет состоял исключительно из радикалов, а в 1891 г. в него впервые был избран один католик; второй представитель этой партии вошел в Совет в 1919 г. Представитель крестьянской партии был включен в правительство в 1929 г., первый социалист был избран в 1943 г.¹²

Австрийский вариант представляет собой очень близкое к идеальному объединение элит. В кабинет большой коалиции, который правил страной с 1945 по 1966 гг., входили в тщательно сбалансированной пропорции представители двух партий, пользовавшихся преобладающим влиянием в стране и выражавших интересы католического и социалистического сегментов. Не был представлен лишь небольшой либерально-национальный сегмент¹³. В Бельгии и Нидерландах идея большой коалиции не институционализировалась на уровне общенациональной исполнительной власти. Хотя по сути дела все кабинеты министров были коалиционными, тем не менее некоторые крупные партии в разные периоды оказывались в оппози-

---

* Здесь и далее автор приводит не официальные названия партий, а достаточно условные обозначения сегментов, являющихся их массовой базой. Помимо задачи упрощения изложения путем сближения наименования партии и сегмента, представленного ею в политической жизни, автор прибегает к такому приему, видимо, и потому, что на протяжении своей истории (зачастую более чем столетней) многие из этих партий меняли названия. Современные названия упоминаемых автором партий: в Швейцарии — Демократическо-христианская (католики), Радикально-демократическая (радикалы), Социал-демократическая (социалисты) и Народная (крестьяне) партии, в Австрии — Народная (католики) и Социал-демократическая партии; в Бельгии — расколотые на фламандское и франкофонное крылья Партия свободы и прогресса (либералы), Социалистическая партия; католические Социально-христианская и Христианская народная партии; в Нидерландах — Партия труда (социалисты), Христианско-демократический призыв (католики). (Прим. пер.)

¹² Hughes C. The Parliament of Switzerland. London, Cassell, 1962. P. 69—83. См. также: Petitpierre M. De quelques problèmes concernant le Conseil fédéral//Annuaire suisse de science politique. Vol. 7. Lausanne: Association Suisse de Science Politique, 1967. P. 7—16.

¹³ С 1945 по 1947 гг. в коалицию включался один коммунист; см.: Nassmacher K.-H. Das österreichische Regierungssystem: Grosse Koalition oder alternierende Regierung? Cologne, Westdeutscher Verlag, 1968. P. 98—99.

ции. В период с 1918 по 1963 гг. в Бельгии кабинеты большой коалиции, в которую входили все три крупнейшие партии, управляли страной на протяжении четверти этого времени. Все другие кабинеты представляли собой ротационную коалицию, в которой католики играли стержневую роль: только 14% того периода (1918—1963 гг.) они провели в оппозиции. Либералы и социалисты чаще оказывались в оппозиции, но и они входили в правительство в течение соответственно трех четвертей и более чем половины упомянутого периода истории¹⁴. Политические партии, представлявшие четыре голландских «столпа», ни разу не объединялись в большую коалицию во время «эры общности» в Голландии, которая пришла на период с 1917 по 1967 гг., однако в указанные годы все правительства этой страны были коалициями с периодически обновлявшимся составом участников, среди которых почти постоянно была представлена католическая партия. Кроме того, обычно кабинеты, не являясь в строгом смысле большими коалициями, имели большую политическую базу, т.е., если использовать терминологию теории игр, то надо сказать, что она была шире минимально необходимой для выигрыша. Единственным серьезным отклонением от классической схемы было то, что социалисты не допускались в правительство до 1939 г.

В Бельгии и Нидерландах ротационная коалиция на уровне правительств дополнялась большой коалицией в других органах: постоянных и рабочих «больших» советах или комитетах, формально обладавших лишь совещательными функциями, однако зачастую оказывавших решающее влияние. Наиболее показательными в этом отношении примерами являются голландские Социально-экономический совет — один из редких примеров эффективного и сильного «экономического парламента», и временные большие коалиции с участием лидеров партий, заключавших так называемые «школьные пакты», призванные урегулировать болезненную для общества проблему государственной помощи религиозным школам в Нидерландах в 1917 г. (и в Бельгии в 1958 г.). Даже тогда, когда само правительство представляет собой большую коалицию, оно может и не быть единственным или даже главным общественным органом. В Австрии наиболее важные решения принимались не кабинетом большой коалиции, а маленьким внеконституционным коалиционным комитетом (Koalitionsausschuss), в работе которого на равных участвовали виднейшие лидеры католиков и социалистов. Таким же внеконституционным рабочим комитетом,

---

¹⁴ *Lorwin V.R. Belgium. App. P. 414—415.*

стоявшим и над правительством, и над парламентом, была «Пятерка» («Петка») в Чехословакии в период между двумя мировыми войнами. Она зародилась как коалиция лидеров пяти главных чешских партий и со временем стала наиболее влиятельным политическим органом страны¹⁵.

Приведенные примеры показывают, что в парламентских системах большим коалициям не обязательно принимать форму коалиционного правительства. Однако сказанное не означает, что любой тип политической системы в равной мере способствует формированию больших коалиций. Необходимо взглянуть на эту проблему с точки зрения традиционной классификации демократических режимов: парламентская система *versus* президентская и республика *versus* монархия. Поскольку при президентском режиме исключительно велик объем полномочий одного лидера, поскольку такая система менее благоприятна для общественной власти, чем парламентский режим, предполагающий существование коллегиального кабинета, в котором могут быть представлены различные сегменты. Однако президентская форма правления и общественность не являются абсолютно несовместимыми. Одно из возможных решений — уже знакомая нам ротационная большая коалиция с меняющимся составом участников. Хотя Колумбия и не может считаться многосоставным обществом, тем не менее соглашение между Либеральной и Консервативной партиями о попеременном занятии их представителями президентского поста на шестнадцатилетний период (1958—1974 гг.) способно служить весьма наглядным примером. Ротация на высшем посту дополнялась равным представительством партий на всех уровнях госаппарата. Другим решением рассматриваемой проблемы может служить и такое, когда президентский пост и другие высшие должности в системе исполнительной власти, в частности посты премьер-министра, заместителя премьер-министра, спикера законодательного собрания, распределяются на определенных условиях, в результате чего все занимающие эти должности политики вместе составляют большую коалицию, как, например, в Ливане. Предложение Даля о беспартийном президенте и двухпартийном кабинете для преодоления уотергейтского кризиса и его последствий — еще один (хотя и гипотетический) вариант решения данной проблемы.

---

¹⁵ *Schlesinger R.* Central European Democracy and Its Background: Economic and Political Group Organization. London, Routledge and Kegan Paul, 1953. P. 268–269. «Пятерка» («Петка») не была в полном смысле большой коалицией, поскольку не включала в себя представителей национальных меньшинств.

Несмотря на то, что концентрация власти в руках одного человека служит препятствием на пути создания большой коалиции, положительное воздействие в таком случае может оказать другая особенность президентской формы правления, а именно разделение властей. В трех европейских общественных демократиях — Австрии, Бельгии и Нидерландах — действует формальное правило, согласно которому пребывание правительства у власти обусловлено поддержкой парламента, обладающего правом отправлять кабинет в отставку. В Швейцарии же, напротив, разделение властей сочетается с «коллегиальным президентством»: Федеральный совет из семи человек избирается парламентом на четыре года, но, будучи избранными, члены совета не могут быть принуждены уйти в отставку¹⁶. Такое разделение властей, вероятно, оказывает положительное, хотя и ограниченное влияние на развитие и устойчивость общественной формы правления в Швейцарии. Даль показывает, что в целом конституционно закрепленное разделение властей способствует развитию тенденций к сотрудничеству и поиску общих интересов: разделение властей и федерализм «уменьшают изолированность оппозиции и смягчают дух соперничества в борьбе между нею и правительством»¹⁷.

Обоснованность данного аргумента подкрепляется и тем фактом, что в Голландии существует целый ряд большей частью неформальных правил, которые приносят в строгий парламентаризм дух некоего «полуразделения» властей, способствующий сотрудничеству элит в этой стране. Хотя все кабинеты, начиная с 1868 г., были парламентскими, их полунезависимое положение подчеркивалось утвердившимся представлением о том, что они являются правительствами короля или королевы. Более того, несмотря на то, что министры имеют право выступать в парламенте, они не могут быть депутатами или голосовать в парламенте. Министры и назначаются преимущественно не из парламентариев: из всех членов кабинета, занимавших свои посты с 1848 по 1958 гг., лишь около трети были депутатами законодательного собрания до вхождения в правительство¹⁸.

Благодаря своему независимому положению, голландские и швейцарские органы исполнительной власти могут выполнять двойную функцию в общественной демократии. Имея широкий

---

¹⁶ См.: *Dominice C. Le systeme gouvernemental suisse compare a d'autres types de gouvernements//Annuaire suisse. Vol. 7. P. 39—67.*

¹⁷ *Dahl R.A. Political Opposition. P. 351.*

¹⁸ *Dogan M., Maria Scheffer-Van der Veen. Le personnel ministeriel hollandais (1848—1958)//L'annee sociologique. 3d ser. Paris: Presses Universitaires de France, 1958. P. 100.*

состав участников (хотя, как отмечалось выше, голландские кабинеты никогда не были в полной мере большими коалициями), они становятся тем органом, в котором находит практическое воплощение идея сотрудничества элит. И в то же время, благодаря своему особому положению — над парламентом и над партиями — они могут выступать как независимые посредники между соперничающими группировками¹⁹.

Возможность формирования большой коалиции зависит также от формы правления — республиканской или монархической. Для монархии в многосоставном обществе наиболее важно то, в какой степени она является символом национального единства и тем самым служит противовесом центробежным тенденциям, ориентированным на разделение общества. Такова первая ее функция. Еще одна важная особенность монархии в многосоставном обществе заключается в том, что монарх не принадлежит ни к какой партии, и тем самым отпадает необходимость поиска приемлемого для всех кандидата на пост главы государства, т.е. снимается проблема, аналогичная поиску беспартийного президента при режиме президентской власти. И в этом смысле можно говорить о второй функции монархии в многосоставном обществе. Ханс Даалдер заключает, что в целом в Голландии монархия «выполняла важную объединительную миссию»²⁰. То же можно сказать и о бельгийских королях как «средоточии совершаемого нацией таинства». Король — «единственный из всех бельгийцев не является ни фламандцем, ни валлоном, ни брюссельцем»²¹. И тем не менее, хотя монархия в обеих странах и выступала — особенно при короле Альберте в Бельгии и в последний период царствования королевы Вильгельмины в Нидерландах* — как объединяющая сила, но так было далеко не всегда. Вопрос о королевской власти в Бельгии привел к всеобщей забастовке 1950 г. и поставил страну на грань гражданской войны. А голландский королевский дом, будучи символом национального един-

---

¹⁹ См.: *Lijphart A. The Politics of Accomodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands.* Berkeley: University of California Press, 1968. P. 134–137.

²⁰ *Daalder H. The Netherlands: Opposition in a Segmented Society//Dahl R.A. Political Opposition.* P. 218.

²¹ *Lorwin V.R., Vermang M. Conflict and Compromise in Belgian Politics//De Christelijke Werkgever.* No 12 (December 1964). P. 13.

* Альберт I (1875–1934) — король Бельгии с 1909 г.; Вильгельмина (1880–1962) — королева Нидерландов в 1890–1948 гг. Король Альберт I возглавил сопротивление германскому вторжению в 1914 г. и вместе с армией и правительством эвакуировался из страны. Леопольд III 28 мая 1940 г. отдал бельгийской армии приказ о капитуляции, после чего бельгийский парламент в изгнании проголосовал за его отречение от престола. (*Прим. ред.*)

ства, в то же время традиционно поддерживал прочные связи с кальвинистской частью общества.

Австрия и Швейцария были лишены позитивной объединяющей силы в лице национальной монархии, однако они нашли адекватный эквивалент для ее второй функции. На протяжении всей эпохи существования большой коалиции в Австрии пост президента занимал социалист, канцлером же был католик. Такое положение, однако, не было результатом специальной договоренности элит в общественном механизме; оно сложилось вследствие того, что, за исключением 1945 г., президент избирался всенародным голосованием и обе главные партии активно соперничали на выборах²². В Швейцарии пост президента ежегодно переходит от одного члена Федерального совета к другому — такова еще одна форма ротационной большой коалиции.

ВЗАИМНОЕ ВЕТО

Первый и наиболее важный элемент в системе общественного правления — большая коалиция в той или иной форме — дополняется еще тремя вспомогательными элементами (механизмами): взаимным вето, пропорциональностью и автономией всех сегментов. Эти четыре элемента тесно связаны между собой и подразумевают отклонения от «правления большинства» в чистом виде. Взаимное вето, которое будет рассмотрено в первую очередь, представляет собой «негативное» правление меньшинства.

Участие в большой коалиции дает важную политическую гарантию безопасности сегментам, составляющим меньшинство; но гарантию не абсолютно надежную. Решения должны приниматься большой коалицией методом голосования и хотя участие в коалиции дает возможность меньшинству максимально энергично отстаивать собственную позицию перед партнерами, все же при голосовании большинство может провести свою точку зрения. Если принятые подобным образом решения затрагивают жизненно важные интересы меньшинства, то с поражением оно не смирится, и сотрудничество между элитами окажется под угрозой.

Следовательно, к принципу большой коалиции необходимо добавить и право меньшинства на вето; только такое вето даст каждому сегменту полную гарантию политической безопасности. Право вето меньшинства синонимично «совпадающему большин-

²² *Vodopivec A.* Wer regiert in Osterreich? Vienna: Verlag für Geschichte und Politik, 1962. P. 25–32.

ству» Джона К. Калхоуна, главная цель которого также состоит в защите интересов меньшинства: оно наделяет каждый сегмент «правом самостоятельно защищать себя и вручает права и безопасность каждого в те единственные руки, которые только и могут надежно обеспечить их, — в его собственные руки. Без этого невозможно постоянное мирное и эффективное противодействие естественной для каждого индивида склонности вступать в конфликт с другими»²³.

Наибольшая опасность, таящаяся в праве меньшинства на вето, заключается в том, что оно может создавать такие же сложности для сотрудничества в рамках большой коалиции, к каким может привести и пренебрежение мнением меньшинства. Однако можно привести три довода в подтверждение того, что эта опасность не так велика, как кажется. Во-первых, вето имеет *взаимный* характер, все группы, составляющие меньшинство, обладают им и могут прибегнуть к нему. Калхоун употребляет термин «взаимное отрицание» как синоним «совпадающего большинства». Маловероятно, что право вето будет использоваться меньшинством слишком часто, так как это может нанести урон и его собственным интересам. Во-вторых, сам факт того, что право вето всегда есть в арсенале доступных средств, придает меньшинству чувство уверенности, снижает вероятность применения данного права на практике. Предоставление каждому интересу и каждой группе права на самозащиту предотвращает все распри и борьбу между ними за господство... и тем самым... подавляются все чувства, способствующие ослаблению сознания принадлежности к единому целому».

Соответственно, рассуждает Калхоун, каждая группа, каждый сегмент «считает, что наилучшим образом обеспечит собственное процветание, если сможет снискать доверие других и содействовать их благополучию». Наконец, каждый сегмент осознает опасность тупика и застоя, к которым можно прийти, безоглядно пользуясь правом вето. «Побуждаемый настоятельной необходимостью избежать пробуксовки в деятельности правительства, каждый сегмент будет рассматривать уступки, на которые ему придется пойти ради обеспечения общих интересов, и следовательно, своих собственных, как слишком незначительную жертву по сравнению с тем злом, которому могут подвергнуться все, а значит, и он сам, если будет упрямо придерживаться отличной от всех линии поведения»²⁴.

²³ Calhoun J. C. A Disquisition on Government / Gordon Post C. (ed.) New York: Liberal Arts Press, 1953. P. 28.

²⁴ Ibid. P. 37–38, 52. См. также: Kateb G. The Majority Principle: Calhoun and his Antecedents // Political Science Quarterly 84. No 4 (December 1969). P. 583–605; Di Palma G. The Study of Conflict in Western Society: A Critique of the End of Ideology. Morristown, N.J.: General Learning Press, 1973. P. 10–13.

Взаимное вето может быть и неформальной неписанной договоренностью, и официально оформленным правилом, и закрепленной в конституции нормой. Нидерланды и Швейцария дают примеры неформального применения вето. В Австрии оно официально подтверждалось лидерами социалистической и католической партий перед формированием каждого коалиционного правительства: в коалиционном комитете все решения должны были приниматься единогласно. В Бельгии взаимное вето было не более чем неформальным принципом отношений между католической, социалистической и либеральной «духовными семьями» (*familles spirituelles*), но оно было закреплено в конституции и относилось к вопросам, затрагивавшим интересы языковых групп. В начале 60-х годов лорд Клаес писал: «Все более и более в парламенте и других собраниях решение большинства не считается достаточно представительным, если анализ голосов, поданных «за» и «против», показывает, что они неравномерно распределены между двумя частями страны»²⁵. В 1970 г. это правило было закреплено соответствующей поправкой к конституции: законы, затрагивающие культурные и образовательные интересы языковых групп, принимаются только в том случае, если за них проголосует большинство и франкоговорящих, и фламандскоговорящих парламентариев. Это означает введение официального права вето для обеих языковых групп.

ПРОПОРЦИОНАЛЬНОСТЬ

Принцип пропорциональности также представляет собой значительное отклонение от идеи власти большинства и, подобно взаимному вето, тесно связан с принципом большой коалиции. Принцип пропорциональности применяется двояко. Во-первых, он является методом, с помощью которого между представителями различных сегментов распределяются посты в системе государственной службы, а также ограниченные финансовые ресурсы в форме правительственных субсидий. В этом смысле он противоположен принципу «победитель получает все», действующему при неограниченной власти большинства. Поскольку один из мотивов образования минимально необходимой для выигрыша коалиции состоит в том, чтобы распределить «теплые места» среди как можно меньшего числа претендентов, постольку принцип пропорцио-

---

²⁵ *Claes L. The Process of Federalization in Belgium. Delta 6, No 4 (winter 1963–1964). P. 45.*

нального распределения должностей делает такую коалицию менее выгодной, а следовательно, и менее реальной.

Принцип пропорциональности как нейтральный и непредвзятый способ распределения устраняет из процесса принятия решений многие проблемы, потенциально способные расколоть коалицию, и тем самым облегчает бремя общественной власти. Еще более важная функция принципа пропорциональности связана непосредственно с процессом принятия решений. Юрг Штайнер так определяет пропорциональную модель: «Все группы оказывают на выработку решения воздействие, прямо пропорциональное их численности». И с этой точки зрения принцип пропорциональности связан с правилами большой коалиции: «Примерно пропорционального распределения политического влияния можно добиться лишь в том случае, если каждое решение согласовывается при участии все групп»²⁶. Одновременно идея пропорциональности привносит уточнение в концепцию большой коалиции: все значительные сегменты должны быть не просто представлены в органах, принимающих решения, а представлены пропорционально. Например, швейцарская «магическая формула» состава Федерального совета — это формула пропорциональная. В Австрии же кабинеты большой коалиции составлялись таким образом, чтобы в них как можно точнее отражались электоральные успехи обоих партнеров по коалиции.

Пропорциональный состав кабинетов и других органов, принимающих решения, не позволяет дать ответ на вопрос о том, как обеспечить пропорциональность влияния в тех случаях, когда решение возможно лишь в форме «да» или «нет»: например, предпринимать или не предпринимать какой-либо конкретный шаг. При отсутствии изначального согласия кто-то окажется победителем, а кто-то проиграет, поскольку в такой ситуации нельзя избежать либо проявления власти большинства, либо применения вето меньшинства. Решения эта дилемма не имеет, однако есть два способа смягчить ее, которые могут рассматриваться как паллиативы. Первый из них — увязать несколько вопросов и решать их одновременно путем взаимных уступок: обычно это называется «перекатыванием бревна»*, «пакетной сделкой» или, в Австрии — Junktim²⁷.

²⁶ Steiner J. The Principle of Majority and Proportionality//British Journal of Political Science 1. No 1 (January 1971). P. 63.

* Американский термин logrolling намекает на то, что бревно должны перекачивать несколько человек, действуя синхронно. (Прим. ред.)

²⁷ Lehmbuch G. Proporzdemokratie: Politisches System und politische Kultur in der Schweiz und in Osterreich. Tubingen: Mohr, 1967. P. 26—29.

Другой способ состоит в делегировании права принятия наиболее трудных и важных решений признанным лидерам, представляющим все сегменты общества. Здесь принцип пропорциональности приобретает исключительное значение. В идеально-типической британской модели правило власти большинства действует как в случае решения избирателей, так и при формировании правительства. В каждом округе избирается один кандидат с четкой, в идеале политической, программой. Кабинет, опирающийся на большинство победивших кандидатов, проводит в жизнь программу победителей. В такой модели принципиальные решения принимаются по правилу власти большинства на уровне массы избирателей. В противоположность этому, в пропорциональной модели принятие решений властью большинства (или правом вето меньшинства) *откладывается* как можно дольше. Пропорциональная модель в качестве избирательной системы максимально точно преобразует сумму полученных на выборах голосов в количество мест в парламенте, не требуя осуществления конкретных политических шагов. Принятие решений откладывается и далее формированием на пропорциональной основе кабинета большой коалиции, а возможно, и стоящего над ним органа, например, такого, как австрийский коалиционный комитет (Koalitionsausschuss) или чешская «Петка» (Петка). Подобный метод переноса решений на самый высокий уровень означает сосредоточение права их принятия в руках узкого круга высших руководителей. Преимущество в данном случае состоит в том, что при доверительных и секретных переговорах вероятность достижения «пакетной сделки» максимизируется, а использования меньшинством права вето — минимизируется.

Строго говоря, диаметральной противоположностью практики откладывания и делегирования решений, характерной для стран с пропорциональным представительством сегментов в органах власти, является не мажоритарная система британского типа, а прямая власть большинства, и прежде всего референдум, особенно если он проводится по инициативе общественных организаций. В Швейцарии делегирование права принятия решений на уровень высшего общенационального исполнительного органа власти причудливо сочетается с периодическими отклонениями в противоположную крайность, а именно с проявлениями прямой демократии и власти большинства, лишь слегка смягченными тем, что для принятия решения по конституционным вопросам требуется получить большинство голосов как в целом по стране, так и по кантонам.

Есть два варианта применения принципа пропорциональности, которые порождают еще большие отклонения от власти большинства: сознательно завышенное представительство малых

сегментов и паритетное представительство. Последний вариант есть логическое продолжение первого: представительство меньшинства или меньшинств завышается до такой степени, что становится равным представительству большинства или самой большой группы. Практический результат применения принципа большинства в британской модели состоит в завышении представительства и влияния большинства. Паритет и завышенное представительство меньшинства дают противоположный эффект, они являются способами дополнительной защиты малых сегментов. Паритет — особо действенная альтернатива пропорциональности в обществе, разделенном на два неравных сегмента. В этом случае пропорциональность не сняла бы конфронтации меньшинства с большинством в органах, принимающих решения, поскольку просто отражала бы существующее соотношение сил. Примером органа, созданного на паритетной основе, является бельгийский кабинет, который, согласно новым положениям конституции 1970 г., должен состоять из равного числа министров, представляющих говорящие по-французски и по-фламандски части населения (не считая премьер-министра), и в котором тем самым завышено представительство франкофонного меньшинства.

АВТОНОМИЯ СЕГМЕНТОВ И ФЕДЕРАЛИЗМ

Последнее отклонение от власти большинства составляет автономия сегментов, т.е. самоуправление меньшинств в сфере своих исключительных интересов, что представляется логическим следствием принципа большой коалиции. По всем вопросам общего характера решения должны приниматься сегментами совместно на началах пропорциональности влияния. Однако по другим вопросам право принятия и исполнения решений может быть предоставлено отдельным сегментам.

Делегирование сегментам прав выработки и претворения в жизнь политических решений вкупе с пропорциональным распределением государственных средств между сегментами — мощный стимул к становлению различных организаций, представляющих интересы сегментов. Одним из аспектов определения многосоставного общества является то, что границы между сегментами переносятся и на институты гражданского общества. Это означает, что автономия сегментов усиливает многосоставность и без того неоднородного общества. Даалдер выступил с критикой той интерпретации голландского «школьного пакта» и избирательного законодательства 1917 г., которую давала им большая коалиция с уча-

ствием лидеров партий, созданная на принципах пропорциональности: участники коалиции рассматривали пакт как реакцию на возникшую по этим проблемам напряженность в отношениях между субкультурами*. «Великое умиротворение 1917 г. было... не реакцией на голландское *verzuiling* (противоречия между сегментами), но во многих отношениях — лишь прелюдией к ним. Только после 1917 г. различные группы голландского общества начали создавать влиятельные организации для защиты своих интересов»²⁸. В принципе, здесь нет противоречия. «Столпы» как сложившиеся субкультуры с собственными, зачастую не совпадавшими интересами существовали и до 1917 г., но их институциональные структуры многократно усилились благодаря автономии субкультур и пропорциональному распределению субсидий после 1917 г. Природе общественной демократии вполне соответствует то, что, по крайней мере в своей начальной фазе, она делает многосоставное общество еще более неоднородным. Смысл ее — не в устранении и не в ослаблении различий между сегментами, а в открытом признании их и превращении в конструктивные элементы стабильной демократии.

Особой формой автономии сегментов является федерализм, хотя, разумеется, федерализм может существовать и в не многосоставных обществах. В теории федерализм имеет много важных параллелей с общественностью; причем, это не только предоставление автономии составным частям государства, что является наиболее важной отличительной чертой федерализма, но и завышенное представительство малых образований в «федеральной» палате парламента. Теорию федерализма, таким образом, можно рассматривать как ограниченный и особый вид теории общественности. Аналогичным образом, федерализм можно считать и общественным методом для тех многосоставных обществ, которые являются «федеративными», т.е. обществами, в которых каждый сегмент сосредоточен на определенной территории и отделен от других сегментов, или, другими словами, обществами, в которых границы между сегментами совпадают с границами между регионами²⁹. Поскольку управление на региональном уровне прак-

---

* В 1917 г. в Нидерландах были конституционно закреплены принцип всеобщего избирательного права при пропорциональном представительстве и принцип равной государственной поддержки как «общественного» светского образования, так и частных конфессиональных школ. (Прим. ред.)

²⁸ Daalder H. The Consociational Democracy Theme//World Politics 26. No 4 (July 1974). P. 616.

²⁹ См.: Stejn M.B. Federal Political Systems and Federal Societies//World Politics 20. No 4 (July 1968). P. 721–747.

тически всегда организуется в соответствии с такими границами, постольку федерализм представляется весьма перспективным способом воплощения в жизнь идеи автономии сегментов.

И наоборот, концепцию автономии сегментов можно рассматривать как общий вывод из идеи федерализма. Практически именно такая попытка разработать систему внутритерриториального федерализма была предпринята Отто Бауэром и Карлом Реннером при решении межнациональных проблем в Австро-Венгерской империи. В противовес обычному территориальному принципу они назвали свое предложение федерализмом на основе «личностного принципа». Согласно этому принципу, каждый гражданин получал право заявить, к какой национальности он хочет принадлежать, а национальности становились автономными (*культурными общностями*). Бауэр проводил параллель между предполагаемыми культурными общностями и часто сосуществующими религиозными общинами католиков, протестантов и иудеев, независимыми в ведении дел, касающихся религии³⁰.

В европейских общественных демократиях существенную роль сыграли оба типа федерализма — и территориальный, и внутритерриториальный. Первый тип прежде всего важен для Швейцарии (эта тема будет рассмотрена более подробно в следующей главе) и, особенно после 1917 г., для Бельгии. Там, где сегменты не были территориально разделены, их автономия устанавливалась на основе личностного принципа. Так было в Нидерландах, Австрии и в Бельгии, в которых имели место религиозно-идеологические субкультуры, а не языковые общности. Австрия формально считается федеративной республикой, но автономия ее сегментов имеет преимущественно внутритерриториальный характер. Следует отметить, что хотя делегировать правительственные и административные полномочия проще компактно проживающим, а не территориально-смешанным группам населения (сегментам), тем не менее принцип автономии доказал свою действенность и в том, и в другом случаях. Уровень автономии сегментов, особенно в сфере культуры, образования и средств коммуникации, в Нидерландах, Австрии и Бельгии весьма значителен.

---

³⁰ *Bauer O. Die Nationalitätenfrage und die Sozialdemokratie. Vienna: Wiener Volksbuchhandlung, 1907. P. 353–363. См. также: Renner K. Das Selbstbestimmungsrecht der Nationen in besonderer Anwendung auf Österreich. Leipzig:Deuticke, 1918; Friedrich C.S. Corporate Federalism and Linguistic Politics/paper presented at the Ninth World Congress of the International Political Science Association, Montreal, 1973; Aun K. Cultural Autonomy of Ethnic Minorities in Estonia: A Model for Multicultural Societies?/paper presented at the Third Conference of Baltic Studies in Scandinavia, Stockholm, 1975.*

ОТДЕЛЕНИЕ И РАЗДЕЛ

Одной из причин, по которым Эрик А. Нордлингер исключает федерализм как и автономию сегментов в целом из предложенного им набора средств урегулирования конфликтов в многосоставных обществах, является то, что они могут подтолкнуть государство к распаду. «Наделение территориально обособленных сегментов предполагаемой федерализмом долей самоуправления иногда придает им дополнительный стимул требовать большей автономии», а когда эти требования отвергаются, «могут последовать отделение и гражданская война»³¹. На подобный аргумент можно было бы ответить, что такое же замечание верно и относительно других элементов общественной демократии. Например, взаимное вето или угроза пустить его в ход могут применяться слишком часто и настойчиво одним из сегментов ради того, чтобы добиться для себя чрезмерных уступок, но злоупотребление правом вето способно спровоцировать силовой конфликт. Другая опасность заключается в настойчивом требовании одним из сегментов перехода от пропорционального к завышенному в свою пользу представительству даже тогда, когда это не оправданно объективно. Короче говоря, все общественные методы должны применяться с осторожностью и сдержанностью. Наконец, трудно себе представить, что установление унитарной и централизованной демократической системы позволит предотвратить отделение одного из сегментов, если сепаратистские настроения в нем имеют достаточно прочную основу.

Более серьезное возражение по поводу аргумента Нордлингера состоит в том, что далеко не при всех обстоятельствах отделение следует считать нежелательным способом разрешения противоречий, возникающих в многосоставном обществе. Существуют три способа решения политических проблем в многосоставном обществе, которые не ставят демократию под угрозу: первый — устранить или существенно снизить неоднородность общества путем ассимиляции, но это метод с низкой вероятностью успеха, особенно в краткосрочной перспективе; второй — общественное решение, которое позволяет создать стабильную демократию, используя существующее разделение общества. В случае, если второй способ не имеет практических шансов на успех

---

³¹ *Nordlinger T.A. Conflict Resolution in Divided Societies//Occasional Papers in International Affairs. No 29. Cambridge, Mass: Center for International Affairs, Harvard University, 1972. P. 32. См. также: Tarlton C.D. Symmetry and Assymetry as Elements of Federalism: A Theoretical Speculation//Journal of Politics 27. No 4 (November 1965). P. 861—874.*

или он был испробован и закончился неудачей, единственной остающейся альтернативой является третий способ — уменьшить неоднородность общества путем разделения страны на два или более относительно однородных государства.

Сообщественная модель является промежуточной между унитарной британской моделью и моделью межгосударственных отношений: последнюю она напоминает особенно такими чертами, как взаимное вето и свобода действий участников. Выделение в суверенные государственные образования, разумеется, представляет шаг, выходящий далеко за рамки автономии сегментов, однако нельзя сказать, что такое решение несовместимо с основными посылками, на которых строится общественная модель. К общественной модели применим вывод Дж. С. Фернивала о том, что территориально смешанное многосоставное общество лишено преимуществ федерации, которая «может прибегнуть к специфическому *лекарству* (разделу)... если бремя союза становится невыносимым»³². Территориальная локализация сегментов многосоставного общества может рассматриваться не как источник проблем, а скорее как достоинство, позволяющее в рамках общности преобразовать унитарное государство в федеративное и воспользоваться разделом в качестве крайней меры. Трудности чаще всего возникают тогда, когда сегменты территориально перемешаны. Подобное положение исключает возможность территориального федерализма как системы самоуправления сегментов и сводит выбор к формам ограниченной автономии. Раскол же приводит к образованию однородных (гомогенных) государств только в том случае, если он сопровождается переселением меньшинств.

Есть авторы, которые считают раздел целесообразным даже при очень болезненных последствиях. Яркий пример этого — предложение Луиса Уирта, высказанное им в конце второй мировой войны: «В период грядущего мирного урегулирования при определении межгосударственных границ было бы важно учитывать сложившееся расселение этнических групп, а если новые границы разделят этнос, то следует быть готовыми к переселению людей и созданию сравнительно однородных в этническом отношении государств». В доказательство Л. Уирт ссылался на «ценный прецедент» «весьма успешного переселения турецкого, болгарского и греческого населения после греко-турецкой войны 1919–1923 гг.». Свои рассуждения он завершил следующим выводом: «В свете этих событий вопрос о

---

³² *Furnivall J.S. Netherlands India: A Study of Plural Economy. Cambridge: Cambridge University Press, 1939. P. 447.*

меньшинствах не может более считаться неразрешимым»³³. Более свежий пример — посвященная той же теме статья Нормана Паундса, в которой он хотя и признает сложность проблемы перемещения населения и нежелательность увеличения в мире числа малых государств, но тем не менее заключает, что «раздел и его последствия могут оказаться весьма умеренной платой за возможность избежать внутреннего противостояния и даже гражданской войны»³⁴.

Вопрос о цене раздела и переселения с точки зрения не только необходимых материальных ресурсов, но и особенно связанных с этим человеческих страданий, разумеется, относителен. При его рассмотрении необходимо учитывать и потенциальные выгоды. Ясно, однако, что цену его занижать нельзя. Вместе с тем, раздел необходимо рассматривать и как один из вероятных вариантов, заслуживающих, по крайней мере, непредвзятой оценки, правда, на такую оценку трудно рассчитывать при современном настрое политиков и ученых, выступающих против разделений. Как отмечал Сэмюэл П. Хантингтон, «предубеждение двадцатого века против политического развода, т.е. отделения, почти столь же сильно, как предубеждение XIX в. против развода супругов. Там, где отделение возможно, сегодняшним политикам следовало бы относиться к нему с большей терпимостью»³⁵. Преобладающая в академической среде настороженность в отношении политического развода основывается на традиционном положении теории международных отношений, согласно которому корень любого конфликта между государствами следует искать в отсутствии у них общего правительства. Хедли Булл — один из немногих теоретиков, который четко выразил свое несогласие с этим широко распространенным мнением: «Как бы ни была велика степень риска, обычно связанного с существованием множества су-

---

³³ *Wirth L. The Problem of Minority Groups//Linton R. (ed.). The Science of Man in the World Crisis. New York: Columbia University Press, 1945. P. 372.*

³⁴ *Pounds N.J.G. History and Geography: A Perspective on Partition//Journal of International Affairs 18. No 2 (1964). P. 172.*

³⁵ *Huntington S.P.* в предисловии к книге Nordlinger, «Conflict Regulation», p. vii. Более того, недостатки, приписываемые малым государствам, не следует преувеличивать. Роберт А. Даль и Эдвард Р. Тафт заключают, что «шансы страны на выживание не зависят существенно от ее размера», см. их: *Size and Democracy. Stanford: Stanford University Press, 1973. P. 122.* Факторный анализ 236 переменных для 82 стран показал, что размер (количество населения) и богатство (валовой национальный продукт на душу населения) практически не связаны друг с другом, см.: *Sawyer J. Dimensions of Nations: Size, Wealth and Politics//American Journal of Sociology 73. No 2 (September 1967). P. 145—172.*

веренных государств, она должна оцениваться в сравнении с той опасностью, которую неизбежно таят в себе попытки сохранить глубоко различные общности в пределах одного государства»³⁶. В исследованиях проблем мирного урегулирования наблюдается аналогичная тенденция: скептически относиться к миру, достигнутому путем разделения потенциальных врагов (характерно, что такой мир именуется «негативным миром»), и стремиться к миру, основанному на взаимном доверии и симпатиях людей, живущих в едином, интегрированном и справедливом обществе (т.е. к «позитивному» миру)³⁷.

НЕДОСТАТКИ СООБЩЕСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ

Сообщественная модель служит не только эмпирически подтверждением политической стабильности ряда малых европейских демократий, но и нормативным образцом для многосоставных обществ в других частях света, поэтому представляется необходимым оценить ее реальные и мнимые слабости. Они могут быть двоякого рода: общественную демократию можно критиковать за то, что она не вполне демократична, и за то, что она не обладает достаточным потенциалом для создания на ее основе стабильной и эффективной системы власти.

Если считать наличие сильной оппозиции необходимым условием демократии, то общественная демократия, по определению, менее демократична, чем, скажем, британская модель «правительство против оппозиции»; правительство большой коалиции подразумевает либо относительно небольшую и слабую оппозицию, либо отсутствие оформленной оппозиции в законодательных органах. Такое предположение, однако, не совсем корректно: идея сильной политической оппозиции, имеющая реальный шанс воплотиться на практике в однородных обществах, не может служить критерием оценки политической системы многосоставных обществ. В неблагоприятных условиях раскола общественная демократия, пусть и далекая от абстрактного идеала, является наилучшим видом демократии, на который можно рассчитывать реально. Упомянутое возраже-

---

³⁶ Bull H. Society and Anarchy in International Relations//Butterfield H., Wight M. (ed.). Diplomatic Investigations: Essays in the Theory of International Politics. London, Allen and Unwin, 1966. P. 50. См. также: Lijphart A. The Structure of the Theoretical Revolution in International Relations//International Studies Quarterly 18. No 1 (March 1974). P. 41–74.

³⁷ См.: Galtung J. Violence, Peace and Peace Research//Journal of Peace Research 6. No 3 (1969). P. 183–186.

ние ошибочно еще и потому, что оно основано на предположении о чередовании партий у власти. Но, как уже было показано, границы сегментов постоянны, что препятствует перераспределению голосов избирателей между партиями. Не может считаться демократичным и постоянное отстранение одного или нескольких сегментов, составляющих меньшинство, от участия во власти. К тому же следует подчеркнуть, что большая коалиция не обязательно полностью исключает существование оппозиции. Коль скоро функционирует парламент или иной орган, перед которым коалиция ответственна, то критика может высказываться не только в ее адрес, но в первую очередь в адрес отдельных участников коалиции со стороны не входящих в нее партий. Это то, что австрийцы в эпоху большой коалиции между католиками и социалистами называли *Bereichsopposition* — «оппозиция тому, что делается под согласованной юрисдикцией другой партии»³⁸.

Еще одна группа критических замечаний относительно общественной демократии сводится к тому, что при таком устройстве не в полной мере реализуется демократическая триада «свобода, равенство, братство». Сегмент играет роль посредующей структуры между индивидом и обществом, а также властью, он в значительной мере сглаживает различия между индивидами и унифицирует общество. В этом смысле общественная модель близка в классификации Уильяма Корнхаузера «обществу общинного типа» («communal society»), в котором субнациональные общности являются «всеобъемлющими» в том смысле, что они «определяют все аспекты жизни своих членов»³⁹. Однородность общества также может в определенной степени способствовать подавлению индивидуальной свободы. В этом нет парадокса: общественная демократия приводит к разделу многосоставного общества на более однородные и самодостаточные сегменты.

Разделение различных сегментов и автономия, которую они получают в ведении своих дел, тоже нарушают идеал равенства по крайней мере в двух отношениях. Во-первых, смысл общественной демократии заключается не столько в равенстве индивидов, сколько в равном или пропорциональном представительстве социальных групп. Во-вторых, изолированность и автономия сегментов могут служить препятствиями к достижению равенства в обществе в целом. Диспропорция между регионами обычно силь-

---

³⁸ *Kirchheimer O.* The Waning of Opposition in Parliamentary Regimes//Social Research.24. No 2 (summer 1957). P. 127–156.

³⁹ *Kornhauzer W.* The Politics of Mass Society. New York: Free Press of Glencoe, 1959. P. 83–84.

нее в демократиях с федеративным устройством, чем с унитарным, равно как она сильнее между государствами, нежели внутри федераций⁴⁰. И с этой точки зрения общественная модель занимает промежуточное положение между британской моделью и моделью международных отношений. Вместе с тем, автономность сегментов вполне совместима с равенством между ними. Организации, представляющие католическую, кальвинистскую и социалистическую субкультуры в Нидерландах, ведя борьбу, которая часто сравнивалась с освободительным движением, постепенно смогли добиться своей цели — обеспечить полное и равное участие сегментов в жизни голландской нации в рамках общественной демократии. Разделение общества на сегменты не вело и не ведет с неизбежностью к неравенству, хотя такая тенденция и существует.

Если обратиться к третьему элементу демократической триады (братству), то с этой точки зрения общественность также не является идеальной формой организации власти. «Братство» предполагает «позитивный» мир, в сравнении с которым «негативный» мир общественной демократии явно проигрывает. Но преуменьшать важность мирного сосуществования нельзя. Существенным здесь является не то, какая из двух абстрактно сформулированных целей более желательна, а какая из них реально достижима. Позитивный мир, основанный на взаимном доверии, несомненно представляется достойной целью, к осуществлению которой стоит стремиться. Однако демократическое мирное сосуществование, очевидно, предпочтительнее, чем недемократичный мир или демократия в нестабильном обществе, раздираемом борьбой сегментов.

Последнее возражение по поводу недостаточной демократичности общественной демократии состоит в том, что подобная форма организации власти требует, по словам Нордлингера, «структурного доминирования элиты» и соответственно пассивной и подчиненной роли групп, не принадлежащих к ней. Политики сталкиваются с трудной проблемой: с одной стороны, им необходимо достигать политических договоренностей и идти на уступки лидерам, представляющим интересы других сегментов, а с другой стороны, они должны постоянно поддерживать и сохранять доверие к ним их собственной массовой базы. Способствовать решению такой задачи может достаточно независимое по-

---

⁴⁰ См.: Cameron D.R., Hofferbert R.I. The Impact of Federalism on Education Finance: A Comparative Analysis//European Journal of Political Research 2. No 3 (September 1974). P. 225–258.

ложение и широкие полномочия политиков, а также гарантии удержания ими своих позиций. Но это не подразумевает их полудиктаторских полномочий. Нордлингер считает, что структурное доминирование элит «не обязательно, более того — исключительно редко приводит к подавлению неэлит. [Оно] обычно смягчается достаточно высокой чувствительностью системы к требованиям неэлит. В открытых обществах неэлитам обычно удается установить четкие пределы полномочий и власти своих лидеров»⁴¹. Сообщественная демократия также вполне совместима с достаточно высокой степенью вовлеченности граждан, не принадлежащих к элите, в организации, представляющие интересы сегментов. В. Р. Лорвин пишет, что на практике многосоставность в пяти малых европейских демократиях, которые он изучал, «имела следствием скорее расширение, а не снижение участия масс в добровольных общественных организациях». Одну из очевидных причин этого он видит в том, что «при прочих равных условиях, чем шире свобода создавать различного рода объединения социальной и экономической направленности, тем большее количество людей вовлекается в их деятельность»⁴². Более того, уровень элитарности общественной демократии следует оценивать в сравнении не с абстрактным (весьма наивным) идеалом равенства власти и политического участия всех граждан, а с той степенью доминирования элит, которая характерна для всех демократических режимов. При этом могут выявиться некоторые различия, но, во всяком случае, контраст между общественной демократией и другими видами демократических систем не будет слишком резким.

Пожалуй, наиболее серьезная и затрагивающая суть проблемы критика общественной демократии касается не ее недемократического характера, а ее возможной неудачи в достижении и поддержании политической стабильности. Некоторые отличительные черты общественной демократии могут стать причиной ее неэффективности и неспособности быстро принимать необходимые решения: (1) на практике власть большой коалиции означает, что процесс принятия решений идет очень медленно. Соглашения гораздо легче достичь в коалиции с небольшим числом участников, чьи политические взгляды достаточно близки, нежели в большой коалиции, представляющей весь спектр многосоставного общества; это еще одна причина, по которой, *при прочих равных условиях*, минимальные,

---

⁴¹ Nordlinger. Conflict Resolution. P. 73–74.

⁴² Lorwin V.R. Segmental Pluralism: Ideological Cleavages and Political Cohesion in the Smaller European Democracies//Comparative Politics 3. No 2 (January 1971). P. 157–158.

необходимые для достижения политического успеха коалиции будут создаваться чаще, чем большие коалиции; (2) взаимное вето чревато опасностью того, что процесс принятия решений будет вообще парализован. Это может привести к той самой стагнации, нестабильности, которую и призвана преодолеть общественная демократия; (3) практика использования принципа пропорциональности при назначении на государственную службу означает, что принадлежность к определенной группе становится важнее, чем личные качества кандидата, а это может снижать эффективность работы управленческого аппарата; (4) автономия сегментов в буквальном смысле дорого стоит: она требует увеличения числа звеньев государственного и управленческого аппарата, равно как и создания самостоятельных структур управления для каждого сегмента, что значительно удорожает общественную демократию как форму организации власти.

И все-таки самой сложной проблемой является утрата гибкости и темпов при принятии политических решений. В сравнении с ней проблемы неэффективности и высокой стоимости управления отходят на второй план. Однако следует отметить, что те же свойства общественной демократии, которые порождают вторую из названных проблем, могут одновременно способствовать повышению темпов и эффективности принятия решений. Например, Штайнер утверждает: в Швейцарии «благодаря федеративному характеру политической системы требования, исходящие от гражданского общества, распределяются между различными уровнями политического управления», что «снижает объем требований», поступающих на общенациональный уровень, и, соответственно, облегчает общенациональным органам власти бремя принятия решений, уменьшает вероятность иммобильности⁴³. Аналогичным образом, принцип пропорциональности представляется удобным и простым способом распределения ресурсов и постов государственной службы.

Кроме того, необходимо различать эффективность в краткосрочном и долгосрочном планах. В краткосрочной перспективе система «правительство против оппозиции» может быть гораздо более эффективна в многосоставном обществе, чем общественная демократия. Однако цена, которую придется заплатить за это преимущество, выразится скорее всего в усилении антагонизма и подозрительности со стороны отстраненных от участия во власти групп, считающих себя — вполне справедливо либо без должного на то основания — обделенными. Тем самым краткосрочный выигрыш

---

⁴³ Steiner J. Principles of Majority and Proportionality. P. 69.

в уровне эффективности может обернуться крахом в долгосрочной перспективе. И напротив, общественная демократия на небольшом отрезке времени может выглядеть медлительной и неповоротливой, но у нее гораздо лучшие шансы для принятия эффективных долгосрочных решений, особенно если ее лидеры научатся осторожно пользоваться взаимным правом вето. Опыт европейских общественных демократий доказывает, что политических тупиков и имобильности можно избежать.

Последнее критическое замечание в адрес общественной демократии касается ее демократичности и стабильности. Принцип «правительство против оппозиции» имеет то преимущество, что недовольные избиратели имеют возможность подать свой голос против правительства, не голосуя в то же время против системы в целом. В общественной модели правительство олицетворяет собой систему. Неудовлетворенность деятельностью правительства, таким образом, быстро перерастает в общее недовольство режимом. Это действительно серьезный недостаток, но он не является фатальным. Недовольством избирателей могут воспользоваться другие политические партии, которые могут выступать за изменение системы или режима, но они не обязательно могут быть антидемократическими. А поскольку типичная избирательная система общественной демократии построена на пропорциональном представительстве, постольку новым партиям будет нетрудно найти свое место в политическом процессе. Именно это и произошло в конце 60-х годов, когда система общественной демократии в Нидерландах начала распадаться. Относительная легкость отказа от общности свидетельствует о жизнеспособности демократического режима. Этот аргумент может служить окончательным ответом на различные обвинения общественной демократии в недостаточной демократичности: когда ее недостатки начинают все больше ощущаться как бремя, а особенно когда появляется возможность их избежать, поскольку общество становится менее многосоставным, тогда совсем нетрудно перейти от общественного к более соревновательному типу демократии.

Условия, благоприятствующие сообщественной демократии

Сообщественная демократия предполагает сотрудничество политических лидеров, представляющих различные сегменты, несмотря на наличие разделяющих их глубоких противоречий. Для этого необходимо, чтобы лидеры чувствовали по крайней мере некоторую ответственность за сохранение единства страны и были приверженцами демократии. Кроме того, они должны быть принципиально настроены в духе умеренности и компромиссов, должны стремиться к объединению усилий с лидерами других сегментов. В то же время им необходимо сохранять поддержку и преданность своих собственных сторонников и последователей. Таким образом, элита должна постоянно балансировать. При этом важны два момента: не только, как заметил Ханс Даалдер, «то, насколько лидеры партий более терпимы, чем их сторонники», но и то, в какой мере они «способны вести их сторонников за собой»¹. Понятие «сторонники» в данном контексте относится не к массе населения, которая практически везде пассивна и аполитична и, следовательно, не представляет собой препят-

---

¹ *Daalder H. Parties, Elites, and Political Development in Western Europe// LaPalombara J., Weiner M. (ed.). Political Parties and Political Development. Princeton: Princeton University Press. 1966. P. 69.*

ствия для возможной договоренности элит, а скорее к промежуточной группе, которую можно назвать политически активной частью общества, составляющей субэлиту².

Очевидно, что роль лидеров жизненно важна для общественной демократии, поскольку ею определяется судьба последней. Замечание Стэнли Хоффмана о том, что «теоретические изыскания породили огромное количество типологий и моделей политических систем, которые зачастую понимаются до такой степени абстрактно, что в них не остается места роли и влиянию политических лидеров»³, совершенно не относится к общественному типу демократии. Для теории акцентирование роли элиты имеет то преимущество, что помогает объяснить политическую стабильность тех систем, от которых скорее следовало бы ожидать обратного. Важность данного фактора для *объяснения* весьма значительна, однако по той же причине ограничена его применимость для *прогнозирования*. Поведение элиты оказывается более непредсказуемым и менее подверженным эмпирическим обобщениям, чем поведение масс. Если общественная модель демократии уже действует в обществе некоторое время, то анализ ее институциональных механизмов и стиля поведения элиты может дать некоторое основание для предсказания того, сможет ли система успешно функционировать и далее. Но делать прогноз о том, может ли нестабильная демократия обрести недостающую устойчивость, если примет общественные принципы, гораздо труднее, поскольку это предполагает целенаправленное изменение поведения элиты.

Потенциал общественной модели как в плане объяснения, так и в плане прогнозирования можно повысить, если выявить условия, способствующие тому, чтобы сотрудничество элит сочеталось с получением ими стабильной поддержки со стороны не-элит. На основе сравнения четырех европейских вариантов общественной демократии проясняется особая значимость следующих факторов: многомерности баланса сил, относительно малого размера государства, надсегментных ориентаций, изолированности сегментов, наличия исторических традиций урегулирования конфликтов элитами сегментов и, правда гораздо меньшая значимость, наличия в обществе перекрестных социальных ролей. В той степени, в какой

---

² *Stiefbold R.P.* Segmented Pluralism and Consociational Democracy in Austria// *Heisler M.O.* (ed.). *Politics in Europe: Structures and Processes in Some Postindustrial Democracies*. New York: McKay. 1974. P. 147–155.

³ *Hoffmann S.* Heroic Leadership: The Case of Modern France// *Edinger L.J.* (ed.). *Political Leadership in Industrialized Societies: Studies in Comparative Analysis*. New York: Wiley, 1967. P. 108.

эти факторы способствуют сотрудничеству лидеров, представляющих разные сегменты, и устойчивой поддержке их сторонниками в соответствующих сегментах, они создают условия не только для установления общественной демократии в многосоставном обществе, но и для сохранения и укрепления уже сложившегося общественного режима.

Следует также подчеркнуть, что благоприятные условия, рассматриваемые в настоящей главе, — это факторы, способствующие успеху, но сами по себе не «необходимые и достаточные» для успеха общественной демократии. Даже тогда, когда условия неблагоприятны, общественность возможна, хотя и трудноосуществима. И наоборот, исключительно благоприятное сочетание исходных условий значительно облегчает, но еще не гарантирует выбор в пользу общественной модели и ее успешного применения. Как заключает Габриэль А. Алмонд в одной из своих последних работ, «выбор стратегии действия в политике хотя и ограничен, но не предрешен». Этот вывод, может быть, звучит неким разочарованием «для политической науки, но зато тем, кто ищет решения политических проблем, он дает надежду». Теория общественности с данной точки зрения отвечает критериям того, что Алмонд называет «сферой политологического знания, которая утверждает наличие в политике пространства для маневра, определенной свободы действий, места для риска»⁴.

БАЛАНС СИЛ

Примерное равенство сил нескольких групп в разделенном на сегменты многосоставном обществе более способствует установлению общественной демократии, чем дуализм сегментов или гегемония одного из них, поскольку, если один сегмент составляет явное большинство, то его лидеры будут стараться скорее доминировать, чем сотрудничать с противостоящим им меньшинством. В обществе же с двумя примерно равными по численности сегментами лидеры обоих будут стремиться завоевать большинство и достичь своих целей скорее путем доминирования, чем сотрудничества. Роберт А. Даль, говоря о варианте дуализма, приходит к следующему выводу: «Даже в системе с двумя интегрированными партиями... жесткая конкуренция не является неизбежной. Однако искушение

---

⁴ Almond G.A., Mundt R.J. Crisis, Choice and Change: Some Tentative Conclusions// Almond G.A., Flanagan S.C., Mundt R.J. (ed.). Crisis, Choice and Change: Historical Studies of Political Development. Boston: Little, Brown. 1973. P. 649.

перейти от коалиции к соперничеству будет слишком велико, особенно для той партии, которая считает себя способной завоевать большинство голосов. Таким образом, коалиция в двухпартийной системе сопряжена с серьезными трудностями и может оказаться временным решением»⁵. Герхард Лембрух подтверждает этот вывод на примере австрийской большой коалиции, которой приходилось действовать в условиях дуалистического баланса сил: «Двухполюсность структуры коалиции усиливала антагонизм между партнерами»⁶. И, напротив, Даалдер приписывает значительную часть успехов общественности в Нидерландах тому обстоятельству, что все субкультуры были меньшинствами: «Разделяющий эффект сегментации смягчается тем, что ни одна из субкультур не имеет реальных шансов завоевать большинство в одиночку»⁷. «Силы», которые могут быть или не быть в равновесии, в данном контексте означают в первую очередь количественную величину сегмента, причем эта величина в условиях демократии может выражаться числом поданных на выборах голосов и воплощаться в полученных в парламенте мандатах, хотя важными факторами могут служить и неравенство экономических потенциалов сегментов, и культурное доминирование одного из них.

Понятие «равенство нескольких сил» включает в себя два момента: 1) приблизительное равенство, или равновесие, сегментов и 2) наличие как минимум трех сегментов. Сочетание обоих условий означает, что все сегменты являются меньшинствами. Когда же данные условия рассматриваются по отдельности, тогда против них возникают два возражения. Во-первых, то, что равновесие «множества» сил требует наличия «как минимум» трех сегментов, на первый взгляд означает: чем больше количество сегментов, тем лучше. В действительности же разделение общества на ограниченное число сегментов, скажем, на три или четыре, создает лучшие условия для общественной демократии, чем разделение на большее количество сегментов, а уж тем более раздробление общества на множество сегментов. Причина состоит в том, что сотрудничество между сегментами затрудняется с увеличением числа партнеров, участву-

---

⁵ *Dahl R.A. Political Oppositions in Western Democracies. New Haven: Yale University Press. 1966. P. 337.*

⁶ *Lehmbruch G. A Non-Competitive Pattern of Conflict Management in Liberal Democracies: The Case of Switzerland, Austria and Lebanon//McRae K.D. (ed.). Consociational Democracy: Political Accommodation in Segmented Societies. Toronto: McClelland and Stewart. 1974. P. 95.*

⁷ *Daalder H. The Netherlands: Opposition in a Segmented Society//Dahl. Political Oppositions. P. 219.*

ющих в переговорах. Однако, согласно этой логике, раздел общества на два сегмента должен был бы создавать лучшие условия, чем раздел на три сегмента. Но проблема дуализма, как уже отмечалось, заключается в том, что он ведет либо к гегемонии, либо к весьма хрупкому равновесию. Еще одна причина, по которой система с ограниченным множеством сегментов служит более благоприятной средой для общественной демократии, чем система с двумя сегментами, состоит в том, что при первой труднее интерпретировать политику как игру с нулевой суммой. Если в обществе имеется всего два сегмента, или субкультуры, отмечает Юрг Штайнер, то «успех одной стороны почти автоматически будет рассматриваться другой как поражение. Если же субкультур несколько, то не всегда ясно, кто теряет от улучшения положения одной из них. Это может создать ситуацию «перекачивания бревна», когда каждый заботится прежде всего о своей выгоде и не задумывается о том, какую цену ему придется заплатить за это»⁸.

Однако довод Штайнера нельзя понимать слишком широко: по его логике, чем больше количество сегментов, тем лучше для общества в целом, но с этим согласны далеко не все авторы. Например, Дональд Л. Горовитц противопоставляет структуру с несколькими большими группами, в которой «требования одной из групп могут удовлетворяться только за счет других», структуре с множеством мелких разрозненных групп, в которой «центр обладает определенной свободой действий и может иногда удовлетворить требования одной из групп, не нанося при этом ущерба интересам других». Более того, подчеркивает он, наличие множества групп может позволить центру в качестве «нейтрального арбитра» вмешиваться в отношения между ними⁹. В ситуации, когда таким «центром» будет большая коалиция, эффективность ее действий ощутимо повысится в том случае, если она сможет выполнять функции непредвзятого посредника, будет справляться с задачами согласования решений и поиска компромиссов между всеми участниками. Последние задачи наиболее важны, но их выполнению может препятствовать участие в коалиции представителей слишком большого числа сегментов. Таким образом, оптимальное количество сегментов — три или четыре.

---

⁸ Steiner J. Amicable Agreement versus Majority Rule: Conflict Resolution in Switzerland. Chapel Hill: University of North Carolina Press. 1974. P. 268.

⁹ Horowitz D.L. Three Dimensions of Ethnic Politics//World Politics 23. No 2 (January 1971). P. 238. См. также: Melson R., Wolpe H. Modernization and the Politics of Communalism: A Theoretical Perspective//American Political Science Review 64. No 4 (December 1970). P. 121–122.

Второе возражение против идеи участия во власти представителей нескольких сегментов заключается в том, что она — всего лишь выраженное в иной форме мнение, согласно которому наличие сегмента, составляющего большинство или приближающегося к положению большинства, является неблагоприятным фактором. Разумеется, чем больше количество сегментов, тем ниже вероятность того, что один из них будет составлять большинство, но и это не дает гарантии против доминирования. Положение «все в меньшинстве» надежно обеспечивается лишь при дополнительном условии — равновесии между сегментами. К сожалению, наличие обоих названных условий на практике оказывается трудноисполнимым требованием. Например, при структуре общества с четырьмя основными группами, когда сегменты составляют соответственно 40, 25, 25 и 10% населения, достигается положение «все в меньшинстве», но отсутствует равновесие между сегментами. Выход здесь может быть такой: рассматривать существование крупного сегмента (абсолютное большинство, меньшинство или приблизительно 50% населения) как самостоятельный и основной критерий оценки условий для общественной демократии. Два остальных момента — наличие или отсутствие равновесия сил и количество сегментов (два, несколько, много) — становятся тогда вспомогательными показателями.

В табл. 1 представлены различные сочетания трех названных условий в порядке убывания их потенциальной значимости для общественной демократии.

ТАБЛИЦА 1. Соотношение размеров и количества сегментов по убыванию их значимости для общественной демократии

№ п/п	Размер крупнейшего сегмента	Количество сегментов	Соотношение размеров сегментов	Возможные примеры (в %)	Индекс раздробленности (F)
1	Меньшинство	Несколько	Равновесие	33-33-33	0,67
2	Меньшинство	Несколько	Неравновесие	45-30-25	0,64
3	Меньшинство	Много	Равновесие	20-20-20-20-20	0,80
4	Меньшинство	Много	Неравновесие	45-15-15-15-10	0,72
5	50%	Два	Равновесие	50-50	0,50
6	50%	Несколько	Неравновесие	50-30-20	0,62
7	50%	Много	Неравновесие	50-15-15-10-10	0,68
8	Большинство	Два	Неравновесие	60-40	0,48
9	Большинство	Несколько	Неравновесие	60-20-20	0,56
10	Большинство	Много	Неравновесие	60-10-10-10-10	0,60

В таблице приводятся по три показателя для двух первых переменных и два показателя для третьей переменной, поэтому теоретически возможны восемнадцать различных комбинаций. Однако некоторые комбинации, по определению, невозможны, поскольку три переменные взаимосвязаны. Например, если один из сегментов обладает абсолютным большинством, то равновесия сил быть не может; если крупнейший из сегментов составляет меньшинство, то сегментов должно быть не менее трех, и т.д. Последовательность размещения вариантов в таблице определена на основании того, что самой важной переменной является относительная величина крупнейшего сегмента, следующая по значимости переменная — количество сегментов и наименее значимая — соотношение сил. Однако два последних показателя могут меняться местами при оценке их сравнительной важности, особенно для предельных значений каждой из переменных. Например, вариант 4 с не слишком большим отклонением от равновесия может быть предпочтительнее, чем вариант 3 с большим количеством групп, хотя бы и равных между собой. Более того, вариант 5 (дуалистическое равновесие) может оказаться предпочтительнее, чем вариант 4, для которого характерны слишком большое количество групп и сильное отклонение от равновесия.

При этом не предпринималось попытки ввести количественный показатель для оценки совокупного воздействия всех трех переменных. В таблице приведен ряд возможных примеров и соответствующих им значений индекса раздробленности (F), введенного Дугласом У. Реем и Майклом Тейлором. Этот индекс определяет раздробленность как вероятность того, что двое произвольно выбранных членов данного общества окажутся принадлежащими к разным группам. Индекс может принимать значения от 0 до 1. Он будет равен нулю в абсолютно однородном обществе, поскольку в нем вероятность принадлежности любого из его членов к какой-то другой группе, очевидно, исключается. Другой теоретически допустимой крайностью было бы общество, в котором количество групп равнялось бы количеству граждан; в таком случае индекс принял бы значение единицы¹⁰. В дальнейшем данный индекс будет часто упот-

---

¹⁰ *Rae D.W., Taylor M.* The Analysis of Political Cleavages. New Haven: Yale University Press. 1970. P. 22–23. Индекс раздробленности (F) идентичен здесь индексу раздробленности партийной системы, введенному Реем, и показателю языкового многообразия (A) Гринберга; он предложен в развитие идеи Герфиндаля-Гиршмана. См.: *Rae D.W.* The Political Consequences of Electoral Laws. New Have: Yale University Press. 1967. P. 55–58, *Greenberg J.H.* The Measurement of Linguistic Diversity//Language 32. No 1 (March 1956). P. 109–115; *Hall M., Tideman N.* Measures of Concentration//Journal of the American Statistical Association 62. No 317 (March 1967). P. 162–168. Подроб-

ребляться для оценки степени однородности или неоднородности различных многосоставных обществ*. Следует, однако, отметить, что этот индекс не отражает совокупного эффекта всех трех условий баланса сил: его значение возрастает при большей сбалансированности объемов сегментов, но убывает с уменьшением их числа.

Ситуация в Австрии и Нидерландах весьма точно отражается в табл. 1. Из трех существующих в Австрии субкультур, либерально-национальная крайне мала по значимости, а большие — католический и социалистический — лагеря (Lager) примерно равны по силе: двухполюсный баланс (вариант 5). Относительные размеры четырех голландских «столпов» (Zuilen) оценивались в 34% — католичес-

---

нее об индексе F и других аналогичных индексах см.: *Wildgen J.K.* The Measurement of Hyperfractionalization//Comparative Political Studies 4. No 2 (July 1971). P. 233—243; *Vayrunen R.* Analysis of Party Systems by Concentration, Fractionalization and Entrophy Measures//Scandinavian Political Studies. Vol. 7. Oslo: Universitetsforlaget. 1972. P. 137—155; *Wilcox A.R.* Indeces of Qualitive Variation and Political Measurement//Western Political Quarterly 26. No 2 (June 1973). P. 325—343; *Milder N.D.* Definitions and Measures of the Degree of Macro-Level Party Competition in Multiparty Systems//Comparative Political Studies 6. No 4 (January 1974). P. 431—456.

* В 3-й главе А. Лейпхарт довольно активно пользуется так называемым индексом раздробленности (F), объясняя его математический смысл, но не сообщая способа его подсчета и отсылая читателя к малодоступным в России источникам. Постараемся восполнить этот пробел. «Раздробленность», выражаемая индексом F, — это вероятность того, что двое случайно выбранных членов данного общества окажутся принадлежащими к разным группам. Индекс раздробленности может превращаться и в индекс однородности: в первом случае наименьшая раздробленность принимается за 0, наибольшая — за 1, а во втором случае — наоборот. Довольно часто используются оба индекса.

При измерении раздробленности общая вероятность выбора двух представителей одной группы равна сумме вероятностей подобного события для каждой отдельной группы M, N, O... В свою очередь для каждой из последних вероятность составляет m^2 , n^2 , o^2 ..., где m, n, o — удельные веса представителей групп M, N, O во всем населении. Принимая, как предложено выше, 1 за показатель наибольшей раздробленности, получаем значение F:

$$F = 1 - \sum i(i^2), \text{ где:}$$

F — индекс раздробленности, а i последовательно принимает значение m, n, o и т.д.

Проиллюстрируем сказанное на примере, приведенном самим А. Лейпхартom (строка 2 табл.1), где m = 45, n = 30, o = 25. Соответственно $m^2 = 0,203$; $n^2 = 0,09$; $o^2 = 0,063$; тогда $F = 1 - (0,203 + 0,09 + 0,063) = 1 - 0,356 = 0,644$.

Существуют и более сложные разновидности индекса. Например, можно определить меру раздробленности в случае, когда в обществе сосуществуют несколько групп, находящихся на разных «культурных расстояниях» друг от друга. Скажем, говорящие на славянских языках, принадлежа к разным этносам, способны понимать друг друга, но между ними и, к примеру, представителями тюркских народностей сохраняется языковой барьер и т.д. Можно принять во внимание, однако, и факт двуязычия и т.д. Подробнее см., например, *Greenberg G.H.* The Measurement of Linguistic Diversity//Language. 1956. Vol. 32, No 1. P. 109—115. (Прим. ред.)

кий, 32% — социалистический, 21% — протестантский и 13% — либеральный¹¹. Таким образом, ситуация в Голландии соответствует варианту 2. Швейцарию отнести к какому-либо варианту сложнее. Как уже отмечалось, в этой стране уровень неоднородности значительно ниже, чем в других общественных демократиях. Наглядным подтверждением этому служит тот факт, что в ней невозможно такое же четкое и однозначное разграничение между сегментами, как в трех остальных странах. Существуют католическая, социалистическая и радикальная (т.е. либеральная) политические партии, но нельзя утверждать, что они однозначно являются представителями интересов субкультур. Когда Штайнер говорит о политических субкультурах в Швейцарии, он подразумевает под этим термином гораздо более мелкие группировки. Языковые и религиозные группировки в различных сочетаниях образуют самостоятельные субкультуры, которые, в свою очередь, делятся на «кантональные субкультуры». Он подчеркивает, что эти группировки являются «подлинными субкультурами, а не просто статистическими единицами»¹². Утверждение, что каждый кантон обладает отличной от других субкультурой и, следовательно, существует более двадцати пяти швейцарских субкультур, возможно, является преувеличением, но в любом случае Швейцарию следует рассматривать как страну со «многими», а не «несколькими» сегментами и, таким образом, относить к варианту 4.

Бельгия — страна, место которой в классификации определить труднее всего. Поскольку католическая, социалистическая и либеральная «духовные семьи» являются меньшинствами, расположенными по убыванию в указанном порядке, постольку наиболее подходящим для нее представляется вариант 2. Однако количество жителей страны, принадлежащей к католической субкультуре, настолько велико, что пример Бельгии можно отнести и к варианту 6. Этот фактор играл важную роль в бельгийской политике. Как заметил Люсьен Хьюз, заслуживает пристального внимания то обстоятельство, что самые бурные события в истории конфликта, связанного с проблемами королевской власти и школьного обучения, следовали за победами на выборах католической партии¹³. Дополнительное осложнение привносится разделом страны надвое по языко-

---

¹¹ *Lijphart A. Verzuiling//Hoogerwerf A. (ed.). Verkenningen in de politiek. 3d ed., 2 vols. Alphen aan den Rijn: Samsom. 1976. Vol. 2. P. 31–32.*

¹² *Steiner J. Amicable Agreement. P. 255. См. также: Smith G. Politics in Western Europe: A Comparative Analysis. London: Heinemann, 1972. P. 18.*

¹³ *Huise L. Passiviteit, pacificatie en verzuiling in de Belgische politiek: Een sociologische studie. Antwerp: Standard, 1970. P. 231–232.*

вому признаку. Каждая языковая община опасается доминирования другой из них: франкоговорящие бельгийцы боятся численного превосходства фламандцев, а фламандцы с опаской и ревниво относятся к экономическому и культурному доминированию франкоговорящего сегмента. С этой точки зрения ситуация в Бельгии соответствует варианту 5. Но поскольку языковые различия не совпадают с границей между субкультурами, то было бы более правильным считать Бельгию частным случаем варианта 4 с достаточно большим количеством малых сегментов.

Важно, что все четыре названных общественных демократии подходят под пять верхних категорий табл. 1, и ни в одной из них нет доминирующего сегмента, составляющего в обществе абсолютное большинство. Но и из этого факта нельзя делать однозначных выводов. Большая коалиция в Австрии впервые сложилась после выборов 1945 г., чему не помешала победа на них католиков, хотя следует отметить, что их успеху способствовало не столько доверие электората к этому сегменту, сколько временное лишение многих австрийцев избирательного права. А в девяти кантонах Швейцарии, в которых католическая партия имеет поддержку абсолютного большинства избирателей, исполнительная власть тем не менее осуществляется большими коалициями, как и в остальных кантонах, в которых нет партий большинства¹⁴. Поэтому нельзя считать, что наличие сегмента, составляющего большинство, является непреодолимой преградой для общности.

МНОГОПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

В многосоставных обществах, в которых осуществляются свободные выборы, основные социальные водоразделы обычно находят отражение и в партийной системе: в большинстве случаев политические партии в них являются организованными выразителями политической воли сегментов. Наличие таких сегментарных партий служит условием, благоприятствующим общественной демократии. Партии выступают политическими представителями своих сегментов и обеспечивают надежный механизм выдвижения лидеров сегментов, участвующих в больших коалициях. Партии — не единственные структуры, способные выполнять данную функцию; в многосоставных обществах с компактно проживающими группа-

---

¹⁴ Girod R. Geography of the Swiss Party System//Allardt E., Cleavages Y.L. (ed.). Ideologies and Party Systems: Contributions to Comparative Political Sociology. Helsinki: Academic Bookstore, 1964. P. 139–140.

ми, общностями (сегментами) и федеративным конституционным устройством функции политического представительства вместо них или наряду с ними могут осуществлять также правительства штатов или представители штатов в общенациональных законодательных и исполнительных органах власти.

С учетом вероятности и желательности существования сегментарных партий из табл. 1 следует вывод, что оптимальной для многосоставного общества является многопартийность с относительно небольшим числом партий. Подобное утверждение противоречит традиционному мнению о том, что двухпартийные системы более совершенны, чем многопартийные¹⁵. Например, там, где разделение общества на два основных сегмента находит политическое выражение в создании двухпартийной системы, как, например, в Австрии, подобный дуализм менее способствует установлению общественной демократии, чем система многопартийности. Габриэл А. Алмонд и Г. Бингем Пауэл утверждают, что двухпартийная система в Австрии, в отличие от многопартийной системы в Италии, смогла достаточно эффективно выполнить функцию интеграции интересов, что и «послужило относительно... снижению нагрузки на политическую систему Австрии»¹⁶. Однако если стабильность австрийской демократии трактуется в понятиях общественной модели, то вывод может оказаться прямо противоположным: стабильность в Австрии в значительной степени явилась плодом сотрудничества соперничающих элит в рамках большой коалиции, тогда как двухпартийная система, особенно в более ранние годы, скорее осложняла надсегментное сотрудничество, чем способствовала ему. Вместе с тем, приведенное выше утверждение находит соответствия в разработанной Джованни Сартори типологии партийных систем, где в основу классификации положено количество партий. Сартори делит многопартийные системы на умеренно и крайне многопартийные. Учитывая только крупные партии, обладающие либо «потенциалом для коалиции», либо «потенциалом для шантажа» (как коммунистические партии в Италии и во Франции), и оставляя за рамками анализа мелкие маргинальные партии, в умеренно многопартийных системах «нормальное количество (партий)... три или четыре». Для крайней многопартийности требуется как минимум пять партий. При этом Сартори замечает в сноске, что сам характер взаимоотношений между партиями в том случае, если их боль-

¹⁵ См. рассуждения о партийных системах в 1-й главе.

¹⁶ *Almond G.L., Powell G.B. Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston: Little, Brown, 1966. P. 111.*

ше, чем четыре, может служить объяснением проявляющихся в политическом развитии страны центробежных тенденций. Линия, отделяющая четырехпартийные системы от пятипартийных, согласно Сартори, имеет принципиально более важное значение, чем линия между двухпартийными и многопартийными системами. В остальном же он соглашается с приводившимися в 1-й главе мнениями Мориса Дюверже и Зигмунда Ноймана о взаимозависимости количества партий и стабильности демократии. У Сартори и двухпартийные, и умеренно многопартийные системы центристские, тогда как крайне многопартийные системы центробежны. «Если в политической системе преобладают центристские тенденции, то это означает, что проводимая политика является взвешенной, тогда как не отличающийся умеренностью или экстремистский политический курс отражает преобладание центробежных сил». Крайне многопартийные системы, в качестве примеров которых называются послевоенная Италия, Франция, особенно в период Четвертой Республики, Веймарская Германия и Испанская Республика 1931–1936 гг., «приводят к политическому тупику и парализуют деятельность правительства»¹⁷.

В более поздних работах Сартори отходит от того, чтобы проводить границу между умеренными и крайними многопартийными системами точно по линии раздела систем с четырьмя и пятью партиями. Например, умеренную систему он определяет как такую, в которой «количество играющих более или менее заметную роль партий равно трем, четырем, как максимум — пяти». Везде далее он указывает, что верхняя граница находится в «пределах пяти партий», но не обязательно «точно определяется цифрой пять»¹⁸. Дюверже устанавливает такие же различия между типами многопартийных систем: трехпартийные, четырехпартийные и полипартийные, если в них пять или больше партий, что

---

¹⁷ Sartori G. European Political Parties: The Case of Polarized Pluralism//Political Parties and Political Development. P. 139, 153–155, 161. См. также: Sjoberg G. Party Strategies in a Multi-party System. Lund: Studentlitteratur, 1968. P. 28, 174–175. М. Тейлор и В.М. Херман обнаружили, что стабильность правительства, за которую условно принимается время нахождения одного состава кабинета у власти, негативно коррелирует и с числом парламентских партий, и с раздробленностью партийной системы. См. их работу: Party Systems and Government Stability//American Political Science Review 65. No 1 (March 1971). P. 29–31.

¹⁸ Sartori G. Opposition and Control: Problems and Prospects//Government and Opposition 1. No 2 (January 1966). P. 152; Sartori G. The Typology of Party Systems: Proposals for Improvement//Allardt E., Rokkan S. (ed.). Mass Politics: Studies in Political Sociology. New York: Free Press, 1970. P. 337. См. также: Sartori G. Parties and Party Systems: A Framework for Analysis. Cambridge: Cambridge University Press, 1976. P. 119–216.

практически совпадает у Сартори с понятием крайней многопартийности¹⁹.

Таким образом, в многосоставном обществе с сегментарными партиями умеренная многопартийность является оптимальным условием для общественной демократии, что соответствует и мнению Сартори. При этом, однако, необходимо сделать некоторые оговорки. Во-первых, аргумент в пользу умеренно многопартийных систем относится только к многосоставным обществам. В гомогенных государствах двухпартийная система будет значительно стабильнее и эффективнее, чем многопартийная, при этом она также имеет значительные преимущества в характере самой демократии. В частности, она дает возможность функционирования в чистом виде принципа «правительство против оппозиции» и создания ответственного правительства; это происходит в тех случаях, если правительство формируется партией парламентского большинства, если обе партии отличаются жесткой внутрипартийной дисциплиной и если они образуют однопартийные, а не коалиционные кабинеты.

Во-вторых, умеренная многопартийность служит благоприятствующим фактором лишь при том условии, что все партии являются партиями меньшинства; более того, желательно, чтобы они не слишком различались по количественным характеристикам. Это вновь противоречит идеям Алмонда относительно партийных систем. Выше всего он оценивает двухпартийные системы, а вслед за ними ставит такие многопартийные системы, в которых имеется хотя бы одна крупная партия, объединяющая и выражающая достаточно широкий спектр интересов. Один из приводимых им примеров — бельгийская католическая партия, близкая к положению партии большинства, что, как уже отмечалось в настоящей главе²⁰, имело весьма негативные последствия. И наконец, в многосоставных обществах, не подпадающих под определение «умеренно раздробленных», т.е. состоящих либо из двух, либо из более чем пяти-шести значительных сегментов, двухпартийная или крайне многопартийная система предпочтительнее, чем умеренная многопартийность. Самым главным критерием здесь является то, что все сегменты представлены собственными политическими партиями. Дополнительное достоинство принципа пропорционального представительства состоит в том, что его приме-

---

¹⁹ Duverger M. Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State (trans. Barbara and Robert North). London: Methuen, 1959. P. 234–239.

²⁰ См. также: Epstein L.D. Political Parties in Western Democracies. New York: Praeger, 1967. P. 73–76.

нение способствует формированию сегментарных партий и снижает необходимость искусственного образования более крупных, но не столь четко представляющих сегменты партий.

РАЗМЕР ГОСУДАРСТВА И СООБЩЕСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Бросающаяся в глаза особенность европейских общественных демократий заключается в том, что все они сложились и существуют в малых странах. В самой крупной из них — Нидерландах — население в 1960 г. не достигало и 12 млн. человек. Из девяти стран, которые Лорвин в своей классификации относит к категории имеющих высокую или среднюю степень многосоставности, пять являются малыми странами (страны Бенилюкса, Австрия, Швейцария), четыре — крупными (Франция, Италия, Германия, Соединенные Штаты Америки), из них все малые страны, в отличие от крупных, стали общественными демократиями²¹. Как объяснить эту тесную взаимосвязь, выведенную эмпирически? Малый размер стран оказывает как прямое, так и косвенное воздействие на вероятность установления общественной демократии и ее успешного развития: он напрямую усиливает дух сотрудничества и примирения и он же косвенным образом повышает шансы общественной демократии на успех, упрощая процесс принятия решений и облегчая таким образом управление страной. Как прямое, так и косвенное действие такого фактора, как малый размер страны вытекает и из *внутриполитических* особенностей малых стран, и из их *внешнеполитического* статуса среди других, особенно более крупных и сильных государств на международной арене.

Прямое влияние малого размера страны на ее внутреннюю политику выражается в том, что принадлежащие к различным элитам политики скорее всего будут лично знать друг друга и часто встречаться. Это повышает и вероятность того, что они не будут рассматривать политику как игру с нулевой суммой и, следовательно, как указывалось в предыдущей главе, будут склонны к согласительному, а не конфронтационному стилю принятия решений. Штайнер так формулирует данную мысль: «В небольших государствах политическая элита относительно мала по сравнению с элитами более крупных стран. Следовательно, более вероятно, что люди, принадлежащие к этой элите, будут вступать во взаимодействие относи-

---

²¹ Lorwin V.R. Segmented Pluralism: Ideological Cleavages and Political Cohesion in the Smaller European Democracies//Comparative Politics 3. No 2 (January 1971). P. 148.

тельно часто». Это должно иметь результатом достаточно высокий уровень готовности к взаимному проявлению доброй воли, что, в свою очередь, побуждает политических лидеров «не рассматривать политику как игру с нулевой суммой, где действует принцип «все или ничего». В такой игре победители не могут рассчитывать на проявление доброй воли со стороны побежденных, и выигрыш достигается слишком дорогой ценой»²². Следует отметить, что данный вывод расходится с высказанной ранее мыслью о том, что раздел, приводящий обычно к появлению более мелких государств, может при определенных обстоятельствах служить решением проблем многосоставных обществ. В результате подобных разделов образуются государства, которые более стабильны благодаря своей сравнительной однородности. Однако в действительности такая устойчивость достигается не по причине их большей социальной однородности, а благодаря более тесным связям между элитами, равно как и вследствие других преимуществ малого размера страны, рассматриваемых здесь. Более того, прямое влияние фактора малого размера на перспективы общественной демократии внутри страны неоднозначно. Если страна слишком мала, то и количество политически одаренных лидеров также будет весьма невелико. Поскольку общественная демократия требует от элиты исключительных политических способностей и предусмотрительности, постольку ограниченность размера страны остается благоприятным фактором лишь до определенного предела.

Прямое влияние размера страны в сфере *внешней политики* состоит в том, что малые страны скорее будут подвергаться угрозе со стороны других держав и чувствовать себя в опасности, чем более крупные государства. Такое ощущение уязвимости и незащищенности дает сильный импульс для укрепления внутренней солидарности. Политические лидеры будут более склонны к сплочению, а их сторонники — к одобрению сотрудничества между сегментами перед лицом серьезной внешней угрозы. Заслуживает самого серьезного внимания тот факт, что во всех общественных демократиях решающие шаги к установлению режима подобного типа делались в периоды международных кризисов или возникновения реальной угрозы существованию страны. В Австрии и Нидерландах становление общественной демократии приходится на очень короткие периоды их политической истории и безусловно совпадает по времени и отчасти оказывается связанным с чрезвычайными событиями на международной арене. В Австрии режим прав-

---

²² Steiner J. The Principles of Majority and Proportionality//British Journal of Political Science I. No 1 (January 1971). P. 65.

ления большой коалиции был прежде всего реакцией на внутривнутриполитическое противостояние в период Первой Республики, но характерно, что оформился он во время оккупации Австрии союзными войсками после второй мировой войны. Всеобъемлющие мирные договоренности, которые открыли дорогу общественной демократии в Нидерландах, были достигнуты в 1917 г., когда первая мировая война полыхала вблизи границ этой страны. В Бельгии и Швейцарии становление общественных институтов более растянуто во времени, но оно также происходило отчасти под влиянием внешней угрозы. Бельгийский «юнионизм» (большие коалиции с участием католиков и либералов) возник в период борьбы страны за независимость, но стал редким явлением, когда нация почувствовала себя в безопасности. Он возродился вновь во время первой мировой войны и вскоре был дополнен таким важным шагом, как допуск социалистов в общественное правительство. В Швейцарии этот заключительный шаг — допуск социалистов в большую коалицию — откладывался значительно дольше и также сделан был лишь в период второй мировой войны — в 1943 г.²³

Утверждение о том, что внешняя угроза приводит лидеров соперничающих элит к осознанию необходимости единства и солидарности, следует дополнить одним существенным соображением: для того, чтобы иметь объединяющий эффект, такие угрозы, опасность должны ощущаться всеми сегментами. В частности, как отмечает Лембрух, когда линии противоречий внутри общества и линии, разделяющие участников конфликта на международной арене, совпадают, тогда «это приводит к воспроизведению внешнего конфликта внутри общества, особенно если речь идет о конфликтах на религиозной или национальной почве»²⁴.

Совпадение внутренних и внешних противоречий было характерно для Бельгии во время обеих мировых войн: языковая и культурная общность, близость Фландрии к Германии, а Валлонии к Франции обостряли языковой и конфессиональный конфликты в этой стране. В Швейцарии франко-немецкие противоречия на язы-

---

²³ В большинстве случаев перемены, приносимые в результате влияния внешних угроз, оказывались весьма устойчивыми. Это противоречит выводу, сделанному в книге Карла В. Дейча и других, о том, что воздействие внешней военной угрозы на интеграционные процессы никогда не было достаточно сильным и не всегда было позитивным, но даже тогда, когда оно было положительным, оно нередко оказывалось преходящим. См. их работу: *Political Community and the North Atlantic Area: International Organization in the Light of Historical Experience*. Princeton: Princeton University Press, 1957. P. 44–46.

²⁴ *Lehmbruch G. Consociational Democracy in the International System//European Journal of Political Research 3. No 4 (December 1975). P. 382.*

ковой почве также обострялись, но не в столь сильной мере и лишь во время первой мировой войны. Единственный случай, когда внешняя угроза оказала действительно катастрофическое воздействие на малое многосоставное общество в Европе, — это давление Германии на Австрию с требованием аншлюсса: первая Республика в Австрии «была разорвана на части благодаря внешнему давлению, точно приходящемуся на трещины в хрупкой политической структуре молодого государства»²⁵. И тем не менее, в целом внешние угрозы способствовали укреплению солидарности в общественных демократиях.

Косвенное воздействие такого фактора, как малый размер страны, связано с проблемой принятия решений. Стабильность любого режима можно определить как соотношение между его реальными возможностями и уровнем предъявляемых к нему требований. Любое правительство будет более стабильно, если объем его обязательств окажется не слишком велик. Это особенно важно для общественных демократий, потому что преодоление противоречий между сегментами — процесс медленный, трудоемкий, требующий от лидеров больших затрат энергии и мастерства. Ограниченность размера страны уменьшает нагрузку на систему принятия решений. И здесь также необходимо проводить различия между внутренним и внешним аспектами, а именно между сложностями, связанными с осуществлением внутренней и внешней политики.

Что же касается косвенных внутривнутриполитических последствий, то малыми странами легче управлять, чем крупными, потому что их проблемы не столь сложны: меньше число группировок и отдельных лиц, интересы которых необходимо принимать в расчет. Именно это имеет в виду Эрнест С. Гриффит, утверждая, что «при прочих равных условиях демократия имеет больше шансов на выживание в малых странах», и характеризуя малые страны как «более управляемые»²⁶. Нелегко однозначно сравнивать государства по сложности проблем, с которыми они сталкиваются, и связанных с этим трудностей процесса принятия решений, но имеющиеся теории и фактические данные подтверждают мнение Гриффита. Роберт А. Даль и Эдвард Р. Тафт на основе тщательного изучения имеющегося материала приходят к следующим выводам: «При равенстве прочих условий, особенно уровней социально-экономического развития, чем больше размер страны, тем

---

²⁵ *Lorwin V.R. Segmented Pluralism. P. 149–150.*

²⁶ *Griffith E.S. Cultural Prerequisites to a Successfully Functioning Democracy// American Political Science Review 50. No 1 (March 1956). P. 102.*

выше число организаций и группировок, имеющих в ней, тем больше количество организованных групп интересов». Для демократий это означает, что, опять-таки при прочих равных условиях, «чем больше страна, тем сложнее в ней будет идти процесс принятия решений»²⁷.

Сложность процесса принятия решений в малых странах уменьшается еще более и благодаря косвенному влиянию внешнеполитических последствий ограниченности их размера, а именно незначительной роли малого государства на международной арене, тенденции воздерживаться от активной внешней политики и в итоге — больших шансов избежать необходимости принимать трудные решения в данной сфере. Это преимущество особенно велико, если малое государство придерживается политики нейтралитета, и прежде всего в тех случаях, когда подобный выбор не был сделан самостоятельно, что само по себе было бы трудным решением, а стал результатом международного диктата. Всем четырем европейским общественным демократиям нейтралитет был навязан открытыми или закулисными договоренностями ведущих мировых держав²⁸. Если малое государство входит в категорию многосоставных обществ, то его размеры и неоднородность населения, порождающие опасность того, что внутренний конфликт найдет отражение вовне страны, в совокупности увеличивают шансы навязывания стране политики нейтралитета.

Лембрух даже полагает, что поскольку «сохранение внутреннего равновесия имеет предварительным условием снижение внешнеполитических амбиций данной политической системы», постольку общественный тип принятия решений, «очевидно, пригоден только для небольших государств»²⁹. Даалдер критикует такой вывод и утверждает, что один из вопросов, которые необходимо изучить, прежде чем малый размер государства будет считаться необходимым условием успеха общественной демократии, — это вопрос о том, «является для крупных государств активная внешняя политика (с ее воздействием на внутривнутриполитическую сферу) неизбежностью или сознательным политическим выбором»³⁰. В самом деле, размер страны не предопределяет уровень активности ее внешней политики, хотя преобладающая тенденция очевидна. Например, не-

---

²⁷ *Dahl R.A., Tufte E.R. Size and Democracy. Stanford: Stanford University Press, 1973. P. 40.*

²⁸ *Daalder H. The Consociational Democracy Theme//World Politics 26. No 4 (July 1974). P. 610.*

²⁹ *Lehmbruch G. Non-Competitive Pattern of Conflict Management. P. 96.*

³⁰ *Daalder H. Consociational Democracy Theme. P. 611.*

давнее системное исследование вовлеченности больших и малых стран в международные дела подтвердило, что «крупные государства однозначно проявляют более высокий уровень международной активности, чем малые страны». Как и следовало ожидать, уровень социально-экономического развития также оказался важным фактором, но «при объяснении различий в степени внешнеполитической активности размер государства более важен, чем уровень его развития»³¹. Другим проявлением той же тенденции служит следующая открытая Далем и Тафтом закономерность: чем больше население страны, тем выше ее расходы на оборону в пересчете на душу населения. Особенно явно эта закономерность проявляется в демократических странах. И опять, хотя уровень развития (в данном случае критерием оценки выступает валовый национальный продукт на душу населения) также влияет на объем оборонных расходов, все же размер страны остается значительно более важным показателем³².

Последним возражением против тезиса о том, что снижение уровня внешнеполитической активности и сопряженных с этим трудностей является условием, благоприятствующим общественной демократии, может служить утверждение Брайана Барри, будто «нет никаких поводов считать, что «общественность» особо затрудняет ведение внешнеполитических дел; и кроме того, большинство несообщественных государств образуют на время войны коалиции из всех партий, считая их необходимым условием отражения внешней угрозы»³³. Однако слабость данного аргумента состоит в том, что в нем смешаны такие моменты, как прямое и косвенное воздействие внешнеполитического фактора, нормальный ход внешней политики и преодоление серьезных кризисов и войн. Конечно, во время войны принимаются важнейшие решения, и их положительный эффект — укрепление единства политических лидеров страны и их сторонников — ярко выражен, тогда как их потенциальное негативное последствие — перегрузка системы принятия решений — не создает серьезной угрозы, так как все, что связано с войной, становится высшим приоритетом, а остальные проблемы скорее всего не принимаются в расчет или откладываются на более поздний срок.

---

³¹ *East M.A.* Size and Foreign Policy Behavior: A Test of Two Models//World Politics 25. No 4 (July 1973). P. 564. Критический анализ концепции малых государств в международных отношениях см.: *Baehr P.R.* Small States: A Tool for Analysis//World Politics 27. No 3 (April 1975). P. 456–466.

³² *Dahl R.A., Tufte E.R.* Size and Democracy. P. 122–128.

³³ *Barry B.* Political Accommodation and Consociational Democracy//British Journal of Political Science 5. No 4 (October 1975). P. 484.

СТРУКТУРА РАЗЛИЧИЙ

При анализе воздействия социальных противоречий на функционирование политической системы и уровень политической стабильности первое и наиболее важное различие следует проводить между гомогенными обществами без сильно выраженных противоречий и многосоставными обществами. Но и многосоставные общества могут различаться по нескольким параметрам структуры противоречий: количество противоречий и степень раздробленности общества, порождаемой ими; степень пересечения или наложения расколов, их тип и интенсивность; уравнивающий эффект надсегментных ориентаций и, наконец, то, как противоречия между сегментами соотносятся с межпартийными разногласиями.

Прежде всего попытаемся оценить количество и тип основных различий, уровень порожденной ими раздробленности во всех четырех перечисленных ранее общественных демократиях. Важнейшими из них являются классовые и религиозные, а в Бельгии и Швейцарии — языковые различия. Все четыре страны принадлежат к категории высокоразвитых индустриальных обществ, поэтому их классовые структуры можно считать принципиально схожими³⁴. По другим же двум переменным наблюдаются существенные различия. В табл. 2 показано, как разделены общества по религиозному и языковому признакам. В качестве показателя взят индекс раздробленности Рея-Тейлора (F)³⁵. Собрать данные, позволяющие оценить уровень религиозной и языковой неоднородности, весьма сложно. Приводимые в таблице данные, касающиеся языковых различий в Бельгии, основаны на переписи населения 1947 г., согласно которой 60,1% населения страны составляют жители, говорящие по-фламандски, а большинство остального населения — франкоязычные бельгийцы. Правда, эти данные часто считаются ненадежными. Ввиду политической значимости языковой проблемы вопрос о языке не был включен в анкету переписи 1961 г. Однако численность соответствующих языковых групп можно оценить, исходя из численности населения отдельных регионов. В 1961 г. во Фландрии жило 51,3% населения Бельгии, в Валлонии — 33,1%, а в двуязычном Брюсселе — 15,6%. Поскольку по-французски говорят примерно 80% брюссельцев, постоль-

³⁴ Один из показателей этого — отношение числа занятых вне аграрного сектора ко всему населению трудоспособного возраста: Австрия (1951 г.) — 49,1%; Бельгия (1960 г.) — 53,0%; Нидерланды (1947 г.) — 52,0%; Швейцария (1960 г.) — 62,8%. См.: *Russett B.M. et al. World Handbook of Political and Social Indicators*. New Haven: Yale University Press, 1964. P. 182.

³⁵ *Rae D.W., Taylor M. Analysis of Political Cleavages*. P. 30–33.

ку соотношение говорящих по-фламандски и по-французски во всей стране приблизительно равно 54,4%:45,6% (исключая немецкоговорящее меньшинство, составляющее около 0,5%)³⁶. При этих оценочных цифрах индекс раздробленности будет равен 0,50, что очень близко к показателю, приведенному в табл. 2.

ТАБЛИЦА 2. Религиозная и языковая раздробленность в четырех общественных демократиях (на 1960 г.)

Страна	Религиозная раздробленность	Языковая раздробленность
Австрия	0,19	0,03
Бельгия	0,06	0,48
Нидерланды	0,64	0,02
Швейцария	0,50	0,40

ИСТОЧНИКИ: *Russett B.M. et al. World Handbook of Political and Social Indicators. New Haven: Yale University Press. P. 134—135, 249—254; данные, полученные от Федерального управления статистики в Берне, и расчеты автора.*

Данные швейцарской переписи о языковой ситуации в стране полны и надежны, но здесь появляется другая проблема: должен ли показатель раздробленности вычисляться для всех живущих в Швейцарии или только для граждан этой страны? В большинстве стран разница между этими двумя величинами незначительна, в Швейцарии же количество постоянно живущих иностранцев весьма велико: согласно переписи 1960 г. — 10,8%. Население, имеющее швейцарское гражданство, более однородно в языковом отношении, чем жители страны в целом, в основном благодаря тому, что в стране проживает большое число итальянцев: из всех говорящих по-итальянски только 38,6% являются швейцарскими гражданами. Индекс языковой раздробленности для всего населения равен 0,47, тогда как для имеющих гражданство он составляет всего 0,40. Последняя цифра и включена в табл. 2 (тот же принцип ограничения выборки только гражданами Швейцарии выдерживается и в таблицах, приводимых далее), так как она более значима при оценке политических последствий языкового раскола страны. Следует отметить, что

³⁶ См.: *Goriely G. Rapport introductif sur 'Bruxelles et le federalisme'//Res Publica 13. No 3—4. 1971. P. 407—413.*

оба значения данного показателя ниже, чем аналогичная цифра для Бельгии, хотя в Швейцарии языковых групп больше. В Бельгии, однако, две языковые группы гораздо ближе друг к другу по численности, тогда как из всего населения Швейцарии говорящие по-немецки составляют почти три четверти: 74,4% граждан и 69,4% населения страны в целом³⁷.

Австрия и Нидерланды практически абсолютно гомогенны по языковому признаку. По переписи 1951 г. в Австрии 98,7% населения говорило по-немецки. Вопрос о языке никогда не включался в голландские переписи. В одной из северных провинций страны живет этническое меньшинство, говорящее по-фризски, но голландским языком владеют практически все, поэтому можно считать, что Нидерланды гомогенны в языковом отношении на 99%.

Показатели религиозной раздробленности, приведенные в табл. 2, основаны на классификации по трем категориям: католики, приверженцы иных христианских конфессий и верующие других исповеданий или люди, не заявившие о своей религиозной принадлежности. Нидерланды и Швейцария отличаются высоким уровнем раздробленности по конфессиональному признаку, тогда как Австрия и Бельгия более гомогенны. Степень религиозной раздробленности в Швейцарии была бы несколько выше, если бы расчеты производились для всех ее жителей: тогда показатель составил бы 0,52 вместо 0,50. Кроме того, деление на три категории не вполне подходит для Голландии, поскольку в протестантской среде имеются существенные различия между в целом более либеральной Голландской реформатской церковью и ортодоксальной реформатской церковью. Деление на пять категорий (католическая, Голландская реформатская, ортодоксальная реформатская, другие протестанты, люди, не ассоциирующие себя с какой-либо религиозной группой) дает более высокий индекс раздробленности — 0,71. Но и он не полностью отражает картину, поскольку наряду с принадлежностью к какой-либо церкви следует учитывать и степень религиозности. Классификация по трем категориям с учетом регулярности посещения церкви имеет наибольшее политическое значение: активные католики (34%), ортодоксальные кальвинисты (21%), люди светских убеждений (45%)³⁸. Это деление дает показатель 0,64, что, оказывается, совпадает с индексом, приведенным в таблице.

---

³⁷ Соответствующий удельный вес остальных языковых групп: французской — 18,9% (от всего населения) и 20,2% (подданных Швейцарии); итальянской — соответственно 9,5 и 4,1%; рето-романской 0,9 и 1,0%; других — 1,4 и 0,3%.

³⁸ *Lijphart A. Verzuijing*. P. 31–32.

Религиозная гомогенность Австрии и Бельгии — более кажущаяся, чем реальная. В Австрии католики составляют 89,4%, в Бельгии — 96,8% населения, но в обеих странах существуют серьезные различия между глубокими верующими католиками и теми, кто лишь формально принадлежит к католической церкви. По меньшей мере половина населения каждой из двух названных стран регулярно посещает церковь. Если наряду с принадлежностью к одной из религий принимать в расчет степень религиозности, то показатель религиозной раздробленности в обеих странах окажется в пределах 0,45–0,50. Игнорирование такого фактора, как степень религиозности, приводит к занижению для Австрии и Бельгии совокупного «индекса многосоставности», предложенного Мери Р. Хог для сравнительного исследования форм правления и основанного на пяти переменных. Эти переменные — язык, религия, раса, оформленность в группу и представительство интересов группами, слабо связанными между собой. Австрия получила самый низкий обобщенный показатель и была отнесена к категории стран с «низким уровнем многосоставности». Нидерланды попали в следующую категорию стран с «умеренной многосоставностью»; далее идет Бельгия с «ярко выраженной многосоставностью», Швейцария помещена в четвертую и последнюю группу «высшей степени многосоставности»³⁹. В силу своей языковой неоднородности Бельгия и Швейцария действительно должны стоять выше, чем Австрия и Нидерланды, при оценке общего уровня многосоставности, но эти четыре страны отличаются друг от друга все-таки не столь сильно, чтобы их следовало разбрасывать по всей шкале подобной классификации.

ПЕРЕСЕКАЮЩИЕСЯ РАЗЛИЧИЯ

При наличии в обществе двух или большего числа линий разделения следует изучить, как они соотносятся — пересекаются или налагаются друг на друга. На практике полное расхождение линий раздела, как и их полное совпадение, случается редко, но различия в степени пересечения могут иметь жизненно важное значение по двум причинам. Во-первых, то, как границы между группами налагаются друг на друга, влияет на перспективы общественной демократии, поскольку от этого зависят абсолютные и относительные

---

³⁹ *Haug M.R. Social and Cultural Pluralism as a Concept in Social Systems Analysis// American Journal of Sociology 73. No 3 (November 1967). P. 298–299.* Основные данные содержатся в: *Banks A.S., Textor R.B. A Cross-Polity Survey. Cambridge, Mass.: M.I.T. Press, 1963. App. A.*

размеры сегментов, а следовательно, и соотношение сил между ними. Во-вторых, пересечение линий разделения может заметно влиять на интенсивность настроений, порождаемых существующими различиями. Согласно теории частично совпадающих или перекрестных социальных ролей, которая, как уже отмечалось, является одной из концептуальных основ типологии Алмонда, пересечение противоречий порождает перекрестные воздействия, способствующие умеренности позиций и действий⁴⁰. По несколько иной причине особенно важна та мера, в какой социальные различия приобретают социально-экономическое измерение. Если, к примеру, линии религиозного и социально-классового разделения пересекаются под достаточно большим углом, то представители различных религиозных групп будут считать, что они занимают в обществе равное положение. Если же, напротив, эти две группы различий будут близки к совпадению, то одна из групп будет чувствовать себя ущемленной, поставленной в неравное положение и получающей несправедливо малую долю материальных благ.

Степень пересечения линий раздела в четырех общественных государствах была рассчитана на основании швейцарской переписи 1960 г. и данных опросов, проведенных в Бельгии и Нидерландах в 1956 г., в Швейцарии в 1963 г. и в Австрии в 1967 г.⁴¹ Степень пересечения оценивалась по двум показателям. Первый из них — угол пересечения, который может принимать значения от 90° (пере-

---

⁴⁰ См. гл. 1. Г. Бингем Пауэлл нашел подтверждение этой теории в своем исследовании австрийского общества; см.: *Social Fragmentation and Political Hostility: An Austrian Case Study*. Stanford: Stanford University Press, 1970, особенно стр. 37–38. Критику этой теории см.: *Sperlich P.W. Conflict and Harmony in Human Affairs: A Study of Cross-Pressures and Political Behaviour*. Chicago: Rand McNelly, 1971; *Nordlinger E.A. Conflict Regulation in Divided Societies//Occasional Papers in International Affairs*. No 29. Cambridge, Mass.: Center for International Affairs, Harvard University, 1972. P. 93–104.

⁴¹ Данные швейцарской переписи — неопубликовавшиеся цифры, предоставленные Федеральным управлением статистики в Берне. Данные опроса в Австрии (численность выборки 1990 чел.) предоставлены Институтом эмпирических социальных исследований в Вене. Данные опроса по Швейцарии (численность выборки 2066 чел.) были собраны Швейцарским институтом общественного мнения в Лозанне. Опросы в Бельгии (численность выборки 979 чел.) и в Голландии (численность выборки 991 чел.) проводились в рамках исследования ЮНЕСКО по четырем странам «Общее видение других народов». Дополнительный анализ данных ЮНЕСКО см.: *Reigrotzki E., Anderson N. National Stereotypes and Foreign Contacts//Public Opinion Quarterly* 23. No 4 (winter 1959–1960). P. 515–528; *Anderson N. Opinion on Europe//European Yearbook*. Vol. 5. The Hague, Nijhoff, 1959. P. 143–160, *Brouwer M. International Contacts and Integration-Mindedness//Polls* 1. No 2 (summer 1965). P. 1–11. Ограниченность бельгийского и голландского опросов (равно как и швейцарского) заключается в их недостаточной репрезентативности. В частности, не совсем полно представлены работники физического труда. См.: *Sauer H. Quantitative Da-*

сечение точно под прямым углом) до 0° (полное совпадение линий раздела). Например, линии религиозных и классовых различий пересекаются под прямым углом, если отношение числа протестантов из средних классов к числу протестантов из низших классов равно отношению между принадлежащими к средним и низшим классам католиками. Угол равен 0° , если все протестанты принадлежат к высшим классам, а католики — к низшим⁴².

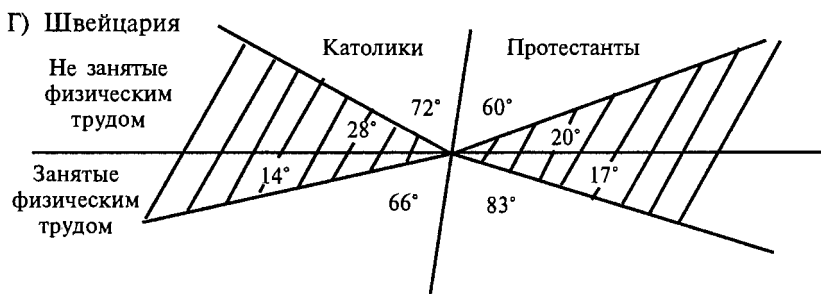
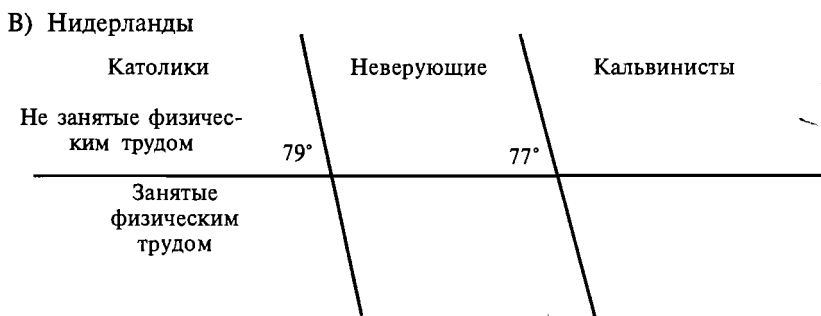
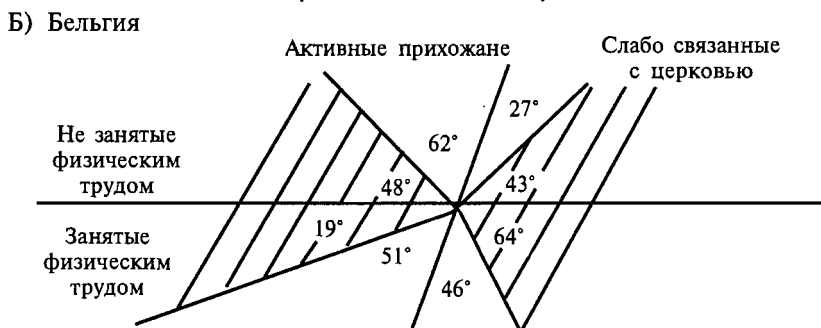
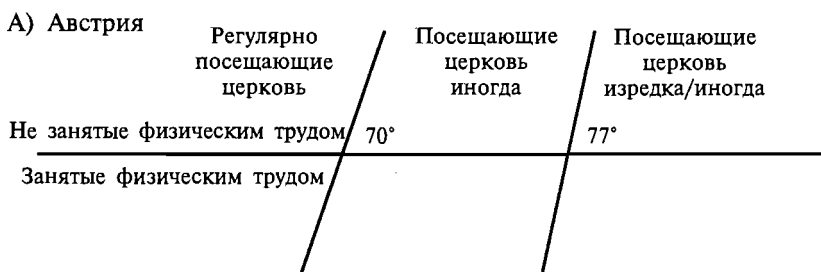
Попытка графического изображения линий раздела между основными сегментами предпринята на схеме 1. Профессии, сгруппированные в категории физического и умственного труда, взяты в качестве показателей классовой позиции⁴³. Далее австрийские респонденты делились в зависимости от своих ответов на соответствующий вопрос: на группы тех, кто посещает церковь регулярно, иногда или редко. Поскольку угол пересечения можно рассчитать лишь для дихотомных различий, постольку первая линия религиозного разделения отражает соотношение между регулярно посещающими церковь и прочими, а вторая линия — соотношение между теми, кто посещает ее регулярно или иногда и теми, кто посещает редко или никогда. Аналогичная операция была проделана и с результатами опроса, проведенного в Голландии. В обеих странах линии религиозных и классовых различий пересекаются под уг-

ta about Common Ideas about Foreign Peoples: Comparative Sample Survey of Factors Affecting National Stereotypes and Prejudices. Cologne: UNESCO Institute for Social Sciences, 1958. В швейцарском опросе графа «род занятий» не предусматривает отметки о роде занятий мужа у домашних хозяек и о прошлой профессии пенсионеров. Показатель рода занятий использовался для определения классового положения, поэтому выборка по данному признаку была в основном «мужской» (75,7%). И наконец, недостаток австрийского опроса состоит в том, что он был проведен в 1967 г., когда эпоха «больших коалиций» уже закончилась. Для проверки надежности результатов опросов была предпринята попытка сравнить индексы раздробленности и пересечения, полученные по данным переписей с аналогичными индексами, которые вычислялись по материалам опросов, там, где в наличии были и те, и другие данные. Как показано ниже, две группы результатов оказались весьма близкими друг к другу. Первыми приводятся индексы, вычисленные по переписям: религиозная раздробленность в Нидерландах — 0,64 и 0,61; религиозная раздробленность в Швейцарии — 0,50 и 0,50; языковая раздробленность в Швейцарии — 0,40 и 0,44. Индекс пересечения религиозных и языковых противоречий в Швейцарии — 0,48 и 0,49. Угол пересечения в Швейцарии — 61° и 56° . Раздробленность партийной системы в Австрии — 0,59 (по данным выборов 1962 г.) и 0,53.

⁴² Если четыре показателя в таблице «два на два» обозначить как $f(11)$, $f(12)$, $f(21)$, $f(22)$, то угол вычисляется по формуле:

$$\text{угол} = \frac{f_{11}f_{22}}{f_{11}f_{22} + f_{12}f_{21}} \times 180^\circ$$

⁴³ Критерии классификации взяты из работы: *Alford R.R. Party and Society: The Anglo-American Democracies*. Chicago: Rand McNelly, 1963. P. 69–71.

С х е м а 1. Пересечение линий разделения в четырех общественных демократиях

лом, достаточно близким к прямому⁴⁴. Этот вывод применим и к ситуации в Бельгии и Швейцарии, где углы составляют соответственно 70 и 80°. Для того чтобы проиллюстрировать картину, возникающую тогда, когда на эти две линии разделения накладываются границы между языковыми группами, пришлось бы представить, как три самолета летят пересекающимися курсами в трехмерном пространстве, но такой мысленный образ скорее затруднил бы, нежели облегчил понимание ситуации. Вместо этого четыре угла, образованные при наложении линий классовых и религиозных различий, были разделены в соответствии с размерами языковых групп. Франкоговорящие представлены в заштрихованных секторах. Очевидно, что границы языковых групп пересекают две линии предыдущих разделений под достаточно большим углом.

Точные углы линий пересечения сведенных в дихотомные пары различий представлены в табл. 3. Для Австрии дихотомная пара образована делением на регулярно посещающих церковь и прочих. Для Нидерландов дихотомия образована делением на граждан, придерживающихся светских взглядов, и на католиков и кальвинистов; это деление дает правильный прямой угол пересечения — 90°. Дихотомная пара по языковому признаку в Швейцарии такова: немецкий, с одной стороны, и три остальных официальных языка — с другой. Табл. 3 подтверждает впечатление, складывающееся на основании данных табл. 1: границы между языковыми группами пересекают практически под прямым углом линии как религиозного, так и классового разделения и в Бельгии, и в Швейцарии. Но здесь необходимо сделать три дополнительных пояснения. Первое: угол в 75°, образованный при пересечении линий языковых и классовых различий в Бельгии, недостаточно показателен по той причине, что в бельгийском обществе еще сохраняются следы существовавшего в XIX в. положения, когда фламандцы занимали низшие ступени социальной лестницы. Такую ситуацию вполне передает фраза, которую привел в своей работе Лорвин: «Французы — в гостиной, фламандцы — на кухне».

Второе дополнительное пояснение: угол в 55°, образованный пересечением линий религиозных и языковых расколов общества в Бельгии, является наименьшим значением из всех, представленных в табл. 3; он свидетельствует о более высоком уровне религиозности у фламандцев. Но этот вывод следует рассматривать в свете следующего пояснения Лорвина: «В самоощущении бельгийцев Валлония стала нерелигиозной, тогда как Фландрия

---

⁴⁴ Это согласуется с выводом Пауэла об общности в Галлеине; см.: Social Fragmentation. P. 24–25.

ТАБЛИЦА 3. Пересечение линий разделения общества в четырех общественных демократиях (на 1960 г.)

Страна	Индекс пересечения (ХС)			Угол пересечения		
	религиозные и классовые	религиозные и языковые	языковые и классовые	религиозные и классовые	религиозные и языковые	языковые и классовые
Австрия	0,50	—	—	70°	—	—
Бельгия	0,49	0,48	0,50	70°	55°	75°
Нидерланды	0,51	—	—	90°	—	—
Швейцария	0,50	0,48	0,50	83°	61°	71°

ИСТОЧНИКИ: Рассчитано по данным переписи, полученным от Федерального управления статистики в Берне (1960 г.), по данным опроса ЮНЕСКО в Бельгии и Нидерландах (1963 г.), по данным опросов в Австрии, представленным Институтом эмпирических социальных исследований (1967 г.), и в Швейцарии, представленным Швейцарским институтом общественного мнения (1963 г.).

осталась католической. Реальная картина отнюдь не так однозначна, хотя самоощущение — тоже форма реальности. Главный контраст существует между промышленно-городским и аграрно-сельским населением. В сельских районах Валлонии религиозность сохранилась, а в крупных городах Фландрии церкви лишились большинства прихожан из числа промышленных рабочих»⁴⁵. Тем не менее было бы преувеличением считать, будто в Бельгии «линии религиозного разделения, в целом совпадая с границами языковых групп, укрепляют их», равно как и противопоставлять Бельгию Швейцарии, в которой «линии религиозного раскола не совпадают с границами, разделяющими языковые группы, а скорее проходят поперек них»⁴⁶. И, наконец, небольшая группа италоговорящих граждан Швейцарии не учтена ни на схеме 1, в которую она не включена из-за малочисленности, ни в табл. 3, в которой она объединена в одну группу с гражданами страны, говорящими на французском и ретороманском языках. Поскольку подавляющее большинство италоговорящих составляют католики, постольку линии языковых (италоговорящие и все прочие) и религиозных различий пересекаются под углом всего 6°.

⁴⁵ *Lorwin V.R.* Belgium: Religion, Class and Language in National Politics. Цит. по: *Dahl R.A.* Political Oppositions. P. 158—159. См. также оценки числа участвующих в религиозных обрядах во Фландрии и Валлонии в: *Meunaud J. et. al.* La decision politique en Belgique. Paris: Colin, 1965. P. 24—25.

⁴⁶ *Lipson L.* The Democratic Civilization. New York: Oxford University Press, 1964. P. 152.

Другой показатель, приведенный в табл. 3, — это индекс пересечения Рея-Тейлора (ХС). Они определяют ХС как «удельный вес всех пар граждан, которые одновременно принадлежат к одной и той же группе, образованной по одному признаку, и к разным группам, образованным по другому признаку». Преимущество данного показателя заключается в том, что различия здесь не обязательно сводить к дихотомии. Он может принимать значение от нуля, когда две группы различий совпадают полностью, до максимума, находящегося в сложной зависимости от степени раздробленности двух пересекающихся расколов общества, но в большинстве случаев не превышают значений, близких к 0,50⁴⁷. Все приведенные в табл. 3 значения этого индекса достаточно высоки и весьма близки друг к другу.

Согласно теории пересекающихся линий расколов, сдерживающий эффект их наложения зависит в первую очередь от того, насколько они расходятся, а не совпадают друг с другом, и кроме того от глубины различий, точнее, степени их глубины. Пересечение линий расколов равной глубины может просто привести к образованию ряда антагонистических групп, сотрудничество между которыми будет крайне затруднено. В этом случае, утверждает Даль, переселение будет иметь результатом разобщение: «Объединения не произойдет, если все категории различий в обществе ощущаются с равной силой. Пересекающиеся линии разделения способствуют примирению *только в том случае*, если некоторые из них не так глубоки, как другие»⁴⁸. С этим согласен и Е. Е. Шаттшнейдер; он, в частности, считает: конфликты и противоречия разной степени интенсивности приводят к формированию «системы основных и второстепенных конфликтов», к процессу, сущность которого состоит «не в том, чтобы разделять, разделять и разделять до бесконечности, а в том, чтобы разделять и объединять в рамках одного и того же процесса»⁴⁹.

Теория общественной демократии не рассматривает наличие пересекающихся линий разделения в качестве главного фактора стабильности в многосоставных обществах. Но пересекающиеся расколы равной или неравной глубины являются важным дополнительным фактором и могут способствовать или препятствовать обществу. Расколы, равные по глубине, приводят к формированию изолированных гомогенных сегментов, когда индиви-

⁴⁷ Rae D.W., Taylor M. Analysis of Political Cleavages. P. 92–95, 99–103.

⁴⁸ Dahl R.A. Political Oppositions. P. 378n.

⁴⁹ Schattschneider E.E. The Semisovereign People: A Realist's View of Democracy in America. New York: Holt, Rinehart and Winston, 1960. P. 67–68.

ды замкнуты в пределах своей группы. Данный тип разделения оказывает на перспективы общественной демократии влияние только в том плане, что он создает общество, состоящее из нескольких сегментов. Если при этом складывается положение «все в меньшинстве» при ограниченном количестве сегментов как альтернатива двухполюсному противостоянию, то общее воздействие положительно; если же образуется сильно раздробленное общество, то общий итог негативен. Различия неравной глубины приводят к образованию меньшего числа сегментов, но последние сами по себе менее гомогенны. Перекрестное воздействие, испытываемое индивидами, способствует большей умеренности взглядов. Но здесь, как мы увидим далее, встает другая проблема, а именно: как менее глубокие различия выражаются в политической сфере и как решаются связанные с ними проблемы.

ОБЩИЕ, НАДСЕГМЕНТНЫЕ ОРИЕНТАЦИИ

Потенциал конфликтности, заключенный в расколе общества, зависит и от того, насколько интенсивность разделения смягчается общими, надсегментными ориентациями. Как отмечает Гарри Экштейн, «если бы в качестве ответной реакции разделение всегда порождало в обществе стремление к сближению ...то силу сближения можно было бы определить по глубине разделения»⁵⁰. Но разделяющие и объединяющие силы, т.е. раскол и надсегментные ориентации, могут сосуществовать одновременно, и тогда потенциал конфликтности, кроющийся в разделении общества, будет зависеть от суммы этих двух сил. Надсегментные ориентации способны стимулировать объединение общества в целом или отдельных сегментов. Пример последнего рода — внутренняя сплоченность католической и кальвинистской субкультур в Голландии. Хотя, как мы видели, линии религиозного и классового разделения в Нидерландах пересекаются практически под прямым углом, классовые различия не вносят элемент противостояния внутрь католического и кальвинистского сегментов. Это объясняется скорее силой сплачивающих людей религиозных уз, чем слабостью классовых противоречий. Внутри сегмента, в который входят неверующие и те, кто безразличен к вере, внутри этого сегмента, лишенного подобного объединяющего начала, по линии классовых противоречий проходит граница между социалистической и либеральной

---

⁵⁰ *Eckstein H. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 67.*

субкультурами. Аналогичным образом, объединяющая способность католицизма в Бельгии оказалась сильнее классовых различий у активно, глубоко верующих католиков. В то же время классовые противоречия разделили социалистов и либералов. Таким образом, то, как линии разделения соединяются с надсегментными ориентациями, определяет число и характер сегментов в многосоставном обществе.

Надсегментные ориентации приобретают еще большую значимость, если они способствуют объединению общества в целом и тем самым снижают интенсивность всех противоречий одновременно. Потенциально подобную роль способен сыграть национализм. Однако при этом важно не только то, насколько национализм силен, но и в какой мере он действительно объединяет, а не разъединяет людей, требуя от них преданности «нации», что не тождественно верности интересам государства. Ни в одной из четырех общественных демократий национализм не пустил глубокие корни. Сильнее всего, пожалуй, национальные чувства проявляются в Нидерландах — стране, долго существовавшей как независимое государство в практически неизменных границах. В Швейцарии же субнациональные ориентации имеют тенденцию перевешивать общенациональные ориентации.

Национальные чувства в Бельгии, если верить Лорвину, развиты слабее, чем в любом другом европейском обществе⁵¹. Но и Австрия в этом плане почти не отличается от Бельгии. Опрос общественного мнения, проводившийся в 1956 г., выявил отсутствие единодушия по вопросу о национальном самоощущении: примерно половина респондентов полагала, что австрийцы составляют самостоятельную нацию, а другая половина считала себя частью германской нации⁵².

Эти различия во взглядах в значительной степени определялись принадлежностью к определенному сегменту. Уильям Т. Блюм утверждает, что в 1945 г. католики и социалисты придерживались «разных мнений относительно исторического предназначения Австрии, разных концепций австрийской национальной идентичности». Ведущие католические лидеры были твердо привержены идее бывшей империи и рассматривали Австрию «как самостоятельную культурную общность, а не просто как политическое образование. И напротив, большинство социалистов были пан-германистами как в культурологическом, так и в политическом смысле»⁵³. Другим примером проявления национальных чувств нацией, не имеющей самостоятельно-

⁵¹ *Lorwin V.R.* Belgium. P. 176.

⁵² *Stiefbold R.P. et al.* Wahlen und Parteien in Osterreich: Osterreichisches Wahlhandbuch. 3 vols. Vienna: Verlag für Jugend und Volk, 1966. No 2. P. 584–585.

⁵³ *Bluhm W.T.* Building an Austrian Nation: The Political Integration of a Western State. New Haven: Yale University Press, 1973. P. 63.

го государства, может служить фламандский национализм. Во Фландрии фламандские национальные символы вызывают более горячие чувства, чем бельгийские, которые многими фламандцами воспринимаются скорее негативно⁵⁴.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ

Политические партии являются основным институциональным средством перенесения существующих в обществе противоречий в область политики. Поэтому то, насколько границы между партиями совпадают с основными линиями разделения в обществе, имеет особое значение. В табл. 4 представлена картина пересечения линий, проходящих внутри партийной системы, и границ между религиозными, классовыми и языковыми группами в четырех общественных демократиях. Во внимание принимались только основные партии: католические, социалистические и либеральные или радикальные партии во всех четырех странах, две протестантские партии в Нидерландах и швейцарская крестьянская партия⁵⁵. Степень пересечения и здесь выражена как через индекс ХС, так и через величину угла. Для вычисления углов политические партии объединены в две дихотомные пары: религиозные—светские и социалистические—несоциалистические; значения угла пересечения вычислено для обеих дихотомных пар⁵⁶.

Во всех четырех странах существует тесная связь между партийными ориентациями и уровнем религиозности. Регулярно посещающие церковь католики в большинстве своем поддерживают католическую партию, невзирая на классовые и языковые различия. Этот же принцип действует, хотя и не столь отчетливо, в Австрии и Швейцарии. Голландские протестанты оказывают поддержку преимущественно Антиреволюционной партии и Христианскому

---

⁵⁴ Королевская династия может играть особенно важную роль как символ нации и национального единства; см. рассуждения в гл. 1.

⁵⁵ Для Швейцарии не так просто определить ведущие партии. Четыре партии, внесенные в табл. 4, являются крупнейшими на федеральном уровне и представлены в Федеральном Совете. Однако в исполнительные органы власти кантонов входят члены и нескольких других партий. О партийной системе Швейцарии см.: Gruner E. Die Parteien in der Schweiz. Berne: Francke, 1969; Steiner J. Typologisierung des schweizerischen Parteiensystems//Annuaire suisse de science politique. Vol. 9. Lausanne: Association Suisse de Science Politique, 1969. P. 21–40.

⁵⁶ Дихотомия по религиозному признаку в Нидерландах: неверующие и безразличные к вере — католики и кальвинисты. Для дихотомии по признаку католики—некатолики углы пересечения соответственно составили бы 3 и 4°. Италоговорящее население Швейцарии в табл. 4 не включено.

ТАБЛИЦА 4. Пересечение линий раскола в партийной системе и границ разделения религиозных, классовых и языковых групп (на 1960 г.)

Страна	Индекс пересечения (ХС)	Угол пересечения	
		религиозных и светских партий	социалистических и несоциалистических партий
Австрия			
Партийные и религиозные	0,41	18°	18°
Партийные и классовые	0,45	39°	38°
Бельгия			
Партийные и религиозные	0,26	4°	7°
Партийные и классовые	0,47	60°	41°
Партийные и языковые	0,49	72°	71°
Нидерланды			
Партийные и религиозные	0,22	4°	8°
Партийные и классовые	0,52	89°	62°
Швейцария			
Партийные и религиозные	0,37	2°	44°
Партийные и классовые	0,56	84°	50°
Партийные и языковые	0,62	74°	89°

ИСТОЧНИКИ: см. табл. 3.

историческому союзу. Электорат социалистической и либеральной партий в целом формируется по классовому признаку. Среди бельгийцев, не посещающих церковь, голландцев, придерживающихся светских убеждений, и швейцарских протестантов рабочие, занятые физическим трудом, в большинстве своем поддерживают социалистов, а большая часть лиц умственного труда — либералов. Языковые различия в Бельгии и Швейцарии практически не влияют на при выбор партии⁵⁷.

⁵⁷ Более свежие данные об электоральном поведении см. в: *Delruelle N., Evalenko R., Fraeys W.* Le comportement politique des electeurs belges. Brussels: Editions de l'Institute Sociologie, Universite Libre de Bruxelles, 1970); A.-P. rognier. Distances entre partis et clivages en Belgique//Res Publica 15. No 2 (1973). P. 291–311; *Hill K.* Belgium: Political Change in a Segmented Society//*Rose R.* (ed.). Electoral Behaviour: A Comparative Handbook. New York: Free Press, 1974. P. 29–107; *Kerr H.H.* Switzerland: Social Cleavages and Partisan Conflict//Professional Papers in Contemporary Political Sociology. No 06-002. London: Sage, 1974; *Lijphart A.* The Netherlands: Continuity and Change in Voting Behaviour//*Rose R.* Electoral Behaviour. P. 227–268; *Werkgroep Nationaal Verkiezingsonderzoek 1972, De Nederlandse kiezer*'72. Alpen aan den Rijn: Samsom, 1973.

И индекс ХС, и угол пересечения во всех четырех странах принимают минимальные значения при пересечении линий партийных и религиозных различий. Следом за ними идет пересечение линий классового и партийного разделения, а границы, проходящие между языковыми группами и между партиями, пересекаются почти под прямым углом в Бельгии и Швейцарии; из этого ряда есть лишь одно небольшое исключение. Итак, в целом линии противостояния в партийной системе близки к совпадению с границами между религиозными группами, отчасти совпадают и отчасти пересекаются с линиями разделения по классовому признаку и пересекаются почти под прямым углом с линиями языкового раздела. Какой вариант наиболее благоприятен для общественной демократии? Сеймур Мартин Липсет утверждает, что «для стабильной демократии необходима ситуация, при которой во всех ведущих партиях были бы представители многих сегментов населения. Система, в которой массовая база различных партий слишком точно соответствует расстановке основных социальных сил, не может существовать долго на демократической основе, поскольку на нее переносится конфликт столь острый и интенсивный, что в нем исключается компромисс»⁵⁸. Справедливость такого утверждения подтверждается, например, смешанным характером голландских религиозных партий. То обстоятельство, что эти партии неоднородны по своему классовому составу, значительно снижает интенсивность социально-экономических и других противоречий подобного рода. В то же время отсутствие у голландских партий однородности в религиозном отношении не помешало урегулированию религиозных проблем общественными средствами.

Опыт Бельгии особенно ценен для сравнительного изучения различных форм интеграции социальных интересов политическими партиями, поскольку в этой стране сложились три модели взаимоотношений партий с социальными группами, образовавшимися в результате разделов в обществе: с институционализированными группами (по признаку религии), частично институционализированными (по классовому признаку) и неинституционализированными (по языковому признаку). Дерек У. Эрвин* сравнивает успешное решение школьного вопроса — конфликта, имевшего религиозную основу, — с неудачными попытками разрешить проблемы

---

⁵⁸ Lipset S.M. Political Man: The Social Bases of Politics. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1960. P. 31.

* Статья Д.У. Эрвина, как и цитируемые далее работы других авторов на ту же тему, была написана до того, как в 70-х годах все три ведущие политические партии Бельгии раскололись по национальному признаку. (Прим. пер.)

языка и приходит к выводу, что лидеры ведущих бельгийских партий смогли найти компромисс по школьному вопросу «потому, что партийные структуры институционализировали религиозное разделение общества», т.е. благодаря, а не вопреки почти полному совпадению линий разделения в партийной системе и в области религии. Однако институционализированный диалог по проблеме языка не получил развития, поскольку «исторически сложилось так, что языковые различия не нашли отражения в партийной системе»⁵⁹. Лорвин подчеркивает эту мысль еще более настойчиво, когда утверждает, что главная причина, по которой проблема языка оказывается такой трудноразрешимой, сводится к следующему: «Духовные и практические интересы обеих языковых общин не имеют должной организации... Нет признанных представителей, полномочных выдвигать от их имени требования, вести переговоры, соблюдать обязательства»⁶⁰. Бельгийский социолог А. ван ден Бранде также поддерживает данное мнение и высказывает мысль о том, что отсутствие институциональных групп, способных участвовать в решении языковой проблемы, является одной из причин, по которым данный конфликт иногда принимает насильственные формы, т.е. «это поиск других путей там, где политические методы не работают»⁶¹.

Существует еще одна причина, по которой пересечение линий партийных и языковых расколов стало препятствием на пути урегулирования конфликта. Как воздействие на отдельного избирателя точек зрения различных групп интересов может побудить его либо проголосовать за кандидата умеренных взглядов, либо вовсе отказаться от участия в голосовании, так воздействие на партию мнений множества групп избирателей может побудить ее занять либо умеренную, либо пассивную позицию по соответствующему вопросу. Таким образом, итогом множественности воздействий может быть и отсутствие мобильности. Экштейн утверждает, что в целом это — уязвимая сторона систем, отличающихся расхождением линий разделения в обществе. Такие системы, отмечает он, «скорее долговечны, чем эффективны», поскольку в результате расхождений «принятие решений обычно откладывается либо потому, что снизу не оказывается необходимого давления, либо потому, что разнонаправленные давления взаимно

---

⁵⁹ *Urwin D.W. Social Cleavages and Political Parties in Belgium: Problems of Institutionalization//Political Studies 17. No 3 (September 1970). P. 326, 336.*

⁶⁰ *Lorwin V.R. Belgium. P. 174.*

⁶¹ *A. van den Brande. Elements for a Sociological Analysis of the Impact of the Main Conflicts on Belgian Political Life//Res Publica 9. No 3 (1967). P 462.*

погашаются»⁶². Аналогичным образом Шаттшнейдер утверждает, что «большое количество потенциальных конфликтов... не получает развития потому, что их заслоняют противоречия еще более высокой степени напряженности»⁶³.

В целом имеющиеся данные свидетельствуют о том, что расхождение линий разделов может способствовать общественной демократии, но воздействие этого фактора ограничено и не во всех случаях позитивно. Единственные однозначно благоприятные виды расхождений — это когда глубина классовых противоречий умеряется какими-либо иными типами социального разделения, в результате чего образуются сегменты, примерно равные по своему экономическому положению, а также расхождение или скорее наложение друг на друга надсегментных ориентаций, охватывающих все общество. Исследование проблемы федерализма в следующем разделе данной главы даст еще одну возможность оценить роль фактора расхождения линий социального разделения, но эта оценка не изменит вывода о его ограниченной значимости.

ИЗОЛИРОВАННОСТЬ СЕГМЕНТОВ И ФЕДЕРАЛИЗМ

Как отмечалось в 1-й главе, все четыре европейские страны, рассматриваемые в качестве примеров общественных демократий, отличаются даже более гетерогенным характером политической культуры, чем системы, относящиеся к континентальному европейскому типу у Алмонда. Это выглядит парадоксальным, поскольку было бы естественным считать, что с усилением гетерогенности увеличивается и нестабильность. Вместе с тем, четкие границы между сегментами многосоставного общества дают преимущество ограничения взаимных контактов, а следовательно — уменьшение вероятности того, что существующие антагонизмы со временем выльются в открытую вражду. Квинси Райт утверждает, что «идеологии, принимаемые отдельными группами, могут быть несовместимыми, но при этом в обществе не возникнет напряженности». Опасная напряженность возникает лишь тогда, когда эти группы «находятся в тесном контакте»⁶⁴. Дэвид Истон соглаша-

---

⁶² *Eckstein H.* Division and Cohesion. P. 193–194. Ван ден Бранде высказывает предположение, что из-за большого количества разнонаправленных воздействий на бельгийского избирателя «в бельгийском обществе нередки случаи, когда предпочтение избирателя оказывается жестко заданным», см. его: *Elements for a Sociological Analysis*. P. 465.

⁶³ *Schattschneider E.E.* Semisovereign People. P. 68.

⁶⁴ *Wright Q.* The Nature of Conflict/*Western Political Quarterly* 4. No 2 (June 1951). P. 196.

ется с тем, что попытки повысить уровень гомогенности системы — не лучший путь к достижению ее стабильности и целостности: «Большого успеха можно добиться мерами, способствующими углублению чувства взаимной ответственности и готовности к сотрудничеству *замкнутых в себе* культурных общностей»⁶⁵. А Лорвин делает следующее замечание, касающееся Бельгии (это замечание можно отнести ко всем общественным демократиям): «Если в жизненно важных областях контакты с представителями других субкультур немногочисленны, то в таком случае мало поводов и для личной вражды»⁶⁶.

Этот аргумент внешне противоречит широко распространенному мнению, составляющему одну из основ теории частично совпадающего членства в различных общностях, согласно которому контакты между разными людьми и группами способствуют развитию их взаимопонимания. Это противоречие можно разрешить, если провести различие между в принципе гомогенными обществами, в которых учащение контактов с большой вероятностью приведет к укреплению взаимопонимания и дальнейшему повышению уровня однородности, и многосоставными обществами, в которых тесные контакты могут увеличить напряженность и враждебность. Уолкер Коннор подчеркивает данное различие, утверждая, что «учащение контактов помогает нивелировать региональные особенности культуры в странах, подобных Соединенным Штатам Америки. Однако, если речь идет не о мало отличающихся друг от друга вариантах одной и той же культуры, а о двух совершенно разных и обособленных культурах, то не приведет ли учащение контактов к обострению противоречий?»⁶⁷. Это предположение можно развить далее, представив и степень сегментарной многосоставности, и частоту взаимных контактов в виде континуумов, а не дихотомий: объем и интенсивность контактов не должны быть выше, чем соразмерная им степень гомогенности. По словам Карла В. Дейча, баланс между суммой взаимодействий и степенью интеграции необходим постольку, поскольку «количество поводов для возникновения острого конфликта будет возрастать с возрастанием объема и многообразия взаимных контактов»⁶⁸.

⁶⁵ Easton D. A System Analysis of Political Life. New York: Wiley, 1965. P. 250.

⁶⁶ Lorwin V.R. Belgium. P. 187.

⁶⁷ Connor W. Self-Determination: The New Phase//World Politics 20. No 1 (October 1967). P. 49–50.

⁶⁸ Deutsch K.W. Political Community at the International Level. Garden City, N.Y.: Doubleday, 1954. P. 39.

Институты многосоставного общества организуются по линиям сегментарных разделов, и эти сегментарные организации обеспечивают такую степень изолированности сегментов, которая создает условия для установления общественной демократии. Вместе с тем, как мы видели, общественный принцип автономии сегментов способствует значительному развитию организационных структур внутри каждого сегмента. Поэтому правильнее было бы считать изолированность сегментов, возникающую вследствие образования ими собственных политических и социальных институтов, не столько предварительным условием для установления общественной демократии, сколько способом ее осуществления. Есть, однако, одна особенно важная разновидность изолированности сегментов, которая определено не «создается» общественной демократией: их территориальная разделенность. И в этом случае общественность может повысить степень изолированности сегментов в результате использования механизма территориальной автономии, т.е. федерализма. Две из рассматриваемых общественных демократий являются федерациями, что и позволяет исследовать, насколько им удалось воспользоваться преимуществами федерализма.

Швейцария разделена на 25 кантонов или, строго говоря, на 19 кантонов и 6 полукантонов, Австрия — на 9 земель (Lander). Что касается Швейцарии, то в ходе анализа особенно важно обратиться не только к общенациональному, но и к кантональному уровню, поскольку Швейцария отличается высоким уровнем децентрализации. Важным показателем роли национального правительства в сравнении с исполнительными органами власти низовых уровней является доля государственных доходов (включая социальное страхование и прибыль государственных предприятий), перераспределяемых через федеральный бюджет. Цифры, полученные на основании данных 1959 г., составляют 61% для Швейцарии и 84% для Австрии. Аналогичные показатели для других западных федеративных государств располагаются в интервале между этими двумя цифрами: Канада — 65%, Западная Германия — 74%, США — 77%. В Швейцарии эта доля государственных доходов самая низкая, тогда как Австрия по названному показателю близка ко многим унитарным государствам Западной Европы⁶⁹. Децентрализация государственной власти означает и децентрализацию политики. Как замечает Роже Жиро, «в целом политическая жизнь Швейцарии построена на кантональной основе»⁷⁰.

Как влияет деление на кантоны и земли на сегментарную раз-

⁶⁹ Russett B.M. et al. World Handbook. P. 64—65.

⁷⁰ Girod R. Geography of the Swiss Party System. P. 133.

дробленность и пересечение линий основных расколов? Как соотносится общенациональная структура деления на сегменты с аналогичными структурами на уровне кантонов и земель? Рассмотрим сначала ситуацию в Швейцарии. В табл. 5 представлено несколько измерений раздробленности и пересечения для каждого из 25 кантонов (расставленных по убыванию численности их населения) и для страны в целом на основании данных переписи 1960 г. При расчетах были исключены: все неграждане Швейцарии; все говорящие на языках, не входящих в число четырех официальных языков страны; и все, кто не мог быть причислен ни к католикам, ни к протестантам⁷¹.

Показателями раздробленности являются индекс Рея-Тейлора (F) и такое простое измерение раздробленности, точнее гомогенности общества, как удельный вес самой крупной группы в составе населения. Самой большой религиозной общиной Швейцарии являются протестанты, составляющие 58,1% населения. Почти во всех кантонах данный показатель выше; только в Женеве, Золотурне и Граубюндене удельный вес самой крупной группы ниже, чем в целом по стране. По индексу религиозной неоднородности, только Граубюнден более раздроблен, чем вся страна⁷². Что же касается языковой неоднородности, то три кантона (Вале, Фрибур и Граубюнден) более раздроблены, чем нация в целом. Все другие кантоны в этом отношении более гомогенны. Показатели раздробленности по религиозному и языковому признакам объединены в пятом и шестом столбцах. В первом из них приводится удельный вес самой крупной из восьми религиозно-языковых групп, а в другом — индекс раздробленности, исчисленный исходя из того, что религия и язык представляют собой одну переменную с восемью возможными вариантами. И опять лишь Граубюнден оказывается менее гомогенным, чем страна в целом.

Приводимые в табл. 5 углы пересечения основаны на дихотомии «протестанты—католики» и дихотомии «самая крупная языковая группа — все остальные». Для страны в целом и для большинства кантонов это означает: «немецкий — три других языка». Исключения составляют только Во, Женева, Вале, Фрибур и Невшатель, где основным языком является французский, и италоговорящий кантон

---

⁷¹ Исключение тех, кто не имеет гражданства Швейцарии, уменьшает численность ее населения на 10,6%. Исключение сверх того еще двух групп уменьшает его еще на 1,6%. Таким образом, табл. 5 построена на данных по 87,6% общего числа проживающих в Швейцарии.

⁷² Индекс религиозной раздробленности в табл. 5 несколько отличается от аналогичного показателя для Швейцарии, приведенного в табл. 2, поскольку табл. 5 составлена на основе данных не по всем жителям Швейцарии (см. прим. 71).

ТАБЛИЦА 5. Религиозная и языковая раздробленность и пересечение линий разделения в кантонах Швейцарии (только граждане Швейцарии), 1960.

Кантоны	Религиозная раздробленность		Языковая раздробленность		Религиозная и языковая раздробленность		Религиозное и языковое пересечение	
	самая крупная группа (%)	индекс (F)	самая крупная группа (%)	индекс (F)	самая крупная группа (%)	индекс (F)	индекс (ХС)	угол
Берн	84,7	0,26	84,3	0,27	77,4	0,38	0,24	13°
Цюрих	74,4	0,38	95,9	0,08	72,6	0,42	0,38	35°
Во	79,4	0,33	87,7	0,22	70,6ПФ	0,46	0,38	69°
Ааргау	58,4	0,49	98,2	0,04	57,6	0,50	0,49	66°
Санкт-Галлен	60,1К	0,48	98,5	0,03	59,0КН	0,50	0,48	67°
Люцерн	86,2К	0,24	98,3	0,03	84,9КН	0,26	0,25	61°
Базель (город)	66,1	0,45	93,9	0,12	63,5	0,50	0,44	47°
Женева	56,8	0,49	82,7Ф	0,29	46,5ПФ	0,64	0,50	83°
Золотурн	56,4К	0,49	97,0	0,06	54,6КН	0,52	0,49	79°
Вале	96,2К	0,07	64,3Ф	0,46	62,2КФ	0,50	0,47	69°
Тичино	92,8К	0,13	88,6И	0,21	87,5КИ	0,23	0,12	2°
Фрибур	86,3К	0,23	64,9Ф	0,46	62,2КФ	0,54	0,39	16°
Тургау	67,2	0,44	98,6	0,03	66,7	0,45	0,44	41°
Граубюнден	53,0	0,50	60,0	0,54	41,2	0,74	0,44	29°
Невшатель	77,88	0,35	85,9Ф	0,25	68,0ПФ	0,50	0,40	59°
Базель (сельск.)	73,5	0,39	96,5	0,07	71,8	0,42	0,39	43°
Швиц	93,8К	0,12	98,7	0,03	92,6КН	0,14	0,14	82°
Шафхаузен	79,1	0,33	97,7	0,05	78,2	0,35	0,32	26°

Кантоны	Религиозная раздробленность		Языковая раздробленность		Религиозная и языковая раздробленность		Религиозное и языковое пересечение	
	самая крупная группа (%)	индекс (F)	самая крупная группа (%)	индекс (F)	самая крупная группа (%)	индекс (F)	индекс (ХС)	угол
Цуг	83,6К	0,27	97,7	0,05	81,4КН	0,31	0,30	86°
Аппенцель- Аусерроден	83,5	0,28	99,0	0,02	83,0	0,29	0,28	28°
Гларус	68,0	0,44	98,0	0,04	67,3	0,45	0,43	36°
Ури	92,6К	0,14	98,2	0,04	91,1КН	0,16	0,16	55°
Обвальден	96,6К	0,07	99,1	0,02	95,8КН	0,08	0,08	36°
Нидвальден	92,4К	0,14	98,8	0,02	91,4КН	0,16	0,15	59°
Аппенцель- Иннерроден	96,4К	0,07	99,7	0,01	96,1КН	0,08	0,07	58°
Швейцария	58,1	0,49	74,7	0,40	46,5	0,68	0,48	61°

ИСТОЧНИК: рассчитано по данным переписи, предоставленным Федеральным управлением статистики.

ПРИМЕЧАНИЕ: Если не указано иначе, то самая крупная группа — протестанты (в первом столбце), говорящие по-немецки (в третьем столбце), говорящие по-немецки протестанты (в пятом столбце). В особо оговоренных случаях приводятся следующие обозначения религиозного и/или языкового характера крупнейшей группы: П — протестанты, К — католики, Н — немецкий, Ф — французский, И — итальянский.

Тичино. Лишь в трех кантонах величина индекса ХС и в восьми кантонах значение угла пересечения превышают соответствующие показатели для страны в целом.

В табл. 6 показатели по 25 кантонам суммируются путем введения средних величин и средневзвешенных величин для различных измерений раздробленности и пересечения. Средневзвешенные величины, т.е. соотношенные с удельным весом населения каждого кантона, являются наилучшим показателем для сравнения суммарного показателя по всем кантонам с общенациональными показателями. Все данные свидетельствуют о том, что федеративное деление страны имеет следствием образование кантонов, которые значительно более гомогенны и имеют гораздо меньший уровень пересечения расколов, чем страна в целом. Это не согласуется с требованием теории пересекающихся расколов, согласно которой границы между частями федерации должны пересекать, а не следовать за границами основных водоразделов в обществе. Говоря словами Липсета, «демократии требуются разделы *внутри* языковых или религиозных групп, а не *между* ними»⁷³.

ТАБЛИЦА 6. Раздробленность и пересечение в Швейцарии: усредненные показатели по кантонам и общие показатели по стране (1960 г.)

	Кантоны		Швейцария
	средняя величина	средневзвешенная величина	
Религиозная раздробленность:			
самая крупная группа (в %)	78,2	75,4	58,1
индекс раздробленности (F)	0,30	0,34	0,49
Языковая раздробленность:			
самая крупная группа (в %)	91,3	89,9	74,7
индекс раздробленности (F)	0,14	0,17	0,40
Религиозная и языковая раздробленность:			
самая крупная группа (в %)	72,9	69,5	46,5
индекс раздробленности (F)	0,38	0,43	0,68
Пересечение:			
индекс ХС	0,33	0,36	0,48
угол	50°	46°	61°

ИСТОЧНИК: см. табл. 5.

⁷³ Lipset S.M. Political Man. P. 92

Что касается вопроса о языке, то швейцарская формула регулирования отношений между различными группами содержит следующие элементы: 1) повышение гомогенности составных частей федерации путем максимально возможного территориального разделения различных групп; 2) передача всех функций, при осуществлении которых затрагивается проблема языка (вопросов образования, научного и художественного творчества и т.д.), под юрисдикцию кантонов, а не федерального правительства. Характерно, что в то время как в федерации признаны четыре официальных языка, только в трех кантонах официальных языков — по два (Берн, Фрибур и Вале) и в одном — три (Граубюнден).

Конечно, некоторые кантоны негомогенны в языковом отношении. Но тогда как объяснить, что в них царит гражданское согласие? Рассмотрение выпадающего из общего ряда случая существования сепаратистского движения в Бернской Юре может дать ключ к пониманию этого вопроса. Почему только Берн пережил вспышку серьезного конфликта на языковой почве, тогда как с ним не сталкивались в трех других кантонах, в которых официальных языков два или три? Штайнер объясняет это соображениями, связанными с балансом сил. Он утверждает, что главная причина раздоров в Бернской Юре заключается в том, что живущие в ней франкоговорящие католики являются меньшинством во всех отношениях. И в стране в целом, и в Берне немецкоговорящие и протестанты составляют большинство⁷⁴. Анализ материалов табл. 5 и некоторых не вошедших в нее данных подтверждает такой вывод. Католики, говорящие на французском, итальянском и рето-романском языках, образуют группы, располагающиеся на территории всей страны. В границах же кантонов они никогда не оказываются в меньшинстве, т.е. в положении «меньшинства вдвойне». Франкоговорящие католики составляют значительное большинство в Вале и Фрибуре (62,2% в обоих кантонах) и являются заметным меньшинством только в Берне, Во, Женеве и Невшателе (соответственно 7,8; 17,1; 36,2 и 17,9%). В последних трех кантонах большинство населения говорит по-французски, так что там франкоговорящие католики по одному из параметров принадлежат к большинству. Италоговорящие католики составляют подавляющее большинство населения в Тичино (87,5%) и достаточно крупное меньшинство (8,7%) по сравнению с католиками, говорящими на рето-романском языке (19,3%), — в Граубюндене. В последнем кантоне эти две группы оказываются в положении «меньшинства вдвойне», поскольку большинство в нем

---

⁷⁴ Steiner J. Amicable Agreement. P. 256.

составляют немецкоговорящие жители и протестанты. Однако Граубюнден — это особый случай, поскольку он отличается высокой степенью децентрализации на кантональном уровне. Джеймс А. Данн утверждает, что его можно было бы считать примером «кантонального федерализма»⁷⁵.

Мнение Штайнера, ссылающегося на характер соотношения языковых групп, подкрепляется и итогами референдумов 1959 и 1974 гг. по вопросу об образовании нового кантона в районе Юры: «за» проголосовали только три округа, расположенные на севере Юры. В этих округах большинство составляют католики и франкоговорящие, которые в рамках кантона принадлежат к «меньшинству вдвойне». Остальные четыре округа проголосовали «против», и примечательно, что ни в одном из них нет групп населения, находящихся в положении «меньшинства вдвойне»: северный округ Лауфен — германоговорящий и католический, а в трех округах на юге большинство населения составляют франкоговорящие протестанты⁷⁶.

Еще одним объяснением может служить тот факт, что религиозные и языковые расколы в кантоне Берн ближе к совпадению, чем к пересечению друг с другом. И индекс, и угол пересечения в Берне выражаются гораздо меньшей величиной, чем по Швейцарии в целом, и значительно меньшей, чем усредненный показатель по кантонам (см. табл. 5 и 6). В других кантонах, относительно неоднородных по обоим параметрам (т.е. в которых индексы и религиозной, и языковой раздробленности превышают 0,20), где, соответственно, угол пересечения является важным фактором, действительно имеет место достаточно сильное пересечение линий раздела между группами. К таким кантонам относятся Во, Женева, Фрибур, Граубюнден и Невшатель. Во всех этих пяти кантонах как индекс, так и угол пересечения выше, чем в Берне. Более того, соответствующие переменные для Берна значительно ниже усред-

---

⁷⁵ *Dunn J.A.* 'Consociational Democracy' and Language Conflict: A Comparison of the Belgian and Swiss Experiences//*Comparative Political Studies* 5. No 1 (April 1972). P. 20.

⁷⁶ Различные сведения по религиозному и языковому составу населения Юры приводятся в: *Reymond F.-L.* La question jurassienne et l'évolution du mouvement separatiste, 1959—1964//*Annuaire suisse de science politique*. Vol. 5. Lausanne: Association Suisse de Science Politique, 1965. P. 35—36; см. также: *Mayer K.B.* The Jura Problem: Ethnic Conflict in Switzerland//*Social Research* 35. No 4 (winter 1968). P. 707—741; *Bassand M.* Changement Social et antagonismes sociaux: Aspects sociologiques de la 'question jurassienne'//*Les interets du Jura* 43. No 8 (August 1972). P. 163—182; *McRae K.D.* Switzerland: Example of Cultural Coexistence//*Contemporary Affairs*, 1964. P. 57—61; *Keech W.A.* Linguistic Diversity and Political Conflict: Some Observations Based on Four Swiss Cantons//*Comparative Politics* 4. No 3 (April 1974). P. 387—404.

ненных показателей по кантонам, тогда как аналогичные цифры для пяти названных кантонов они значительно выше.

Если в Юре будет образован новый кантон, включающий либо всю Бернскую Юру, либо, что более вероятно с учетом итогов референдума 1974 г., только три северных сепаратистски настроенных округа, то его франкоговорящее католическое население из «меньшинства вдвойне» в кантоне Берн превратится в «большинство вдвойне». Даль отмечает, что решение проблемы путем создания отдельного кантона «вполне вписывается в швейцарскую схему взаимных гарантий»⁷⁷. Раздел кантона не был бы беспрецедентным шагом. В истории Швейцарии разделы кантонов случались трижды: Унтервальден был разделен на Обвальден и Нидвальден в XV в. ввиду трудности сообщения между двумя частями кантона; Аппенцель был разделен в 1597 г. вследствие противоречий между католиками и протестантами; Базель — в 1833 г. из-за расхождения интересов городского и сельского населения. Данн называет раздел кантонов у швейцарцев одним из «самых древних методов разрешения конфликтов»⁷⁸.

Интересно отметить, что Бельгия тоже двинулась в направлении полуфедерализма, влекущего за собой как функциональное, так и территориальное разделение, ради поиска решения своих языковых проблем. В последние годы языковой раздел находит все более отчетливое институциональное выражение в партийной системе. Фламандская, валлонская и профранцузская брюссельская «языковые партии» построены в соответствии с разделением общества по этому параметру. Внутри старых партий, которые раньше действовали, пересекая границы языковых сегментов, теперь также проходят глубокие разделительные линии. Два региональных отделения католической партии фактически превратились в самостоятельные партии. Та же тенденция очень сильна у социалистов и либералов. Эрвин замечает, что наблюдатель, следивший за выборами 1968 г., «вполне мог по ошибке принять региональные организации всех партий за самостоятельные партии»⁷⁹.

Поправки к конституции, принятые в конце 1970 г., официально закрепили раскол общества по языковому признаку, предусмотрев разделение депутатов парламента на два самостоятельных культурных совета, которые действуют как высшие законодательные органы в сфере культуры и образования. В этих органах каждой

---

⁷⁷ *Dahl R.A.* Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971. P. 119n.

⁷⁸ *Dunn J.A.* 'Consociational Democracy' and Language Conflict. P. 32.

⁷⁹ *Urwin D.W.* Social Cleavages and Political Parties in Belgium. P. 338.

языковой общине предоставлена автономия. Законы, затрагивающие вопросы культурной автономии, должны приниматься двумя третями голосов при совпадающем большинстве голосов в каждой языковой группе. А франкоговорящее меньшинство по любому законопроекту, угрожающему его интересам, имеет возможность подавать апелляцию кабинету, состоящему из равного числа министров от франкоговорящей и фламандской общин. Аналогичным образом осуществляется управление и в двуязычном Брюсселе. Видимо, наконец благодаря этой полуфедеративной структуре интересы языковых групп получают институциональное выражение и политическое представительство⁸⁰.

И Первая, и Вторая Республики в Австрии были федеративными государствами. Принципы федерализма были закреплены в конституции по настоянию католической партии, хотя социалисты настаивали на унитарном устройстве. К 1929 г., однако, позиции партий коренным образом изменились. Католики, стоявшие у власти с 1922 г., стремились укрепить власть центрального правительства, тогда как социалисты стали защитниками автономии земель, особенно контролировавшейся социалистами Вены. К 1945 г. обе партии вернулись к своим исходным позициям. В итоге Австрия стала федеративным государством, но с низким уровнем децентрализации⁸¹.

В табл. 7 представлены показатели раздробленности и пересечения линий разделения по отдельным землям, а также по Австрии в целом. Религиозная раздробленность исчислялась на основании данных, полученных при ответе на вопрос о регулярности посещения церкви. Показатели индекса религиозной раздробленности по землям различаются мало. Единственная земля, для которой данная цифра удивительно низка, — это Форарльберг, оплот католической партии, где велико число тех, кто посещает церковь регулярно. Уровень раздробленности партийной системы исчислялся на основе результатов выборов 1962 г. Католическая партия получила тогда 45,4% голосов, а социалисты — 44,0%. Католики оказались впереди во

---

⁸⁰ См.: *Coppe A. et al. Hervreiding van de politieke macht. Brussels: Reinaert, 1972; Huyse L. Un regard sociologique sur la question linguistique en Belgique//Septentrion 3. No 3 (1974). P. 23–25; Heisler M.O. Institutionalizing Societal Cleavages in a Cooptive Polity: The Growing Importance of the Output Side in Belgium//Heisler M.O. Politics in Europe. P. 178–220; Dunn J.A. The Revision of the Constitution in Belgium: A Study in the Institutionalization of Ethnic Conflict//Western Political Quarterly 27. No 1 (March 1974). P. 143–163.*

⁸¹ *Diamant A. Austrian Catholics and the First Republic: Democracy, Capitalism and Social Order, 1918–1934. Princeton: Princeton University Press, 1960. P. 83–85, 259–260; Steiner K. Politics in Austria. Boston: Little, Brown, 1972. P. 98–106.*

ТАБЛИЦА 7. Раздробленность и пересечение линий разделения в Австрии: усредненные показатели по землям и общие показатели по стране (на 1965 г.)

	Земли		Австрия
	средняя величина	средне-взвешенная величина	
Религиозная раздробленность:			
самая крупная группа (в %)	46	45	39
индекс раздробленности (F)	0,62	0,63	0,66
Раздробленность партийной системы:			
самая крупная партия (в %)	51,3	50,9	45,4
индекс раздробленности	0,58	0,58	0,59
Пересечения:			
религиозных и партийных различий:			
индекс (XC)	0,40	0,40	0,39
угол	20°	16°	14°
классовых и партийных различий:			
индекс (XC)	0,44	0,44	0,45
угол	40°	36°	37°
религиозных и классовых различий:			
индекс (XC)	0,50	0,50	0,50
угол	70°	64°	70°

ИСТОЧНИК: Рассчитано по данным опроса 1967 г., предоставленным Институтом эмпирических социальных исследований в Вене, и результатам общенациональных выборов 1962 г.

всех землях, кроме Вены и Каринтии. При расчете угла пересечения между линиями партийного, религиозного и классового разделения количество партий принималось равным двум⁸².

Неожиданным оказался общий вывод о том, что федерализм практически не влияет ни на уровень гетерогенности, ни на расположение линий пересечения. Средневзвешенные величины, которые, как и в предыдущем случае, являются самыми важными усредненными показателями, мало отличаются от соответствующих цифр по стране в целом. Очевидно, австрийский федерализм не связан с общественным принципом автономии сегментов. Скорее данную функцию выполняют «лагеря» (Lager) и сопут-

⁸² Это приводит к некоторым незначительным расхождениям с цифрами, приведенными в табл. 4.

ствующие им структуры, а автономия сегментов имеет форму, которую Даль называет «социологическим» или внутерриториальным федерализмом⁸³. По аналогии и унитарные Нидерланды можно считать социологически федеративными.

ТРАДИЦИИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ НА УРОВНЕ ЭЛИТЫ

В многосоставных обществах могут существовать стабильные демократические режимы, если политические лидеры будут придерживаться примирительного, а не соревновательного стиля при принятии решений. Сотрудничество элит может быть мотивировано осознанием опасностей, заключенных в противоречиях между сегментами, и желанием избежать этих опасностей. Тогда теория, согласно которой многосоставные общества не могут поддерживать стабильность демократического режима, становится самоопровергающимся пророчеством: элиты сотрудничают, несмотря на противоречия, разделяющие сегменты, ибо если они не будут делать этого, то в действие вступят предрекаемые последствия неоднородности общества. Вторым, или дополнительным, фактором, располагающим политических лидеров к умеренности и сотрудничеству, служит историческая традиция урегулирования разногласий на уровне элит.

Даалдер особенно настойчиво подчеркивает важность подобных традиций. В своем анализе исторического процесса национального строительства в Нидерландах и Швейцарии он утверждает, что в обеих странах «традиции плюрализма и политического урегулирования утвердились намного раньше, чем начался процесс политической модернизации». Следовательно, голландская и швейцарская общественность должны рассматриваться не как «реакция на опасные последствия расколов между субкультурами, а как важнейшая причина того, что субкультурные различия никогда не становились опасными»⁸⁴.

Сложившаяся в период, предшествовавший становлению современной демократии, историческая традиция умеренности и компромисса действительно может выступать самостоятельным фактором, способствующим значительному повышению шансов

---

⁸³ Цит. по: *Verba S. Some Dilemmas in Comparative Research//World Politics* 20. No 1 (October 1967). P. 126.

⁸⁴ *Daalder H. On Building Consociational Nations: The Cases of the Netherlands and Switzerland//International Social Science Journal* 23. No 3 (1971). P. 367–368.

на формирование системы общественной демократии. Ни Швейцария, ни Нидерланды никогда не жили долго при абсолютной монархии, поэтому предшествующие традиции полицентризма здесь в значительной мере сохранились. Соответственно, и идея прямого правления большинства — демократический эквивалент королевского абсолютизма — никогда не пользовалась особой популярностью.

Лембрух прослеживает схожие традиции сотрудничества в истории развития не только Нидерландов и Швейцарии, но и Бельгии и, в значительной степени, в Австрии. И в Австрии, и в Швейцарии правительству «большой коалиции» на общенациональном уровне предшествовали коалиции на уровне земель и кантонов. Во время Первой Республики во всех землях существовали органы исполнительной власти, в которых все партии были представлены на пропорциональной основе. Это делалось либо в соответствии с нормами конституции, либо, как в Форарльберге, на добровольной основе. «Магическая формула» пропорциональности, применявшаяся при определении состава швейцарского Федерального Совета, была принята только в 1959 г., но в кантонах аналогичная практика сложилась гораздо раньше. Пример подал Берн, в котором в 1854 г. консервативное большинство допустило радикальную оппозицию в состав кантональных органов исполнительной власти⁸⁵. Кеннет Д. Макрей отмечает, что все четыре страны, которые затем стали общественными демократиями,

в тот или иной период своей истории входили в состав Священной Римской империи, и все четыре, хотя и в разной степени, избежали долгого процесса постепенной централизации власти, характерного для Франции, Испании, Англии, Шотландии и других национальных монархий в период с XII по XVI вв. Далее, все четыре в той или иной мере испытали влияние последствий Тридцатилетней войны и принципов религиозного урегулирования, закрепленных Вестфальским мирным договором, который создал гарантии того, что в империи противоречия между католиками и протестантами будут разрешаться путем взаимных договоренностей, а не в согласии с волей большинства⁸⁶.

Из четырех общественных демократий особенно прочные традиции согласования интересов при принятии решений сложились в Нидерландах и Швейцарии, в меньшей степени — в Бельгии и наиболее слабо они выражены в Австрии. Даалдер и Макрей

---

⁸⁵ *Lehmbruch G.* Proporzdemokratie: System und politische Kultur in der Schweiz und in Osterreich. Tübingen: Mohr, 1967. P. 8, 17.

⁸⁶ *McRae K.D.* Consociational Democracy. P. 11.

также согласны с такой градацией⁸⁷. Ни в одной из этих стран, однако, объяснение практики сотрудничества элит наличием традиции урегулирования конфликтов не исключает полностью и такой момент, как самоопровергающееся пророчество. Последний фактор ярко проявился в истории урегулирования «школьного» конфликта в Нидерландах в 1917 г., что нашло отражение в словах премьер-министра, предложившего создать своего рода «большую коалицию» ведущих лидеров партий для разрешения данной проблемы. Он охарактеризовал этот конфликт как «клин, ...вбитый в тело нации и рассекающий наш народ надвое»; и утверждал, что «нация не сможет динамично развиваться и высвободить нужную ей энергию, пока этот клин не будет исторгнут». На первом заседании рабочей группы он обратился к ее членам с призывом отойти от своих прежних бескомпромиссных позиций: «В той политической борьбе, которая велась на протяжении многих лет, вы стремились добиться решения, которое, располагай вы абсолютной властью, в максимальной мере соответствовало бы вашим взглядам... Теперь вы столкнулись с фактом необходимости считаться с мнением друга»⁸⁸.

Более того, характер исторического компромисса 1917 г., в рамках которого был решен и вопрос об избирательном законе, указывает, что сами по себе давние традиции урегулирования на уровне элит не гарантировали такого результата: к соглашению шли не путем постепенного приращения успехов, оно было выработано в относительно короткие сроки и имело всеобъемлющий и долгосрочный характер. Удачное определение, данное Лорвином католическо-либеральной коалиции периода, предшествующего рождению независимой Бельгии и становлению демократии, — он назвал ее «достойным самой высокой оценки, созданным в результате осознанного выбора «союзом оппозиций» — хорошо подходит и к более позднему историческому компромиссу в Голландии⁸⁹.

Австрия — лучший пример действия самоопровергающегося пророчества. Хотя из отсутствия серьезных внутривластных столкновений в Нидерландах в начале XX в. нельзя сделать однозначного

---

⁸⁷ *Daalder H.* Consociational Democracy Theme. P. 618; *McRae K.D.* Consociational Democracy. P. 25–27.

⁸⁸ Цит. по: *Oud P.J.* Honderd jaren, 1840–1940: Een eeuw van staatkundige vormgeving in Nederland. Assen: Van Gorcum, 1954. P. 237; *de Beaufort J.A.A.H.* Vijftig jaren uit onze geschiedenis: 1868–1918. 2 vols. Amsterdam: Van Kampen, 1928. Vol. 2. P. 212.

⁸⁹ *Lorwin V.R.* Constitutionalism and Controlled Violence in the Modern State: The Case of Belgium//paper presented at the annual meeting of the American Historical Association, San Francisco, 1965. P. 4.

вывода о том, что проблемы, стоявшие перед страной, не были чреваты социальным взрывом и гражданской войной, в случае с Австрией подобной неопределенности нет, потому что история Первой Республики завершилась именно гражданской войной и установлением диктатуры. Все наблюдатели согласны в том, что желание ведущих политиков избежать повторения столь трагических событий имело первостепенное значение и выступало в качестве мотива образования «большой коалиции» в 1945 г. Например, Лембрух, хотя он и настоятельно подчеркивает все исторические прецеденты образования в Австрии «большой коалиции», тем не менее отмечает, что главным стимулом для этого был опыт гражданской войны в период Первой Республики⁹⁰. По словам Фредерика Энгельмана, «критики и объективные наблюдатели согласны с ведущими австрийскими политиками в том, что коалиция стала ответом на приведшую к гражданской войне напряженность во времена Первой Республики»⁹¹. Отто Киршхаймер также объясняет австрийскую «тщательно продуманную систему сотрудничества» в первую очередь «историческим опытом политического краха и всеобщей подозрительности»⁹².

Самое известное и доходчивое объяснение истоков «большой коалиции» дано Блюмом, который для описания этого явления использовал идею Гоббса об «общественном договоре». «Естественное состояние», состояние «войны всех против всех», в котором лидеры католиков и социалистов пребывали с 1918 по 1945 г., привело их к выводу о необходимости заключения разумного общественного договора. «К 1945 г. австрийцы почувствовали, что с них хватит, и были готовы путем подписания договора предложить выход из безнадежной ситуации»⁹³.

Историческая традиция урегулирования на уровне элит, как и другие моменты, разбиравшиеся в настоящей главе, является условием, благоприятствующим общественной демократии. Этот фактор, возможно, даже более важен, чем остальные, но и он недостаточен. Исторический опыт в области урегулирования конфликтов и действие самопроверяющихся пророчеств скорее взаимно

---

⁹⁰ *Lehmbruch G.* Proporzdemokratie. P. 25.

⁹¹ *Engelmann F.C.* Haggling for the Equilibrium: The Renegotiation of the Austrian Coalition, 1959//*American Political Science Review* 56. No 3 (September 1962). P. 651.

⁹² *Kirchheimer O.* The Waning of Opposition in Parliamentary Regimes//*Social Research* 24. No 2 (summer 1957). P. 137. См. также: *Steininger R.* Polarisierung und Integration: Eine vergleichende Untersuchung der strukturellen Versaulung der Gesellschaft in den Niederlanden und in Osterreich. Meisenheim am Glan: Hain, 1975. P. 215.

⁹³ *Bluhm W.T.* Building an Austrian Nation. P. 46.

дополняют, чем исключают друг друга. Здесь особенно важно подчеркнуть такие стороны общественной демократии, как добровольность, осознанный выбор, целеустремленность действий, взаимные договоренности, поскольку рассмотрение общественной модели как нормативной в последующих главах строится на том положении, что общественность — пример, которому можно следовать осознанно и на основе свободного выбора. Как мы увидим далее, традиции сотрудничества, располагающие к принятию решений общественным путем, отнюдь не редкость в многосоставных обществах «третьего мира». Добавим только: нельзя исключать и того, что лидеры многосоставных обществ окажутся способными на творческое и конструктивное проявление доброй воли.

4

Элементы сообщественности в несообществен- ных демократиях

Четыре общественные демократии существенно различаются по степени близости к идеальной модели общности, что уже кратко отмечалось в предыдущих главах¹. Что касается степени сегментации, то в Швейцарии гораздо менее многосоставное общество, чем в остальных трех странах. Сегменты в ней нельзя выделить столь же четко, как в Австрии, Бельгии и Нидерландах, и по уровню многосоставности она попадает лишь в среднюю категорию в классификации многосоставности Вэла Р. Лорвина, тогда как остальные три общественные демократии занимают в ней более высокие места. Лорвин ранжировал также четырнадцать сфер деятельности в данных четырех странах (таких, как сфера образования, средства массовой информации, политические и социально-экономические организации, сфера досуга) с точки зрения уровня их сегментарной многосоставности, т.е. степени того, насколько деятельность в этих сферах организуется в соответствии с границами между сегментами. Бельгия получила «высокие» показатели по одиннадцати позициям, Нидерланды — по восьми, а Австрия — по семи. Швейцария оценивается по этому ме-

¹ См. стр. 49–50, 66–68, 96–98.

тому как значительно менее сегментированная страна: только по трем позициям у нее «высокий» показатель². Что касается практики сотрудничества элит, то с этой точки зрения уровень общности в Австрии и Швейцарии выше, чем в Бельгии и Нидерландах, в случае же Бельгии осложняющим фактом является то, что здесь на протяжении долгих лет общественные решения принимались гораздо чаще и последовательнее по тем проблемам, которые касались не столько языковых, сколько религиозно-идеологических различий.

Кроме того, положение со временем менялось. С конца 50-х годов, когда практика общности получила наибольшее развитие, острота противоречий между сегментами во всех четырех странах снизилась за одним исключением — накалом эмоций в Бельгии по вопросам языка. Однако и по этой проблеме все чаще достигаются общественные договоренности полуфедеративного характера. Но в большинстве других сфер сотрудничество элит пошло на спад. В Австрии на смену «большой коалиции» в 1966 г. пришел однопартийный кабинет, сформированный католической партией. В 1970 г. его в свою очередь сменил кабинет социалистов. В Нидерландах социалисты и их союзники из числа мелких партий левой ориентации открыто заняли позицию отказа от общности. Они решительно выступали за возврат к принципам правления большинства и полностью следовали противоречащей нормам общности стратегии образования по британскому образцу «теневоего кабинета», составившего оппозицию правящей коалиции в ходе избирательных кампаний 1971 и 1972 гг.³

Наибольшее приближение к идеальному типу общественной демократии наблюдалось в Австрии в период кабинетов «большой коалиции» в 1945—1966 гг. Практика трех остальных стран, даже на пике, достигнутом в конце 50-х годов, по ряду существенных параметров отклонялась от «чистой» модели, хотя и подходила к ней достаточно близко, что позволяло с некоторыми оговорками относить данные страны к общественным демократиям. И напротив, ряд несообщественных демократий несет в себе важные элементы общности.

---

² *Lorwin V.R. Segmented Pluralism: Ideological Cleavages and Political Cohesion in the Smaller European Democracies//Comparative Politics 3. No 2 (January 1971). P. 155.* Ранее он отмечал, что только в Австрии «процесс сегментирования завершился практически полностью».

³ Подробнее о постобщественной стадии голландской политики см.: *Lijphart A. The Politics of Accommodation: Pluralism and Democracy in the Netherlands. 2d ed. Berkeley: University of California Press, 1975. P. 196—219.*

ТИПОЛОГИЯ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕЖИМОВ

Сообщественная демократия является одним из четырех типов в классификации, построенной по методу сочетания в различных вариантах структуры общества — «многосоставное—гомогенное общество» и поведения политических элит — «сотрудничество — соперничество» (см. схему 2). Это отчасти соответствует типологии демократических систем Габриеля А. Алмонда. Центробежный и центростремительный типы практически представляют собой то же самое, что европейский континентальный и англо-американский типы соответственно. Понятия «центробежный» и «центростремительный» употребляются здесь вместо терминов, используемых Алмондом, ради того чтобы избежать непреднамеренных географических параллелей.

		Структура общества	
		гомогенная	многосоставная
Поведение элит	Сотрудничество	Деполитизированная демократия	Сообщественная демократия
	Соперничество	Центростремительная демократия	Центробежная демократия

С х е м а 2. Типология демократических режимов

Деполитизированный тип — это такой демократический режим, к которому, по мнению ряда крупных ученых, обнаруживших принципиально новые явления в политическом развитии того периода, шли западные демократии в начале 60-х годов. Обычно его описывали с помощью понятий «новая Европа», «либерализм заинтересованных групп» и «демократический Левиафан». Казалось, что налицо была тенденция ослабления идеологических и религиозных трений и одновременно укрепления элементов сотрудничества в процессе принятия решений. Например, Эрнест Б. Хаас утверждал, что «времена, когда одни группы населения могли надеяться на лучшее будущее, а других ждали новые испытания, уходят в прошлое». В то же время он считал, что в типичной демократии новой Европы власть должна строиться по модели «большой коалиции». Особенно это относится к области экономики, поскольку именно в ней прослеживается тенденция перехода к «демократическому планированию», характерной чертой которого, по словам Хааса, явля-

ется «постоянное участие в управлении — через тщательно разработанную систему комитетов и советов — всех основных добровольных объединений, существующих в европейском обществе... Постоянное согласование позиций в процессе урегулирования возникающих иногда противоречий постепенно заменит открытую конфронтацию, столкновение идеологий и классовую вражду»⁴. Примером может служить утвердившийся в Норвегии стиль принятия решений, описанный Стейном Рокканом. Основные экономические решения в этой стране принимаются на «проводимых ежегодно совещаниях» с участием всех заинтересованных групп: за столом переговоров «представители правительства напрямую встречаются с профсоюзными лидерами, представителями фермеров, мелких собственников, рыбаков, посланниками предпринимательских ассоциаций»⁵.

Выражением той же тенденции в американской демократии является то, что Теодор Лоуи назвал «либерализмом заинтересованных групп». Сущность этой философии, особенно популярной при администрации Кеннеди, точно выражена Артуром Шлезингером-младшим: «Все основные интересы общества тщательно учитываются в процессе принятия политических решений, что может быть достигнуто только в том случае, если представители или сторонники этих интересов занимают ключевые позиции в системе власти»⁶. Эта идея «новой Америки» поразительно похожа на обычный пример политики «большой коалиции» в новой Европе.

Четыре типа демократии, представленные в схеме 2, отражают не только разные сочетания социальной многосоставности и поведения элит, но и разную степень политической стабильности. Центробежный тип демократии нестабилен, тогда как центростремительный и общественный типы — стабильны. Казалось бы, поскольку деполитизированная демократия сочетает в себе способствующие стабильности свойства и центростремительного, и общественного типа, то она должна обладать и наибольшей устойчивостью. Но этого не наблюдается главным образом из-за дестабилизирующего воздействия той оппозиции, которую порождает недостаточная демократичность режимов такого типа. Большинство критических замечаний в адрес общественной демократии относятся к деполитизированному ее типу, так как последний не может оправдать сотрудниче-

---

⁴ *Haas E. B. Technocracy, Pluralism and the New Europe//Graubard S. R. (ed.). A New Europe? Boston: Houghton Mifflin, 1964. P. 68, 70.*

⁵ *Rokkan S. Norway: Numerical Democracy and Corporate Pluralism//Dahl R. A. (ed.). Political Oppositions in Western Democracies. New Haven: Yale University Press, 1966. P. 107.*

⁶ Цит. по: *Lowi T. The Public Philosophy: Interest-group Liberalism//American Political Science Review 61. No 1 (March 1967). P. 15.*

ство элит необходимостью преодоления острых противоречий многосоставного общества. Например, Лоуи осуждает либерализм заинтересованных групп по ряду причин, в том числе и потому, что такой либерализм в тенденции ведет к «олигополии» и «атрофии институтов общественного контроля»⁷. Роберт А. Даль в работе, опубликованной в 1966 г., прозорливо заметил, что со временем все большую остроту в западных демократиях начнет приобретать конфликт, порожденный самой сущностью демократического Левиафана. Уже наблюдаются признаки того, «что многие молодые люди, интеллектуалы, ученые отвергают демократического Левиафана... поскольку, по их мнению, он недостаточно демократичен: этот новый Левиафан абсолютно оторван от действительности и бюрократизирован, слишком склонен к торгу и компромиссам, непозволительно часто является инструментом в руках политических элит и технократов, с которыми критики отчасти ассоциируют и себя»⁸.

Неодемократическая оппозиция деполитизированному демократическому режиму может спровоцировать политическую нестабильность в силу ряда причин. В принципе она способна стимулировать поиск возможностей для возрождения соревновательности в политике, а значит, и движение от деполитизированного к центростремительному типу демократии. Поскольку при такой перемене демократический характер режима сохраняется, постольку подобный результат следует признать положительным. Однако неодемократическая оппозиция может выдвинуть и радикальные требования «демократии участия» или форму прямой внепарламентской деятельности, а это может привести к перегрузке системы принятия решений и, соответственно, к снижению эффективности власти⁹. Более того, реализация подобных требований может вызвать антидемократические настроения и действия как со стороны разочаровавшегося меньшинства, отстаивающего идеал «демократии участия», так и со стороны их консервативно настроенных оппонентов, не приемлющих целей и методов неодемократов.

Следует подчеркнуть, что вопреки мнению некоторых критиков, типология демократических режимов, согласно которой они делятся на четыре категории, не является ни статичной, ни чисто описательной¹⁰. Она увязывает независимые переменные, выражаю-

⁷ Там же. P. 18, 23.

⁸ Dahl R.A. Political Oppositions. P. 399–400.

⁹ См.: Huntington S.P. Postindustrial Politics: How Benign Will It Be?//Comparative Politics 6. No 2 (January 1974). P. 172–177.

¹⁰ См.: Obler J., Steiner J., Dierckx G. The «Burden» of Consociational Decision-Making: A Review Essay of Austria, Belgium, the Netherlands and Switzerland//Sage Professional Papers in Comparative Politics. Beverly Hills: Sage, 1977.

шие многосоставность или гетерогенность общества, а также поведение элит с зависимой переменной политической стабильности. В результате такой увязки любое изменение одной из независимых переменных повлияет на уровень политической стабильности рассматриваемой демократии. Более того, поскольку одной из переменных в данной типологии является политическая стабильность, постольку эта типология позволяет определить, какие из видов демократии по своей природе более долговечны (центростремительная и общественная демократии), а какие скорее всего ожидает недолгая жизнь (центробежные и деполитизированные режимы). Например, то обстоятельство, что тенденции развития деполитизированной демократии, которым, как казалось в начале 60-х годов, ничто не может противостоять, все же сошли на нет и даже в какой-то степени превратились в собственную противоположность, можно объяснить как непредвиденно медленным стиранием прежних различий и одновременно появлением новых (т.е. движение по горизонтали к режимам, расположенным в левой стороне таблицы, было остановлено и обращено вспять), так и имманентно присущей деполитизированному режиму нестабильностью. И наконец, данная типология демократических режимов в сочетании с рассматривавшимися ранее условиями, благоприятствующими общественной демократии, может подсказать, в каком направлении будет развиваться демократия нестабильного центробежного типа: к общественной демократии, если условия благоприятны, или, в ином случае, к недемократическому режиму.

ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ ДЕМОКРАТИИ

Типологию схемы 2 можно интерпретировать не только как систему классификации нескольких связанных между собой идеальных типов, но и как принцип классификации реально существующих политических систем. Подобный подход позволяет отнести некоторые западные демократии к определенным категориям в данной типологии. Главная цель такой работы — определить, насколько точно западные демократии соответствуют этим категориям, элементы каких двух или более форм демократии сочетаются в практике тех стран, которые нельзя с полной определенностью отнести ни к одному из выделенных типов, в какой степени и каким образом в принципе несообщественные демократии приобретают свойства общности. При такой классификации необходимо четко оговаривать временные рамки, по-

сколькó структура общества и поведение элит, равно как и характер режима, определяемый этими двумя факторами, подвержены переменам. Хотя вероятность того, что это будет сопряжено с драматическими поворотами, подобными тем, которые имели место в Австрии, весьма мала: от центробежной демократии при Первой Республике — через промежуточный этап автократии к периоду общественной «большой коалиции» Второй Республики, на смену которой в 1966 г. пришел режим с чертами как центростремительной, так и деполитизированной демократии¹¹. Относительно стран, не испытавших подобных поворотов истории, анализироваться будет «средняя» ситуация, характерная для периода после окончания второй мировой войны.

Под категорию стран центростремительной демократии попадают англо-американская политическая система у Алмонда плюс три скандинавские страны, Финляндия и Исландия. В классификации Алмонда Скандинавия первоначально занимала промежуточное положение между англо-американскими континентальными европейскими системами, но впоследствии он включил ее наряду с Великобританией и США в группу стран с гомогенной политической культурой. Данкварт А. Растоу дал сходную оценку скандинавских стран как «группы высокогомогенных обществ»¹². Такая оценка справедлива и для Финляндии и Исландии. Хотя между политическими культурами этих пяти северных стран имеются некоторые различия: Норвегия, Финляндия и Исландия сравнительно менее гомогенны. Гарри Экштейн даже утверждал, что Норвегия отличается «противоречиями между сегментами», которые он охарактеризовал как «очень значительные, острые и бескомпромиссные». Различия в Норвегии, может быть, и в самом деле несколько глубже, чем в соседних Дании или Швеции, но они кажутся весьма несущественными и безболезненно преодолеваемыми на фоне тех противоречий, с которыми сталкиваешься, попадая в более южные области континентальной Европы. Однако Экштейн такого сравнения не делает. К тому же, насколько значительны эти различия, настолько же сильно и уравнивающее их, по словам самого Экштейна, надсегментное «глубокое чувство общности» и «социальная и политическая гомогенность, которая сглаживает все различия»¹³. Следовательно, Норвегию можно уве-

¹¹ См.: Steiner K. Politics in Austria. Boston: Little, Brown, 1972. P. 409—426.

¹² Rustow D.A. Scandinavia: Working Multi-party Systems//Neumann S. (ed.). Modern Political Parties: Approaches to Comparative Politics. Chicago: University of Chicago Press, 1956. P. 191.

¹³ Eckstein H. Division and Cohesion in Democracy: A Study of Norway. Princeton: Princeton University Press, 1966. P. 61, 67, 78, 121.

ренно отнести к той же самой категории, что и остальные в целом гомогенные скандинавские страны. У Финляндии есть большие основания считаться многосоставным обществом, имея небольшое шведское меньшинство и, подобно Исландии, крупную коммунистическую партию.

Что же касается второй переменной данной типологии — поведения элит, то скандинавские страны в целом следовали принципу «правительство против оппозиции». Однако это никогда не выражалось в острой конкурентной борьбе. Например, в Дании готовность к серьезным компромиссам можно обнаружить не на уровне кабинета (для этой страны характерны продолжительные периоды правления кабинетов меньшинства), а в законодательных органах. Правила парламентской игры предписывают высшим руководителям всех четырех ведущих партий по возможности прилагать максимум усилий ради достижения консенсуса. Такая *gliningspolitik* (данный термин Джералд Р. Макданиел переводит как «политика сглаживания»¹⁴) — наглядный пример принятия решений путем поиска взаимного согласия. В области социально-экономического планирования и управления стиль согласия в скандинавских странах общепринят, пожалуй, даже в большей степени, чем в других странах западного мира. Это означает, что из всех западных демократий скандинавские страны наиболее приблизились к деполитизированному типу¹⁵.

Из собственно англо-американских стран Великобритания, Австралия и Новая Зеландия в целом гомогенны и имеют соперничающие элиты; то же можно сказать и относительно Ирландской Республики. То есть эти страны, без сомнения, можно считать центростремительными демократиями. Однако следует отметить, что в их политической практике не всегда господствует соревновательный стиль. Даже в Великобритании правительство по важнейшим вопросам консультируется с лидерами оппозиции, а не просто «пользуется» своим перевесом голосов. Это означает, что даже Великобритания не следует чистой «британской модели». По поводу Великобритании необходимо сделать еще одну оговорку. В традиционной характеристике Великобритании как высокогомогенного общества не учитывается должным образом различие между понятиями «Англия», «Великобритания» и «Соеди-

---

¹⁴ *McDaniel G.R.* The Danish Unicameral Parliament. Ph. D. diss, University of California, Berkeley, 1963. P. iv.

¹⁵ См.: *Heisler M.O., Kvavik R.B.* Patterns of European Politics: The «European Polity» Model//*Heisler M.O.* (ed.). Politics in Europe: Structures and Processes in Some Postindustrial Democracies. New York: McKay, 1974. P. 46–48.

ненное Королевство». Англия в самом деле высокогетогенна, но добавление Шотландии и Уэльса делает Великобританию многонациональной страной, и этот факт в последние годы становится все более важным для британской политической жизни¹⁶. Далее. В Соединенном Королевстве к Великобритании добавляется Северная Ирландия, которая несомненно является многосоставным обществом и центробежной демократией. Еще одна страна англо-американского типа, Канада, также представляет собой многосоставное общество. Здесь сложился ряд общественных механизмов для регулирования противоречий между англоканадцами и франкоканадцами. Примеры Канады и Северной Ирландии, которую британское правительство в последнее время все более старается превратить в общественную демократию, мы рассмотрим в данной главе подробнее.

Объединение Алмондом США и Великобритании в рамках единого англо-американского типа подразумевает, что США должны быть отнесены к категории центростремительных демократий. Несмотря на признаки увеличения числа конфликтов и ослабления политической стабильности в 60-х и 70-х годах, такое мнение разделяют практически все исследователи, работающие в области компаративистики. Однако они не учитывают, что по обоим параметрам Америка отклоняется от модели демократии центростремительного типа. Не являясь вполне гетогенной, американская политическая культура в значительной степени раздроблена, или многосоставна. Как отмечает Даль, «на Юге на протяжении почти двух столетий сформировалась особая региональная субкультура»¹⁷. В годы, предшествовавшие отделению южных штатов и гражданской войне, США явно представляли собой центробежную демократию. После гражданской войны в стране сложилась общественная система, в рамках которой южному сегменту была обеспечена высокая степень автономии, а его лидерам — ведущие позиции в процессе принятия решений на федеральном уровне, чему служила и практика предоставления им постов председателей в ряде ключевых комитетов конгресса и флибустьерство*. Медлительность в принятии законодательства по гражданским правам в значительной степени объясняется поведением этих общественных элементов,

---

¹⁶ См.: *Rose R. The United Kingdom as a Multi-National Regime//Governing without Consensus: An Irish Perspective.* London; Faber and Faber, 1971. P. 42–73.

¹⁷ *Dahl R.A. Political Oppositions.* P. 358.

* Флибустьерами в США принято называть тех членов законодательных органов, которые стремятся затягивать процесс принятия решений, т.е. фактически это обструкционисты. (*Прим. пер.*)

усиливавших неофициальное, но эффективное право вето, которым обладал Юг.

Существует, разумеется, и еще одна причина, позволяющая отнести Соединенные Штаты Америки скорее к многосоставным, чем гомогенным обществам: они разделены не только на южный и неюжный, но также на черный и белый сегменты. Айрин Тинкер признает правомерным такой подход и с его позиций называет американских негров «неассимилированным меньшинством в многосоставном обществе», а также утверждает, что «Америка не является и в обозримом будущем не станет гомогенным обществом»¹⁸. Следует отметить, что идеология «власти черных», хотя она не представляет собой целостной и последовательной программы, все же имеет ряд поразительно близких общественности черт. К ним относится прежде всего подчеркивание обособленности черного сегмента, необходимости создания сегментарных политических партий и организационно оформленных групп интересов. В результате представители сегмента могут рассчитывать на образование коалиций с различными группами и партиями. Стоукли Кармайкл и Чарлз В. Гамильтон утверждают: «Совершенно закономерно, что чернокожее население стремится прежде всего создать автономную основу политической власти... После этого черные получают возможность по собственной воле образовывать коалиции и выходить из них». С этим напрямую связано и понятие автономии сегмента: «Нам следует задуматься о черной общности как организационной основе управления всеми институтами этой общности»¹⁹. Предполагается, что сегментарные организации и автономия будут способствовать достижению большего равенства: это не просто «разделенные, но равные», а «разделенные и потому равные». Независимо от того, имеет ли эта по крайней мере частично общественная программа шансы на успех при наличии явно неблагоприятных факторов (недостаточно большая численность и слабость социально-экономических позиций черного сегмента, отсутствие у него четко очерченной территориальной базы), все-таки, как свидетельствует опыт европейских общественных демократий, сама по себе разделенность не является панацеей от неравенства.

---

¹⁸ *Tinker I.* Nationalism in a Plural Society: The Case of the American Negro// *Western Political Quarterly* 19. No 1 (March 1966). P. 112, 122. См. также: *Makielski S.J.* The United States as a Plural Society// *Plural Societies* 3. No 3 (autumn 1972). P. 29–34.

¹⁹ *Carmichael S., Hamilton C.V.* Black Power: The Politics of Liberation in America. New York: Random House, 1967. P. 96, 166. См. также: *McCormack D.J.* Stokely Carmichael and Pan-Africanism: Back to Black Power// *Journal of Politics* 35. No 2 (May 1973). P. 386–409.

ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ ДЕМОКРАТИИ

Центробежные демократии соответствуют континентальному европейскому типу политических систем у Алмонда. Примеры этого типа, приводимые Алмондом, включают Францию времен Третьей и Четвертой Республик, Веймарскую Республику в Германии и послевоенную Италию. Те же страны дают пример и центробежной демократии, но к ним следует добавить Первую Республику в Австрии, а также просуществовавшую недолго Испанскую Республику начала 30-х годов. Примеры Франции, Германии и Италии нуждаются в некотором пояснении, поскольку их квалификация (особенно Франции и Германии) как центробежных может быть оспорена и реально оспаривалась.

Четвертая Республика во Франции нередко приводится как самый характерный пример нестабильной, неэффективной и имобильной демократии, но объяснение ее политической неустойчивости такой причиной, как гетерогенность культуры, часто подвергается критике по двум направлениям. Эрик А. Нордлингер отвергает аргумент о том, что «идеологическая перенасыщенность французской политики» и «сильно раздробленная партийная система» были главными причинами ее хронической нестабильности. Он отмечает также, что сторонникам подобного объяснения «очень удобно не замечать того, как на самом деле осуществляется во Франции политическая игра». Несмотря на то, что идеологическая риторика пронизывает предвыборные и пропагандистские кампании партий, тем не менее идеологическое позирование на публике не мешает французским политическим деятелям вести собственную игру и достигать компромисса в законодательной ассамблее и ее кулуарах. В действительности политические партии считают компромисс необходимым принципом поведения, и парламентская борьба разворачивается в основном вокруг спорных моментов, не имеющих идеологической природы²⁰. Правда, эта характеристика относится только к центристским партиям, но не к коммунистам и голлистам, которые в период Четвертой Республики были настолько бескомпромиссны, что вообще отвергли существовавший тогда режим.

Кроме того, хотя элита центристских партий, поддерживавших Республику, в целом не была идеологизирована, это не приводило к существенному повышению уровня стабильности систе-

---

²⁰ Nordlinger E.A. Democratic Stability and Instability: The French Case//World Politics 18. No 1 (October 1965). P. 143.

мы, поскольку, как отмечает Натан Лейтес, главным признаком парламентской политической игры во Франции считалось «высокоразвитое умение политиков уходить от ответственности»²¹. Политическая игра велась по тем же правилам, что и игра в шары в «деревне в Воклюзе» у Уайли: и игроков, и зрителей больше интересовал сам процесс игры, чем ее результат; основное удовольствие они получали от споров игроков, которые стремились увильнуть от принятия решений²². Другими словами, политики не были твердыми приверженцами определенной идеологии, но они не были и прагматиками, стремившимися к конструктивным действиям. Неправильно считать, будто массовая политика не раздроблена по идеологическому признаку, если элиты не расколоты непримиримыми идеологическими разногласиями.

Второй критический аргумент против тезиса о культурной гетерогенности основан на фактах, объективно свидетельствующих о том, что не только на уровне элит, но и на уровне масс идеология во Франции играла незначительную роль. Филипп Е. Конверс и Жорж Дюпе показали, что французские избиратели не отличались высоким уровнем политизированности и редко когда твердо следовали за какой-либо политической партией²³. Но само по себе отсутствие стабильных ориентаций, которые формируются в случае принадлежности к конкретной политической силе, не означает, что политическая культура не раздроблена. Дункан Макрей убедительно доказывает, что политические водоразделы все же проходят по всему электорату, несмотря на очевидное «равнодушное среднего избирателя». Хотя политические симпатии и были нечеткими, тем не менее существовали «относительно фиксированные и не накладывавшиеся друг на друга социальные группировки», к которым имели прямой доступ «различные лидеры и средства коммуникации»²⁴. Сочетание раздробленности на субкультуры и низкого уровня политизации может в свою очередь объясняться отрицательным отношением французов к власти вообще. Стэнли Хофман говорит о «потенциале бунта против власти»,

---

²¹ *Leites N.* On the Game of Politics in France. Stanford: Stanford University Press, 1959. P. 2; см. также главу: *The Struggle against Responsibility*. P. 35–75.

²² *Wylie L.* Village in the Vaucluse: An Account of Life in a French Village. Rev. ed. New York: Harper and Row, 1964. P. 250–259.

²³ *Converse P.E., Dupeux G.* Politicization of the Electorate in France and the United States//Public Opinion Quarterly 26. No 1 (spring 1962). P. 1–23. См. также: *Cameron D.R.* Stability and Change in Patterns of French Partisanship//Public Opinion Quarterly 36. No 1 (spring 1972). P. 19–30.

²⁴ *MacRae D.* Parliament, Parties, and Society in France: 1946–1958. New York: St. Martin's Press, 1967. P. 333.

а Мишель Крöße замечает, что такое настроение «делает невозможным для любого члена группы стать ее лидером»²⁵. Высокий уровень сплоченности внутри субкультурных сегментов — важное условие успеха общественной демократии. Отсутствие его во Франции может объяснить разобщенность французов, остававшихся равнодушными и к политике, а также то, почему политические элиты не имели столь важного преимущества, как твердая поддержка массами политики конструктивного сотрудничества.

Вместе с тем, пример Франции свидетельствует и о том, что не следует переоценивать такую причину политической нестабильности, как неспособность решать возникающие проблемы. В конце концов, как отмечает Морис Дюверже, несмотря на все пороки и слабости Четвертой Республики, она «продолжала бы существовать, если бы не война в Алжире»²⁶. Критическим фактором стало чрезмерное бремя чисто внешнеполитических проблем, которое легло на политическую систему. Веймарская Республика с ее раздробленностью тоже могла бы выжить, если бы не исключительная сложность проблем, с которыми она столкнулась.

И наконец, если нестабильность Четвертой Республики объяснялась ее принадлежностью к центробежному типу, то можно ли большую стабильность Пятой Республики объяснять в рамках той же теоретической схемы? Стабильность центробежной демократии повышается в том случае, если общество становится менее многосоставным и/или если поведение элиты приобретает менее соревновательный характер. Оба названных условия прослеживаются во французской политике после 1958 г.²⁷ Идеология с тех пор стала менее заметной силой во французском обществе, и в результате уровень гомогенности французской политической культуры повысился. На уровне элиты произошли менее существенные изменения. Однако влияние такого фактора, как ослабление соперничества в поведении политиков, особенно стоявших у власти правых элит, было хотя и «искусственно», но эффективно подкреплено институциональными изменениями, которые поста-

---

²⁵ *Hoffmann S.* In Search of France. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1963. P. 8; *Crozier M.* The Bureaucratic Phenomenon: An Examination of Bureaucracy in Modern Organizations and its Cultural Setting in France. Chicago: University of Chicago Press, 1964. P. 220.

²⁶ *Duverger M.* The Development of Democracy in France//*Ehrmann H.W.* (ed.). Democracy in a Changing Society. New York: Praeger, 1964. P. 77.

²⁷ См.: *Cerny P.G.* Cleavage, Aggregation and Change in French Politics//*British Journal of Political Science* 2. No 4 (October 1972). P. 443–455; *Frears J.* Conflict in France: The Decline and Fall of a Stereotype//*Political Studies* 20. No 1 (March 1972). P. 31–41.

вили правящие элиты в более выгодное положение, обеспечив им твердое большинство в законодательных органах и контроль над институтом президентской власти. Общая эволюция французского режима шла в направлении к центростремительному, а не к общественному типу.

История демократии в Германии также, казалось бы, порождает сомнения относительно типологии демократических режимов и теории, на которой данная типология основана. Веймарская Германия была центробежной демократией, тогда как Боннскую Республику несомненно следует отнести к центростремительным демократиям. Это поразительный переход, поскольку в обычных условиях нельзя рассчитывать на столь быстрые и значительные перемены в политической культуре страны. Существуют три причины, убедительно объясняющие такой переход от раздробленной политической культуры нестабильной Веймарской Республики к гораздо более гомогенной культуре Боннского режима.

Во-первых, жизнь в Германии в период между концом Веймарской Республики и становлением новых институтов Боннского режима была далека от «обычных условий». Болезненный опыт тоталитарного правления, войны, поражения и оккупации резко ускорили перемены, которые естественным способом происходили бы гораздо медленнее. Во-вторых, под эгидой союзных держав осуществлялось «сознательно направляемое изменение основополагающих политических установок». По словам Сиднея Вербы, это сочеталось с «перестройкой политической культуры»²⁸. В-третьих, коренное различие между Веймарской Республикой и Боннским режимом заключается не только в характере государственных институтов, их стабильности и эффективности, но и в территориальных границах: Боннская Германия по размеру гораздо меньше Веймарской. Утрата восточных территорий означала, как утверждает Сеймур Мартин Липсет, «что большая гомогенность Западной Германии стала гомогенностью целой нации»²⁹.

Другой вопрос, требующий ответа в связи с квалификацией Боннской Республики как центростремительного режима, относится к характеру «большой коалиции» христианских демократов и социалистов в период канцлерства Курта Георга Кизингера,

---

²⁸ *Verba S. Germany: The Remaking of Political Culture//Pye L.W., Verba S. (ed.). Political Culture and Political Development. Princeton: Princeton University Press, 1965. P. 133. См. также: Conradt D.P. West Germany: A Remade Political Culture?//Comparative Political Studies 7. No 2 (July 1974). P. 222–238.*

²⁹ *Lipset S.M. The First New Nation: The United States in Historical and Comparative Perspective. New York: Basic Books, 1963. P. 292.*

т.е. с 1966 по 1969 гг. Означало ли формирование этого кабинета движение к общественному или деполитизированному режиму? Есть некоторые свидетельства в пользу такого мнения. Некоторыми сторонниками этой коалиции, утверждает Герхард Лембрух, двигали «традиции пропорционального представительства, восходившие к тем временам, когда смена у власти политических сил была понятием, чуждым немецкой политической мысли». Еще одним мотивом для налаживания связей, характерным и для общественных режимов, было нарастание политического вызова системе со стороны неонацистской Национал-демократической партии. Правда, эта коалиция не была предельно «большой», поскольку не включала либералов — небольшую, но заметную политическую силу в Германии, что составляло ее отличие от соседней Австрии. К тому же, коалиция с самого начала замышлялась как сугубо временное соглашение. Более того, много раз подчеркивалось, что это германское соглашение не будет копировать австрийскую большую коалицию, которая в целом имела неблагоприятную репутацию в Германии. Самые важные мотивы создания коалиции Кизингера имели прагматический и сиюминутный характер, что было обусловлено нежеланием христианских демократов попадать в излишне большую зависимость от либералов как от партнеров по коалиции, а также стремлением социалистов войти в правительство и утвердиться в качестве ответственной и вызывающей доверие партии. Обе партии одновременно надеялись таким образом избавиться от либералов. Как подчеркивали представители обеих партий, их сотрудничество не означало перехода на длительный срок к правлению «большой коалиции», а было временным соглашением, направленным на создание условий для подлинно двухпартийной системы, хотя, как выяснилось впоследствии, эта цель не была достигнута»³⁰.

Италия остается классическим примером центробежной демократии, правда, и в этом случае необходимы некоторые оговорки. На низовом уровне довольно часто можно встретить добрые отношения и плодотворное сотрудничество между христианскими демократами, социалистами, коммунистами и правительственными чиновниками³¹. На общенациональном уровне «открытость по отношению к левым» означала наведение мостов через сегментар-

---

³⁰ *Lehmbruch G. The Ambiguous Coalition in West Germany//Government and Opposition 3. No 2 (spring 1968). P. 181–204.*

³¹ *Tarrow S. Partisanship and Political Exchange in French and Italian Local Politics: A Contribution to the Typology of Party Systems//Professional Papers in Contemporary Political Sociology. No 06–004. London, Sage, 1974.*

С х е м а 3. Пересекающиеся различия: Канада

ный водораздел между христианскими демократами и социалистами. Следующим шагом к большой коалиции, охватывающей политический спектр от христианских демократов до коммунистов, был «исторический компромисс», предложенный Энрико Берлингуэром в 1973 г. Этот шаг мог бы повлечь за собой введение главного элемента общественной демократии³².

ПОЛУСООБЩЕСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: КАНАДА

Канада являет собой пример отклонения от общего правила в англо-американском мире в том смысле, что часть ее населения составляют франкоговорящие граждане. Это главный параметр, который делает ее многосоставным обществом. Используя терминологию Алмонда, Роберт Престус называет канадскую политическую культуру «дуалистической» и «сильно раздробленной», в первую очередь по линии англоязычное—франкоязычное население³³. Одновременно Канаду можно считать двунациональным государством³⁴. Как и в европейских многосоставных обществах, в ней существуют значительные религиозные и классовые различия; отчасти они совпадают, отчасти же пересекаются с языковыми (см. схему 3)³⁵.

³² См.: *Pellicani L. Verso il superamento del pluralismo polarizzato//Rivista italiana di scienza politica* 4. No 3 (December 1974). P. 645–673.

³³ *Presthus R. Elite Accomodation in Contemporary Politics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1973. P. 18, 20.

³⁴ См., напр.: *Pious R. Canada and the Crisis of Quebec//Journal of International Affairs* 27. No 1 (1973). P. 53.

³⁵ Схема 3 основана на данных опроса, проведенного Джоном Мейзелем и его сотрудниками в ходе проведения выборов в Канаде в 1965 г. Индексы ХС и углы перекрещивания таковы: религиозные и классовые различия — 0,49 и 66°, религиозные и языковые — 0,27 и 1°, языковые и классовые — 0,50 и 72°.

Углы, под которыми линии, разделяющие религиозные и классовые общности, накладываются друг на друга, не очень далеки от прямых, но это отклонение выявляет, в частности, более низкий социально-экономический статус католиков.

Более важным представляется отклонение от прямого угла при пересечении линий религиозных и языковых расколов: франкоговорящих, обозначенных в заштрихованных секторах схемы 3, практически нет среди протестантов. Почти все франкоязычное население составляют католики. Совпадение этих двух параметров раздела общества усиливается и территориальным фактором, который в Канаде очень важен: франкоязычное население сосредоточено в провинции Квебек и прилегающих к ней областях. Будучи меньшинством, составляющим около 30% населения Канады, религиозно-гомогенным и в основном сконцентрированным в одной провинции, это население образует более четко обозначенный сегмент многосоставного общества, или политическую субкультуру, чем религиозно неоднородное англоязычное население, рассредоточенное по остальным девяти провинциям. В данном отношении Канада похожа на Соединенные Штаты Америки, где Юг составляет четко очерченную субкультуру, тогда как не-Юг гораздо менее гомогенен и может считаться субкультурой только как образование, отличное от Юга. Вследствие такого положения Квебек играет совершенно особую роль в канадской политике. Хотя, как утверждает Кен-нет Макрей, «понятие духовной семьи не может объяснить специфичности Квебека, но такие понятия, как «лагерь», «оборонительная крепость во враждебном окружении», вполне применимы»³⁶.

Макрей, следуя примеру Лорвина, также предпринял попытку определить, насколько организация важнейших сфер жизнедеятельности следует за линиями водоразделов между сегментами³⁷. Полученные результаты свидетельствуют о более низком уровне сегментарной многосоставности в Канаде по сравнению с Австрией, Бельгией и Нидерландами и несколько более высокой по сравнению с Швейцарией. В тех сферах, в которых многосоставный характер общества проявляется особенно отчетливо (образование, средства коммуникации), поле деятельности для разделенных по языковому признаку организаций открывается в первую очередь³⁸. Сфера обра-

---

³⁶ *McRae K.D. Consociationalism and the Canadian Political System//McRae K.D. (ed.). Consociational Democracy: Political Accommodation in Segmented Societies. Toronto: McClelland and Stewart, 1974. P. 240.*

³⁷ Лорвин ограничивает свою классификацию религиозной и идеологической многосоставностью и не принимает во внимание языковые различия в Бельгии и Швейцарии.

³⁸ *McRae K.D. Consociationalism and the Canadian Political System. P. 245–247.*

зования находится в ведении провинций. Это указывает на тот немаловажный факт, что языковые различия в Канаде институционализированы главным образом в федеративной системе, как в Бельгии после 1970 г. и в Швейцарии, функции же политических партий и групп интересов в этом отношении весьма ограничены. Джон Мейзель писал:

«Самое глубокое из всех различий, существующих в Канаде, а именно различие между французской и английской культурами, хотя и не концентрируется строго в границах провинций, стало, пусть не полностью, но во многом предметом переговоров между федеральным правительством и провинциальными властями, а также между правительствами провинций. В этих переговорах правительство Квебека, независимо от своей политической ориентации, со всей настойчивостью выступает в защиту интересов французов Канады. Таким образом, самое глубокое в Канаде различие обрело институционализированную форму вне партийной системы или, по крайней мере, вне прямой связи с нею»³⁹.

То, как федеративное деление Канады на десять провинций (две малонаселенные северные территории в расчет не принимались) повлияло на структуру расколов, отражено в табл. 8. Для расчетов использовались данные опроса, проведенного в ходе выборов 1965 г., и обобщенные итоги выборов. В таблицу включены только такие группы, как англоканадцы и франкоканадцы, протестанты и католики, работники физического и умственного труда и лишь четыре крупнейшие партии. В тех случаях, когда партии пришлось сводить в дихотомные пары для определения угла пересечения, Новая демократическая партия была объединена с либералами, а партия Социального кредита — с консерваторами.

К оценке углов пересечения следует подходить с осторожностью, поскольку в Канаде этот показатель не является совершенным инструментом там, где речь идет об оценке взаимозависимости языка и религии. В делении на четыре группы, образованные двумя дихотомными разделами, угол не выявляет отличия ситуации, в которой одна из клеточек остается практически пустой (как в канадском примере), и ситуации, когда почти пустыми остаются две клеточки, расположенные по диагонали друг от друга (пример с почти полностью совпадающими делениями). Значения индексов пересечения (ХС) показывают, что линии деления по религиозному и классовому признакам значительно ближе к совпадению, чем к пересечению друг с другом, а партийная система отражает скорее деление по религиозному, нежели языковому, признаку. В от-

---

³⁹ Meisel J. Cleavages, Parties and Values in Canada//Professional Papers in Contemporary Political Sociology. No 06—003. London: Sage, 1974. P. 11, 13.

ТАБЛИЦА 8. Раздробленность и пересечение в Канаде: средние показатели по провинциям и общенациональные показатели (на 1965 г.)

	Провинции		Канада
	средняя величина	средне-взвешенная величина	
Религиозная раздробленность:			
самая крупная группа (%)	72	78	53
индекс раздробленности (F)	0,38	0,32	0,50
Языковая раздробленность:			
самая крупная группа (%)	93	92	72
индекс раздробленности (F)	0,11	0,13	0,41
Религиозная и языковая раздробленность:			
самая крупная группа (%)	72	78	53
индекс раздробленности (F)	0,40	0,35	0,60
Раздробленность партийной системы:			
самая крупная партия (%)	47	45	40
индекс раздробленности (F)	0,62	0,66	0,70
Пересечение различий:			
религиозные и языковые:			
индекс (XC)	0,32	0,27	0,27
угол /	1°	1°	1°
религиозные и классовые:			
индекс (XC)	0,48	0,49	0,49
угол	50°	55°	64°
языковые и классовые:			
индекс (XC)	0,49	0,49	0,50
угол	22°	40°	72°
религиозные и партийные:			
индекс (XC)	0,49	0,48	0,45
угол	51°	39°	33°
классовые и партийные:			
индекс (XC)	0,49	0,49	0,50
угол	67°	59°	85°
языковые и партийные:			
индекс (XC)	0,57	0,58	0,54
угол	30°	40°	45°

ИСТОЧНИК: Рассчитано по данным опроса, проведенного Джоном Мейзелем и др. в ходе выборов 1965 г., и по итогам парламентских выборов 1965 г.

личие от Швейцарии (см. табл. 6), средневзвешенный показатель пересечения линий религиозных и языковых разделов по провинциям в Канаде не ниже соответствующего показателя по стране в целом: в шести провинциях его значение превышает общенациональный показатель ХС (0,27).

Однако Канада близка к Швейцарии в том отношении, что ее провинции гораздо более гомогенны, чем страна в целом. Сравнение средневзвешенных показателей раздробленности по провинциям Канады и кантонам Швейцарии с общенациональными показателями раздробленности свидетельствует о том, что в обоих случаях религиозная раздробленность уменьшается примерно на одну треть (с 0,50 до 0,32 в Канаде и с 0,49 до 0,34 в Швейцарии), языковая раздробленность — более чем на половину (даже почти на две трети — с 0,41 до 0,13 в Канаде и с 0,40 до 0,17 в Швейцарии), а оба вида раздробленности вместе — более чем на треть (с 0,60 до 0,35 и с 0,68 до 0,43 соответственно). Таким образом, федеративная система Канады способствует созданию значительно более гомогенной страны, состоящей из отдельных провинций. Напомним также, что Канада и Швейцария — самые децентрализованные из западноевропейских и североамериканских федеративных государств: доля всех государственных доходов, перераспределяемых через федеральный бюджет, составляла в 1959 г. всего 61% в Швейцарии и 65% в Канаде, т.е. значительно меньше аналогичных цифр в США, ФРГ и Австрии⁴⁰.

Автономия сегментов, зафиксированная в федеративной системе, — это тоже яркое проявление общественного характера канадской демократии. С 50-х годов властные полномочия провинций значительно расширились, а Квебек стал полусуверенным. Недавнее исследование заканчивается выводом о том, что правительство Квебека обеспечило для себя «гораздо больший объем полномочий и средств, чем правительство любой другой провинции»⁴¹.

Федеративный характер политической системы Канады довольно отчетливо проявлял себя уже во времена существования Объединенной провинции Канада (с 1840 по 1867 гг.), хотя формально политический режим тогда был унитарным и создавался англичанами с целью, провозглашенной в соответствии с рекомендациями «Доклада Дарема», а именно ассимиляции франкоязычного населения в английскую культуру. В единый законодательный орган Объеди-

---

⁴⁰ *Russett B. M. et al. World Handbook of Political and Social Indicators. New Haven: Yale University Press, 1964. P. 64–65.*

⁴¹ *McRoberts K., Posgate D. Quebec: Social Change and Political Crisis. Toronto: McClelland and Stewart, 1976. P. 205.*

ненной провинции входило равное число представителей из обеих ее частей — Верхней Канады (Онтарио) и Нижней Канады (Квебек). Вскоре ассимиляцию сочли невозможной и от нее отказались в пользу общественного типа сосуществования культур. Канадский историк Уильям Ормсби пишет: «Парадоксально, что союз, создававшийся с прямо противоположной целью, оставлял достаточный простор для развития федеративных начал. Когда идея ассимиляции была отвергнута, равное представительство стало рассматриваться как политические гарантии сохранения обеих самостоятельных культур». Он подытоживает опыт существования Объединенной провинции следующими словами: «На протяжении более четверти века этому союзу удавалось действовать как квазифедеративной системе, но со временем силы дуализма вошли в прямой конфликт с унитарным характером конституции»⁴². Закон о Британской Северной Америке 1867 г. официально закрепил образование федеративной системы.

Еще одним общественным механизмом в Объединенной провинции являлся принцип «двойного большинства». Согласно этому неофициальному правилу, которое применялось хотя и не всегда, но довольно часто, законодательные акты, особенно затрагивавшие интересы одной из двух частей провинции, принимались только в том случае, если получали большинство голосов представлявших ее делегатов при одновременном одобрении большинством законодательного органа в целом. Правило «двойного большинства», несомненно, служит аналогом «взаимного вето» и принципа «совпадающего большинства», введенного Калхоуном. С преобразованием союза данное правило не сохранилось в чистом виде, но провинция Квебек, для которой как для представителя сегмента меньшинства право вето имеет особое значение, и сейчас практически обладает достаточно эффективным неофициальным правом вето по вопросам, затрагивающим ее жизненные интересы.

Два других общественных механизма — принципы пропорциональности и «большая коалиция» — действуют в Канаде значительно слабее, но это ни в коей мере не означает, что они отсутствуют вовсе. И федеральные выборы, и формирование правительства проводятся по мажоритарной системе: кандидаты избираются простым большинством в одномандатных округах, а

---

⁴² *Ormsby W.* The Province of Canada: The Emergence of Consociational Politics// *McRae K.D.* Consociational Democracy. P. 271, 272–273. См. также: *Verney D.V., Verney D.M.* A Canadian Political Community? The Case for Tripartite Confederalism// *Journal of Commonwealth and Comparative Studies* 12. No 1 (March 1974). P. 11–14.

кабинеты создаются на однопартийной основе. На практике это порой означает, что эти кабинеты являются правительствами меньшинства, а не кабинетами малой или большой коалиции. Макрей называет философию мажоритарности «ахиллесовой пятой канадской политической системы» и «наследственным проклятием англо-американской демократии»⁴³. Тем не менее, в канадской политике присутствуют некоторые элементы пропорциональности и сотрудничества, которые несколько ограничивают власть большинства и состязательность. Во-первых, пропорциональная избирательная система не является важнейшим компонентом общественной демократии в том случае, если сегменты территориально компактны. Дело в том, что при точном соответствии границ избирательных округов границам расселения сегментов и равенства этих округов по размерам метод простого большинства в одномандатных округах обеспечивает пропорциональное представительство сегментов. В Канаде округа не абсолютно гомогенны, поскольку около четверти из них имеет англоязычное или франкоязычное меньшинство, превышающее 10%. Во-вторых, хотя удельный вес представителей франкоязычного населения на государственной службе был несколько занижен, с принятием в 1969 г. закона об официальных языках их доля повысилась, особенно в верхнем эшелоне власти. Да и ранее предпринимались некоторые усилия, чтобы не слишком отклоняться от принципа пропорциональности. Например, Джон Портер приводит высказывание одного из членов федерального кабинета о том, что при назначении на государственные посты «должны учитываться два принципа: эффективность службы и приверженность национальному единству»⁴⁴. Третьим примером реализации принципа пропорциональности следует считать закон 1949 г. о Верховном суде: согласно этому закону, не менее трех из девяти судей должны быть представителями высших судебных органов Квебека.

Далее. Несмотря на то, что в Канаде не было кабинетов «большой коалиции», ей знакомы некоторые элементы согласительного поведения как на уровне федерального кабинета, так и вне его. Межпровинциальные органы — Совет министров образования, федерально-провинциальные конференции, многочисленные федеральные правления, советы, комиссии, построенные по принципу представительства провинций, встречи и консультации высших чиновников разных провинций — могут рассматри-

---

⁴³ *McRae K.D. Epilogue//McRae K.D. Consociational Democracy. P. 301.*

⁴⁴ *Porter J. The Vertical Mosaic: An Analysis of Social Class and Power in Canada. Toronto: University of Toronto Press, 1965. P. 441.*

ваться как «большие коалиции»⁴⁵. В федеральных кабинетах, как правило, достаточно представлены оба сегмента, правда, это зависит от того, в какой степени партия, стоящая у власти, сама по себе является «большой коалицией», а не сегментарной партией. Либеральная партия пользуется широкой поддержкой и англоязычного, и франкоязычного населения, поэтому правительства либералов представляли собой однопартийную «большую коалицию» сегментов. Поскольку Консервативная партия практически не имеет поддержки в Квебеке и вообще среди франкоговорящих граждан, постольку, ее позиции в этом аспекте гораздо слабее. Например, С. Дж. Р. Ноел утверждает, что «неспособность консервативного правительства Дифенбейкера вовлечь политическую элиту Квебека в процесс урегулирования разногласий на федеральном уровне, несомненно, была одним из главных факторов, которые привели к его падению. Его политика и решения не были анти-квебекскими; антиквебекской по сути была неспособность оценить важность политического урегулирования на уровне элит»⁴⁶. В целом же «давние, устоявшиеся традиции требуют, чтобы кабинет верно отражал интересы не только всех провинций, но и всех религиозных и языковых общностей, даже если это наносит некоторый ущерб эффективности собственной работы»⁴⁷.

Внимания заслуживает и то, каким образом эволюционировало применение принципа «большой коалиции» при назначении на высшие государственные посты. Ротация представителей англоязычного и франкоязычного населения имела место при избрании лидера Либеральной партии и, следовательно, премьер-министров в правительствах либералов, при назначении на пост генерал-губернатора, с тех пор как его стали занимать граждане Канады, а также спикера Палаты общин и главного судьи Верховного суда.

В эпоху Объединенной провинции Канады, когда она имела более общественный характер, чем сменившая ее конфедерация, в обеих частях страны сложились двухпартийные системы, и четыре парламентские фракции образовали две слабо оформленные коалиции, не соответствовавшие границам между сегментами: консерваторы Верхней Канады объединялись с «синими» Нижней Канады, а реформисты Верхней Канады — с «красными» Нижней Канады. После утверждения в 1848 г. принципа ответственности правительства перед парламентом сложилась неофи-

---

⁴⁵ *Noel S.R.J.* Consociational Democracy and Canadian Federalism//Canadian Journal of Political Science 4. No 1 (March 1971). P. 16.

⁴⁶ *Ibid.* P. 17

⁴⁷ *McRae K.D.* Consociationalism and the Canadian Political System. P. 251.

циальная система дублирования функций премьер-министра и министров кабинета с целью обеспечения абсолютного равенства обоих сегментов⁴⁸. Действие этого механизма подкреплялось правилом «совпадающего большинства». Последняя заслуживающая особого внимания общественная черта Объединенной провинции заключалась в том, что ее столица попеременно находилась в обеих частях страны, пока постоянным местонахождением правительства не стала Оттава.

Степень развития общности в Канаде, если учесть, что условия для этого были в целом неблагоприятны, поистине удивительна. Единственным однозначно благоприятным фактором была изолированность сегментов: сегменты канадского общества часто называли «двумя одиночками». Распределение власти было дуалистическим и неравным в Объединенной провинции, где франкоязычное население поначалу составляло большинство, тогда как оба сегмента имели равное число мест в законодательном органе. В федеративной Канаде баланс сил также дуалистический и неравный, однако на этот раз англоязычное население имеет большинство и по количеству избирателей, и по числу мест в парламенте. Политика «многокультурности», провозглашенная в 1971 г., была лишь слабой попыткой уделить больше внимания культурным интересам канадцев неанглийского и нефранцузского происхождения. Она не означала существенного шага к разделению англоязычного большинства, составлявшего около 70% населения, на отдельные англо-кельтские и «прочие» культурные меньшинства, соответственно составлявшие примерно 45 и 25%. Более того, франкоговорящие граждане были склонны рассматривать многокультурность как потенциальную угрозу статусу французского языка как одного из ведущих языков, формирующих культуру, а не как заслуживающий одобрения сдвиг к множественному балансу сил. Канада — держава скорее средняя, чем малая, она не сталкивается со сколько-нибудь серьезной внешней угрозой, способствующей укреплению слабых чувств общенационального единства. Как писал Мейзел, «в Канаде почти полностью отсутствуют общие для всех символы, герои, исторические события, враги и даже честолюбивые замыслы»⁴⁹. Приведенные в табл. 8 данные о пересечении линий языковых и классовых расколов свидетельствуют о том, что два сегмента не равны в экономическом отношении, хотя это неравенство не чрезмерно.

---

⁴⁸ *Ibid.* P. 255–256.

⁴⁹ *Meisel J. Canadian Parties and Politics//Leach R.H. (ed.). Contemporary Canada. Durham: Duke University Press, 1968. P. 135.*

Кроме того, в истории Канады нет даже намека на традиции общности. Европейские державы, колонизировавшие Канаду, были централизованными национальными государствами, значительно отличавшимися от Священной Римской империи и образовавшихся на ее территории стран. Макрей утверждает, что английские и французские традиции в Канаде проявлялись в концентрированном виде, потому что «колониальные эксперименты представляли собой выборочный перенос на ее почву фрагментов общества метрополии... Новая Франция была провинцией Франции эпохи Людовика XIV и Кольбера, но при этом не имела противоядия в лице старого феодализма. В Британской Северной Америке после утраты Англией американских колоний власть сосредоточилась в руках назначенных метрополией губернаторов и командующих британскими военными гарнизонами, и вплоть до 40-х годов XIX в. в ней не существовало эффективного политического противодействия этому сильному влиянию исполнительной власти»⁵⁰. Более того, британское влияние на стадии формирования канадских институтов представительной власти было доминирующим и всеохватывающим. Таким образом, спонтанное появление целого ряда ключевых общественных механизмов, вызванное потребностью управления многообразным обществом в Объединенной провинции, служит убедительным подтверждением того, что наличие исторических традиций политического урегулирования на уровне элит является благоприятным, но не необходимым условием для общественной демократии.

Исследователи канадской политики расходятся в оценке места Канады в типологии демократических режимов. Престус утверждает, что она «полностью вписывается» в общественную категорию⁵¹. Но Макрей полагает, что «существующую в Канаде политическую систему следует рассматривать в лучшем случае как весьма несовершенный пример общественной демократии»⁵². Золотой серединой между этими двумя взглядами была бы такая в целом правильная интерпретация: «Канада находится где-то между центробежным и общественным типами. Будущее канадской политической системы

---

⁵⁰ *McRae K.D.* Consociationalism and the Canadian Political System. P. 254–255. См. также оценку условий для общественной демократии в Канаде, данную Хуаном Линцем в кн.: *Early State-Building and Late Peripheral Nationalisms against the State: The Case of Spain*// *Eisenstadt S.N., Rokkan S.* (ed.). *Building States and Nations: Analyses by Region.* Beverly Hills: Sage, 1973. P. 92–94.

⁵¹ *Presthus R.* Elite Accommodation. P. 7.

⁵² *McRae K.D.* Epilogue. P. 300. См. также: *Engelmann F.C., Schwartz M.A.* *Canadian Political Parties: Origins, Character, Impact.* Scarborough: Prentice-Hall of Canada, 1975. P. 289–293.

в значительной степени зависит от того, пойдет страна по пути большей общественности и, следовательно, большей стабильности и единства, или в направлении более центробежного режима, который, вероятнее всего, приведет к разделу страны».

ПОЛУСООБЩЕСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ: ИЗРАИЛЬ

Второй страной с западного типа демократией, обладающей достаточно сильными общественными чертами, позволяющими говорить о полусообщественном режиме, является Израиль. Хотя его главное противостояние — между евреями и арабами — теоретически делает его двухнациональным государством, все же евреи составляют подавляющее большинство населения, и, следовательно, Израиль — это прежде всего еврейское государство*. В еврейском сообществе все большее значение приобретает разделение на евреев западного и восточного происхождения, но к числу главных расхождений между евреями, делающих Израиль многосоставным обществом, относятся расхождения религиозного и идеологического характера. В стране существуют три сегмента: социалисты, светски настроенные несоциалисты и верующие евреи. Их удельный вес можно оценить на основании итогов выборов в кнессет, на которых все социалистические партии, вместе взятые (за исключением коммунистов), получили около 50% голосов, несоциалистические — около 25% голосов и религиозные партии — около 15%.

Эти три сегмента соответствуют субкультурам Австрии, Бельгии и Голландии как по религиозно-идеологической природе противоречий, так и по степени организованности политической и общественной жизни в них. Каждый сегмент представлен крупной политической партией и несколькими мелкими. Далее. Как пишет К.З. Палтиел, «и по отдельности, и в блоках израильские партии являются вершинами системы коллективных и кооперативных сельскохозяйственных поселений, предприятий и их профсоюзов, промышленных, сбытовых, потребительских, транспортных и ремесленных кооперативов, жилищных и коммерческих компаний; организаций в области здравоохранения, социального обеспечения, досуга и спорта, коллективов редакций газет, еженедельников, журналов, работников книжных издательств, про-

---

* Арабское население Израиля, выведенное Лейпхартом за рамки анализа, в начале 70-х годов составляло 14,5% населения страны, а к концу 80-х его удельный вес вырос до 16,5%. (Прим. пер.)

фессиональных, образовательных, идеологических и религиозных объединений, представителей женских и молодежных движений». Всеобъемлющий и самодостаточный характер сегментов вполне оправдывает их характеристику как «духовных семей» в системе сегментарного плюрализма⁵³. Наиболее употребимый на иврите термин для обозначения субкультуры — *махане*, т.е. «лагерь», является аналогом австрийского *Lager*⁵⁴.

Из всех общественных элементов израильской демократии привлекает внимание прежде всего автономность сегментов. Общественно-политическая система опирается на отдельные и самодостаточные лагеря с разветвленной сетью дочерних структур. Этот феномен можно определить как «федерализм в унитарном государстве», что дает основание называть Израиль «квазифедеративным» государством⁵⁵. Такое положение усиливается территориальным фактором. Как отмечает Эмануэль Гутман, те, кто принадлежит к религиозному лагерю, все чаще стремятся поселиться компактно практически во всех крупных и малых городах⁵⁶.

Еще два общественных принципа, укоренившихся в Израиле очень прочно, это принципы пропорциональности и взаимного вето. Избирательная система в Израиле представляет собой одну из двух наиболее последовательных пропорциональных систем в мире: как и Нидерланды, где принцип пропорциональности максимально последовательно выражен в избирательной системе, Израиль составляет единый избирательный округ. В результате этого в кнессет могут провести своих депутатов даже самые небольшие партии, при условии, что они наберут не менее 1% голосов избирателей. Так называемый «принцип партийного ключа» при распределении постов и финансовых ресурсов обеспечивает точное соблюдение пропорциональности и в этих областях.

Особенно важным инструментом в руках представителей религиозного лагеря является право вето, которое применяется при решении вопросов, касающихся самой спорной для израильтян проблем, — роли религии в государстве, особенно отношений между религиозными и светски настроенными евреями. Благодаря праву вето религиозному меньшинству удается предотвратить

---

⁵³ *Paltiel K.Z.* The Israeli Coalition System//Government and Opposition 10. No 4 (autumn 1975). P. 398.

⁵⁴ *Gutmann E.* Religion and National Integration in Israel//Paper Presented at the Round Table on Political Integration of the International Political Science Association, Jerusalem, 1974. P. 15.

⁵⁵ *Fein L.J.* Politics in Israel. Boston: Little, Brown, 1967. P. 100; *Paltiel K.Z.* The Israeli Coalition System. P. 405.

⁵⁶ *Gutmann E.* Religion and National Integration. P. 19.

какие-либо серьезные изменения в системе обеспечиваемого государством религиозного образования, которое охватывает от одной четверти до одной трети детей школьного возраста, а также в вопросах юрисдикции религиозных властей над областью гражданского права. Как пишет Алан Ариан, «религиозная проблема нейтрализуется тем, что ей делаются уступки»⁵⁷. Взаимное вето также является причиной тупика в выработке конституции Израиля. Поскольку между сторонниками светского государства с либеральной конституцией и теми, кто стремится к теократии, никакой компромисс, по-видимому, невозможен, постольку Израиль и поныне имеет несколько «основных законов», но не имеет целостной конституции, и кнессету принадлежит верховенство в сфере законодательства.

В противовес сильно развитой общественности по таким трем важным, хотя и вторичным параметрам, как принципы автономности, вето и пропорциональности, израильская демократия лишь в малой степени отвечает основному общественному принципу «большой коалиции». В кабинет почти всегда входили представители основных партий, принадлежащих и к социалистическому, и к религиозному лагерям, а нередко прогрессисты и независимые либералы, т.е. небольшие партии несоциалистического лагеря. Правительственные коалиции обычно включали в себя больше минимально необходимого числа участников⁵⁸. Однако, за исключением «больших коалиций» периода 1967—1970 гг., главная несоциалистическая партия не входила в правительство. Что касается основных сегментарных партий, то как таковой практики ротационной коалиции не существует: социалистическая партия Мапай и ее наследники всегда входили в правительство; идея же создания «большой коалиции» на более долговременной основе * никогда не пользовалась особым признанием и шаги в этом направлении не предпринимались. «Просто удивительно, — пишет Гутман, — до какой степени приверженность классической парламентской схеме противостояния правительства и оппозиции воспринимается как норма в стране, в которой еще ни разу не было смены правительства»⁵⁹. По составу правительства Израиль скорее

---

⁵⁷ *Arian A.* Consensus in Israel. New York: General Learning Press, 1971. P. 3—4, 21, 13—15.

⁵⁸ *Nachmias D.* Coalition Politics in Israel//Comparative Political Studies 7. No 3 (October 1974). P. 317—320.

* С 1977 г. по сей день ведущая «несоциалистическая политическая сила» — блок Ликуд — большую часть времени входит в состав правительства, в том числе в 1985—1990 гг. она была в ротационной коалиции с партией Труда. (Прим. пер.)

⁵⁹ *Gutmann E.* Religion and National Integration. P. 25.

является не общественной демократией, а системой с одной доминирующей партией, подобной итальянской системе, в которой наличие доминирующей правящей партии на протяжении длительного периода времени вносило относительную стабильность в фактически центробежный режим⁶⁰.

Израиль отвечает почти всем условиям, необходимым для установления общественной демократии; они действительно настолько благоприятны, что могли бы обеспечить гораздо более высокий уровень общности, чем тот, который существует фактически. Единственное сомнение вызывает фактор равновесия сил, так как социалистический лагерь составляет большинство или почти большинство населения. Однако его политическая значимость ослабляется разделением на несколько партий и тем, что крупнейшая партия социалистического сегмента никогда не завоевывала большинства в кнессете. Оказываясь в меньшинстве, она постоянно была вынуждена идти на формирование коалиционных кабинетов с малочисленными партиями, которые с готовностью сотрудничали с нею все по той же причине: как замечает Питер И. Меддинг, «при коалиции меньше страх абсолютной власти»⁶¹. И, наоборот, реальная политическая значимость религиозного лагеря выше, чем об этом позволяет судить количество полученных им мест в кнессете, поскольку общепризнано, что основные устремления, выраженные в его программе, разделяются более широким кругом лиц, чем круг тех, кто голосует за религиозные партии на выборах. Таким образом, баланс сил можно считать умеренно множественным.

Очень благоприятным фактором выступает наличие сильных надсегментных ориентаций, которые смягчают негативные результаты деления на сегменты. Прежде всего следует признать, что религия одновременно и разделяет, и объединяет: «хотя она является источником раздоров в израильском (еврейском) обществе, религия как общая психологическая первооснова создает и общие устремления, и служит сплачивающим элементом»⁶². Приверженность идее выживания еврейского народа и Израиля как еврейского государства еще более содействует надсегментному национальному консенсусу. Национальные чувства настолько силь-

---

⁶⁰ См.: *Arian A., Barnes S.H.* The Dominant Party System: A Neglected Model of Democratic Stability//*Journal of Politics* 36. No 3 (August 1974). P. 592–614.

⁶¹ *Medding P.Y.* Mapai in Israel: Political Organization and Government in a New Society. London: Cambridge University Press, 1972. P. 306.

⁶² *Gutmann E.* Religion and National Integration. P. 4. См. также: *Birnbaum E.* The Politics of Compromise: State and Religion in Israel. Rutherford, N.J.: Fairleigh Dickinson University Press, 1970.

ны, что это дает Леонарду Дж. Файну все основания утверждать: «Было бы преувеличением назвать Израиль раздробленным обществом или считать, что он не имеет объединяющей политической культуры»⁶³. Кроме того, экономическое неравенство сегментов, особенно различие между социалистическим и светским несоциалистическим лагерями, не имеет столь важного значения ввиду в целом высокоэгалитарного характера израильского общества.

Малые размеры территории Израиля и наличие крайне серьезной угрозы его существованию — таковы еще два фактора, несомненно благоприятствующие достижению внутривнутриполитического единства. Файн не преувеличивает, заявляя, что внешняя угроза «дает Израилю подлинный источник единства, составляет проблему столь первостепенную и не подлежащую обсуждению, что все прочие противоречия оказываются несущественными». И он рассуждает о том, что «вполне возможно считать Израиль примером неработающей многопартийной системы, которая тем не менее действует благодаря факторам, лежащим вне самой этой системы»⁶⁴. Ариан также особо выделяет огромное значение для Израиля такого фактора, как необеспеченность его безопасности: «В Израиле сложился широкий консенсус по вопросу о необходимости всеобщего согласия»⁶⁵. Характерно, что период, когда у власти стояло правительство «большой коалиции», начался накануне «шестидневной войны» 1967 г. и продолжался всего три года.

И, наконец, еще одним преимуществом Израиля являются прочные традиции урегулирования конфликтов, выработанные в сионистском движении и в Йешиве (еврейской общине в Палестине) в период, предшествовавший достижению независимости. Поскольку и то, и другое представляли собой добровольные объединения, лишённые рычагов принуждения, которыми располагает суверенное государство, постольку утверждение принципа пропорциональности, структур федеративного типа и согласительного стиля принятия решений было естественным разумным следствием осознания необходимости сотрудничества и компромисса. Можно с уверенностью сказать, что «процедуры урегулирования разногласий были хорошо разработаны к моменту образования государства в 1948 г.»⁶⁶

Оба автора, писавших об Израиле с точки зрения общественной модели, осторожны в суждениях о степени соответствия этой

---

⁶³ *Fein L.J.* Politics in Israel. P. 57.

⁶⁴ *Ibid.* P. 209.

⁶⁵ *Arian A.* Consensus in Israel. P. 3.

⁶⁶ *Paltiel K.Z.* Israeli Coalition System. P. 406. См. также: *Eisenstadt S.N.* Israeli Society. London: Weidenfeld and Nicolson, 1967. P. 408—412.

страны идеальному типу общности. Палтиел просто отмечал, что «общественный подход представляется перспективной моделью для анализа политической интегрированности и характера демократии в Израиле»⁶⁷. А Гутман подчеркивал, что, «не являясь общественной в общепринятом смысле этого слова, израильская правящая коалиция тем не менее основана на некоторых элементах общности»⁶⁸. Как и Канада, Израиль может считаться сочетанием общественной и центробежной моделей. Однако, в отличие от Канады, в Израиле условия для общности были исключительно благоприятными. Пример Канады, особенно периода Объединенной провинции, для которого характерны значительные элементы общности, показывает, что благоприятные условия не являются необходимыми, а пример Израиля — что они еще не являются достаточными.

ПРЕДЕЛЫ ОБЩНОСТИ: СЕВЕРНАЯ ИРЛАНДИЯ

Самое бесспорное воплощение идей многосоставного общества и центробежной демократии в западном мире являет собой Северная Ирландия. Хотя это и не суверенное государство, но ее можно рассматривать наравне с независимыми странами, поскольку с 1921 г. и до введения Лондоном в 1972 г. прямого правления полномочия Стормонта (североирландского парламента) трактовались столь широко, что выходили далеко за рамки обычных полномочий местных правительств в федеративных государствах. Хорошее определение в этом смысле дали Ян Бадж и Корнелиус О'Лири: «Самоуправляющаяся провинция с некоторыми атрибутами суверенитета»⁶⁹.

Протестанты и католики образуют в Северной Ирландии два совершенно различных и обособленных сегмента с собственными социальными, образовательными и культурно-досуговыми организациями. Высокая степень социальной разделенности подтверждается, например, чрезвычайно малой долей смешанных браков. Розмари Харрис утверждает, что «протестанты и католики образуют две эндогамные группы, более изолированные друг от друга в вопросах пола, чем большинство групп белого и черного населения в обществах, в которых существует предубеждение про-

⁶⁷ Paltiel K.Z. Israeli Coalition System. P. 414.

⁶⁸ Gutmann E. Religion and National Integration. P. 27.

⁶⁹ Budge J., O'Leary C. Belfast: Approach to Crisis — A Study of Belfast Politics, 1613–1970. London: Macmillan, 1973. P. 143.

тив браков между представителями разных рас»⁷⁰. Религиозные и политические предпочтения переплетены особенно тесно. На основе данных опроса, проведенного Ричардом Роузом в 1968 г. с целью выявления уровня поддержки протестантами юнионистской партии Северной Ирландии, можно вычислить угол и индекс пересечения линий религиозного и партийного раскола: обе цифры крайне незначительны — соответственно 2° и 0,21⁷¹. Конор Круз О'Брайен даже утверждает, что в редких случаях несовпадения у отдельного гражданина религиозных и политических ориентаций решающую роль для определения принадлежности к той или иной общине играют политические ориентации: «В Северной Ирландии человека, который поддерживает политическую линию, связанную с чуждой для него религией, т.е. протестанта-националиста или католика-юниониста, группа, к которой он принадлежит, всеми силами обрекает на переход в другую религиозную общину, что для него, конечно, хуже, чем если бы он с момента рождения состоял в ней»⁷². Цели, которые отстаивали сегментарные юнионистская и националистическая партии, бывшие главными политическими партиями до 1972 г., взаимно исключали друг друга: юнионисты выступали за сохранение автономии в рамках Соединенного Королевства, националисты же стремились к объединению с Ирландской Республикой. Лейбористская партия Северной Ирландии и более молодая Партия Альянса проводили более умеренную линию и пытались апеллировать к обоим религиозным сегментам, однако им не удалось стать заметной политической силой.

Чрезвычайная неоднородность североирландского общества дополнялась также бескомпромиссным конкурентным стилем управления. Юнионисты, представлявшие протестантское большинство примерно в две трети населения, сформировали однопартийное правительство, и таким по характеру оно существовало на протяжении всего периода с 1921 по 1972 гг. Это было, по словам первого протестантского премьер-министра Северной Ирландии, «протестантское правительство»⁷³. Протестанты получали дополнительные места в Стормонте и в местных советах благодаря отмене принципа

---

⁷⁰ *Harris R.* Prejudice and Tolerance in Ulster: A Study of Neighbours and «Strangers» in a Border Community. Manchester: Manchester University Press, 1972. P. x. См. также: *Schmitt D.E.* Violence in Northern Ireland: Ethnic Conflict and Radicalization in an International Setting. Morristown, N.J.: General Learning Press, 1974. P. 12–14.

⁷¹ *Rose R.* Governing Without Consensus. См. также: *Rose R.* Northern Ireland: A Time of Choice. London: Macmillan, 1976.

⁷² *O'Brien C.C.* States of Ireland. London: Hutchinson, 1972. P. 13.

⁷³ Высказывание лорда Крейгавона, цит. по: *de Paor L.* Divided Ulster. 2d ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1971. P. 105.

пропорционального представительства и возврату к мажоритарной системе сначала на выборах в местные органы власти, а в 20-х годах и на выборах в парламент. В общинах с католическим большинством политики-протестанты, как правило, удерживали власть благодаря джерримандерингу*, ограничениям избирательного права, неоднократной подаче голосов одними и теми же избирателями. Классическим примером предвзятого определения границ между избирательными округами является второй по величине город Северной Ирландии Лондондерри, в котором католики и сторонники националистической партии составляли большинство и избирателей, и жителей в целом, но тем не менее твердое большинство в городском совете принадлежало юнионистам. Таким образом, правление большинства не смягчалось ни правом меньшинства на вето, ни автономией. Заметная дискриминация католиков имела место и при назначении на посты в государственном аппарате.

Принцип решения, которого стали придерживаться британские правительства и консерваторов, и лейбористов после мощного взрыва насилия в 1968 г., был подчеркнуто общественным, предполагавшим совместное участие в органах исполнительной власти, хотя подобная «большая коалиция» чужда британской политической традиции. Это обстоятельство служит еще одним доказательством того, что исторические традиции не всегда имеют решающее значение. Лондон восстановил в правах и принцип пропорционального представительства в форме системы единого передаваемого голоса. Однако следует сказать, как такая форма реализации общественного метода хуже, чем голосование по партийным спискам, принятое в континентальных европейских общественных системах, поскольку она максимально повышает возможность выбора избирателя и соответственно ослабляет силу и свободу маневра лидеров сегментов**. Были также устранены злоупотребления при проведении выборов, наносившие ущерб католическому меньшинству. Конституционное собрание,

---

* Джерримандеринг — манипуляции с границами избирательных округов, «нарезка» округов таким образом, чтобы максимально увеличить шансы на успех кандидата правящей партии. (Прим. ред.)

** Принцип единого передаваемого голоса представляет собой одну из разновидностей пропорциональной системы, при которой избиратель ранжирует кандидатов по степени предпочтительности, а победители определяются с помощью довольно сложного подсчета суммы баллов. Эта система наиболее адекватно отражает предпочтения избирателей и повышает шансы кандидатов, «наименее неприемлемых» для всех. В то же время она не побуждает лидеров партии к поиску предвыборных компромиссов. (Прим. ред.)

избранное в 1975 г. на основе пропорционального представительства, с самого начала знало, что его проекты должны исходить из идеи совместного осуществления власти.

Проблема для формирования и утверждения общности в Северной Ирландии заключается не в том, что она теоретически невозможна (напротив, она представляется единственно разумным решением, если не считать возможности раздела страны), а в том, что она не может быть введена вопреки воле одного из сегментов, особенно наиболее многочисленного. Большинство лидеров протестантов, равно как и их рядовых сторонников, продолжают выступать против совместного отправления власти с католиками. Они показали свою силу в ходе всеобщей забастовки рабочих-протестантов в 1974 г., которая парализовала всю Северную Ирландию и привела к падению правительства, сформированного отчасти на основе принципа совместного осуществления власти. Это правительство, включавшее католиков и умеренных протестантов, находилось у власти всего несколько месяцев.

В Северной Ирландии условия для общественной демократии, принимаемой в результате самостоятельного выбора или вводимой сверху, представляются чрезвычайно неблагоприятными. Эта страна — пример наименее подходящего для общности баланса сил: она разделена на два сегмента при отсутствии равновесия между ними и при том, что один из сегментов способен доминировать в системе власти. Такую ситуацию, когда одна группа населения неизменно оказывается в большинстве, а другая — в меньшинстве, обостряет и проблема численного соотношения католиков и протестантов на острове Ирландия в целом. Как показал О'Брайен, если не смотреть на Северную Ирландию как на изолированную систему, то здесь проявляется двойной дисбаланс: в Северной Ирландии протестантов вдвое больше, чем католиков, но их «страх и подозрительность по отношению к североирландским католикам определяются не этой пропорцией, а общим соотношением католиков и протестантов на острове Ирландия, на котором католиков втрое больше, чем протестантов. Католики же Северной Ирландии хорошо осознают такое соотношение и свои права, которые, по их мнению, вытекают из этого соотношения»⁷⁴.

Дисбаланс в отношениях между протестантами и католиками в Северной Ирландии, где нет никакой третьей силы, означает, что и принцип пропорционального представительства не будет способствовать формированию большой коалиции. Большинство получит столько мест, сколько ему причитается, но при этом

---

⁷⁴ O'Brien C. C. States of Ireland. P. 11.

оно так и останется большинством. Та же проблема возникает и в связи с предположением Брайана Барри, считающего, что коль скоро принудительный раздел власти не срабатывает, то следует опробовать систему «сотрудничество без соучастия», основанную на более терпимом поведении большинства и принятии меньшинством на себя роли «лояльной оппозиции»⁷⁵. Подобное устройство общества могло бы стать хорошей альтернативой, если бы оно формировалось в рамках ротационной коалиции, но лояльность «лояльной оппозиции» серьезно осложняется тем, что она постоянно пребывает в роли оппозиции.

Не менее негативно и влияние некоторых других факторов. Северная Ирландия не является единой нацией, в ней не существует надсегментных симпатий, которые могли бы уравновесить центробежное воздействие противоречий между сегментами. Напротив, национальные чувства лишь углубляют противоречия в Северной Ирландии: исторически большинство католиков тяготели к Ирландской Республике, тогда как протестанты оставались лояльными Британской короне. Политические традиции протестантского большинства также не дают богатой почвы для общественной демократии: британская модель общности устанавливает свои стандарты организации власти. Ни принцип соучастия в отправлении власти, ни принцип пропорционального представительства (даже в «британской» форме единого передаваемого голоса, а не в принятом на континенте голосовании по спискам) отнюдь не являются британскими. Попытки англичан ввести эти общественные методы в Северной Ирландии вступают в резкое противоречие со стойким нежеланием всех британских правительств попробовать применить эти методы в самой Великобритании. Экономическое неравенство двух сегментов тоже служит неблагоприятным фактором, хотя его значение не следует преувеличивать. Угол пересечения линий религиозного и социально-классового раскола составляет 68° , а индекс ХС равен 0,56. Так что, как подчеркивает Роуз, «с учетом численного перевеса... в Северной Ирландии больше бедных протестантов, чем бедных католиков»⁷⁶. Но самоощущение католиков как экономически притесняемого меньшинства в данном случае может быть более важным фактором, чем не всегда отвечающая ему реальность.

На первый взгляд, в Северной Ирландии имеют место и три благоприятных условия, но при ближайшем рассмотрении они ока-

---

⁷⁵ *Barry B.* The Consociational Model and its Dangers//European Journal of Political Research 3. No 4 (December 1975). P. 405–406.

⁷⁶ *Rose R.* Governing Without Consensus. P. 289.

зываются либо неоднозначными, либо в целом негативными. В качестве первого из них назовем фактор размера. Положение Северной Ирландии кажется особенно удачным, поскольку она — очень маленькая по территории страна с населением всего 1,5 млн. человек и не проводит собственной внешней политики. Но небольшая численность населения одновременно означает и то, что потенциал ее политических талантов также весьма ограничен. Реальные возможности Северной Ирландии выдвинуть способных лидеров хорошо иллюстрируются примерами, которые приводит Роуз: «Если считать, что количество одаренных политиков прямо пропорционально численности населения, то Северная Ирландия... может быть уподоблена таким английским графствам, как Дарем, Чешир или Гэмпшир, или таким американским штатам, как Небраска, Орегон или Западная Виргиния». И если бы Северная Ирландия не имела своего полунезависимого статуса, то «она могла бы время от времени давать одного члена кабинета Соединенного Королевства, но судя по опыту Шотландии и Уэльса не более того»⁷⁷. Малый размер как фактор содействует установлению общественной демократии лишь до определенного предела, и вовсе не исключено, что Северная Ирландия находится ниже этого предела.

Тесно связан с предыдущим и фактор внешней угрозы. Предположение о том, что внешняя угроза может стать побудительным мотивом общности, основано на мнении, будто такая угроза непременно пробуждает чувство солидарности и наглядно показывает насущную необходимость единых и согласованных действий как лидерам сегментов, так и их последователям. Режим в Северной Ирландии постоянно подвергался внешней угрозе, правда, не смертельной, которую представляли собой зафиксированные в конституции Ирландской Республики претензии на территорию провинции, тем не менее это ирредентистское * требование не порождало устремлений к объединению и сотрудничеству. Необходимое уточнение к тому предположению, о котором говорилось выше, и к данному утверждению состоит в следующем: внешняя угроза могла служить объединяющим фактором, она должна восприниматься в качестве общей опасности всеми сегментами. В противном случае, как в Северной Ирландии, она будет лишь усугублять противоречия между сегментами.

---

⁷⁷ *Ibid.* P. 179.

* Ирредентизм — первоначально: политическое течение конца XIX — начала XX вв. за воссоединение с Италией принадлежавших Австро-Венгрии земель с итальянским населением. В более широком, переносном смысле — вообще движение за национальное воссоединение. (*Прим. пер.*)

Третьим, правда лишь отчасти благоприятным, фактором является изолированность сегментов. Враждующие сегменты могут сосуществовать мирно, если между ними мало точек соприкосновения, а следовательно, и мало поводов для конфликта. Противоречие между протестантами и католиками в Северной Ирландии имеет чрезвычайно острый характер, что могло бы, на первый взгляд, служить «надежным забором» между ними, заставляя их превращаться в добрых соседей. Розмари Харрис в своем антропологическом исследовании небольшой сельской общины Баллибег отмечает, что контакты «сквозь религиозный барьер» весьма немногочисленны, но если все же случаются, то «предпринимаются максимальные усилия с целью избежать обсуждения спорных вопросов». Она высказывает предположение, что именно благодаря глубоким религиозным противоречиям подобные контакты «сквозь религиозный барьер» имеют исключительно «соседский» характер⁷⁸. В то же время сегменты изолированы в чисто социальном, а не территориальном отношении: хотя после 1968 г. города становятся все более «геттоизированными», католическое и протестантское население в них сильно перемешано. Как явствует из табл. 9, шесть графств раздроблены почти так же, как и вся страна в целом.

ТАБЛИЦА 9. Религиозная раздробленность в Северной Ирландии: средние показатели по графству и общенациональные показатели (1961 г.)

	Графства		Северная Ирландия
	средняя величина	средневзвешенная величина	
Крупнейшая группа (%)	59,3	66,3	65,1
Индекс раздробленности(F)	0,46	0,43	0,45

ИСТОЧНИК: Рассчитано по данным кн.: *Rose R. Governing Without Consensus. An Irish Perspective.* London: Faber and Faber, 1971. P. 90.

Средние величины свидетельствуют о еще большей неоднородности графств по сравнению со страной в целом, а средневзвешенные величины показывают лишь немного меньшую неоднородность.

⁷⁸ *Harris R. Prejudice and Tolerance.* P. 146, 199.

Территориальная смешанность сегментов является негативным (хотя и преодолемым) фактором не только для общественного устройства; она представляет собой и серьезное препятствие для раздела страны. Раздел потребовал бы значительных перемещений населения; цена этого процесса и в материальном, и в чисто человеческом плане была бы весьма высока. И тем не менее раздел страны в той или иной форме может оказаться единственным решением, если общественная демократия в конечном счете окажется недостижимой или неработающей. В действительности само по себе осознание того, что раздел может стать единственно реальной, хотя и крайне нежелательной альтернативой совместному осуществлению власти (если к нему добавится последовательное и настойчивое давление англичан с целью создания правительства, основанного на разделении власти), все-таки может привести к тому, что общественное решение в Северной Ирландии будет вопреки воле принято даже в такой крайне неблагоприятной обстановке.

Сообщественная демократия в «третьем мире»

В теоретических исследованиях по проблемам развития и образования нации прослеживается, как отмечалось во вводной главе, тенденция возводить искусственный барьер между многосоставными обществами «третьего мира» и якобы гомогенными обществами «первого мира». При этом игнорируется факт существования нескольких столь же многосоставных западных обществ, а также то, что целому ряду подобных обществ удается поддерживать стабильный демократический режим общественного типа. Такой подход ведет к недооценке нормативной стороны общественности. Однако не вполне правильно считать, будто все теории политического развития одинаково безразличны к возможностям общественной демократии или оценивают их только отрицательно. По этому поводу в литературе высказывается немало мыслей и предложений, но, к сожалению, они, как правило, не развиваются. Например, Роберт Мелсон и Ховард Волпе завершают свой анализ политики коммунизма, т.е. сегментарной многосоставности, в развивающихся странах следующей рекомендацией: «Необходимо добиваться такого политического порядка, при котором каждая община играла бы четко определенную роль в жизни нации и который мог бы удерживать межобщинные конфликты в состоянии управляемости. Стабильности многосоставных в

культурном отношении обществ угрожает не коммунизм, как таковой, а неспособность государственных институтов осознавать и учитывать существующие межобщинные противоречия и интересы»¹. Данная рекомендация разумна и основана на правильном диагнозе, однако авторы не уточняют, какого рода должен быть тот порядок, который, с их точки зрения, позволил бы урегулировать противоречия между сегментами.

Вместе с тем существует несколько явно способных привлечь к себе внимание исключений из указанной общей тенденции игнорировать потенциальную возможность общественных демократий решать политические проблемы в многосоставных обществах. Одним из таких исключений является созданная Эриком А. Нордлингером новая модель демократии, равно применимая и к западным, и к незападным обществам, раздираемым глубокими противоречиями. Некоторые из «методов урегулирования конфликтных ситуаций», характерных для его модели, совпадают или близки общественным методам. К ним относятся прежде всего такие методы, как формирование стабильной правительственной коалиции по австрийскому образцу, принципы пропорциональности, взаимного вето и «пакетные сделки»². В качестве другого примера можно назвать исследование Клода Эйка о политической интеграции в развивающихся странах. Он утверждает, что «самым действенным лекарством от свойственной молодым государствам нестабильности служит изменение политического поведения их элит». Он советует передать власть в руки «коалиции элит», т.е. коалиции лидеров «всех ведущих социальных, религиозных, профессиональных и этнических групп... Поиски консенсуса должны вестись не на уровне масс, а на уровне элит, способных заручиться поддержкой лидеров всех основных социальных групп»³.

---

¹ *Melson R., Wolpe H.* Modernization and the Politics of Communalism: A Theoretical Perspective//*American Political Science Review* 64. No 4 (December 1970). P. 1130. См. также: *Anderson C.W., von der Mehden F.R., Young C.* Issues of Political Development. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1967. P. 75–79; *Dahl R.A.* Regimes and Oppositions. New Haven: Yale University Press, 1973. P. 22–25. Единственная в своем роде трактовка политического развития, подчеркнута не отождествляющая этот процесс лишь с этнической ассимиляцией и централизацией, содержится в работе: *Enloe C.H.* Ethnic Conflict and Political Development. Boston: Little, Brown, 1973.

² *Nordlinger E.A.* Conflict Regulation in Divided Societies//*Occasional Papers in International Affairs*. No 29. Cambridge, Mass.: Center for International Affairs, Harvard University, 1972. P. 17, 20–31.

³ *Ake C.* A Theory of Political Integration. Homewood, Ill.: Dorsey Press, 1967. P. 79, 112–113.

МОДЕЛЬ ЛЬЮИСА

Самое интересное, конкретное и подробное предложение такого рода высказано сэром Артуром Льюисом, который, как и Дж. С. Фернивал, является не политологом, а экономистом. Льюис рассматривает политику тринадцати государств Западной Африки — Либереи, бывших английских колоний Ганы, Нигерии и Сьерра-Леоне, бывших французских колоний Мавритании, Сенегала, Мали, Гвинеи, Верхней Вольты, Берега Слоновой Кости, Того, Дагомеи и Нигера. Рецепты, которые он предлагает для этих стран, а согласно той же логике, и для других многосоставных обществ, имеют подчеркнуто общественный характер. Исходные позиции его анализа близки к тем, которых придерживаются Фернивал и другие ученые, разрабатывающие теорию развития. Он противопоставляет многосоставные общества Западной Африки таким классовым обществам, как Англия и Франция, и считает, что многосоставные общества разобщены из-за племенных, религиозных, языковых, культурных, экономических и региональных различий, а классовые общества — это в целом гомогенные общества Запада, в которых классовая принадлежность во многом определяет политические ориентации, но не является фактором, порождающим глубокое противостояние. Льюис делает типичную ошибку, приписывая странам Запада слишком высокую степень гомогенности и консенсуса. В культурном отношении Франция раздроблена по религиозному и идеологическому параметрам, и ее следовало бы считать, по собственному определению Льюиса, многосоставным обществом; гомогенное классовое общество сводится у него преимущественно к английской модели. Однако эта логическая погрешность не влияет на сущность его аргументации. Он исследует демократические формы правления — английскую и французскую, т.е. бывших метрополий, господствовавших в колониях Западной Африки, и не упоминает о существовании в западном мире других форм демократии. Западная модель организации власти у него фактически ближе к английскому, чем к французскому образцу: ее отличительными чертами являются двухпартийная система, четко проводимый принцип «правительство против оппозиции», мажоритарная избирательная система, унитарная и централизованная власть⁴.

⁴ Lewis W.A. *Politics in West Africa*. London, Allen and Unwin, 1965. Esp. Ch. 3. Всемирная поддержка подхода Льюиса содержится в кн.: Fleming W.G. *American Political Science and African Politics* // *Journal of Modern African Studies* 7. No 3 (October 1969). P. 495—511. См. также: Verba S. *Some Dilemmas in Comparative Research* // *World Politics* 20. No 1 (October 1967). P. 125—127; Rothchild D. *Ethnicity and Conflict Resolu-*

Льюис объясняет неудачу демократии и становление однопартийных режимов в Западной Африке тем, что именно такого рода демократия оказывается нежизнеспособной в многосоставных обществах. До этого момента его рассуждения следовали традиционной логике, но далее он резко отходит от тезиса, согласно которому в многосоставном обществе не может поддерживаться демократическая форма правления: в частности, он утверждает, что для многосоставных обществ не подходит не демократия как таковая, а конкретный тип демократии, построенный по британской модели. Далее он пытается создать альтернативную модель на основе собственного анализа политических потребностей стран Западной Африки. «Англия и Франция — классовые общества, и их институты и обычаи построены соответственно этим реалиям. Западная Африка — не классовое общество. Вся проблема в том, что это общество — многосоставное. То, что хорошо для классового общества, плохо для многосоставного. Поэтому для того чтобы создать отвечающие своему назначению политические институты в Западной Африке, необходимо понять во всей полноте сущность связанной с этим проблемы»⁵.

В многосоставном обществе, утверждает Льюис, необходимо скорее коалиционное правительство, а не четкое разделение на правительство и оппозицию, как того требует исходный смысл понятия демократии. Согласно Льюису, граждане должны иметь возможность напрямую или опосредованно принимать участие в процессе принятия решений. Второе значение понятия демократии, подразумевающее правление большинства, противоречит его исходному, первичному смыслу, так как если представит ели граждан разделены на правительство и оппозицию, то меньшинство исключается из процесса принятия решений на достаточно длительный период времени. Правление большинства допустимо в обществах, основывающихся на принципах консенсуса; в многосоставных же обществах такое правление «совершенно аморально, несовместимо с исходным значением демократии и губит все надежды на создание единой нации, в которой могли бы гармонично сосуществовать разные народы». Во-первых, по словам Льюиса, правящая коалиция должна состоять из всех крупных партий, однако при этом и мелкие партии должны иметь возможность присоединиться к ней. Он высказывает мысль, что было бы полезно включить в консти-

---

tion//World Politics 22. No 4 (July 1970). P. 611–616; *van den Helm R.P.* Aspects of the Study of State Formation and Nation-Building//International Journal of Politics 4. No 1–2 (spring–summer 1974). P. 22–24.

⁵ *Lewis W.A.* Politics in West Africa. P. 64.

туцию такое положение: «Президенту, вместо того, чтобы поручать формирование правительства лидеру крупнейшей партии, следует в соответствии с законом пригласить лидеров всех партий, получивших более 20% голосов, и разделить между ними или теми из них, кто проявит готовность сотрудничать друг с другом, правительственные посты»⁶.

Во-вторых, каждый сегмент многосоставного общества должен быть адекватно представлен в политической жизни. По мысли Льюиса, для этого нужно, чтобы они были представлены пропорционально. В многосоставном обществе исходный смысл понятия демократии «предполагает пропорциональное представительство, т.е. все партии должны входить в органы, принимающие решения, вплоть до правительства страны».

В-третьих, наилучшей партийной системой в этом случае не обязательно должна быть двухпартийная система. Очень важно, чтобы каждый сегмент был представлен собственной партией. В таком случае в западноафриканских странах могла бы сложиться система с двумя, тремя или четырьмя влиятельными партиями. И наконец, Льюис рекомендует разделение властных полномочий по принципу федерации или, по крайней мере, «делегирование разумной доли полномочий провинциям». В стране, в которой существуют значительные различия между регионами, «последним необходимо предоставить возможность самим решать свои собственные дела, с тем чтобы они были удовлетворены существованием политического союза». Если между провинциями существуют серьезные различия в уровне экономического развития, то федерализм поможет добиться того, чтобы «более богатые регионы не облагались слишком высокими налогами для финансирования бедных регионов»⁷.

Все рекомендации Льюиса весьма похожи на принципы общественной демократии. Это особенно примечательно, если учесть, что они вытекают из его собственных наблюдений. Он нигде не ссылается на знакомство с опытом всех или некоторых европейских общественных демократий. Единственная разница между схемой Льюиса и нормативными правилами общности состоит в том, что Льюис обычно более конкретен, чем требуют эти правила. Например, «большая коалиция» является общественным институтом, но правило о 20% может оказаться неподходящим для некоторых конкретных ситуаций. Теория общности придает большое значение высокой степени автономности каждого сегмента и считает федерализм или широкие полномочия провинций одним из

---

⁶ *Ibid.* P. 64–66, 83.

⁷ *Ibid.* P. 51, 55, 63, 71, 81

способов претворения в жизнь этого принципа в случае, если каждый из сегментов компактно проживает на определенной территории. Принцип пропорциональности должен касаться не только представительства в законодательных и исполнительных органах власти, но и назначения на административные посты и распределения средств из государственных фондов.

При этом Льюис отдает приоритет конкретному типу пропорционального представительства, а именно: голосованию по спискам он предпочитает систему единого передаваемого голоса⁸. При этом в принципе повышается роль избирателей и уменьшается влияние партийных лидеров. В результате несколько затрудняется задача выработки компромиссов на уровне элит. Во всех четырех европейских общественных демократиях применяется голосование по спискам; метод же единого передаваемого голоса обеспечивает пропорциональное представительство и применяется в странах англо-американского типа. Данный вопрос не имеет особого значения, однако позволяет предположить сильное влияние на систему Льюиса британской нормативной модели — даже он оказался несвободен от стереотипов.

Льюис не ссылается на европейские общественные демократии, но его рассуждения и предложения в значительной мере подтверждаются теми данными, которые можно почерпнуть из их опыта. Правильность и практическая применимость его идей, а равно и общественности как нормативной модели в целом, могут быть подкреплены дополнительными аргументами в том случае, (1) если найдутся примеры практической применимости общественной модели в незападных многосоставных обществах; (2) если опыт реализации общественной демократии во всех этих примерах окажется успешным; (3) если во всех других ситуациях условия для возможного применения данной модели будут сочтены благоприятными. Фактически же имеющиеся в распоряжении исследователей материалы с точки зрения этих трех условий неоднозначны, а посему — не вполне убедительны. Тем не менее в трех случаях — однозначно (Ливан, Малайзия и Кипр) и еще одном — с оговорками (Нигерия) в «третьем мире» устанавливалась общественная демократия. В двух из этих случаев к тому же общественность успешно действовала достаточно долгое время (не менее десяти лет). А условия для существования общественной демократии, выявленные на основе изучения как западного, так и незападного опыта, нигде в «третьем мире» не представляются слишком неблагоприятными.

---

⁸ *Ibid.* P. 73–74

СООБЩЕСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ В ЛИВАНЕ, 1943—1975 гг.

Ливан — многосоставное общество с большим количеством жестко разграниченных и замкнутых религиозных сегментов. Основные конфессиональные группы — христиане-марониты (около 30% населения в середине 50-х годов), мусульмане-сунниты (20%), мусульмане-шииты (18%) и греко-православные (11%). Кроме того, существует еще около десяти групп, относящихся либо к христианам, либо к мусульманам. Численность приверженцев двух конфессий — христианской и мусульманской — практически одинакова. Конфессиональные группы в Ливане можно уподобить религиозно-идеологическим сегментам европейских общественных демократий: президент страны Шарль Хелю в речи, произнесенной им при вступлении в должность в 1964 г., назвал их «духовными семьями»⁹.

Ливан являлся общественной демократией с момента обретения независимости в 1943 г. и до начала кровопролитной гражданской войны в 1975 г. Неофициальный и неписанный «национальный пакт», заключенный при достижении независимости, устанавливал власть некоего подобия «большой коалиции» из высших должностных лиц в системе, которую Пьер Рондо назвал «квазипрезидентской»: в нее входили президент—маронит, премьер—министр—суннит, председатель парламента—шиит, его заместитель и заместитель премьер-министра — православные¹⁰. То, какой по важности пост закреплялся за представителем конфессиональной группы, определялось ее численностью. Кабинет, в котором эти группы были представлены на конфессиональной основе, также служил составной частью правящей «большой коалиции». Методы избрания президента и членов парламента, отличаясь от традиционных систем пропорционального представительства, тем не менее были пропорциональными по своей сути. Президент избирался простым большинством голосов членов парламента, но поскольку было заранее установлено, что этот пост может занимать только маронит, постольку метод простого большинства не вызывал соперничества между конфессиональными группами. Парламентские выборы проводились по мажоритарной системе при многомандатных округах. Во всех округах списки кандидатов составлялись таким образом, что в них был пред-

⁹ Цит. по: *Hudson M.C. Democracy and Social Mobilization in Lebanese Politics// Comparative Politics 1. No 2 (January 1969). P. 245.*

¹⁰ *Rondot P. The Political Institutions of Lebanese Democracy// Binder L. (ed.). Politics in Lebanon. New York: Wiley, 1966. P. 135.*

ставлен каждый сегмент данного округа, и избиратель делал выбор в пользу одного из списков при заданном пропорциональном соотношении между конфессиями. Количество и размер избирательных округов и общее число членов законодательного собрания с годами менялось, но при этом между ними сохранялось общее соотношение «шесть христиан — пять мусульман».

Таким образом, устройство избирательной системы можно назвать, используя выражение Мишеля Сулеймана, «жестко заданной системой пропорционального представительства по общинному или религиозному признаку»¹¹. Ее часто одобряли как пропорциональную систему, способствующую достижению компромисса и гармонии, поскольку для избрания кандидату необходимы были голоса и своей, и других конфессиональных групп. Однако, с точки зрения общности, это следует признать недостатком, так как подобная система не сводит вместе подлинных представителей интересов сегментов, чтобы они могли искать совместную политическую договоренность: «Типичные борцы за интересы своей общины... рискуют быть обойденными более покладистыми личностями». Тем не менее, это не наносило смертельного удара по общественной демократии: законодательная ассамблея была в значительной мере декоративным органом, а самые важные решения принимались кабинетом, который фактически был «настоящим парламентом в миниатюре», сформированным по пропорциональному признаку и имевшим то дополнительное преимущество, что его дискуссии могли проходить за закрытыми дверями¹². Пропорциональность строго соблюдалась и при назначениях на государственные посты.

Автономия сегментов была еще одной ярко выраженной общественной чертой ливанской демократии. Леонард Байндер пишет, что неотъемлемой, хотя и неписанной частью конституции было правило, согласно которому «власти не должны вмешиваться в область внутриконфессиональных социальных отношений»¹³. Каждая группа имела свои школы, организации в сфере социального обеспечения и досуга. Более того, законодательство в области гражданского и семейного права (т.е. по вопросам брака, развода, наследования) у разных групп было свое; дела рассматривались отдельными конфессиональными судами. Взаимное вето также было признано

---

¹¹ *Suleiman M.W. Political Parties in Lebanon: The Challenge of a Fragmented Political Culture.* Ithaca: Cornell University Press, 1967. P. 45. См. также: *Younes R. Politik und Proporzsystem in einer sudlibanesischen Dorfgemeinschaft: Eine empirisch sozio-politische Untersuchung.* Munich: Weltforum Verlag, 1975.

¹² *Rondot P. Political Institutions of Lebanese Democracy.* P. 133–134.

¹³ *Binder L. Political Change in Lebanon//Binder L. Politics in Lebanon.* P. 295.

основным, хотя и неписанным правилом, в соответствии с которым функционировала политическая система. Сулейман пишет, что «тезис Калхоуна о “совпадающем большинстве” можно было наблюдать в действии на опыте Ливана»¹⁴.

В целом можно считать, что в Ливане общественная демократия действовала удовлетворительно на протяжении более чем тридцати лет. В качестве ее главной слабой стороны называют жесткую институционализацию общественных принципов. Правила распределения высших государственных постов среди представителей сегментов и «заданные» в избирательной системе пропорции, ставившие в более выгодное положение христиан, которые составляли большинство по переписи 1932 г., оказались непригодными для того, чтобы обеспечить плавную адаптацию системы к условиям постепенного перехода статуса большинства от христиан к мусульманам. В других отношениях также наблюдалась тенденция к иммобильности, однако было бы явным преувеличением утверждать, как это делает Эдвард Шилз, что Ливан является «страной, которая в политическом отношении должна пребывать в полном покое, и тогда общинный эгоцентризм и взаимное недоверие не выльются в открытую и ожесточенную схватку». Ведь и до 1975 г. режим неоднократно сталкивался со вспышками межобщинной вражды, но сумел выжить, понеся при этом сравнительно небольшие потери. Например, гражданская война 1958 г. была, по словам Шилза, «необыкновенно мирной гражданской войной»¹⁵. На фоне частых политических переворотов, которые переживали другие страны Ближнего Востока, и несмотря на изъяны в институтах общности, ливанский общественный режим поставил выдающийся, хотя и далеко не абсолютный рекорд стабильности демократии.

СООБЩЕСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ В МАЛАЙЗИИ, 1955—1969 гг.

Опыт Малайзии дает второй пример достаточно эффективной общественной демократии в «третьем мире», хотя характер многосоставности общества в этой стране и тип общественных ин-

¹⁴ *Suleiman M.W. Political Parties in Lebanon. P. 54.*

¹⁵ *Shils E. The Prospects for Lebanese Civility//Politics in Lebanon. P. 2, 4. См. также выводы Теодора Ханфа в: Hanf T. Erziehungswesen in Gesellschaft und Politik des Libanon. Bielefeld: Bertelsmann Universitätsverlag, 1969. P. 43–52; Smock D.R., Smock A.C. The Politics of Pluralism: A Comparative Study of Lebanon and Ghana. New York: Elsevier, 1975. P. 152–192.*

ституты, получивших развитие в ней, существенно отличаются и от Ливана, и от европейских стран. Сегментов в малайзийском много-составном обществе меньше по количеству, но различия между ним глубже, чем между конфессиональными группами в Ливане. Крупнейший сегмент — малайцы — составляет около 53% населения Малайи (Западной Малайзии); китайцы — 35%, индийцы и пакистанцы — 11% населения. В Малайзии в целом, т.е. с учетом восточно-малайзийских штатов Саравака и Сабаха, эти показатели несколько ниже, и малайцы не составляют там абсолютного большинства. Сегменты разделены усиливающими друг друга различиями по признакам языка, религии, культуры и расы.

Наиважнейшим инструментом общности в Малайзии выступала Союзная партия (National Alliance), т.е. «большая коалиция» крупнейших — малайской, китайской и индийской — политических партий. Союзная партия была образована в начале 50-х годов малайскими и китайскими политическими лидерами, к которым вскоре присоединились и индийцы; она завоевала четыре пятых голосов избирателей и почти все (за исключением одного) места в парламенте на первых федеральных выборах в 1955 г. После победы было образовано правительство с участием всех трех сегментарных партий. Таким образом, к моменту обретения Малайей независимости в 1957 г. «большая коалиция» уже сформировалась и продолжала существовать в течение довольно долгого периода — во время еще двух федеральных выборов в 1959 и 1964 гг., в период превращения Малайи в Малайзию в результате присоединения к первой Сингапура, Саравака и Сабаха в 1963 г., выхода Сингапура из федерации в 1965 г. и вплоть до своего временного распада в 1969 г. Договоренность, на которой основывалась Союзная партия, предусматривала значительную степень самоуправления сегментов в социальной и культурной сферах. Заметим, что такая автономия сегментов не является функцией федеративной системы Малайзии, потому что границы расселения сегментов географически очерчены и не совпадают с границами между штатами, а также потому, что федерация имеет централизованный характер и исключение составляют лишь два штата Восточной Малайзии, наделенные особым статусом.

О приверженности Союзной партии принципу пропорциональности можно говорить только в том случае, если сферы политики и экономики рассматривать вместе. Исходное соглашение, на котором основывался режим правления Союзной партии, было своеобразной сделкой: первенство в сферах политики и управления давалось малайцам в обмен на сохранение экономической гегемонии китайцев. Такой обмен был выгоден для обеих сторон. Как отмечает

Милтон Дж. Эсман, «малайцы получали политическую независимость, контроль над органами управления и политическую систему, которая должна была стать малайской по стилю и набору символов. Взамен китайцы получали больше, чем могли бы мечтать их соотечественники где-либо в Юго-Восточной Азии, т.е. им предоставлялись равные с коренным населением права гражданства, участия в политической жизни, занятия части государственных постов, неограниченные экономические возможности, терпимое отношение к их языку, религии и культурным институтам»¹⁶.

В вопросах политики и управления в рамках Национального альянса старшим и главенствующим партнером явно была малайская партия, а китайская и индийская партии — младшими партнерами*. Избирательная система основывалась не на принципе пропорциональности, а на британском принципе мажоритарности/при одномандатных округах. Этот принцип был выгоден малайцам как крупнейшей группе, поскольку он обеспечивал им еще больший перевес благодаря такому способу формирования избирательных округов, при котором преимущества получали сельские районы с малайским большинством населения. Партнеры по Союзной партии договорились о выдвижении единых кандидатов от трех партий в округах, но всегда представительство малайцев среди кандидатов было завышенным. Соотношение между лицами, занимавшими высокие посты на государственной службе, было таким: четверо малайцев на одного немалайца. «Специальные права» давались малайцам и во многих других областях. Но несмотря на все это, по оценке Эсмана, немалайцы в 1972 г. занимали две трети постов на государственной службе, требующих высокой профессиональной или управленческой квалификации. Данный факт объясняется более высоким образовательным уровнем этих групп населения¹⁷. По сути доминирование малайцев в политике означало также, что право меньшинства на вето может действовать лишь в весьма ограниченных пределах. Чрезвычайно трудно оценить и практически невозможно определить точно, служило ли экономи-

---

¹⁶ *Esman M.J. Administration and Development in Malaysia: Institution-Building and Reform in a Plural Society.* Ithaca: Cornell University Press, 1972. P. 25.

* Как и в примерах, касающихся европейских стран, А. Лейпхарт приводит не точное название партий, а главную (а данном случае — этническую) характеристику их массовой базы. В правящую коалицию входили: Объединенная малайская национальная организация, Китайская ассоциация Малайзии и Индийский конгресс Малайзии. (*Прим. пер.*)

¹⁷ *Esman M.J. Malaysia: Communal Coexistence and Mutual Deterrence// Campbell E. Q. (ed.). Racial Tensions and National Identity.* Nashville: Vanderbilt University Press, 1972. P. 235; *Means G.P. Special Rights as a Strategy for Development: The Case of Malaysia//Comparative Politics* 5. No 1 (October 1972). P. 29—61.

ческое превосходство малайцев достаточным противовесом политическому преобладанию малайцев, но Р. С. Милн пришел к выводу: «При рассмотрении ситуации в целом, с учетом социальных, экономических и политических факторов, становится ясно, что фактически достичь приблизительного временного равновесия между интересами общин... все же удалось»¹⁸.

Однако даже если согласиться с выводами Милна, то общественную систему в Малайзии нельзя однозначно признать удавшейся, поскольку демократия не смогла надолго обеспечить себе стабильность. Она рухнула после выборов 1969 г., на которых Союзная партия потеряла значительную часть голосов избирателей, и хотя она не утратила большинства в парламенте, но тем не менее уступила позиции нескольким не входившим в Альянс общинным партиям. Это привело к волнениям и гражданским беспорядкам. Парламент был распущен. До 1971 г. власть находилась в руках чрезвычайного совета, состоявшего преимущественно из малайцев. Затем парламентский режим был восстановлен, но лишь после того, как парламент закрепил в конституции привилегированное положение малайцев и запретил дальнейшее обсуждение в обществе и в парламенте этой болезненной проблемы. Лидеры Союзной партии возобновили усилия по воссозданию «большой коалиции»: они принимали в состав Союзной партии другие общинные партии и заключали с ними коалиции после выборов. Из-за ограничений свободы слова и усиления политической дискриминации, осуществляемой малайцами, Малайзия после 1971 г. вряд ли может считаться страной совершенно демократической или общественной. Однако до 1969 г. она несомненно являлась, по словам Карла фон Фориса, жизнеспособной «демократией без консенсуса» и служила в качестве вдохновляющего примера тем, кто верит, что «пока еще рано прощаться с надеждой на установление демократии в Азии и Африке»¹⁹.

ЛИВАН И МАЛАЙЗИЯ: БЛАГОПРИЯТНЫЕ И НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ УСЛОВИЯ

Примеры Ливана 1943—1975 гг. и Малайзии 1955—1969 гг. подкрепляют аргументы в пользу общественной демократии как нормативной модели. Они дают конкретные свидетельства ее приме-

---

¹⁸ *Milne R.S. Government and Politics in Malaysia. Boston: Houghton Mifflin, 1967. P. 41.*

¹⁹ *Von Vorys K. Democracy Without Consensus: Communalism and Political Stability in Malaysia. Princeton: Princeton University Press, 1975. P. 12.*

нимости, пригодности для двух многосоставных обществ «третьего мира», хотя нельзя признать, что условия для общественности в этих странах были однозначно благоприятными.

Главные различия между указанными странами связаны с раскладом политических сил, размерами государств и фактором внешней угрозы. Многосоставное общество в Ливане включает в себя множество сегментов, но каждый из них в отдельности является меньшинством, четыре же самых крупных сегмента вместе составляют около 80% населения. Таким образом, данная ситуация близка к наиболее благоприятному варианту умеренно множественного баланса сил. В Малайзии положение прямо противоположное. Малайский сегмент располагает абсолютным большинством в Малайе и близок к положению большинства в Малайзии в целом. Однако за время короткого периода политической унии с Сингапуром его численное превосходство уменьшилось, и одним из подспудных мотивов принятия им решения об исключении Сингапура из федерации было стремление восстановить свое бывшее превосходство. Численное неравенство близкого к большинству сегмента малайцев и сегментов других меньшинств объясняет ведущую политическую роль малайцев и в Союзной партии, и в правительстве Малайзии. Этот факт порождает некоторые сомнения в общественном характере малайзийского режима даже в период 1955–1969 гг.

И Ливан, и Малайзия — небольшие страны, но если Малайзия с населением около 11 млн. человек является государством, сравнимым с европейскими общественными демократиями, то Ливан по числу жителей (около 2 млн. человек) близок к Северной Ирландии. Важным фактором установления общественной демократии в Ливане стала борьба за независимость, которая объединила религиозные общины, выступившие в 1943 г. против французского мандата. Хасан Сааб пишет: «Все прочие, более серьезные проблемы ливанской общественной жизни отступили на второй план перед этим всеобщим стремлением. Острые социальные проблемы могли бы разделить общество, но его насущной потребностью было единство во имя общей цели — национального освобождения»²⁰. Однако после достижения независимости конфликты на Ближнем Востоке делали ситуацию все более неуправляемой, поскольку по многим вопросам христиане (Ливана. — *Ред.*) и проарабски настроенные мусульмане заняли противоположные позиции. Кроме того, на страну легло тяжелое бремя присутствия

---

²⁰ Saab H. The Rationalist School in Lebanese Politics//Politics in Lebanon. P. 276.

на ее территории большого количества палестинских беженцев и партизанских формирований. Практически крах демократического режима в Ливане в 1975 г. следует объяснять в первую очередь все более ухудшавшимися внешними условиями в сочетании с его собственным изъяном — негибкостью механизмов общности.

Малайзия добилась независимости без борьбы, но на одном из этапов становлению общественной системы помогло существование внешней угрозы, порожденной «конфронтацией» в Индонезии. На выборах 1964 г. избиратели в ответ на эту угрозу сплотились вокруг Союзной партии.

Наличие в обществе традиций, способствующих становлению общественной демократии, сыграло свою роль в обеих странах, а особенно в Ливане. Ливанские принципы автономии сегментов уходят корнями в систему «миллятов» времен Османской империи, когда религиозные меньшинства не пользовались всей полнотой прав, но имели статус автономных, самоуправляющихся сообществ*. Следует также упомянуть, что составленная в духе французских политических традиций конституция 1926 г. уже содержала в себе принцип пропорциональности при назначении на государственную службу, а в 30-х годах постепенно утверждалась практика распределения высших постов между представителями определенных конфессий. В этом плане единственным прецедентом практики общности в Малайзии было формирование колониальными властями комитета по межобщинным связям, состоявшего из шести малайцев, шести китайцев, одного индийца и трех представителей других меньшинств. Однако этот комитет был создан лишь в 1949 г. и, следовательно, едва ли может считаться историческим, хотя несколько лет спустя опыт его деятельности был удачно использован Союзной партией для достижения договоренностей между сегментами.

«Этому комитету так и не удалось выработать подлинно надобщинный подход к проблемам, с которыми сталкивалась Малайя, — отмечает Гордон П. Минз, — и тем не менее он показал, что достичь компромисса между общинами по ряду важных проблем гораздо легче путем полусекретных, неофициальных переговоров между лидерами общин»²¹.

Прочие условия в обоих случаях были скорее неблагоприятными. Малайцы отличаются развитым национальным самосознанием, и все государственные символы страны связаны с малайской культу-

---

* «Миллят» (миллиет) — официально признанная государством самоуправляющаяся религиозная община в Османской империи. (Прим. ред.)

²¹ Means G.P. Malaysian Politics. London: University of London Press, 1970. P. 124.

рой, однако для прочих сегментов они либо лишены смысла, либо неприемлемы. Как отмечает Эсман, «нередко случается так, что народы, имеющие столь мало общего между собой, вынуждены жить на одной территории и при одной и той же политической системе»²². В Ливане сегменты объединяет один важный элемент культуры — арабский язык, но и там не сформировались надсегментные ориентации. В Ливане можно найти сегментарный национализм, например у маронитов и друзов, арабский национализм, но не общеливанские национальные чувства, как таковые. Иначе говоря, Ливан является не «невозможной нацией», как назвала свою книгу Лейла Мео, а многонациональным «невозможным государством»²³.

Среди взаимно усиливающих друг друга различий в обеих странах есть, что важно отметить, и различия экономического характера. За исключением немногих, поставленных в привилегированное положение малайцев, находящихся на государственной службе, большинство представителей малайской общины составляют небогатые крестьяне и неквалифицированные рабочие, тогда как китайцы господствуют во всех остальных секторах экономики и имеют средний доход в два-три раза выше, чем малайцы. В Ливане также имеет место подобный, хотя и не столь заметный разрыв между более зажиточными христианами и в целом более бедными мусульманами, причем каждая конфессиональная группа «стремилась к специализации в одной-двух профессиях», т.е. складывалась ситуация, которую можно назвать «этническим разделением труда»²⁴.

Наконец, обеим странам присуща высокая степень изолированности сегментов. Между сегментами в Малайзии практически нет социальных связей и взаимодействий: имеющие место контакты отличаются «высокой степенью предупредительности», а «подспудная социальная удаленность близка к бесконечности»²⁵. В Ливане «межконфессиональные связи также можно обнаружить лишь на высшем уровне каждой из конфессиональных структур»²⁶. Однако взаимная изоляция имеет исключительно социальный, а не территориальный характер. Хотя каждый сегмент, особенно в Ливане, традиционно

---

²² *Esman M.J.* Malaysia. P. 228. См. также: *Snider N.L.* Is National Integration Necessary? The Malaysian Case//Journal of International Affairs 27. No 1 (1973). P. 80–89.

²³ *Meo L.M.T.* Lebanon: Improbable Nation. Bloomington: Indiana University Press, 1965.

²⁴ *Issawi Ch.* Economic and Social Foundations of Democracy in the Middle East//International Affairs 32, No 1 (January 1956). P. 37.

²⁵ *Esman M.J.* Malaysia. P. 228.

²⁶ *Binder L.* Political Change in Lebanon. P. 303.

ТАБЛИЦА 10. Сегментарная раздробленность в четырех незападных обществах: средняя величина по регионам и общенациональные показатели

	Штаты, провинции, районы		Страна в целом
	средняя величина	средневзвешенная величина	
Ливан (1956)			
самая крупная группа (%)	43,0	44,9	30,3
индекс раздробленности (F)	0,72	0,70	0,81
Малайзия (1967)			
самая крупная группа (%)	61,9	57,7	50,6
индекс раздробленности (F)	0,47	0,51	0,58
Кипр (1960)			
самая крупная группа (%)	81,0	80,9	80,9
индекс раздробленности (F)	0,30	0,31	0,31
Нигерия (1952—1953)			
самая крупная группа (%)	72,5	64,4	23,9
индекс раздробленности (F)	0,42	0,51	0,82

ИСТОЧНИКИ: Рассчитано по данным изданий: *Suleiman M.W. Political Parties in Lebanon: The Challenge of a Fragmented Political Culture*. Ithaca: Cornell University Press, 1967. P. 27; *Esman M.J. Administration and Reform in a Plural Society*. Ithaca: Cornell University Press, 1972. P. 18; *Visser C.J. Cyprus: Mislukte republiek*. The Hague: Nederlands Instituut voor Vredesvraagstukken, 1975; *Coleman S.J. Nigeria: Background to Nationalism*. Berkeley: University of California Press, 1958. P. 15.

считает определенную территорию местом своего исконного проживания, ни одна из этих двух стран не является «федеративным обществом»*. В табл. 10 показана раздробленность Ливана на четырнадцать конфессиональных групп и Малайзии на малайский, китайский

*«Федеративное общество» — понятие, введенное в исследовательскую практику американским специалистом по теории государственного управления У. Ливингтоном в работе: *Livingston W.S. Federalism and Constitutional Change*. Oxford: Clarendon Press, 1956. «Сущность федерализма заключается не в конституционной терминологии, а в тех экономических, социальных, политических, культурных силах, которые делают федеративные формы необходимыми... Федеративная система — это средство, позволяющее выявить и сохранить федеративную природу общества». (Ук. соч. С. 1—2). Если сформулировать основную идею У. Ливингтона в терминах теории сообщественности, то федеративным следует считать многосоставное общество с территориально разделенными, но компактно проживающими сегментами. (Прим. ред.)

и индийский сегменты, как по всей стране в целом, так и по пяти провинциям Ливана и тринадцати штатам Малайзии. Индекс раздробленности особенно высок в Ливане, и в обоих случаях уменьшение уровня раздробленности при переходе от страны в целом к отдельным административно-территориальным единицам, измеренное во средне-взвешенных величинах, минимально: с 0,81 до 0,70 в Ливане и с 0,58 до 0,51 в Малайзии.

Из всего этого следует общий вывод: созданию и поддержанию общественной демократии в указанных незападных многосоставных обществах благоприятствовали некоторые позитивные факторы, но в то же время некоторые другие факторы оставались однозначно негативными. Поскольку условия отнюдь не были исключительно благоприятными, поскольку впечатляющий успех обоих общественных экспериментов ни в коем случае не был предрешен заранее. Этот вывод повышает и теоретическое, и нормативное значение обоих примеров.

ПРОВАЛ СООБЩЕСТВЕННОСТИ НА КИПРЕ, 1960—1963 гг.

Кипр как независимое государство начал свое существование в 1960 г. с сугубо общественной конституцией, разработанной представителями правительств Греции и Турции, а также греческой и турецкой общин Кипра. Это была смелая, хотя и неудачная попытка создать систему политического урегулирования в кипрском обществе, представляющем собой весьма специфический случай многосоставности. Оно разделено на два сегмента — греков, составляющих около 78% населения, и турок, составляющих, согласно переписи 1960 г., 18%. Остальные 4% приходятся на меньшинства, не играющие заметной роли в политике. В обществе полностью совпадают линии языковых, религиозных и культурных различий. Греки-киприоты говорят по-гречески, принадлежат к греко-православной церкви, ориентированы на греческую культурную традицию. Турки-киприоты говорят по-турецки, они мусульмане и ощущают свою принадлежность к турецкой культуре. Противостояние двух этих общин пронизывает все существующие на острове организационные структуры. Адамантия Поллис следующим образом описывает две системы образования на Кипре, в точности воспроизводящие аналогичные системы в Греции и Турции: «Программа в греческих школах, где преподавание ведется, естественно, по-гречески, превозносит греческую историю и доказывает “греческий характер” Кипра, тогда как программа турецких школ в такой же степени

сформулирована в понятиях турецкого национализма». Общественные организации исключительно сегментарны и полностью изолированы. «Политические партии, профсоюзы, профессиональные и сельскохозяйственные ассоциации разделены по этническому признаку... нет ни одной известной автору организации, в которой бы состояли и греки, и турки»²⁷.

Все принципы общественной демократии — большая коалиция, принцип пропорциональности, автономия и право вето — нашли достаточно серьезное отражение в конституции 1960 г.²⁸ Ею устанавливался режим президентской власти с греком-президентом, избираемым греческой общиной, и турком-вице-президентом с полномочиями, почти равными президентским; он избирался турецкой общиной. Положение, согласно которому кабинет должен был состоять из семи министров-греков, назначаемых президентом, и трех министров-турок, назначаемых вице-президентом, развивало идею большой коалиции и придавало политической системе законченность. Соотношение семь к трем на практике означало скорее намеренное завышение представительства турецкого меньшинства, чем строгое соблюдение принципа пропорциональности. Такое же соотношение выдерживалось и при выборах в законодательное собрание, 35 членом которого избирались греками, а 15 — турками, и при назначении на государственную службу. Для армии и полиции было установлено соотношение «шесть к четырем», т.е. фиксировалось еще большее отклонение от принципа пропорциональности, но все же обеспечивавшее грекам большинство.

Конституция гарантировала также высокую степень автономии обоих этнических сегментов путем образования двух избираемых независимо друг от друга общинных палат, обладавших законодательной властью по вопросам религии, образования, культуры и прав личности, а также путем введения самостоятельных муниципальных советов в пяти крупнейших городах острова. Эти разделы конституции означали существенное продвижение к установлению фактически федеративной системы, хотя и без реального территориального федерализма, который был невозможен из-за чрезвычайной перемешанности населения: как явствует из табл. 10, усред-

---

²⁷ Pollis A. Intergroup Conflict and British Colonial Policy: The Case of Cyprus// Comparative Politics 5. No 4 (July 1973). P. 596–597.

²⁸ См.: Kyriakides S. Cyprus: Constitutionalism and Crisis Government. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1968. P. 53–71; Adams T.W. The First Republic of Cyprus: A Review of an Unworkable Constitution//Western Political Quarterly 19. No 3 (September 1966). P. 475–490.

ненные показатели этнического состава населения шести районов Кипра с зеркальной точностью отражали ситуацию на острове в целом. Наконец, конституция 1960 г. давала президенту и вице-президенту вместе и по отдельности абсолютное право вето на решения кабинета или законодательного собрания в области внешней политики, обороны и безопасности. А все законодательные акты по вопросам налоговой политики, местного самоуправления и избирательной системы могли приниматься только равным (совпадающим) большинством обеих сегментарных групп в законодательном собрании.

Установленная в соответствии с конституцией политическая система функционировала, хотя и не вполне удовлетворительно, с 1960 по декабрь 1963 г., когда вспыхнула гражданская война и эта система распалась на две самостоятельные части: греческую, опиравшуюся на законный, правда, оказавшийся усеченным государственный аппарат, и турецкую, во главе которой встали вице-президент, пятнадцать турецких депутатов законодательного собрания и турецкая общинная палата. В 1964 г. на остров были направлены миротворческие силы ООН, призванные следить за соблюдением весьма зыбкого соглашения о прекращении огня. Тем временем развивалась по нарастающей тенденция к территориальной изолированности сегментов. Начало гражданской войны сопровождалось бегством турок-киприотов в городские анклавы, а вооруженное вторжение Турции в 1974 г. привело к территориальному разделу острова; большинство греков, живших в оккупированной Турцией северной части острова, перебралось на юг, а турки с юга массами перемещались в районы, находившиеся под военным контролем Турции.

Сообщественная конституция на Кипре не сработала, потому что греческое большинство и в 1960 г. приняло ее крайне неохотно. В последующие же годы оно относилось к ее основным положениям с нараставшим недовольством, тогда как турецкое меньшинство требовало неукоснительного соблюдения всех общественных правил и злоупотребляло своим правом вето. Так, парламентарии от турецкой общины заблокировали принятие налогового законодательства не столько из-за серьезных возражений по сути законопроекта, сколько из желания использовать голосование как средство нажима с целью добиться полного и буквального достижения соотношения «семь к трем» в госаппарате. В ноябре 1963 г. архиепископ Макариос, греческий президент Кипра, предложил несколько конституционных поправок, направленных на отмену ряда вызывавших наибольшие возражения общественных механизмов: права вето президента и вице-президента, равного (совпадающего) большинства в пар-

ламенте, отдельных муниципалитетов, завышенного представительства турок-киприотов в госаппарате, полиции и вооруженных силах. Эти предложения были отвергнуты лидерами турецкой общины и правительством Турции. В итоге конец общественному эксперименту положила начавшаяся спустя несколько дней гражданская война²⁹.

Главная причина провала общности на Кипре состоит в том, что общественная система не может быть навязана против воли одного или нескольких сегментов многосоставного общества, особенно против воли наиболее многочисленного сегмента. В этом отношении опыт Кипра имеет сходство с опытом Северной Ирландии. Наличие двух неравных сегментов и там, и здесь служило главным неблагоприятным фактором. Более того, почти все другие факторы на Кипре были намного менее благоприятными, чем в Ливане или Малайзии, и работали против общественной демократии. Население острова, едва превышавшее полмиллиона человек, было меньше, чем даже население Ливана или Северной Ирландии. Внешняя угроза исходила главным образом со стороны Турции и Греции, постоянно готовых вмешаться во внутренние дела Кипра, что скорее препятствовало, нежели способствовало укреплению единства страны. Антиколониальное движение против англичан было борьбой не за независимость, а за «эносис», т.е. воссоединение с Грецией, но эта цель была неприемлемой для турок-киприотов. Разнонаправленность национальных чувств, разделявших греческих и турецких жителей острова, не уравновешивалась ни кипрским патриотизмом, ни какой-либо другой надсегментной ориентацией. Экономическое неравенство сегментов, хотя и не слишком глубокое, также являлось негативным фактором: турецкий сегмент уступал греческому и по численности, и по уровню материального благосостояния. До 1960 г. изолированность сегментов была социальной, но не территориальной (см. табл. 10), последняя существовала лишь в незначительной степени. Единственным фактором, который отчасти благоприятствовал общности на Кипре, был исторический опыт, имевший много сходства с ливанским: имеется в виду управление по системе миллетов при Османской империи.

Пример Кипра показывает, что при отсутствии других благоприятных условий наличие подобных исторических традиций не имеет решающего значения.

---

²⁹ См.: *Ehlich T. Cyprus: 1958–1967. London: Oxford University Press, 1974. P. 36–60.*

НЕУДАЧА ДЕМОКРАТИИ В НИГЕРИИ, 1957–1966 гг.

Сползание нигерийской демократии к военному режиму, отделение Биафры (в 1967 г. — *Прим. ред.*) и гражданская война в стране могут рассматриваться как еще один пример провала общественной демократии. Нигерия однозначно является многосоставным обществом; ее население, достигавшее в начале 60-х годов 45 млн. человек, разделено буквально на сотни этнических групп, но восемь более крупных из них включают свыше трех четвертей всего населения, а в свою очередь в трех самых крупных из этих групп насчитывается более половины населения. Все этнические группы проживают компактно. Три самых многочисленных группы доминировали в трех штатах, из которых первоначально состояла нигерийская федерация; это группа хауса на Севере, группа ибо на Востоке и группа йоруба на Западе. Они, соответственно, занимали ведущее положение в политических партиях этих штатов. Дэвид Е. Аптер, первым среди современных исследователей употребивший понятие «общественный», привел Нигерию в качестве наиболее показательного примера общественной системы. Он определил ее как систему, «в которой составные части объединяются, не утрачивая своих индивидуальных черт, в некую форму союза», и добавил, что форма союза «может варьироваться от весьма свободной конфедерации групп людей или государственных образований до федеративных образований с четко установленной структурой». Другими характерными чертами такого режима представляются его «готовность примирить разнообразные группы, которые выдвигают несовместимые идеи относительно достижения единства», его «коллективное или корпоративное руководство» и необходимость выработки компромиссных соглашений, которые составили бы «основу программы-минимум, приемлемой для всех»³⁰. Концепция общности Аптера подобна концепции, предлагаемой в настоящей книге, но значительно шире ее: в концепции Аптера можно найти элементы идей большой коалиции, принципа автономии и права вето, но они недостаточно четко сформулированы.

Анализ опыта Нигерии ясно показывает, что данный пример едва ли соответствует узкому определению общественной демократии. При характеристике политической системы Нигерии как общественного режима Аптер, несомненно, учитывал опыт создания коалиции трех ведущих партий, которые были представлены в

---

³⁰ *Apter D.E. The Political Kingdom in Uganda: A Study in Bureaucratic ationalism. Princeton: Princeton University Press, 1961. P. 24–25.*

федеральном кабинете, стоявшем у власти с 1957 по 1959 гг., т.е. в канун независимости: книга Аптера вышла в свет вскоре после этого, в 1961 г. Однако после федеральных выборов 1959 г. и получения независимости в 1960 г. не было создано ни одной сколько-нибудь большой коалиции. Кабинет, стоявший у власти с 1959 по 1964 гг., был сформирован коалицией с участием крупнейшей нигерийской партии, массовая база которой находилась на Севере, и партии, занимавшей ведущие позиции на Востоке. Политическая партия Западного штата стала ведущей партией оппозиции. В дальнейшем ситуация развивалась не в сторону более представительного правительства, а в направлении утверждения однопартийной власти большинства. Кризисная ситуация в Западном штате была использована для роспуска местного правительства, разгона его ведущей политической партии и ареста некоторых ее лидеров. Тем временем крупнейшая (северная) партия добилась абсолютного большинства в нижней палате федерального парламента благодаря переходу в ее ряды представителей других партий и дополнительным выборам по нескольким округам. Отношение же ее к младшему партнеру по коалиции стало напоминать поведение «строгого хозяина»³¹. В следующем кабинете, сформированном по итогам выборов 1964 г. и свергнутом военным переворотом 1966 г., доминирование северян было еще более очевидным.

В конституции 1960 г. содержалось положение о праве вето, которым в некоторых случаях располагал сенат с равным представительством от всех трех штатов. Это давало сенаторам от Восточного и Западного штатов возможность блокировать решения нижней палаты, в которой абсолютное большинство принадлежало северянам. Но их «вето» в реальности означало лишь право задержать на шесть месяцев вступление в силу законодательных актов, и фактически оно не действовало. Норма пропорциональности также никогда не имела практического значения. В частности, следствием принятия британской избирательной системы стало доминирование трех самых крупных сегментов над более мелкими этническими группами в их провинциях. Единственное, что позволяет отнести Нигерию того периода к числу общественных систем, — это ее федеративное устройство, дававшее большую автономию правительствам штатов. Однако, с точки зрения общности, федерация была как будто специально сконструирована таким образом, чтобы ее провал был неизбежен. Границы между провинциями не совпадали с этническими; более мелкие, но все же значительные сегменты, вообще

---

³¹ *Mackintosh J.P.* Nigerian Government and Politics. London: Allen and Unwin, 1966. P. 547

не получили собственных штатов. Нигерийский правовед Бен О. Нwabueze пишет: «Федерализм в Нигерии не смог обеспечить опору властных структур субъектов федерации на подлинно гомогенную социальную базу, что позволило бы им осуществлять самоуправление в условиях, когда регион представляет собой единое целое». Напротив, границы штатов, «к сожалению, были проведены так, что ядром служило основное племя, составлявшее около двух третей населения (штата), вокруг которого группировались малочисленные племена»³². В табл. 10 показана этническая раздробленность Нигерии в целом, в среднем по трем штатам и небольшому по территории федеральному столичному округу Лагос. За основу взяты данные переписи 1952—1953 гг. (данные переписи, проводившейся десятилетием позже, сомнительны по своей точности и стали предметом острых политических споров). Хотя в расчет брались только десять крупнейших этнических групп, тем не менее индекс раздробленности очень высок — 0,82. Важно отметить, что средневзвешенная величина по штатам (0,51) значительно ниже, чем общенациональный показатель, но все же достаточно высока. Еще более существенный изъян федеративной системы Нигерии заключался в том, что баланс множества сил, при котором ни один этнический сегмент даже близко не подходил к положению большинства, превратился благодаря федерализму в дисбаланс, когда в одном из штатов — Северном, площадь которого составляла 75% территории страны, было сосредоточено 60% ее населения. Проблема Нигерии, как указывал Ульф Химмельstrand, состоит не в многонациональности, как таковой, а во «взаимном наложении факторов национальной принадлежности, размеров этнических групп и территориально-административных границ»³³. Создание в 1963 г. Средне-западного штата несколько улучшило ситуацию, однако он был образован за счет территории Западного штата, что никак не влияло на господствующее положение Севера. Принципиальные изменения внесла перестройка всей структуры федерации: после нее в состав федерации вошло двенадцать штатов, причем Север был разделен на шесть штатов. Такая перестройка была осуществлена военными властями в 1967 г., но было уже слишком поздно, чтобы спасти демократию в Нигерии*.

³² *Nwabueze B.O.* Constitutionalism in the Emergent States. London: Hurst, 1973. P. 13.

³³ *Himmelstrand U.* 'Tribalism', Regionalism, Nationalism and Secession in Nigeria// *Eisenstadt S.N., Rokkan S.* (ed.). Building States and Nations: Analyses by Region. Beverly Hills, Sage, 1973. P. 432.

* Новое административно-территориальное деление было введено в 1968 г. (Прим. ред.)

Шансы на выживание демократии в Нигерии могли бы быть выше, если бы она избрала общественную модель. Баланс множества этнических сил и территориальная компактность этнических сегментов были благоприятными для этого факторами. Однако значительный размер страны, особенно по африканским масштабам, равно как большинство других условий, были не вполне благоприятными. В любом случае, опыт Нигерии в период 1957–1966 гг. должен рассматриваться как свидетельство провала демократии, но не поражения общественности.

УСЛОВИЯ В «ТРЕТЬЕМ МИРЕ»: ОБЩАЯ ОЦЕНКА

Примеры Ливана и Малайзии, а также сходство предложенной Льюисом для Западной Африки и общественной моделей дают весомые аргументы в пользу предположения о том, что общественная система способна быть серьезной альтернативой британской модели в многосоставных обществах «третьего мира». Вместе с тем, опыт Кипра показывает, что попытка установить общественную демократию может потерпеть крах. Впрочем, даже одной неудачи достаточно, чтобы доказать: общественность «работает» не во всех случаях. Для того чтобы сделать общий вывод о ее пригодности для «третьего мира», следующим шагом должна стать попытка определить условия, повышающие или снижающие вероятность ее успеха. Однако, такая общая оценка таит в себе определенную опасность, поскольку очевидно, что страны «третьего мира» по многим параметрам отличаются друг от друга, и, следовательно, мои обобщения могут оказаться неприменимыми к какой-либо конкретной стране. Условия, которые в целом или частично, но не всегда и не без исключений считаются благоприятными, мы рассмотрим в первую очередь. Материалом для сравнения послужит опыт Малайзии и Ливана. История обеих стран, как и всех европейских общественных систем, доказывает, что общественная демократия возможна даже при наличии нескольких неблагоприятных факторов. Поэтому ситуация в указанных странах будет служить мерилем оценки положения в других странах с точки зрения того, являются условия в многосоставных обществах «третьего мира» в целом столь же благоприятными, как в Ливане и Малайзии, или они значительно менее благоприятны, а то и вовсе неблагоприятны, как на Кипре?

Напомним еще раз, что эти условия следует рассматривать в качестве способствующих, но не решающих факторов. Как уже отмечалось, изучение опыта Канады и Израиля показало, что они не

являются ни необходимыми, ни достаточными условиями. В соответствии с этим выводом, сделанным на основе эмпирических данных, общественная демократия как нормативная модель подразумевает отказ от социального детерминизма. Она исходит из того, что политические элиты обладают большой свободой выбора и могут прибегнуть к общественным методам вследствие разумного осмысления присущих многосоставному обществу центробежных тенденций ради противодействия им. Признание принципиального значения роли политических элит близко убеждению Макиавелли в том, что добродетель и благоразумие лидеров решают дело, поскольку «время приносит с собой самые разные вещи; ему безразлично, что творить — добро или зло»³⁴.

Ранее, при обсуждении протосообщественных традиций как фактора, благоприятствующего общественной демократии, приводилось критическое высказывание Ханса Даалдера по поводу свободы выбора и «сознательного политического конструирования», осуществляемого политическими элитами. Он утверждает, что устойчивые традиции политического урегулирования и согласительного стиля принятия решений существовали в Швейцарии и в Нидерландах еще до наступления эпохи политической модернизации и образования наций. Ханс Даалдер доказывает, что аналогичные процессы в развивающихся странах в значительной степени зависят от прошлого политического опыта местной элиты, но при этом отмечает, что «преобладающие в новых государствах идеологические взгляды неблагоприятны для выбора общественных моделей. Несмотря на то, что прежние традиции согласительного принятия решений и автономии сегментов достаточно сильны, тем не менее нынешние лидеры обычно рассматривают их как «препятствие, которое следует устранить, а не как материал для строительства новой, многосоставной нации»³⁵. Из этих замечаний следует, что в конечном счете свобода выбора все же остается: хотя элита и может быть настроена против общности даже при наличии традиций, способствующих ей, она все же остается динамичным и независимым субъектом деятельности, способным не только отойти от старых политических традиций, но и сознательно вернуться к ним.

---

³⁴ *Machiavelli N. The Prince//Ricci L. (trans.). The Prince and the Discourses. New York: Modern Library, 1950. P. 11. См. также: Tsurutani T. Machiavelli and the Problem of Political Development//Review of Politics 30. No 3 (July 1968). P. 318–319.*

³⁵ *Daalder H. On Building Consociational Nations: The Cases of the Netherlands and Switzerland//International Social Science Journal 23. No 3 (1971). P. 368. См. также: Daalder H. Government and Opposition in the New States//Government and Opposition 1. No 2 (January 1966). P. 205–226.*

Более важное следствие, вытекающее из замечаний Даалдера, состоит в том, что во многих новых государствах существуют восходящие еще к доколониальным временам традиции, которые могли бы служить прочной основой для общественной демократии. И напротив, британская модель с ее правлением большинства, системой «правительство против оппозиции» и однопартийным правительством совершенно чужда незападным традициям. Это положение разделяют многие другие авторы. Руперт Эмерсон пишет, что «принятое на Западе (а значит, и в британской модели) право большинства навязывать после непродолжительного обсуждения свое мнение инакомыслящему меньшинству в корне противоречит концепциям, лежащим в основе мировоззрения незападных народов». Конечно, между традициями азиатских и африканских народов имеются существенные различия, но «их естественное устремление, как правило, направлено на подробное и неспешное обсуждение проблем с целью достижения консенсуса. Важной чертой их прошлого политического опыта является практика постепенного выявления точек соприкосновения и согласия, а не способность найти быстрое решение путем подсчета голосов»³⁶. Майкл Хаас утверждает, что существует особый «азиатский путь» принятия решений, основанный на таких идеях, как «муфакат» (малайский термин), т.е. «принцип единодушия, достигаемого путем дискуссии, а не голосования», и «мушавара», т.е. «традиционный индонезийский метод достижения согласия не решением большинства, а поиском чего-то подобного «общему настрою собравшихся» у квакеров»³⁷. Джулиус Ньерере с одобрением приводит следующее описание типичного стиля управления в африканской деревенской общине: «Старейшины садятся под большим деревом и продолжают обсуждение до тех пор, пока не приходят к согласию»³⁸. Льюис также отмечает, что у племен Западной Африки сильны демократические традиции, отличные от британской модели. Он пишет: «Племя принимает решение путем обсуждения подобно участникам коалиции; такая демократическая процедура лежит в основе самобытных политических институтов этих народов»³⁹.

³⁶ Emerson R. *From Empire to Nation: The Rise to Self-Assertion of Asian and African Peoples*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1960. P. 284.

³⁷ Haas M. *The Asian Way to Peace//Pacific Community* 4. No 4 (July 1973). P. 503–505. Определение понятия «мушавара» взято из: Feith H. *Indonesia//Kahin G. McT.* (ed.). *Governments and Politics of Southeast Asia*. Ithaca: Cornell University Press, 1959. P. 192.

³⁸ Nyerere J. *Democracy and the Party System//Sigmund P.E.* (ed.). *The Ideologies of the Developing Nations*, rev. ed. New York: Praeger, 1967. P. 294. См. также: Mohiddin A. *The Basic Unit of African Ideal Society in Nyerere's Thought//Africa* 25. No 1 (March 1970). P. 3–24.

³⁹ Lewis W.A. *Politics in West Africa*. P. 86.

Особенно убедительным свидетельством в пользу такой оценки служит и вывод, сделанный М. Г. Смитом по итогам исследования доколониальных обществ в Африке. Его исходная концепция многосоставных обществ, излагавшаяся в главе 1, подразумевала, что доминирование одного из культурных сегментов является обязательным и неизбежным следствием многосоставности. Однако, когда Смит «изучил этнографические материалы о доколониальных африканских обществах на предмет поиска сведений о многосоставности» и проверил свое первоначальное предположение о том, что многосоставность неизбежно приводит к доминированию, он неожиданно обнаружил такой тип многосоставного общества и назвал его «обществом», т.е. объединением «самостоятельных общностей, выступающих в качестве равных и независимых партнеров в едином общественном образовании»⁴⁰. Такое определение практически совпадает с определением общественной системы, данным в настоящей книге, но то, что они повторяют друг друга даже терминологически, — это чистая случайность.

Наряду с наличием исторических традиций согласительного принятия решений в многосоставных обществах «третьего мира» существует еще ряд факторов, в целом благоприятствующих общественности. При том, что родовые связи обычно весьма прочны, а национальное самосознание в многосоставных обществах развито сравнительно слабо, даже если общенациональные чувства хотя бы в какой-то степени присущи и элитам, и массам, то шансы общественной демократии на успех повышаются. В большинстве молодых государств общенациональные ориентации слабы, но не отсутствуют совершенно, как в Ливане и Малайзии. В тех странах, которым пришлось вести борьбу за независимость, власть метрополии выступала как фактор внешней угрозы, содействовавшей внутреннему единству.

Более того, сотрудничество на уровне элит получает дополнительный стимул, если лидерами движет не только осознание общих интересов, но и общее прошлое и общие взгляды. С этой точки зрения, ситуация в молодых государствах в целом более благоприятна, чем в Ливане или Малайзии. В частности, в период борьбы за независимость и в первые годы после ее установления политические лидеры, как правило, объединялись в чрезвычайно сплоченную группу. Уильям Дж. Фольц замечает, что многие молодые государства,

---

⁴⁰ *Smith M.G. Pluralism in Precolonial African Societies; Some Developments in the Analytic Framework of Pluralism//Kuper L., Smith M.G. (ed.) Pluralism in Africa. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 94, 439.*

«к счастью, имели весьма узкий и гомогенный по составу слой политически активных людей». Их лидеров «связывали узы личной дружбы, зачастую усиленные еще и совместной учебой, опытом участия в антиколониальной борьбе и преданностью национальным идеалам»⁴¹. Особенно важным спланивающим моментом на уровне элит в большинстве африканских стран является принятие английского или французского языка в качестве государственного. Коль скоро ни английский, ни французский языки не являются языками ни одного из этнических сегментов, они этнически нейтральны. Но, как отмечает Пьер Л. ван ден Берге, такой официальный, и все же иностранный язык, выступает в роли «тайного престижного посредника», который позволяет установить «прочные связи “поверх” этнических границ, на вершине социальной пирамиды»⁴².

И, наконец, последним в целом благоприятным условием является высокая степень изолированности сегментов. Линии разделов по родовому признаку обычно прочерчены очень четко; эту тенденцию разделения усиливала и часто применявшаяся бывшими колониальными державами практика косвенного управления. В результате везде, где это возможно, политика также осуществляется на сегментарной основе. Эта черта присуща не столько африканским, сколько азиатским многосоставным обществам. Ван дер Берге обобщает ситуацию в Африке следующими словами: «Важнейшая черта национального вопроса в африканских условиях — его многомерность и изменчивость по сравнению с более определенными ситуациями в Бельгии или Швейцарии, где основные линии разделения в обществе не столь многочисленны, более стабильны и не так резки»⁴³. Ливан и Малайзия в этом отношении, очевидно, ближе к двум упомянутым европейским странам, чем к типичному африканскому многосоставному обществу. Вместе с тем, недостаточная четкость водоразделов между сегментами в Африке компенсируется тем фактом, что изолированность сегментов на этом континенте обычно усиливается компактным проживанием составляющего их населения, чего нет ни в Ливане, ни в Малайзии.

И в Африке, и повсюду в «третьем мире» изолированность сегментов приводит к усилению политической инертности масс, не принадлежащих к элите, и повышению уважения к лидерам сегментов. Эта характеристика применима ко всему незападному полити-

---

⁴¹ Foltz W.J. Building the Newest Nations: Short-run Strategies and Long-run Problems// Deutch K.W., Foltz W.J. (ed.). Nation-Building. New York: Atherton, 1963. P. 118, 121.

⁴² Pierre L. van den Berghe. Ethnicity: The African Experience// International Social Science Journal 23. No 4, 1971. P. 516.

⁴³ Ibid. P. 513.

ческому процессу в целом. Люсиан Пай так описывает этот тип политики: «Общинный тип политики... означает, что политические симпатии определяются в основном чувством принадлежности к какой-либо конкретной группе, а не провозглашенными этой группой политическими целями. ...Пока считается, что лидеры группы действуют в ее общих интересах, им, как правило, не следует беспокоиться о том, что те или иные их конкретные шаги каким-то образом изменят отношение к ним рядовых общинников»⁴⁴.

Подобная преданность дает политическим лидерам, особенно в краткосрочной перспективе, важное преимущество — значительную свободу маневра в отношениях с лидерами других групп. У незападных лидеров это преимущество гораздо больше, чем у политиков в европейских общественных демократиях. Однако существует опасность, что в долгосрочной перспективе лидеры будут слишком большое внимание уделять политике на уровне элит и постепенно утратят связь со своей массовой социальной базой. Авторам многих исследований по проблемам политического развития дистанция между элитой и массами в незападной политике видится настолько значительной, что концепция интеграции нации обычно приобретает у них двойной смысл: в ней имеется в виду не только преодоление этнических и сегментарных ориентаций, но и уменьшение разрыва между элитой и массами. Отыскивать способы политического урегулирования на уровне элит и одновременно поддерживать тесные связи со своей массовой социальной базой — трудная, но, как показывает опыт общественности в Европе, вполне разрешимая задача.

Роль политических элит будет определяющей в любом решении, касающемся выбора общественной модели в целом или ее отдельных механизмов. Льюис весьма нереалистично ожидает, что движение к образованию правительства большой коалиции может возникнуть на уровне масс. «Перспектива установления стабильного коалиционного правительства зависит в конечном счете не от политиков, а от общества, считающего, что ему нужно именно такое правительство». Он призывает новое поколение Западной Африки «переписать правила политической игры», дабы заставить политиков принять согласительную, а не соревновательную модель поведения⁴⁵. Но если общественная модель будет принята, то это произойдет по инициативе элит. Поэтому было бы бесполезно, и, может быть, даже вредно взывать через их голову к народным массам.

---

⁴⁴ Pye L. W. The Non-Western Political Process//Journal of Politics 20. No 3 (August 1958). P. 472—473.

⁴⁵ Lewis W.A. Politics in West Africa. P. 84—85.

ДВОЙСТВЕННЫЕ, ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ ФАКТОРЫ

Условием, которое во всех до сих пор рассматривавшихся примерах имело решающее значение, следует признать соотношение сил между сегментами. Незападные многосоставные общества весьма различаются по этому признаку, спектр их достаточно широк — от неблагоприятной ситуации дуалистического дисбаланса сил на Кипре и Цейлоне, к несколько более благоприятной ситуации с менее ярко выраженным дисбалансом сил трех сегментов в Малайзии и до благоприятного варианта множественного баланса без доминирования самого крупного сегмента в Ливане. Для большинства африканских многосоставных обществ, в том числе Папуа—Новой Гвинеи, характерна множественная структура сил, но в них существует такой негативный фактор, как раздробленность на слишком большое количество сегментов.

Конечно, в некоторых случаях неблагоприятный баланс сил внутри страны может быть уравновешен внешним влиянием. Клиффорд Гирц, например, замечает, что в Малайзии китайцев и малайцев связывает, по крайней мере отчасти, «страх обеих групп за то, что в случае развала федерации они могут превратиться в подчиненное меньшинство в новой политической структуре: малайцы — если китайцы повернутся к Сингапуру и Китаю, а китайцы — если малайцы повернутся к Индонезии». На Цейлоне такой внешний противовес еще более смягчает ситуацию дисбаланса между двумя сегментами. Здесь сложилось так, что и тамилы, и сингалы считают себя меньшинством. Причем, тамилы считают себя меньшинством потому, что 70% населения Цейлона составляют сингалы, сингалы же называют себя так потому, что все 8 млн. человек этой национальности живут на Цейлоне и больше их нигде нет, тогда как кроме 2 млн. живущих на острове тамилы еще 28 млн. их проживает на юге Индии⁴⁶. Но столь благоприятное сочетание внутренних и внешних факторов складывается далеко не всегда. Например, в Северной Ирландии ни один сегмент не считает себя меньшинством: протестанты — по отношению ко всей Ирландии, католики — по отношению к Северной Ирландии. Напротив, оба числят себя в большинстве и фактически, и потенциально. Пожалуй, наиболее неблагоприятной следует признать ситуацию, когда самый крупный сегмент общества боится перейти в разряд меньшинств.

---

⁴⁶ Geertz C. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States//Geertz C. (ed.). Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa. New York: Free Press, 1963. P. 115—116.

Крайняя раздробленность общества во многих африканских странах обычно означает, что ни один из сегментов не составляет большинства. Однако и раздел на слишком большое число сегментов служит препятствием для установления общественной демократии. В то же время фактор раздробленности не следует преувеличивать. Обычно, как отмечает Карл В. Дейч, половина всех жителей принадлежит не более чем к шести отдельным сегментам, а общая численность 10—15 сегментов приближается к 90% населения⁴⁷. Хороший пример этого — Нигерия. Колониальные правители зачастую грешили излишним сгущением красок по поводу сложной этнической ситуации в своих колониях, что отчасти служило оправданием задержки с предоставлением им самоуправления. На практике по достижении независимости и с развертыванием процесса политической модернизации уровень раздробленности обычно несколько снижается. Сэмюэл П. Хантингтон отмечает: один из аспектов модернизации, наиболее часто привлекающих внимание исследователей, состоит в том, что с нею (модернизацией) «повышаются сознательность, сплоченность, организованность и активность многих социальных сил, которые в традиционном обществе отличались гораздо более низким уровнем самосознания и организации»⁴⁸. В Нигерии, например, такие понятия, как «общность йоруба» и «общность ибо», обрели содержание и смысл лишь недавно. В других странах объединение шло по расовому, языковому, религиозному и региональному признакам. Гирц отмечает, что эта тенденция в незападных многосоставных обществах наблюдается повсеместно: «Когда речь заходит о том, чтобы почувствовать себя скорее жителем Внешних островов, а не просто минангкабау, качинцем, чем представителем племени дулег, христианином, а не просто маронитом, йоруба, а не только эгна, процесс... приобретает всеобщий характер. Он представляет собой прогрессивную экстраполяцию родового чувства «свой/чужой», формировавшегося на основе прямых и повторяющихся контактов различных по своей природе групп на местном уровне, на аналогичные контакты с более широкими по составу группами в масштабе всей страны и всего общества»⁴⁹. Объединяя малые общности в большие и сильные этнические группы, этот процесс формирует основу для общности.

---

⁴⁷ *Deutsch K.W.* Nation-Building and National Development: Some Issues for Political Research// *Deutsch K.W., Foltz W.J.* Nation-Building. P. 5–6.

⁴⁸ *Huntington S.P.* Political Order in Changing Societies. New Haven: Yale University Press, 1968. P. 38–39.

⁴⁹ *Geertz C.* Integrative Revolution. P. 153–154. См. также: *Sklar R.L.* The Contribution of Tribalism to Nationalism in Western Nigeria// *Journal of Human Relations* 8. No 3–4 (spring–summer 1960). P. 407–408.

Единственную параллель подобного рода в европейском опыте общности можно найти в истории Швейцарии. Австрия, Бельгия и Нидерланды состоят из нескольких крупных сегментов, тогда как Швейцария рассечена сложной системой пересекающихся линий языковых, региональных, религиозных и идеологических различий на большое количество групп. Многочисленность этих мелких групп не мешала их эффективным переговорам и сотрудничеству, поскольку федеральная система объединяла их в более крупные языково-региональные сегменты, а партийная система — в религиозно-идеологические сегменты.

Вторым двойственным, противоречивым фактором, в одних странах выступающим в качестве благоприятного для общественной демократии, а в других — в качестве неблагоприятного является их размер. По численности населения западные страны различаются весьма значительно: от нескольких очень больших стран с населением, превышающим 100 млн. человек, как Индия и Индонезия, до весьма малых стран, таких, как Кипр, Габон или Гамбия, с населением, не достигающим и 1 млн. человек. Большинство африканских стран с точки зрения численности населения находятся в благоприятном положении: в них живет по крайней мере несколько миллионов человек и, таким образом, они, как правило, больше Ливана или Северной Ирландии, но меньше Малайзии. Нигерия по африканским стандартам — слишком большая страна. Следовательно, общественная модель может служить полезным образцом прежде всего для менее крупных африканских стран.

И последний двойственный, противоречивый фактор — это экономическое равенство сегментов. С одной стороны, первичные сегменты западных многосоставных обществ обычно представляют собой, подобно религиозным и языковым сегментам в Европе, «вертикальные» группировки, внутри которых проходят горизонтальные линии социально-экономического разделения. Особенно четко это проявляется там, где население, составляющее такие сегменты, проживает компактно. Подобная структура, включающая в себя то, что Дональд П. Горовиц называет «параллельными группами», не рассматривается как в корне несправедливая, что характерно для систем, в которых этнические и классовые различия совпадают полностью или почти полностью. «Это, конечно, не означает, — пишет Горовиц, — что каждая группа имеет пропорциональное количество своих представителей во всех социальных слоях или что возможности социальной мобильности соответствуют потребности в ней. Расхождение, несоответствие этих пропорций обычно является сильным раздражителем для параллельных групп... Каждая

группа имеет свой слой элиты — либо традиционной, либо современной, либо смешанной, но эти группы не занимают предназначенные им места в общей иерархии»⁵⁰.

В Африке, отмечает Ван ден Берге, «класс и национальность... являются в значительной степени независимыми и зачастую противоречащими друг другу принципами социальной солидарности и организации». С этой точки зрения, Ливан и Малайзия с их территориально перемешанными сегментами и этническим разделением труда представляют собой неблагоприятные исключения. В то же время региональные, а следовательно, нередко и сегментарные различия, могут быть весьма значительными. В Африке различия в доходе на душу населения, в уровне грамотности, протяженности дорог и по многим другим показателям развития могут составлять 1:10 и даже 1:100»⁵¹. По сравнению с неравенством такого порядка различия между сегментами в Ливане и Малайзии кажутся незначительными.

НЕБЛАГОПРИЯТНЫЕ ФАКТОРЫ

При анализе динамики развития обществ «третьего мира» выявляется и ряд неблагоприятных факторов, связанных с политическими последствиями социально-экономической модернизации много-составных обществ.

Политическое развитие часто пробуксовывает и даже оборачивается политическим разложением, тогда как социально-экономическое развитие неумолимо, хотя порой и медленно, движется вперед. Отвергнув несколько других гипотез относительно того, как факторы, не связанные с типом поведения элит, влияют на вероятность урегулирования конфликтов общественными методами, Нордлингер утверждает, что единственно значащим фактором такого рода является процесс социально-экономической модернизации. Он признает его воздействие однозначно негативным, считая, что он «уводит в сторону от ведущих к согласию действий в обществах, глубоко расколотых по общинному признаку. Это происходит потому, что он еще больше увеличивает число не принадлежащих к элите людей, которые проявляют враждебные взгляды, эмоции, проникнуты чувством ревности по отношению к противостоящим сегментам, а также способствует обострению подобных чувств у их традиционных

---

⁵⁰ Horowitz D.W. Three Dimensions of Ethnic Politics//World Politics 23. No 2 (January 1971). P. 236–237.

⁵¹ Van den Berge. Ethnicity. P. 514.

носителей. К тому же этот процесс ставит многих в такое положение, когда они получают возможность или даже иницируются на то, чтобы действием доказывать свое враждебное отношение и чувство глубокой неприязни»⁵².

Как видно, данный фактор очень важен. Он означает, что ряд характерных черт незападных обществ, которые ранее считались благоприятными, становятся неблагоприятными. В частности, ослабевает уважительное отношение масс к политической элите, и переговоры между элитами затрудняются. Однако эта тенденция в некоторой степени ослабляется благодаря живучести в «третьем мире» покровительственно-клиентельных отношений, которые могут заменить систему господства элиты и преданности масс своим лидерам и которые гораздо более характерны для незападных обществ, чем для стран Запада⁵³. Относительная изолированность сегментов, которая прежде способствовала их мирному сосуществованию, теперь все больше разрушается под влиянием процессов урбанизации, территориальных миграций, складывания общенационального рынка. И хотя уровень жизни повышается медленно, надежды на процветание растут очень быстро, затрудняя для властей процесс принятия решений. Еще одна неблагоприятная тенденция характерна для тех стран, которым пришлось вести тяжелую борьбу за независимость, борьбу, выступавшую важным фактором единения: независимость была завоевана много лет назад, и воспоминания о совместной борьбе утрачивают былую яркость.

Тем не менее, последствия модернизации нельзя считать однозначно негативными. Как указывалось ранее, модернизация привела к образованию более крупных этнических объединений в обществах, которые раньше были очень сильно раздроблены, и это позволяет сделать конфликты более управляемыми. Кроме того, по мере экономического развития неравенство между регионами и сегментами постепенно стирается: «Одна из тяжелейших превратностей судьбы слаборазвитых стран заключается в том, что чем ниже уровень развития страны, тем значительнее в ней социальное неравенство»⁵⁴. И наконец, как это ни парадоксально, в том, что политическое развитие многих молодых освободившихся государств было по сути политическим упадком и сползанием к диктатуре, есть элемент надежды. Дело в том, что ныне наблюдается по большей части разочарование в идеалах и практике западной демократии. А поскольку «западная» модель в большинстве случаев ассоциируется с британс-

---

⁵² Nordlinger E.A. Conflict Regulation. P. 112.

⁵³ Ibid. P. 81—82, 86.

⁵⁴ Van den Berghe. Ethnicity. P. 510, 514.

кой, то созревают условия для того, чтобы обратиться к альтернативной — общественной — модели.

Последнее замечание заставляет обратить внимание еще на одно условие, в целом неблагоприятное для общественной демократии в «третьем мире». Хотя сложившиеся в прошлом местные традиции в основном способствовали установлению общественной демократии (это отмечалось в начале общего анализа условий в «третьем мире»), все же традиции, привнесенные колониальными правителями, ей не благоприятствуют. Многие из ныне независимых многосоставных обществ «третьего мира» — это бывшие колонии, и модели демократии, которым они стремились следовать при установлении собственных демократических институтов, скопированы с их бывших метрополий, т.е. это британская модель или собственная система, близкая к ней, но не общественный вариант. Рауль Г. Нарролл отмечает, что в целом прослеживается четко выраженная зависимость между «принадлежностью в прошлом к определенной колониальной империи... и многими важнейшими чертами политики и экономики бывшей колонии»⁵⁵. Вследствие этого было бы естественным предположить, что существует связь между политической системой бывшей метрополии и типом выбранной колонией демократии, а в многосоставных обществах — между двумя названными факторами и успехом или провалом демократии. Данную гипотезу мы рассмотрим в следующей главе.

---

⁵⁵ *Naroll R. A Holonational Bibliography//Comparative Political Studies 5. No 2 (July 1972). P. 212. См. также: Moul W.B. On Getting Something for Nothing: A Note on Casual Models of Political Development//Comparative Political Studies 7. No 2 (July 1974). P. 150–152.*

Сообщественная модель как колониальное наследие

Мысль о том, что абсолютно недемократический институт колониализма может стать, по словам Руперта Эмерсона, «школой демократии», заключает в себе двойной парадокс. Во-первых, парадоксально, что главными и наиболее эффективными колонизаторами в современном мире были демократические страны — Великобритания, Соединенные Штаты Америки, Нидерланды и Бельгия. Во-вторых, те нормы независимости и демократии, на которые ориентировались политические лидеры колоний, тоже, как это ни парадоксально, были привнесены колонизаторами, чему служила главным образом политическая практика метрополий, а не элементы демократического представительства, введенные ими в колониях, хотя влияние последнего фактора не следует отрицать полностью¹. По мере приближения к заветной цели — обретению независимости местные лидеры последовательно стремились к демократической форме правления. Эта цель, как отмечает У. Дж. М. Маккензи, соединилась с распространенным среди европейцев мнением, что если им и придется уходить, то это «должно быть сде-

---

¹ Emerson R. From Empire to Nation: The Rise to Self-Assertion of Asian and African Peoples. Cambridge, Mass: Harvard University Press, 1960. P. 227–228.

лано с честью, подобающей европейским идеалам справедливого правительства и демократии»².

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОЛОНИЗАТОРОВ

Отвлекаясь от конкретики, можно было создать некую общую абстрактную «европейскую» или «западную» модель демократии, но для молодых независимых государств наиболее значимыми были примеры какой-либо одной колониальной державы и соответственно английская, французская, американская, голландская или бельгийская: модели демократии. Самым большим влиянием пользовалась британская модель, поскольку Британская колониальная империя была намного обширнее других; рядом с нею голландская и бельгийская империи выглядели карликами. Кроме того, хотя французская и американская модели и отличаются от британской, но стоят гораздо ближе к ней, чем к общественному варианту. Как было показано в 4-й главе, Франция относится к центробежному, а США — к центростремительному типам демократических режимов, которые отличаются соревновательным, конкурирующим стилем поведения элит. В отличие от британской модели французская допускает многопартийность, но для обеих моделей характерно соревновательное, конкурирующее, а не согласительное поведение элит, унитарное, а не федеративное устройство, мажоритарная избирательная система, которая ближе к британской, чем к методу пропорционального представительства, принятому в общественных демократиях. Правда, во времена Четвертой Республики французы экспериментировали с неким подобием пропорционального представительства. Политическая система США в качестве нормативной модели оказала большое влияние на страны Латинской Америки, но не на государства Африки и Азии (кроме Филиппин). Американская модель отличается от британской тем, что она основывается на федерализме. В связи с этим У. Артур Льюис отмечает, что «молодые государства Западной Африки оказались бы в лучшем положении, если бы имели американское, а не английское или французское колониальное наследие: тогда они восприняли бы федеративную модель как должное, и в положении борцов за непопулярную идею оказались бы сторонники централизованной системы»³.

---

² *Mackenzie W.J.M. Some Conclusions//Mackenzie W.J.M., Robinson K. (ed.). Five Elections in Africa: A Group of Electoral Studies. Oxford: Clarendon Press, 1960. P. 465.*

³ *Lewis W.A. Politics in West Africa. London: Allen and Unwin, 1965. P. 55.*

Но американская модель походит на британскую во многих других отношениях. Хотя в американской политической истории можно найти определенные общественные институты, все же в целом американская модель соревновательна. Президентская форма правления фактически означает сосредоточение достаточно большой власти в руках одного человека, поэтому она не способствует ни теоретической, ни практической реализации принципа правительства большой коалиции, за исключением особых случаев, подобных колумбийскому варианту, когда на посту президента по договоренности чередуются представители двух крупнейших партий, или ливанской модели большой коалиции, состоящей из президента, премьер-министра и других лиц, занимающих высшие государственные посты.

То, насколько полно демократия идентифицируется с британской или, в более общем понимании, соревновательной моделью в сознании незападных политиков и сторонних наблюдателей-ученых, отчетливо проявляется в следующем комментарии Эдварда Шилза: «В Азии и Африке нет такого нового государства... в котором борющаяся за независимость элита буквально накануне ее обретения не считала бы, что самоуправление тождественно демократическому правлению». В большинстве случаев африканские элиты действительно полагали, что «демократическое самоуправление подразумевает наличие всех атрибутов современной государственности», в том числе «законодательной ассамблеи, *находящейся под контролем партии большинства*»⁴. Целостная гипотеза, в которой политическая система бывшей метрополии увязывается с типом демократии, выбранным колонией по достижении ею независимости, равно как и в случае успеха или провала этой демократии, разработана Льюисом. Проанализировав все возможные объяснения становления в Западной Африке однопартийных режимов, он пришел к выводу, что «демократия там была отброшена... в основном потому, что унаследованные от европейцев идеи и институты демократии оказались неподходящими» для этих многосоставных обществ. А для того чтобы африканские лидеры могли осознать, что существует отвечающая условиям их стран модель демократии, им требуется, по словам Льюиса, «серьезная промывка мозгов»⁵. Несомненно, было бы преувеличением утверждать, будто именно влияние европейских, т.е.

---

⁴ Shils E. The Fortunes of Constitutional Government in the Political Development of New States//Hallowell J.H. (ed.). Development: For What? Durham: Duke University Press, 1964. P. 103.

⁵ Lewis W.A. Politics in West Africa. P. 55, 86.

демократической модели, которой он отдает предпочтение и которая по своей сути совпадает с общественной моделью. Сформулированная им гипотеза подтверждается опытом западноафриканских государств и многими другими примерами. Под эту гипотезу подходят почти все бывшие английские и французские колонии, являющиеся многосоставными обществами. Исключение из первой части соответствующих этой гипотезе зависимостей составляют Ливан, Малайзия, Кипр и Северная Ирландия; правда, последняя включена в данный список для полноты картины, поскольку она не относится к числу бывших колоний, как другие перечисленные страны. Важным примером, не подтверждающим вторую часть гипотезы Льюиса, является Индия, представляющая собой многосоставное общество с демократическим режимом, который развивался достаточно стабильно и успешно, по крайней мере, до 1975 г. Однако может возникнуть законное сомнение относительно того, в какой степени индийская демократия может считаться воплощением британской модели в чистом виде. Процесс принятия решений в Дели осуществлялся не по принципу большой коалиции: партия Индийский национальный конгресс доминировала в политической жизни страны (до выборов 1977 г.)*, она являла собой политическую силу, объединявшую интересы множества различных групп избирателей, а не партию, опиравшуюся на узкую этническую базу. Однако, по словам Раджни Котхари, индийская система «не просто создает условия для конкуренции и столкновений, но является также ареной для формирования коалиций, в которых и правящая, и оппозиционные группировки могут выдвигать самые разные требования»⁶. Кроме того, структура федерации в Индии позволяет обеспечить автономию языковых сегментов, а компактность их проживания гарантирует справедливое представительство в федеральных законодательных органах власти даже при мажоритарной избирательной системе.

До сих пор гипотеза Льюиса выглядит достаточно убедительной. Единственное исключение из нее составляют Кипр и Северная Ирландия: в этих странах налицо прямая связь между британским наследием и провалом демократии, кроме того, отсутствует предполагаемый

---

* В 1980 г. Индийский национальный конгресс вернулся к власти, вновь утратил ее в 1987 г. и вновь победил на выборах 1991 г. Доминирование ИНК в политической жизни страны выражалось, однако, не столько во времени его пребывания у власти, сколько в эфемерности противостоящих ему коалиций. (Прим. ред.)

⁶ Kothari R. Politics in India. Boston: Little, Brown, 1970. P. 421.

гипотезой фактор обязательного использования британской модели демократии. Ливан и Малайзия также не соответствуют первой части гипотезы, но подпадают под ее подразумеваемую дополнител-ную вторую часть. Окончательная же проверка гипотезы Льюиса требует изучения всех логических, хотя и не вытекающих из нее напрямую, следствий. Наиболее важен с этой точки зрения опыт тех стран, в которых колониальные власти оставили в наследие не английскую, французскую или американскую, а общественную систему, т.е. опыт бывших голландских колоний — Индонезии, Суринама и Нидерландских Антильских островов, а также бывшего Бельгийского Конго (ныне — Заир), Руанды и Бурунди, которые ранее составляли бельгийскую подмандатную территорию Руанда-Урунди. Швейцария и республиканская Австрия никогда не были колониальными державами, однако Уругваю, для которого в разные периоды его политической истории именно швейцарская демократия дважды служила моделью демократии, следует уделить определенное внимание. В какой степени эти примеры выявляют зависимость, обозначенную римской цифрой I на схеме 4, а не зависимость II? К чему ближе была судьба демократии в этих странах — к успеху или к неудаче?

БЕЛЬГИЙСКАЯ И ГОЛЛАНДСКАЯ МОДЕЛИ В ШЕСТИ МОЛОДЫХ ГОСУДАРСТВАХ

Ответим сначала на последний вопрос: из шести стран, частью колониального наследия которых была общественная демократия, лишь в двух демократия развивалась относительно успешно. В Конго демократия пала практически сразу после установления независимости. В соответствии с временной конституцией, выработанной в спешном порядке после консультаций бельгийского правительства с несколькими делегациями из Конго, в мае 1960 г. были проведены парламентские выборы, сформирован кабинет во главе с премьер-министром и избран президент. 1 июля того же года Конго стало независимым государством с новой демократической системой власти, но после этого страна быстро скатилась к состоянию хаоса. В июле подняла мятеж конголезская армия, отделилась провинция Катанга, вмешались бельгийские войска, и конголезскими делами пришлось заняться ООН. В августе отделился регион Южно-го Касаи, традиционная территория проживания этнического сегмента балуба. Попытка удержать его силой повлекла массовое истребление гражданского населения народности балуба, имевшее, по словам Генерального секретаря ООН Дага Хаммаршельда, «харак-

тер геноцида»⁷. В начале сентября разразился конституционный кризис, вызванный тем, что президент отправил в отставку премьер-министра, и армия решила «нейтрализовать» двух высших должностных лиц страны и сформировать внепарламентское временное правительство. Этот первый, «пробный» военный переворот, положил конец демократическому эксперименту в Конго. В последующие неспокойные годы предпринималось несколько попыток вернуться к демократическому и парламентскому правлению, но военный переворот 1965 г. надолго привел к власти недемократический режим генерала Жозефа Мобуту.

Руанда и Бурунди добились независимости в 1962 г., т.е. двумя годами позже Конго. Процесс деколонизации в Руанде совпал с социальным переворотом: составляющая большинство населения народность хуту свергла традиционно занимавшее господствующее положение меньшинство — народность тутси. Комиссия ООН по Руанде-Урунди охарактеризовала ситуацию, сложившуюся там к началу 1961 г., как «расовую диктатуру»⁸ хуту. На первых общенациональных выборах, которые прошли в том же году, с огромным перевесом голосов победила, как и ожидалось, ведущая партия хуту. Спустя два года, когда формирования народности тутси, ранее бежавшие в соседние страны, попытались вторгнуться в Руанду, около 10 тыс. их соплеменников, оставшихся в стране, были убиты, по выражению Рене Лемаршана, «в беспрецедентной оргии насилия и убийств». Ватиканское радио назвало это «самым ужасным и систематическим геноцидом со времени избиений евреев Гитлером»⁹. Многие другие тутси бежали из страны, и ныне их осталась лишь малая часть, составившая в 1960 г. около 15% трехмиллионного населения Руанды. Руанда превратилась в однопартийное государство, безраздельно контролируемое хуту.

В Бурунди, весьма сходной с Руандой по размеру, численности населения и соотношению между народностями хуту и тутси, события развивались по другому, но тоже недемократическому сценарию. Там была установлена конституционная монархия. И хотя в 1961 г. всеобщим голосованием было избрано законодательное собрание, король из народности тутси сохранил за собой достаточно большую реальную политическую власть. После победы хуту на выборах 1965 г. и последовавшего за ней усиления королевской власти вплоть до установления абсолютной монар-

---

⁷ *Gerard-Libois J., Verhaegen B. Congo 1960. 2 vols. Brussels: Centre de Recherche et d'Information Socio-Politiques, 1961. Vol. 2. P. 806.*

⁸ *Lemarchand R. Rwanda and Burundi. London: Pall Mall Press, 1970. P. 194.*

⁹ *Ibid. P. 216, 224. См. также: Segal A. Massacre in Rwanda//Fabian Research Series. No 240. London: Fabian Society, 1964.*

хия армейские офицеры из народности хуту предприняли неудачную попытку военного переворота, следствием которого стало убийство от 2,5 до 5 тыс. хуту. Два последующих переворота, осуществленных уже преимущественно офицерами тутси, привели к ликвидации монархии и установлению однопартийного режима при господстве тутси.

Неудачу потерпела и демократия в Индонезии, хотя там она продержалась дольше, чем в бывших бельгийских колониях. После одностороннего провозглашения независимости в 1945 г. и четырех лет революционной борьбы против голландцев федеральное правительство Индонезии в 1949 г. официально обрело суверенитет. Вскоре федеративное устройство было отменено, и с 1950 г. начался период достаточно стабильного конституционного правления, когда правительство несло ответственность перед парламентом, который вначале не избирался, а формировался с участием представителей широкого круга политических сил, и после 1955 г. — перед всенародно избравшимся законодательным собранием. Однако, начиная с 1957 г., президент Сукарно и армия стали быстро расширять сферу своей власти за счет парламента и ответственного перед ним правительства. В 1957 г. было введено чрезвычайное положение; в 1958 г. на Внешних островах вспыхнуло восстание против засилия выходцев с острова Явы. В 1959 г. была отменена конституция 1950 г., а в 1960 г. — распущен парламент. Конституционная демократия уступила место недемократическому режиму, который намеренно именовался не иначе, как «направляемая демократия».

Более жизнеспособной оказалась демократия в двух небольших голландских колониях Южной Америки — в Суринаме и на Нидерландских Антильских островах, население которых составляло соответственно менее 0,5 млн. и примерно 0,25 млн. человек. Первые всеобщие парламентские выборы прошли там в 1949 г., когда обе страны еще были колониями. Спустя пять лет они достигли полного самоуправления в рамках Королевства Нидерландов как равные партнеры с европейскими Нидерландами. Тем самым они утратили статус колоний, что было официально признано Генеральной Ассамблеей ООН после тщательного изучения новой хартии тройственного королевства в Комитете по информации о самоуправляемых территориях¹⁰. Отношения между этническими сегментами на Суринаме ухудшились с конца 60-х годов, а одним из источников разногласий был вопрос о целесообразности выхода из состава королевства. Тем не менее, когда в 1975 г. Суринам порвал связь с

---

¹⁰ *Gastmann A.L.* The Politics of Surinam and the Netherlands Antilles. Rio Piedras: Institute of Carribean Studies, University of Puerto Rico. 1968. P. 100–104.

королевством и учредил независимую республику, это произошло не только с благословения его партнеров по союзу — Нидерландов и Антильских островов, но и с сохранением мира и демократии внутри страны. Нидерландские Антильские острова пока сохраняют и демократический режим, и единство, но последнее находится под вопросом в виду острого соперничества между двумя крупнейшими островами — Кюрасао и Аруба: постоянно существует возможность отделения Арубы и образования там суверенного мини-государства*.

Приведенные здесь краткие очерки о судьбах демократического правления в шести бывших бельгийских и голландских колониях свидетельствуют о том, что непосредственная связь между успехами демократии в молодых независимых государствах и характером их колониального наследия прослеживается весьма слабо, вопреки следующим из гипотезы Льюиса выводам, отраженным на схеме 4 (см. выше). В связи с этим становится особенно важным проследить значение дополнительной переменной — типа избранной страной демократии, а именно выяснить, в какой степени при обретении независимости устанавливалась *сообщественная* демократия. Как мы увидим далее, допущение Льюиса о большом влиянии моделей государственного устройства, привнесенных бывшими метрополиями, остается справедливым в отношении шести рассмотренных здесь примеров, но следует заметить, что их влияние имело определенные пределы: Бельгия и Нидерланды переносили в свои колонии общественную модель, в той или иной мере модифицируя ее, но никогда не реализовывали эту модель полностью.

Это происходило по четырем главным причинам: во-первых, как уже отмечалось, конкретный опыт Бельгии и Голландии представлял собой лишь несовершенное воплощение общественной демократии, приближающееся к ее идеальному типу в меньшей степени, чем демократии в Австрии и Швейцарии. Мы имеем в виду прежде всего принципы большой коалиции и взаимного вето, которые и в бельгийской, и в голландской моделях были развиты слабо, а идея большой коалиции никогда не применялась последовательно при формировании кабинетов.

Во-вторых, политические системы Бельгии и Голландии были весьма специфическими вариантами общественной модели, и опыт общности, перенесенный из этих метрополий в колонии, зачастую оказывался не воплощением общего принципа обще-

---

* С 1986 г. Аруба — самоуправляемая территория в составе Королевства Нидерландов. (Прим. пер.)

ственности, а его модификацией, подходящей для Бельгии и Нидерландов, но не отвечающей условиям колоний. В частности, автономия сегментов в метрополиях проявлялась в основном в нетерриториальной форме, поэтому в колонии была перенесена унитарная модель, хотя некоторые из них были очевидными кандидатами на федеративное устройство ввиду компактности расселения сегментов. Попытка Бельгии решить собственную языковую проблему полуфедеративным путем была предпринята слишком поздно и не могла послужить примером для ее африканских колоний.

В-третьих, очевидно, что проще скопировать официально зафиксированные в конституции и законах правила, чем неформальную политическую практику. Гораздо легче следовать ясному и прямому принципу пропорциональности в избирательной системе, чем согласительному стилю принятия решений, не отраженному ни в одном законодательном акте. Положение о равном представительстве языковых сегментов в Бельгии было внесено в конституцию лишь в 1970 г.

В-четвертых, из пяти западных демократий, которые имели обширные колониальные владения, Бельгия меньше всех делала что-либо для подготовки своих колоний к самоуправлению, деятельность голландцев в Индонезии также была далека от идеала. Указанные трудности переноса опыта общестественности будут подробно рассмотрены в последующих разделах данной главы.

СООБЩЕСТВЕННОСТЬ И ФОРМАЛЬНЫЕ КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ

С точки зрения формальных, отраженных в конституции принципов, влияние бельгийского и голландского примеров было довлеющим во всех случаях, кроме одного. Многие ученые, анализирувавшие переход бельгийских и голландских колоний к независимости или автономии, подчеркивают близкое сходство их конституций с бельгийской и голландской. Конституция Конго 1960 г. обычно именуется «точной копией с бельгийской», поскольку она устанавливала режим, «близко напоминающий по своим внешним признакам модель метрополии»¹¹. Временная конституция Бурунди 1961 г. была «во многом навеяна бельгийской

---

¹¹ *Young C. Politics in the Congo: Decolonization and Independence.* Princeton: Princeton University Press, 1965. P. 56, 182. См. также: *Lemarchand R. Political Awakening in the Belgian Congo.* Berkeley: University of California Press, 1964. P. 214–215; *Geerts W. Binza to: De eerste tien onafhankelijkheidsjaren van de Democratische Republiek Kongo.* Ghent: Story-Scientia, 1970. P. 57.

конституцией» и иногда именовалась «слегка измененной копией бельгийской конституции». И новая конституция, принятая в 1962 г. после установления независимости, также «позаимствовала большинство положений бельгийской конституции»¹². Индонезийская конституция 1950 г. во многом была «нетворческой, негибкой и доктринерской адаптацией конституции Нидерландов»¹³. Конституция Нидерландских Антильских островов 1955 г. практически ничем не отличавшаяся от принятой в том же году конституции Суринама, была «явно списана с голландской конституции», а основной закон 1951 г. об органах управления отдельных островов «во многом заимствовал положения голландского закона о муниципалитетах»¹⁴.

Разумеется, официальные конституционные принципы играют в общественной демократии весьма ограниченную роль. Многие статьи, заимствованные из бельгийской и голландской конституций, не имеют прямого отношения к общественности, они одинаковы и для общественной, и британской моделей. Некоторые другие принципы и положения можно рассматривать как косвенно содействующие общественности. В частности, то, что в Бельгии и Нидерландах существует парламентская система, при которой большие коалиции могут образовываться с большей легкостью и гибкостью, чем при президентской форме правления, является благоприятным фактором. Единственное явное исключение из правил адаптации парламентской модели — Руанда. Ее временной конституцией 1961 г. предусматривался парламентский режим, однако конституция 1962 г., которая отличалась от бельгийского образца и во многих других отношениях, вводила некое подобие президентской системы¹⁵. Однако, как мы увидим далее, буквальное заимствование конституционных положений Бельгии и Голландии относительно полномочий монарха без адаптации к аналогичным, но не полностью идентичным положениям о полномочиях главы государства в Конголезской и Индонезийской республиках мешало развертыва-

---

¹² *Mpozagara G.* La Republique de Burundi. Paris: Berger-Levrault, 1971. P. 27; *Rozier R.* Le Burundi: Pays de la vache et du tambour. Paris: Presses du Palais Royal, 1973. P. 318, 374.

¹³ *Kahin G. McT.* Indonesia//*Kahin G. McT.* (ed.). 2d ed. Major Governments of Asia. Ithaca: Cornell University Press, 1963. P. 627.

¹⁴ *Kunst A.J.M.* Receptie en concordantie van recht: De invloed van het Nederlandse recht op dat van de Nederlandse Antillen. Willemstad: Rechtshogeschool van de Nederlandse Antillen, 1973. P. 21.

¹⁵ См.: *Nkundabagenzi F.* Rwanda politique, 1958—1960. Brussels: Centre de Recherche et d'Information Socio-Politiques, 1961. P. 391—97; *Vanderlinden J.* La Republique Rwandaise. Paris: Berger-Levrault, 1970. P. 28—56.

нию как парламентской, так и общественной практики в обоих молодых государствах.

Прямым и позитивным заимствованием основ общественной демократии явилось введение всеми бывшими колониями предусмотренной и Бельгийской, и Голландской конституциями системы пропорционального представительства с голосованием по спискам. В некотором смысле исключением был Суринам. Принятый голландским парламентом закон о всеобщих выборах в законодательное собрание Суринама предусматривал, что от столицы и единственного крупного города Суринама Парамарибо должны избираться десять, а от всех остальных районов страны вместе взятых одиннадцать депутатов. Такое распределение мест привело к завышению представительства Парамарибо: при том, что во время первых всеобщих выборов в нем проживало лишь немногим более трети лиц, имевших право голоса, город получил в парламенте почти половину мест. Главным мотивом такого искусственного отклонения от принципа пропорциональности служило стремление обеспечить преимущество избирателям-горожанам, отличавшимся более высоким уровнем образования по сравнению с избирателями из сельской местности. Принцип пропорционального представительства не был зафиксирован в конституции, однако деление страны на округ Парамарибо и несколько сельских округов обеспечивало, по мнению голландских властей, «справедливое распределение мест и адекватное представительство всех групп» при довольно высокой степени компактности проживания всех сегментов общества¹⁶.

Креолы, которые поначалу составляли доминировавший сегмент (креолы — лица с большей или меньшей примесью негритянской крови; прежде в число их лидеров входило и несколько белых), сумели обратить такой порядок выборов себе на пользу благодаря принятию британской мажоритарной системы и объявлению города Парамарибо единым избирательным округом. В результате крупнейшая креольская партия завоевала все десять мандатов от Парамарибо, а ост-индийская (индийская) партия, которая при пропорциональной системе должна была бы получить по меньшей мере два мандата, не получила ни одного. При и без того завышенном представительстве избирателей Парамарибо характерен также тот факт, что абсолютное большинство (13 мест) в законодательном собрании было в этом многомандатном округе, от которого избирались 10 депутатов, предоставлено креолам —

---

¹⁶ *W.H. van W.N. van Helsingen. De Staatsregeling van Suriname van 1955: Historische toelichting en praktijk. The Hague: Staatsdrukkerij en Uitgeverijbedrijf, 1957. P. 178, 186.*

крупнейшему этническому сегменту, однако, не составлявшему большинства населения: индийцы получили шесть мест, яванцы — два. Строгое соблюдение принципа пропорциональности дало бы другое распределение мест между тремя главными этническими сегментами Суринама — 9:8:4, а не 13:6:2¹⁷.

С 1963 по 1966 гг., т.е. в период тесного сотрудничества между креолами и индийцами, в закон о выборах были внесены три важные поправки: 1) было отменено завышенное представительство Парамарибо; 2) для Парамарибо и еще одного округа был введен принцип пропорционального представительства; 3) избиратели стали получать второй бюллетень для голосования с целью избрания примерно одной трети депутатов законодательной ассамблеи, общая численность которой увеличилась до 39 депутатов, по одному на всю страну округу. Эти поправки несколько усложнили закон о выборах, превратив его, точнее говоря, в весьма сложный документ, но зато позволили обеспечить действительную пропорциональность представительства. Следует отметить также, что все детали новых правил пропорционального представительства (система голосования по спискам; метод д'Ондта*; «порог», определяющий число голосов, необходимое для избрания кандидата; возможность голосования за предпочтительного кандидата из списка) были без изменений заимствованы из голландского закона о выборах¹⁸. В тот же период была достигнута большая пропорциональность в составе государственных служащих, так как на службу стали принимать больше индийцев, а преобладание креолов пошло на убыль.

---

¹⁷ *Mitrasing F.E.M. Tien jaar Suriname: Van afhankelijkheid tot gelijkgerechtigdheid.* Leiden: Luctor et Emergo, 1959. P. 152–153, 159, 169–170, 176.

* Метод д'Ондта — один из усовершенствованных способов определения результатов голосования по пропорциональной системе, разработанной бельгийцем В. д'Ондтом и называемый также «методом наибольшей средней». По методу д'Ондта, избирательная квота определяется следующим образом. Для каждого партийного списка продлевается одна и та же операция: количество поданных за него голосов последовательно делится на 1, 2, 3, 4, 5... Далее все полученные частные сводятся воедино и располагаются строго по убывающей, пока в этом ряду не появится столько цифр, сколько должно быть заполнено депутатских мест. Например, если избираются 7 депутатов, то цифра, занимающая 7-е место в убывающем ряду частных, и есть избирательная квота. На заключительном этапе определяется, сколько раз избирательная квота укладывается в количество полученных партийным списком голосов. Это и будет итоговым распределением мест. (*Прим. ред.*)

¹⁸ См.: *Ooft C.D. Kort begrip van de Staatsinrichting van Suriname.* Paramaribo: 1967. P. 3148. Небольшим отклонением является отсутствие предпочтительного голоса во втором общенациональном бюллетене.

В других бывших бельгийских и голландских колониях применение норм пропорционального представительства также способствовало тому, что состав законодательных органов стал точно отражать сравнительную величину существовавших тогда сегментов. Таким образом, выборы 1960 г. в Конго стали, по словам Кроуфорда Янга, «в основном переписью населявших страну народностей»¹⁹. Джордж Кахин критикует принятый согласно голландскому образцу метод пропорционального представительства, использовавшийся в Индонезии на выборах 1955 г., и заключает: «Если бы выборы проводились в одномандатных округах, то в действие могли бы прийти совсем другие политические механизмы и, соответственно, процесс выборов помог бы смягчить противоречия, как в Великобритании, а не обострить их»²⁰. Разумеется, этот вывод прямо противоположен теории общности. Кроме того, следует отметить, что несмотря на крайности индонезийской системы пропорционального представительства, которая, как и голландская модель, была очень выгодна для мелких партий, и несмотря на огромное и многообразное население Индонезии, выборы 1953 г. не привели к неуправляемому росту числа партий, и избранный тогда парламент был менее раздроблен, чем его назначавшийся предшественник. Еще более важным результатом было то, что четыре партии, представлявшие четыре главных культурных сегмента, или *алирана*, Индонезии, а именно партии Масджуми и Надхатул Улама, выражавшие интересы соответственно реформистского и ортодоксального крыла сантри (правоверных мусульман), а также Национальная и Коммунистическая партии, представляющие соответственно светские сегменты, вместе завоевали более трех четвертей и голосов, и мест в парламенте²¹.

К сожалению, некоторые из рассматриваемых здесь многосоставных обществ — Руанда, Бурунди, Нидерландские Антильские острова, а в одном важном аспекте и Индонезия — сталкиваются со сложной проблемой неравномерного баланса сил между сегментами. В таких ситуациях принцип пропорциональности может оказаться недостаточным средством для преодоления возникающих трудностей, и для защиты интересов меньшинства потребуются завышение его представительства или обеспечение ему равного с другими сегментами представительства. Слишком большое

¹⁹ Young C. Politics in the Congo. P. 271.

²⁰ Kahin G. *McT.* Indonesia. P. 627–628.

²¹ Краткое описание сущности алиран см.: Hindley D. Dilemmas of Consensus and Division: Indonesia's Search for a Political Format//Government and Opposition 4. No 1 (winter 1969). P. 70–73.

неравенство в этом смысле хуту и тутси в Руанде и Бурунди сделало подобное решение невозможным, и таких попыток практически не предпринималось. В Индонезии разрыв между густонаселенной Явой, на которой проживало около двух третей населения страны, и Внешними островами удалось сократить с помощью пропорциональной избирательной системы, применявшейся в ходе выборов 1955 г.: представители Явы получили соответственно около двух третей мест в парламенте. Однако такой итог вызвал недовольство Внешних островов, которое усиливалось тем обстоятельством, что из четырех крупнейших политических партий три были преимущественно яванскими, и лишь Масджуми собрала большое количество голосов за пределами Явы, а также тем, что в противоположность новому законодательному собранию в прежнем, назначенном парламенте (1950—1955 гг.) представительство Внешних островов было явно завышенном.

И лишь на Нидерландских Антильских островах эта проблема была благополучно разрешена. Разница в численности населения между отдельными островами близка индонезийской, хотя при гораздо меньших абсолютных цифрах. В первые годы после окончания второй мировой войны почти две трети населения Антильских островов проживали на Кюрасао. На острове Аруба было вдвое меньше жителей, чем на Кюрасао, а доля обладавших правом голоса была еще ниже. Оставшаяся незначительная часть населения распределялась между островом Бонайро и тремя Наветренными островами. Антагонизм между двумя главными островами — Кюрасао и Аруба — объясняется отчасти различиями в их традициях и историческом прошлом: в колониальные времена жесткая манера, в которой Кюрасао управлял островом Аруба, нередко вызывала у его жителей даже большее недовольство, чем голландский колониализм. Отчасти же этот антагонизм объясняется тем, что хотя расовый состав населения обоих островов весьма пестрый, существуют очевидные различия во внешнем облике их жителей: у среднего жителя Кюрасао кожа значительно темнее, чем у среднего жителя Арубы.

Когда разрабатывались планы проведения первых всеобщих выборов на Антилах, вопрос о распределении мест в парламенте между представителями различных островов оказался предметом серьезных разногласий. Для обуздания роста сепаратистских настроений на Арубе и ради сохранения единства Антильских островов жители Кюрасао согласились не только на равное с Арубой представительство в парламенте, но и на завышение представительства малых островов. Голландское правительство не без коле-

баний одобрило такой вариант, и из 21 места в избиравшемся в 1949 г. законодательном собрании предоставило по 8 мандатов Кюрасао и Арубе, 2 мандата — Бонайре и по одному — каждому из Наветренных островов. Вокруг самой избирательной системы споров не было: каждый остров образовывал отдельный многомандатный округ; применялась голландская пропорциональная система с голосованием по спискам.

Вскоре представители Кюрасао пожалели о проявленном ими великодушии, голландские же власти, со своей стороны, также пришли к выводу, что при распределении парламентских мест в 1949 г. было допущено слишком серьезное отклонение от пропорциональности. Вместо этого голландцы предложили осуществить радикальную децентрализацию власти на островах, сделав, таким образом, большой шаг навстречу требованиям Арубы о независимости от Кюрасао, а также перераспределить места в парламенте с тем, чтобы завышенное представительство меньших островов сохранялось, но полного равенства между Кюрасао и Арубой или даже между Кюрасао и всеми прочими островами, вместе взятыми, не было. По новой системе предусматривались: 12 мест для Кюрасао, 8 — для Арубы, 1 — для Бонайре и 1 для всех Наветренных островов в парламенте из 22 депутатов. Однако принадлежавшее представителям малых островов большинство в парламенте, избранном в 1949 г., категорически отказалось рассматривать предложение о перераспределении мест. И все же возражения депутатов были отклонены голландскими властями, которые характеризовали свое предложение как единственно приемлемый «компромисс между чистой пропорциональностью и равным представительством». Они поставили под вопрос легитимность избранного в 1949 г. Антильского парламента, «в котором делегаты от 30% обладающих правом голоса граждан могут навязать свою волю всем остальным»²². Выборы 1950 г. прошли по новым правилам. Очевидно, что бывшая колония не скопировала данные правила с опыта метрополии. Они скорее явились примером применения общей нормы общности, приспособленной к условиям территории, на которой проходил процесс деколонизации. Правда, эта норма была навязана метрополией. Компромисс сработал, и она была без изменений включена в 1955 г. в конституцию Нидерландских Антильских островов.

---

²² Van Helsingen W.H. De Staatsregeling van de Nederlandse Antillen van 1955: Historische toelichting en praktijk. The Hague: Staatsdrukkerij en Uitgeverijbedrijf, 1956. P. 156, 173.

АДАПТАЦИЯ ПРИНЦИПА АВТОНОМИИ

Принцип автономии сегментов воплотился в бельгийской и голландской общественных демократиях главным образом в форме «внетерриториального федерализма», и лишь с 1970 г. Бельгия перешла к форме территориальной полуфедерации. Если учесть, как долго Бельгия шла к тому, чтобы применить свою собственную давно сложившуюся практику субкультурной автономии для разрешения на территориальной основе фламандско-валлонских языковых противоречий, то становится особенно примечательным тот факт, что и бельгийское, и голландское правительства не противились, а даже скорее поощряли принятие федеративных или полуфедеративных конституций теми своими колониями, которые представляли собой многосоставные общества с компактно проживающими сегментами. Так было с Индонезией, Конго и Нидерландскими Антильскими островами. Однако эти федеративные или полуфедеративные конституции действовали с переменным успехом.

Молодое индонезийское государство, независимость которого Нидерланды признали в 1949 г., официально именовалось Республикой Соединенных Штатов Индонезии. Однако эта федерация просуществовала меньше года, и на смену ей в 1950 г. пришла Республика Индонезия. Конго по конституции 1960 г. являлось унитарным государством, но настолько децентрализованным, что Янг назвал идею государственного устройства, заложенную в конституции, «нё-явной федерацией», а созданное на ее основе государство — федеративной системой, поскольку «провинции из административных структур превратились в политические». Бытовала также ее характеристика как «федеративной конституции, которая боится назвать себя таковой»²³. Демократический эксперимент в Конго оказался слишком недолговечным и не дал этой частично федеративной структуре по-настоящему проявить себя. Только весьма децентрализованная, близкая к федерации система Нидерландских Антильских островов начала функционировать удовлетворительно сразу с момента своего возникновения в 1951 г.

В федеративной системе Индонезии были два серьезных изъяна, которые с самого начала обрекли ее на провал. Теми же недостатками отличался и федерализм в Конго, но федеративная система Антильских островов была от них свободна. Первый и основной изъян — произвольное определение контуров составляющих федерацию штатов и провинций. Их границы не совпадали

²³ Young C. Politics in the Congo. P. 512, 515; Geerts. Binza. 10. P. 282.

с границами расселения сегментов, что, таким образом, сводило на нет главное преимущество федерализма в многосоставном обществе. Большинство штатов федеративной Индонезии было создано голландцами в контролируемых ими районах в годы борьбы индонезийцев за независимость в качестве противовеса территориям, находившимся под властью националистов-республиканцев. Как отмечает Герберт Файн, «созданные голландцами штаты, особенно на Яве, не имели никакого реального содержания. Их границы определялись не этническими факторами, а теми пределами, до которых распространялась военная оккупация голландцев». Революционная Республика была унитарным государством, территория которого состояла из несоприкасавшихся друг с другом районов на Яве и Суматре. Новые границы провинций в унитарной Индонезии не совпадают с границами прежних штатов, но при их проведении тоже «практически не учитывались региональные или этнические факторы»²⁴.

Шесть провинций, составлявших Конго в момент обретения им независимости, соответствовали шести административным провинциям, существовавшим при бельгийском колониальном режиме, и все были этнически неоднородными. В 1962 г. шесть провинций были поделены на 21 регион. Все они стали более компактными и однородными. Большинство новых провинций были полностью или частично однородными, и этот факт послужил, по мнению Янга, их значительному укреплению²⁵. Режим Мобуту вернулся к колониальной системе унитарного и централизованного правления при меньшем числе провинций, практически совпадавших с прежними колониальными административными образованиями. Только на Нидерландских Антильских островах разделение на провинции не составляло проблемы: оно было там настолько очевидно, что едва ли можно было решить иначе: острова являются сегментами антильского многосоставного общества и естественными составными частями федеративного или полуфедеративного устройства. Соответственно, по основному закону 1951 г. были образованы четыре островных территории (*eilandgebieden*). Три Наветренных острова были объединены в одну территорию ввиду малочисленности их населения, однако более крупные острова, в том числе Кюрасао и Аруба, стали отдельными автономными единицами в этой полуфедеративной системе.

---

²⁴ *Feith H.* The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. Ithaca: Cornell University Press, 1962. P. 72, 99. См. также: *Schiller A.A.* The Formation of Federal Indonesia: 1945—1949. The Hague: Van Hoeve, 1955.

²⁵ *Young C.* Politics in the Congo. P. 529, 551—553.

Вторая трудность в приспособлении принципа автономии к нуждам федерации в Индонезии и Конго была связана с опасением по поводу того, что метрополии выступают сторонниками федеративного или полужедеративного устройства, стремясь сохранить свои бывшие колонии слабыми и разобщенными, и, следовательно, удерживать над ними «косвенный» колониальный контроль. Основой для подобного скептицизма послужил главным образом тот факт, что сами Бельгия и Нидерланды не являются федерациями. В случае с Индонезией такие сомнения относительно мотивов голландцев были вполне обоснованы. Кахин образно описывает недолговечную индонезийскую федерацию как «крайне несбалансированный и уродливый организм» и заявляет, что, поддерживая его, голландские власти были «более озабочены проведением политики «разделяй и властвуй», которая должна была упрочить режим, находящийся под их косвенным контролем, чем созданием федеративной системы, на деле отвечающей насущной потребности Индонезии в политической децентрализации, которая соответствует ее основным географическим, экономическим и культурным реалиям»²⁶. То, что Индонезии требуется в какой-либо форме федеративное устройство, утверждает и Ф. Дж. Карнелл: «Ввиду огромной территории этой страны и глубоких различий между ее регионами такая форма организации была бы наиболее подходящей»²⁷. В частности, федерализм мог бы и должен был обеспечить Внешним островам автономию в противовес доминированию Явы. Мохаммед Хатта, ведущий политик, выразивший не-яванские интересы в независимой Индонезии, был активным сторонником создания федерации. «Федеративная система, — говорил он, — очень подходит для такого обширного архипелага, как Индонезия, она могла бы укрепить чувство единства нации». Но, продолжал он, «время и способы осуществления этого шага (установления федерации) властями Нидерландской Индии вызвали такую антипатию к идее федерализма, что от этой системы пришлось отказаться»²⁸. Именно правительство, в котором Хатта занимал пост премьер-министра, осуществило в 1950 г. переход к унитарному государству.

Аналогичные подозрения возникали и по поводу действий бельгийцев в Конго. Например, Томас Канза, который был министром в первом конголезском правительстве, возглавлявшемся Патрисом Лумумбой, писал, что правительство Бельгии убедило конголезских ли-

²⁶ *Kahin G. McT.* Indonesia. P. 591.

²⁷ *Carnell F. G.* Political Implications of Federalism in New States//*Hicks U. K. et al.* Federalism and Economic Growth in Underdeveloped Countries. Allen and Unwin, 1961. P. 27.

²⁸ *Hatta M.* Indonesia's Foreign Policy//*Foreign Affairs* 31. No 3 (April 1953). P. 449.

дерев принять их «шаблоны, позволявшие скроить в Конго демократию по бельгийской модели». Но далее он не вполне последовательно утверждает, что заимствование этой модели привело к серьезному ограничению власти центрального правительства, а это в свою очередь позволило провинциям «принимать решения, противоречившие национальным интересам, однако выгодные крупному иностранному капиталу»²⁹. В резолюции, принятой на конференции партии Лумумбы в 1960 г., подчеркивалось, что федерализм является средством установления «неоколониализма, родного брата только что похороненной реакционной системы власти»³⁰. Для таких подозрений было гораздо меньше оснований, чем в случае с Голландией и Индонезией. Бельгийские власти первоначально выступали за унитарное Конго и склонялись к полуфедеративной системе лишь как к способу нахождения компромисса между соперничавшими конголезским группировками. Жозеф Касавубу, первый президент страны, был сторонником федеративного Конго, для чего, подчеркивал он, необходимо отойти от бельгийских конституционных образцов. Бельгия «хочет дать конголезцам бельгийскую независимость, а не африканскую... Нам нужно федеративное устройство, созданное по швейцарской модели». Интересно, что Бельгия в этом случае выступает как негативный пример. В заявлении партии Касавубу, имевшей этническую основу, был дан следующий очень точный анализ:

«Достаточно вспомнить об извечном недоверии и разногласиях между фламандцами и валлонами, чтобы убедиться в опасности соединения людей, разных по своему происхождению. Мы не хотели бы вмешиваться во внутренние дела наших бельгийских друзей, но мы не можем не сказать, что если бы союз между фламандцами и валлонами с самого начала строился на федеративной основе, то удалось бы избежать беспрестанных споров между этими двумя народами. Бельгия сама показывает нам пример того, как опасно соединять людей разного происхождения»³¹.

Подозрений по поводу мотивов введения федеративной модели голландцами удалось избежать на Нидерландских Антильских островах. Это произошло отчасти по той причине, что требование автономии отдельных островов зародилось у самих антильцев и не встретило на островах сильной оппозиции, а отчасти потому, что оно основывалось на голландской модели, в частности, на голландском законе о муниципальном управлении. В результате основным законом страны 1951 г.

---

²⁹ *Kanza T. Conflict in the Congo: The Rise and Fall of Lumumba.* Harmondsworth: Penguin Books, 1972. P. 89.

³⁰ Цит. по: *Congo 1960. Vol. 1. P. 176.*

³¹ Цит. по: *Young C. Politics in the Congo.* P. 165–166, 267–268.

об островных территориях устанавливались исполнительные и законодательные органы власти отдельных островов, являвшиеся точной копией голландской системы бургомистров, альдерменов и муниципальных советов. Использование голландской модели местных органов управления означает, что на Антильских островах отсутствуют некоторые важные черты, характерные, как правило, для федеративного устройства, например, отдельные конституции³². Вместе с тем, к голландской модели были «подверстаны» некоторые важные федеративные механизмы: последовательно проводимое разделение властей, гарантирующее высокую степень децентрализации, и положение, согласно которому поправки в основной закон об островных территориях могут быть внесены только при условии, что за них проголосуют две трети депутатов антильского парламента; это означает, что восемь депутатов от острова Аруба получали право абсолютного вето. Заметим, что порядок внесения поправок в конституцию самих Антильских островов значительно проще: за них должны отдать голоса две трети от числа присутствующих и принимающих участие в голосовании депутатов.

В одном важном аспекте последовательно федеративное устройство лучше подошло бы бывшим голландским колониям, чем адаптированная голландская модель. Типичная федеративная идея двухпалатного законодательного собрания, в котором одна из палат представляла бы составные части федерации на равной основе или с завышением представительства малых штатов, выглядит заманчивым решением для многосоставных обществ с доминирующим сегментом, в которых высказываются противоречащие друг другу требования пропорциональности и равного представительства. В Индонезии вторая палата с завышенным представительством Внешних островов в сотрудничестве с палатой, избранной на пропорциональной основе, могла бы смягчить трения между регионами. Вначале в федеративной Индонезии существовал сенат, в котором каждый из шестнадцати штатов был представлен двумя сенаторами; это означало, что Республика*, на территории

---

³² См.: *Ellis J.W., Gorsira M.P., Nuyten F.C.J.* De zelfstandigheid der eilandgebieden: Een bijdrage tot herziening van de Eilandenregeking Nederlandse Antillen. Willemstad: Eilandgebied Curacao, 1954. P. 13–14; *van Leeuwen W.C.J.* Verslag aan de Parlementaire Statuutcommissie uit de Staten van de Nederlandse Antillen met betrekking tot onze toekomstige staatkundige structuur. Willemstad: Staten van de Nederlandse Antillen, 1970. P. 68–73.

* В данном контексте под «Республикой» подразумевается территория, контролируемая республиканцами на момент признания независимости Индонезии голландцами. (*Прим. пер.*)

которой проживала почти половина населения Индонезии, имела крайне заниженное представительство. В 1950 г. сенат был упразднен. Двухпалатный парламент федеративного типа был бы разумным компромиссом и в антильской ситуации, в которой численный перевес населения Кюрасао сталкивается с претензиями Арубы на равный статус. На одном из этапов переговоров о распределении мест в антильском законодательном собрании голландские власти предложили создать двухпалатный парламент, одна из палат которого была бы построена по чисто пропорциональному принципу, а другая — федеральный совет — состояла бы из равного числа представителей от Кюрасао и Арубы при завышенном представительстве прочих островов³³. Правда, голландские власти пошли на это крайне неохотно, и поскольку на их предложение не последовало заинтересованного ответа от антильцев, они быстро сняли его.

НЕФОРМАЛЬНЫЕ СООБЩЕСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ: ИНДОНЕЗИЯ

Наиболее важный принцип общности — правительство большой коалиции и вытекающее из него право меньшинства на вето — оказался самым трудным для переноса из Бельгии и Голландии в их бывшие колонии в «третьем мире», потому что бельгийский и голландский примеры практического правления большой коалиции представляли собой внеконституционные и по большей части неправительственные формы реализации этого принципа: большая коалиция ни в каком виде не предусматривалась ни конституцией, ни законодательством, никогда не реализовывалась в полной мере при формировании кабинета в Голландии и лишь изредка все это имело место в Бельгии. О сложности восприятия опыта большой коалиции свидетельствует тот факт, что лишь в одном из шести рассматриваемых случаев, а именно в Индонезии, можно проследить попытки его преднамеренного заимствования.

Как пишет Рут Т. Маквей, пример Голландии оказал значительное влияние на мышление Сукарно и других индонезийских лидеров. «Коль скоро именно Нидерланды продемонстрировали индонезийцам в колониальный период модель западной демократии, то очень многое из голландского подхода к политике про-

---

³³ *Gorsira M.P.* De staatkundige emancipatie van de Nederlandse Antillen. The Hague: Staatsdrukkerij en Uitgeverijbedrijf, 1950. P. 27–34.

явилось у индонезийцев, борющихся за независимость своей страны, и даже в том, как они восставали против колониального правления и европейских путей развития»³⁴. Голландский стиль общественного принятия решений в религиозно и идеологически много-составном обществе, казалось бы, очень хорошо подходил для Индонезии. Главными противоречиями накануне достижения независимости были противоречия в отношениях между алиранами — религиозными и идеологическими сегментами, весьма сходными по своему характеру с голландскими «столпами» (*zuilen*). После достижения независимости алираны значительно повысили свою организованность и эффективность деятельности благодаря формированию собственных четырех крупных политических партий. Гирц следующим образом описывает эту ситуацию: «Наряду со своей собственной политической организацией каждая партия имела официально или неофициально примыкавшие к ней женские клубы, молодежные и студенческие группы, профсоюзы, крестьянские организации, благотворительные ассоциации, частные школы, религиозные или философские общества, организации ветеранов, кассы взаимопомощи и т.д.» Созданный каждой партией комплекс с дочерними общностями составлял «как организационную структуру, с помощью которой можно было проводить многообразную общественную работу, так и идеологический центр, обеспечивавший этой деятельности основу и направленность»³⁵.

Политический трактат Сукарно «Национализм, ислам и марксизм», опубликованный в 1926 г., содержал в себе призыв к лидерам алиранов перешагнуть через разногласия и вместе действовать для достижения общей цели — независимости Индонезии. Позднее, как утверждает Маквей, Сукарно принял в качестве исходной идею наличия в обществе «устойчивых линий вертикального противостояния, поддающегося урегулированию при участии социальных верхов». Он рассматривал политическую элиту как силу, представляющую интересы вертикальных группировок и способствующую смягчению противоречий между ними, что полностью соответству-

---

³⁴ *McVey R.T. Nationalism, Islam and Marxism: The Management of Ideological Conflict in Indonesia//Warouw K.H., Weldon P.D. (trans.). (Introduction to Soekarno. Nationalism, Islam and Marxism). Ithaca: Modern Indonesia Project, Cornell University, 1969. P. 19.*

³⁵ *Geertz C. Peddlers and Princes: Social Change and Economic Modernization in Two Indonesian Towns. Chicago: University of Chicago Press, 1963. P. 14. См. также: Gunawan B., van den Muijzenberg O.D. Verzuilingstendenties en sociale stratificatie in Indonesie// Sociologische Gids 14. No 3 (May-June 1967). P. 146—158; Gunawan B. Aliran en sociale structuur//Baks C. et al. Buiten de grenzen: Sociologische opstellen. Meppel: Boom, 1971. P. 69—85.*

ет принципу большой коалиции. В годы конституционного демократического или почти демократического правления (1950—1957) политическое сотрудничество на уровне элит осуществлялось в двух формах. Первая из них — совместное руководство Сукарно, яванца (не-сантри), занимавшего пост президента, и Хатты, сантри с Суматры, ставшего вице-президентом. Как пишет Гирц, эти два лидера «дополняли друг друга не только с политической, но и с традиционной точки зрения», и отставка Хатты в конце 1956 г. «лишила центральное правительство легитимности в глазах многих военных, финансовых, политических и религиозных кругов на Внешних островах»³⁶. Второй ареной сотрудничества элит было правительство, обычно строившееся на широкой политической основе. В период 1950—1957 гг. партия Масджуми входила в состав всех кабинетов, кроме одного, националисты же только в двух случаях не участвовали в правительстве. Надхатул Улама после выхода из партии Масджуми в 1952 г. была представлена во всех кабинетах. Из четырех крупных партий только коммунисты ни разу не допускались в состав кабинета министров.

Разногласия по вопросу о роли коммунистов в индонезийской политике создавали немалое напряжение в дуумвирате Сукарно-Хатта. В частности, после выборов 1955 г. Сукарно неоднократно предлагал включить их в состав правительства. Выступая на открытии сессии вновь избранного парламента, он призвал парламентариев действовать на основе «подлинно индонезийской демократии, а не правила большинства: имеешь 50% + 1 голос — значит, всегда прав»³⁷. Спустя примерно год Сукарно предложил сформировать правительство большой коалиции, которое он называл по-индонезийски «готонг роджонг», т.е. «взаимная помощь». «Я намеренно употребляю термин «готонг роджонг» потому, что это подлинно индонезийское понятие, передающее чистое воплощение индонезийского духа... Сейчас мы имеем правительство, включающее в себя несколько политических партий и групп. Давайте попытаемся создать правительство, объединяющее все политические партии и группы». В поддержку своей идеи он процитировал голландскую поговорку: «Все члены семьи должны собираться вместе и за обеденным и за рабочим столами».³⁸

---

³⁶ Geertz C. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States//Geertz C. (ed.). Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa. New York: Free Press, 1963. P. 132.

³⁷ Цит. по: Feith H. Decline of Constitutional Democracy. P. 515.

³⁸ Soekarno. Saving the Republic of the Proclamation//Feith H., Castles L. (ed.). Indonesian Political Thinking: 1945—1965. Ithaca: Cornell University Press, 1970. P. 85—86.

Реакция Хатты на это предложение была однозначно негативной, хотя, следует заметить, он не был настроен против большой коалиции, как таковой. «Обращаясь к концепции Бунг Карно о кабинете «готонг роджонг», мы видим идею благую и идеалистическую, но невыполнимую практически... В частности, между коммунистами, с одной стороны, и религиозными партиями и некоторыми националистическими группировками, с другой, в идеологии и целях существуют настолько принципиальные противоречия, что трудно соединить эти партии в кабинете «готонг роджонг». Коммунисты, утверждал он, привержены недемократическим идеалам и слепо просоветской внешней политике. Ввиду этого большая коалиция в Индонезии, считал он, обречена на провал: «Нельзя смешать масло с водой»³⁹. В идеологически заряженной атмосфере, царившей в 50-х годах как в Индонезии, так и во всем мире, действительно было трудно, если не невозможно, преодолеть принципиальную несовместимость коммунистов с некоммунистами, отмеченную Хаттой. В конечном счете верх одержали взгляды Сукарно, который оставался приверженцем идеи сотрудничества между лидерами националистического, религиозного и коммунистического алиранов даже тогда, когда отошел от многопартийной системы и парламентской демократии.

КОАЛИЦИИ МЕЖДУ СЕКМЕНТАМИ В СУРИНАМЕ И НА НИДЕРЛАНДСКИХ АНТИЛЬСКИХ ОСТРОВАХ

Голландский пример сотрудничества между элитами не оказал столь же значительного непосредственного влияния на лидеров двух других бывших голландских колоний. Тем не менее, обе страны смогли воспользоваться благами коалиций между сегментами, которые, не являясь в полной мере большими коалициями, довольно близко приближались к ним. В Суринаме после первого периода доминирования креолов установилась система ротационных коалиций, которая давала всем крупным сегментарным партиям возможность быть представленными в кабинете. После первых парламентских выборов 1949 г. голландский губернатор Суринама тщетно призывал к образованию кабинета, основанного на «сколь возможно более широкой базе», но шесть лет спустя было сформировано смешанное правительство с участием и креольских, и яванских партий. На протяжении довольно продолжительного периода — с 1958 по 1973 гг. — кабинеты представляли собой орган еще более

---

³⁹ *Hatta M. Oil and Water Do Not Mix//Indonesian Political Thinking. P. 365–367.*

широкого сотрудничества между сегментами, поскольку являлись коалициями креольских и индийских партий, отражавших интересы двух крупнейших этнических сегментов страны. Сотрудничество между креолами и индийцами было особенно тесным и плодотворным в период 1958–1967 гг., когда в правительственную коалицию входили две основные креольские партии и крупная индийская партия. В эти годы, как считает Эдвард Дью, «Суринам переживал самый спокойный и динамичный период развития»⁴⁰.

В образовании этих коалиций пример Голландии играл лишь некоторую косвенную роль: в адрес правительственных коалиций, представлявших почти все главные политические силы, и слабой оппозиции в парламенте не высказывалось той критики, которую могла бы вызвать британская нормативная модель. Зарубежной моделью, действительно оказавшей влияние на суринамскую элиту, был негативный пример этнических распрей между креолами и индийцами в соседней Гайане в начале 60-х годов⁴¹. Интересно, что креольский лидер Дж. А. Пенгель, который в 1963 г. стал премьер-министром, в своем первом официальном выступлении в парламенте не признал влияния никаких внешних примеров при создании его кабинета, представлявшего собой в известном смысле большую коалицию. Вместо этого он привел в качестве блестящего примера межэтническое сотрудничество на Суринаме: «У нас воздвигнут памятник, являющийся примером для других стран»⁴².

Антильские правительственные коалиции строились на менее широкой основе, но были более многосегментными по своему составу, чем кабинеты в Суринаме. Начиная с 1950 г., все кабинеты представляли собой коалиции представителей различных островов. Как явствует из табл. 11, в антильский кабинет всегда входили партии и с Кюрасао, и с Арубы; кроме того, в них постоянно включались представители и Бонайре, и Наветренных островов. Однако та же таблица свидетельствует и о другом: обычно кабинеты строились на довольно узкой основе. До 1966 г. крупнейшие партии правительственной коалиции никогда не обладали более чем половиной из двадцати мандатов, предназначенных в антильском парламенте для Кюрасао и Арубы. Для того чтобы

---

⁴⁰ Dew E. Surinam: The Struggle for Ethnic Balance and Identity//Plural Societies 5. No 3 (autumn 1974). P. 7. См. также: van Lier R.A.J. Frontier Society: A Social Analysis of the History of Surinam. the Hague: Nijhoff, 1971. P. 391.

⁴¹ Dew E. De beheersing van raciale en culturele polarisatie in een onafhankelijk Suriname/Beleid en Maatschappij 2. No 9 (September 1975). P. 227.

⁴² Pengel J.A. Regeringsverklaring op 7 juni 1963 in de Staten van Suriname uitgesproken door J.A. Pengel, Minister-President van Suriname. Paramaribo, 1963. P. 6.

ТАБЛИЦА 11. Ведущие партии в правительствах Нидерландских Антильских островов и островов Кюрасао и Аруба в 1950—1977 гг. (1)

Период	Нидерландских Антильских островов			Удельный вес парламентских мандатов (2)	Правительство Кюрасао	Правительство Аруба
	Правительство Нидерландских Антильских островов		Партии Арубы			
	Партии Кюрасао	Партии Арубы				
1950—1954 (3)	ННП	НПА	НПА	45%	ННП, ДП	НПА
1954—1955	ДП	ППА	ППА	50%	ННП, ДП	НПА
1955—1959	ДП	ППА	ППА	50%	ННП, ДП	ППА
1959—1961	ДП	ППА	ППА	50%	ННП (4)	ППА
1961—1963	ДП	ППА	ППА	50%	ДП	ППА
1963—1967	ДП	ППА	ППА	50% (5)	ННП	ППА
1967—1969	ДП	ППА	ППА	80%	ДП	ППА, НПА
1969—1971	ДП, ННП, РФ	ППА	ППА, НПА	80%	ДП	ППА, ПА
1971—1973	ДП, ННП	ИДН	ИДН	85%	ДП, НП	ППА, ПА
1973—1975	ННП, СДП	ИДН	ИДН	65%	ННП, СДП	ППА, ПА
1975—1976	ННП, РФ	ИДН	ИДН	65%	РФ, СДП	ИДН
1976—1977	ННП, РФ	ППА	ППА	55%	РФ, СДП	ИДН

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Ведущие партии Кюрасао — Национальная народная партия (ННП), Демократическая партия (ДП), в более поздний период Рабочий фронт освобождения (РФ) и Социал-демократическая партия (СДП). Ведущие партии Арубы — Народная партия Арубы (НПА), Патриотическая партия Арубы (ППА) и Новое избирательное движение народа (ИДН).
2. Процент мест, завоеванных ведущими партиями на общенациональных парламентских выборах, от 20 мест, предназначенных для Кюрасао и Арубы. Общее количество парламентариев, на поддержку которых могла рассчитывать правительственная коалиция, обычно было выше за счет Бонайре, Наветренных островов и мелких партий.
3. На островах первые выборы с последующим формированием местных органов власти прошли в 1951 г.
4. Правительство этой партии было временно распущено в 1960—1961 гг.
5. После выборов 1966 г. доля мест ДП—ППА выросла до 55%.

ИСТОЧНИК: Таблица составлена по данным А. Дж. Боо, Б. Фийнне и Е. Монте, которым автор выражает свою признательность за содействие.

получить большинство, эти кабинеты были вынуждены заручаться поддержкой двух парламентариев от других островов или представителей мелких партий. Для сохранения единства страны участие во всех кабинетах лидеров и с Кюрасао, и с Арубы имело первостепенное значение.

Становление такой формы межостровных коалиций было желаемым следствием перераспределения квот на места в парламенте, осуществленного по решению голландских властей в 1950 г. после того, как антильцы не смогли самостоятельно найти компромисс по данному вопросу. На Кюрасао жило абсолютное большинство населения Антильских островов, поэтому голландские власти сочли необходимым предоставить острову более половины парламентских мест, но при этом характеризовали те преимущества, которые открывал статус парламентского большинства, как «максимально смягченные». Разумеется, принадлежащие Кюрасао двенадцать мест давали этому острову теоретическую возможность не допустить до участия в правительстве остров Арубу, имевший восемь мест, и прочие острова, у которых было два места. Но голландские власти отмечали, что на Кюрасао и Арубе существует несколько партий, и потому представляется маловероятным, чтобы «все члены парламента от Кюрасао объединились против всех членов парламента от Арубы». При этом голландцы считали свой вариант не просто «самым справедливым решением», но и «решением, которое даст наилучшие гарантии продолжения успешного сотрудничества различных островов на благо общих интересов и интересов каждого острова»⁴³. Эта «гарантия» оказалась достаточно надежной, и Петер Вертон, анализируя развитие событий на Нидерландских Антильских островах после 1950 г., утверждает, что сотрудничество между островами действительно было «продиктовано» распределением квот на парламентские места⁴⁴. Как уже отмечалось, это оказавшееся полезным установление не было добровольным копированием Антильскими островами голландского опыта, а было решением, навязанным островитянам голландцами. В последующие годы, однако, система межостровных коалиций, приведенная в движение по замыслу голландцев, укрепилась благодаря глубокому осознанию антильцами ее преимуществ, и постепенно эта система закрепились в качестве политической традиции.

До начала 1970-х годов в политической жизни Кюрасао доминировали Демократическая и Национальная партии, которые жест-

⁴³ *Van Helsdingen W.H.* De Staatsregeling van de Nederlandse Antillen. P. 174, 176, 184.

⁴⁴ *Verton P.* Kiezers en politieke partijen in de Nederlandse Antillen. Aruba: De Wit, 1973. P. 15.

ко конкурировали друг с другом, хотя между ними не было принципиальных программных расхождений. Национальная народная партия больше обращалась к сельским избирателям и коренным жителям Кюрасао. Демократическая — к городскому электорату, иммигрантам с других островов и из Суринама, занятым на Кюрасао в нефтяной промышленности, однако между сторонниками этих партий не было глубоких противоречий⁴⁵. Аналогичная двухпартийная система, в которой электорат двух партий разделяла не столько идеология, сколько практические интересы, существовала и на Арубе: Народной партии Арубы, поддерживаемой в основном коренными жителями, противостояла Патриотическая партия Арубы, которую поддерживали иммигранты. Главное различие в политических взглядах партий заключалось в несколько более сдержанной позиции Патриотической партии по вопросу независимости острова. На общенациональном уровне все указанные четыре партии соперничали в составе межостровных коалиций: Демократическая и Патриотическая партии Арубы против Национальной народной и Народной партии Арубы. Эта система подобна стабильным коалициям между консерваторами и «синими», реформаторами и «красными» в Объединенной провинции Канада.

Межостровной характер антильских правительственных коалиций служил той же цели, что и большая коалиция, а именно подключению представителей всех сегментов к участию в процессе принятия решений. Однако узость правительственной коалиции, если подходить к определению ее состава с точки зрения количества представленных партий, а не сегментов, имела один существенный недостаток: то обстоятельство, что партии, входившие в правительство Антильских островов, не во всех случаях одновременно находились и у власти на отдельных островах, нередко создавало серьезные осложнения во взаимоотношениях между различными эшелонами власти. Как явствует из табл. 11, в 60-х годах отмечался длительный период такого диссонанса: с 1963 по 1967 гг. правящая партия Кюрасао не входила в общеантильское правительство, а в 1967—1969 гг. в сходной ситуации была правящая партия Арубы. В док-

---

⁴⁵ Колониальное Кюрасао представляло собой многосоставное общество, включавшее небольшие по численности голландский протестантский сегмент и сегмент евреев-сефардов, а также большой негритянский сегмент, однако различия между ними постепенно сглаживались и становились все менее значимыми в партийной политике демократического Кюрасао. См.: *Hoetink H. De Gespleten samenleving in het Caribisch gebied: Bijdrage tot de sociologie der rasrelaties in gesegmenteerde maatschappijen* Assen: Van Gorcum, 1962. P. 191, 197; *Romer R.A. Naar de voltooiing van de emancipatie: Beschouwingen naar aanleiding van het verschijnsel 30 mei*. Willemstad: Hogeschool van de Nederlandse Antillen, 1974. P. 10—11.

ладе официальной комиссии по расследованию крупных беспорядков и актов насилия, потрясших Кюрасао в 1969 г., в качестве их главной причины указывались чисто внутренние факторы, но вместе с тем упоминалось и о разладе между общенациональными и островным властями в период 1963—1976 гг.⁴⁶ С 1969 г. и далее правительственные коалиции стали строиться на более широкой основе и в 1971—1973 гг. представляли собой большие коалиции, включавшие все четыре ранее соперничавших партии как на общенациональном, так и на островном уровнях. Однако такое сотрудничество привело к расколу в рядах Народной партии Арубы и образованию более радикально настроенного сепаратистского Избирательного движения народа. Эта новая партия завоевала большинство мест от Арубы на общенациональных выборах 1973 г. и одержала победу с подавляющим перевесом голосов на выборах в органы власти Арубы в 1975 г., что позволило ей занять твердую позицию и оказывать давление с целью добиться большей децентрализации и федеративности, а фактически готовить отделение Арубы от Антильских островов. Вероятность послед-него варианта увеличилась с началом правительственного кризиса в конце 1975 г. и выводом Избирательного движения народа из состава кабинета Антильских островов в начале 1976 г.

КОАЛИЦИИ В БЫВШИХ БЕЛЬГИЙСКИХ КОЛОНИЯХ

В бывших бельгийских колониях опыт существовавших в метрополии больших межсубкультурных коалиций не имел сколько-нибудь заметного влияния. Этот опыт не заимствовался ни добровольно, ни под прямым нажимом Бельгии. Что касается Конго, то следует отметить два небольших исключения из этого общего правила. Одно — содержавшееся в конституции 1960 г. указание о том, что в правительстве «каждая провинция должна быть представлена хотя бы одним министром» по образцу неписанного правила бельгийской политической жизни⁴⁷.

Несмотря на многонациональный состав населения всех шести провинций, это конституционное предписание косвенно стимулировало обеспечение широкой этнической основы для конго-

---

⁴⁶ *Romer R.A. et al. De Meidagen van Curacao. Curacao: Ruku, 1970. P. 84—85, 105—106, 164.*

⁴⁷ *Gerard-Libois, Verhaegen. Congo 1960. Vol. 1. P. 111; Mast A. Les pays du Benelux. Paris: Libraire Generale de Droit et de Jurisprudence, 1960. P. 94—95.*

лезских кабинетов. Второе исключение — настоятельные требования бельгийского министра-резидента в Конго о том, что первый конголезский кабинет после выборов 1960 г. «должен стать большой коалицией, в которую было бы включено как можно больше политических сил». И Лумумба, и Касаубу, которым по очереди предоставлялось право формирования правительства, были сторонниками малых коалиций, и во многом лишь благодаря бельгийскому нажиму кабинет Лумумбы был создан на началах большой коалиции: его поддерживали партии, завоевавшие 88% мест в нижней палате парламента. Но составлен этот кабинет был непропорционально, особенно сильно было занижено представительство партии Касаубу, и в итоге, при представлении правительства парламента оно получило вотум доверия лишь в 54% голосов. Продержалось это правительство всего несколько месяцев; ненамного долговечнее оказалась и сама конголезская демократия⁴⁸.

В Руанде коалиционное правительство с участием хуту и тутси тоже просуществовало недолго, но оно было сформировано под нажимом ООН, а не под влиянием бельгийцев. В Руанде бельгийские власти оказались в особенно сложном положении из-за взаимоисключающих требований хуту и тутси. Бельгийцы управляли своей подмандатной территорией при посредничестве элиты меньшинства — тутси, и призыв к независимости Руанды в конце 50-х годов также исходил от лидеров тутси. В то же время большинство, т.е. хуту, опасалось закрепления и в независимой Руанде доминирующего положения тутси, поэтому оно выступало за сохранение бельгийской опеки до тех пор, пока не укрепится их собственное положение в стране. Посетившая Руанду в 1960 г. миссия ООН была встречена взаимоисключающими лозунгами: «Немедленная независимость — прогоните от нас бельгийцев!» (требование тутси) и «Долой феодализм тутси — да здравствует бельгийская опека!» (позиция хуту)⁴⁹.

В конечном счете бельгийцы встали на сторону большинства — хуту. Лемаршан назвал их политику «беззастенчивым фаворитизмом», открывшим путь к «расовому засилью» хуту. Он утверждает, что именно бельгийская администрация помогла хуту «сбросить больших и малых вождей тутси», она беспрестанно разоблачала грехи феодализма, сознательно не замечая в то же время убийств, грабежей и провокаций своих собственных протеже, и, в конечном сче-

---

⁴⁸ *Lemarchand R. Political Awakening. P. 229–231; Gerard-Libois, Verhaegen. Congo 1960. Vol. 1. P. 299.*

⁴⁹ *Nyrop R.F. et al. Area Handbook for Rwanda. Washington: U.S. Government Printing Office, 1969. P. 18.*

те, она объединила усилия с республиканцами (хуту), чтобы положить конец монархии (тутси)⁵⁰. ООН же всеми силами стремилась содействовать налаживанию сотрудничества между хуту и тутси. В начале 1961 г. Генеральная Ассамблея ООН призвала к формированию переходного правительства на широкой основе, которое осуществляло бы в стране власть до проведения всеобщих выборов, а годом позже, в феврале 1962 г., именно ООН обеспечила передачу представителям тутси двух портфелей в образованном по итогам выборов правительстве. Но эта большая коалиция продержалась всего год: два министра тутси были выведены из состава правительства, что послужило первым шагом к полному устранению тутси из политической жизни Руанды⁵¹.

В Бурунди накануне независимости этнические различия имели гораздо меньшее политическое значение, чем в Руанде, и на первых общенациональных выборах 1961 г. победу со значительным перевесом одержала надэтническая партия во главе с принцем Луи Руагасоре, в составе которой (как в руководстве, так и на низовом уровне) были и хуту, и тутси. Руагасоре идеально подходил для поста лидера надэтнической политической партии: он был сыном короля-тутси, но не наследником престола, и женат на представительнице народности хуту. После победы на выборах он сформировал этнически сбалансированное правительство, однако несколькими неделями позже Руагасоре был убит, а его партия распалась на этнические фракции. В последующие годы король-тутси, сосредоточив в своих руках еще большую полноту власти, продолжал включать в правительство представителей и хуту, и тутси: «...Не принимая ничьей стороны... королевская власть занималась сложной «этнической арифметикой», дабы предоставить обеим общинам равную долю той власти, которая оставалась в руках правительства». Это особенно проявилось в 1963–1965 гг., когда кабинеты стали ответственны перед королем, а не перед парламентом. В тот период, как отмечает Лемаршан, «двор прилагал все усилия для обеспечения паритета в правительстве». Более того, пост премьер-министра по очереди занимали представители обоих этнических сегментов. «За каждым кабинетом, возглавлявшимся тутси, автоматически следовало правительство во главе с представителями хуту; смена происходила тогда, когда прежнее правительство утрачивало доверие двора»⁵². Такая политика объяснялась трезвым расчетом на сохранение и упрочение монархии, и в ней не про-

⁵⁰ Lemarchand R. Rwanda and Burundi. P. 197.

⁵¹ Vanderlinden. La Republique Rwandaise. P. 25–26.

⁵² Lemarchand R. Rwanda and Burundi. P. 296, 368.

слеживается ни давления бельгийцев, ни влияния бельгийского опыта. Этническое равновесие было нарушено тогда, когда численное превосходство хуту обеспечило им полную победу на выборах 1965 г. Успех на выборах был сведен на нет сначала ответными мерами королевской власти, а затем, после неудачной попытки переворота, предпринятой хуту, жестокими репрессиями: почти все политические лидеры хуту были арестованы, многие из них казнены, в том числе, по данным наблюдателя, направленного в страну Международной комиссией, все руководители обеих палат парламента⁵³.

АНТИСОБЩЕСТВЕННЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В БЕЛЬГИЙСКОМ И ГОЛЛАНДСКОМ ПРИМЕРАХ

Приведенные данные о становлении больших коалиций или более узких по составу правительств в странах, которые могли бы воспользоваться опытом формирования и функционирования больших коалиций в Бельгии и Голландии, доказывают, что их пример сыграл весьма ограниченную роль. Главная причина этого, как уже отмечалось, состояла в том, что большие коалиции в Бельгии и Голландии имели внеконституционный и по большей части неправительственный характер. В силу того, что их пример был не столь уж простым и ясным, он и оказался недоступным для подражания. Лишь в одном случае — на Нидерландских Антильских островах — прямое давление голландцев значительно усилило воздействие примера метрополии, но это было скорее исключением. В Бельгии и Нидерландах не сложилось четкого осознания особой значимости их политических систем как образца для колоний, ранее находившихся под их властью.

Такое отношение сквозит в заявлении, сделанном в канун достижения Конго независимости Раймоном Шейвеном, который, занимая в бельгийском правительстве пост министра по экономическим делам Конго, принимал участие в переговорах с конголезскими лидерами.

«Я не думаю, что слаборазвитые страны готовы к демократическим формам правления в том виде, какими мы их знаем в Европе... Мы предложили Конго политическую систему, аналогичную нашей собственной... с такими элементами, как коммуны, провинциальные ассамблеи, двухпалатный парламент, политическую систему, в которой глава госу-

---

⁵³ *Ibid.* P. 419.

дарства не несет ответственности перед парламентом, поскольку большинству молодых государств нужен сильный руководитель исполнительной власти. Мы установили такую форму правления, при которой можно проводить реорганизацию правительства, не распуская парламент, поскольку непрерывность в работе исполнительной власти особенно важна для государства, находящегося в процессе становления. Мы создали избирательную систему, обеспечивающую раздельное представительство»⁵⁴.

В комментариях Шейвена заслуживают внимания четыре момента. Во-первых, он подчеркивает различие между высокоразвитой Бельгией и слабо развитым Конго, не замечая общую для них черту — многосоставность общества. Во-вторых, среди перечисленных им типичных элементов бельгийской модели странным образом отсутствуют такие общественные элементы, как большая коалиция и автономия сегментов. В-третьих, он неодобрительно отзывается о пропорциональной избирательной системе — единственном упомянутом им общественном механизме. В-четвертых, он рекомендует сосредоточить исполнительную власть в руках одного лица, что служит препятствием для общественной демократии в многосоставных обществах.

В практическом плане два конкретных момента в опыте метрополий действительно *затрудняли* успешное использование в колониях принципа большой коалиции. Первый — монархическая форма правления в Бельгии и Нидерландах и нечеткие положения о роли монархии, зафиксированные в конституциях этих стран. Будучи перенесенными в конституции бывших колоний, особенно Конго и Индонезии, данные конституционные положения наделили президентов этих стран полномочиями, реально ограничивающими власть парламента и правительства. Так, в конголезской конституции содержалась статья, гласившая, что «глава государства назначает и освобождает от должности премьер-министра и министров». Эта статья была практически дословно списана с аналогичной статьи, без изменений существующей в бельгийской конституции с 1831 г., но, очевидно, не предоставляющей в наши дни королю Бельгии никаких реальных политических полномочий⁵⁵. Конституционный кризис, вызванный тем, что президент Касаубу воспользовался именно данной статьей для смещения с должности премьер-министра Лумумбы, хотя Лумумба не лишился доверия парламента, послужил поводом для первого вооруженного мятежа Мобуту. Более

⁵⁴ Цит. по: Young C. Politics in the Congo. P. 176—177.

⁵⁵ Gerard-Libois, Verhaegen. Congo 1960. Vol. 1. P. 110; Craenen G., Dewachter W., Lismont E. De Belgische Grondwet van 1831 tot heden: Nederlandse en Franse teksten. Louvain: Acco, 1971. P. 74—75.

отвечало условиям страны дословное воспроизведение той же статьи бельгийской конституции в конституции, принятой в 1962 г. в королевстве Бурунди. Здесь ее применение не имело столь антисообщественного характера, поскольку король вначале придерживался этнически нейтральной политики, управляя антидемократическими методами. В условиях отсутствия неписаной конституционной традиции, которая в Бельгии жестко ограничивает власть монарха, данная статья служила оправданием усиления власти короля Бурунди за счет системы парламентского правления⁵⁶.

Примером дословного заимствования, которое не повлекло столь разрушительных последствий, но все же нанесло значительный урон, может служить статья конституции Индонезии 1950 г., гласящая: «Президент и вице-президент неприкосновенны». Эта фраза была скопирована с голландского конституционного положения, относящегося к вопросу о политической подотчетности кабинета министров и отводящего весьма скромную роль королю. Однако президент Сукарно воспользовался этой статьей для усиления своей личной власти за счет коалиционных кабинетов, что в конечном счете привело к отходу от парламентской демократии: «Занимая неуязвимое с конституционной точки зрения положение и не неся ни перед кем ответственности, Сукарно имел возможность интерпретировать некоторые нечеткие положения конституции таким образом, что его роль в итоге возрастала до масштабов, противоречащих духу и смыслу той же конституции»⁵⁷.

Второй момент, говорящий об однозначно негативном воздействии примера метрополии, — влияние отхода Голландии от общественности, начавшегося в конце 60-х годов, на суринамскую политику. Система тесного сотрудничества креольских и индийских партий была разрушена в 1973 г., а последовавшая за этим предвыборная кампания вылилась в откровенную конфронтацию между блоком креольских партий и крупной индийской партией, к которым примыкали небольшие группировки яванцев. Во время предвыборной кампании, как пишет Дью, «возникло ощущение, что рождается новая Северная Ирландия»⁵⁸. Одним из «зловещих знаков», на которые он обратил внимание, был весьма символический выбор цветов двумя главными сторонниками: оранжевый — цвет голландского Оранского дома, под скипетром которого индийцы

---

⁵⁶ Constitution definitive du Royaume du Burundi, en date du 16 octobre 1962// Chronique de politique étrangère 16. No 4–6 (July–November 1963). P. 638; Lemarchand R. Rwanda and Burundi. P. 364n.

⁵⁷ Kahin G. McT. Indonesia. P. 602.

⁵⁸ Dew E. Surinam: The Struggle for Ethnic Balance and Identity. P. 5.

хотели остаться в королевстве Нидерландов, и зеленый — цвет крупнейшей креольской партии*. Креолы победили на выборах и сформировали правительство, представлявшее узкий спектр политических сил: впервые за многие годы в правительстве и среди правящих партий не оказалось индийцев, а в оппозиции — креолов.

Новый кабинет решительно выступил за разрыв с Нидерландами и Антильскими островами, т.е. против четко выраженной позиции индийской общины. Особенно острую реакцию в обществе вызвал вопрос о принятии новой конституции, для чего, согласно еще действовавшей конституции, требовалось большинство в две трети голосов. Правительство, в котором доминировали креолы и которое имело в парламенте лишь незначительное большинство, далеко не достаточное для получения двух третей голосов, заявило, что для решения этого вопроса вполне хватит простого большинства. Данная позиция была не только сомнительна с конституционной точки зрения, но и крайне опасна, потому что ставкой в такой политике была одна из ключевых проблем многосоставного общества. Важно отметить, что склонные поддерживать мнение большинства голландские власти не выступили открыто против такой позиции. Однако окончательный вариант текста новой конституции, который, по мнению голландского специалиста по публичному праву, был во многих отношениях лучше «голландской конституции, поскольку составлялся с учетом поправок, предложенных, но еще официально не внесенных в нее»⁵⁹, был принят в суринамском парламенте единогласно после примирения, чудом достигнутого в последние дни перед получением независимости в конце 1975 г. Это ознаменовало собой возобновление практики креольско-индийских правительственных коалиций.

ШВЕЙЦАРСКАЯ МОДЕЛЬ В УРУГВАЕ

Учитывая многие трудности, с которыми связан перенос модели большой коалиции, было бы полезно кратко проанализировать уругвайский эксперимент со сконструированным по швейцарской модели высшим коллегиальным органом исполнительной власти. Как известно, он был сформулирован в соответствии

---

* А. Лейпхарт имеет в виду совпадение этих цветов с цветами, используемыми в Северной Ирландии соответственно протестантами (кстати, тоже в честь Оранского дома) и католиками. (*Прим. пер.*)

⁵⁹ Roemers D. Ontwerp Surinaamse grondwet dichtbij ontwerp Cals-Donner// NRC-Handelsblad. October 13, 1975; см. также: van Maarseveen H.T.J.F. De Grondwet van Suriname. Nederlands Juristenblad 50. No 43 (December 13, 1975). P. 1381—1390.

с конституционными предписаниями большой коалицией двух крупнейших партий этой страны. Прежде всего заметим, что пример Уругвая не дает дополнительных аргументов для подтверждения гипотезы Льюиса, сформулированной в схеме 4, поскольку Швейцария и Уругвай не были метрополией и колонией, а также поскольку Уругвай — не многосоставное, а вполне гомогенное общество. Соответственно его значимость для нашего анализа сводится к следующим трем аспектам: во-первых, мы имеем дело с интересным примером правительства большой коалиции, которая создавалась не с помощью неформальных механизмов, а согласно требованию конституции; во-вторых, этот пример демонстрирует возможности сознательного отхода от существующих политических традиций; в-третьих, он позволяет выявить степень жизнеспособности системы власти, перенесенной в совершенно новую социальную и культурную среду.

С 1919 по 1933 и с 1952 по 1967 гг. Уругвай управлялся коллегиальным органом исполнительной власти — *коллегиадо*, в который входили девять представителей от двух крупнейших партий. Он формировался по образцу Федерального совета Швейцарии, состоящего из семи человек. Главным поборником идеи замены президентского правления исполнительным органом швейцарского типа был Хосе Батлье и Ордоньес, дважды избиравшийся президентом в начале XX в. В перерыве между двумя сроками своего президентства он много путешествовал по Европе и стал горячим поклонником швейцарской системы правления. В результате его упорных и настойчивых усилий в конституцию 1917 г. было внесено положение о коллегиадо. Однако победа Батлье оказалась неполной. Дело в том, что коллегиальный совет был вынужден делить власть с избравшимся всенародным голосованием президентом, который назначал и курировал министров, возглавлявших «политические» департаменты — внутренних дел, иностранных дел и обороны, а члены совета стояли во главе административных департаментов. После совершенного президентом в 1933 г. переворота и совет, и парламент были распущены. Так завершился первый период половинчатого эксперимента с советом, образованным по швейцарской модели⁶⁰.

Восстановление коллегиадо в начале 50-х годов по инициативе президента Андреаса Мартинеса Труебы, убежденного последователя Батлье, умершего в 1929 г., дает лучший материал для анализа, по-

---

⁶⁰ Lindahl G.G. Uruguay's New Path: A Study in Politics during the First Colegiado, 1919–1933. Stockholm: Library and Institute of Ibero-American Studies, 1962.

сколькx институт коллегиального управления возродился уже в несеченном виде. Как и более ранний совет, он состоял из шести представителей партии большинства и трех — меньшинства, но теперь не делил исполнительную власть с независимо избираемым президентом. Тем не менее, он все же отличался от своего швейцарского аналога несколькими существенными моментами. Во-первых, уругвайский совет из девяти человек был несколько больше швейцарского по количеству входивших в него лиц, но, в отличие от многопартийного швейцарского совета, состоял из представителей лишь двух крупнейших партий. Во-вторых, уругвайский совет избирался всеобщим голосованием, а не парламентом. В-третьих, члены совета не имели права избираться на второй подряд четырехлетний срок, что было принято в Швейцарии, где существовала устойчивая традиция переизбрания на новый срок доказавших свою компетентность членов совета. В-четвертых, пост председателя ежегодно переходил к одному из шести представителей правящей партии, а не к любому члену совета, как в Швейцарии. В-пятых, сами девять членов совета не возглавляли департаменты в системе исполнительной власти, а назначали на эти посты министров путем голосования внутри совета; такого «другого» правительства, подведомственного совету, в Швейцарии не существует. И наконец, в-шестых, уругвайский совет действовал в унитарном государстве, а не в условиях федеративной системы, подобной швейцарской⁶¹.

Большинство отклонений от швейцарской модели не отразились сколько-нибудь заметно на ее общественных аспектах. Поскольку в Уругвае, несмотря на его долголетнюю приверженность пропорциональной избирательной системе, сложилась двухпартийная система, то совет, составленный исключительно из представителей партий Колорадо и Бланко, несомненно, можно рассматривать как большую коалицию. Нарушением принципа большой коалиции было только то, что пост председателя совета обязательно должен был занимать представитель партии большинства. Принцип пропорционального представительства на выборах в парламент предопределил создание такого совета. В самом совете соотношение 6:3 не было строго пропорциональным, поскольку по количеству полученных на выборах голосов разрыв обычно был не столь значительным. Более серьезным нарушением принципа пропорциональности следует считать то, что его применение не распространялось на назначение советом министров — членов кабинета. И по всем прочим вопросам совет принимал решение большинством голосов без права меньшинства на вето.

---

⁶¹ См.: *Fitzgibbon R.H. Adoption of a Collegiate Executive in Uruguay//Journal of Politics* 14. No 4 (November 1952). P. 620–622, 633–638.

Однако принадлежность Уругвая к категории унитарных государств вновь заставляет обратить внимание на тот факт, что, несмотря на гражданские распри, неоднократно раздиравшие эту страну, особенно в XIX в., уругвайское общество все же не является многосоставным. Ведь общественная демократия определяется как специфический тип демократического режима в многосоставном обществе, поэтому система правления швейцарского типа, существовавшая в Уругвае с 1952 по 1967 гг., не может считаться общественной. Заметим также, что присущие этому режиму черты согласительного стиля принятия решений все-таки были побочной, а не главной целью его существования. Замысел Батлье состоял в разделении власти между группой лиц, дабы нейтрализовать неизбежно появляющуюся у президентов склонность к диктаторству и самовластию. Из письма, посланного им другу в Монтевидео из Швейцарии, ясно видно, какой именно аспект швейцарского государственного устройства произвел на него самое сильное впечатление: «Можешь ли поверить, многие люди здесь не знают, кто у них президент». Батлье также описывает, как он взял такси в Берне и попросил шофера отвезти его к «дому правительства» (этот термин в Латинской Америке имеет лишь одно значение): его сначала отвезли к зданию муниципального совета и только потом — к зданию парламента⁶². В Федеральном совете, который Батлье застал во время своего визита в Швейцарию, правящая партия доминировала в соотношении 6:1; этот совет превратился в коалицию четырех крупнейших партий лишь в 1943 г. Сам он выступал за то, чтобы коллегиадо состоял только из представителей партии большинства, а мысль о соучастии в работе совета партии меньшинства была не более чем тактической уступкой с целью заручиться поддержкой этого предложения со стороны меньшинства.

Трудно оценить, насколько успешным был опыт использования в Уругвае швейцарской модели. Главный упрек, выдвигавшийся в адрес коллегиадо, состоял в том, что совет оказался неспособным к принятию решений, неэффективным. Конечно, в какой-то мере это было частью первоначального замысла. По словам Филиппа Б. Тейлора, разработанный Батлье проект специально был составлен так, чтобы «ограничить эффективность исполнительного совета»⁶³. На практике же, во всяком случае, в первые годы он действовал весьма успешно. Александр Т. Эдельман так комментирует работу совета: «Он взял хороший старт, эффективно управля-

---

⁶² *Ibid.* p. 617.

⁶³ *Taylor P.B.* Interests and Institutional Disfunction in Uruguay//*American Political Science Review* 57. No 1 (March 1963). P. 72.

ясь с первыми внутренними и внешнеполитическими проблемами, с которыми ему пришлось столкнуться», но, начиная с 1956 г., результативность его работы снизилась, что подтверждает вывод о том, что в последнее десятилетие своего существования «он по многим параметрам не мог считаться эффективным и жизнеспособным исполнительным органом»⁶⁴. Ответственность за его неудачи лежит преимущественно на партии Бланко, которая, скрепя сердце, мирилась с существованием коллегиадо, пока была в меньшинстве, но после выборов 1958 г., став партией большинства, начала саботировать его работу. Это напоминает ситуацию с оппозицией идее разделения власти со стороны протестантского большинства в Северной Ирландии, греческого большинства на Кипре и большинства хуту в Руанде. Неизвестно, оказался бы президентский режим для Уругвая конца 50-х — начала 60-х годов лучше, однако за него высказались и политические лидеры, и рядовые уругвайские избиратели, а по итогам референдума 1966 г. коллегиадо был отменен и восстановлен пост президента. Но вскоре обнаружилось, что президентское правление действительно подвержено той самой болезни, которую предвидел и которой боялся Батлье: в 1973 г. оно привело к диктатуре.

ЦЕННОСТЬ СООБЩЕСТВЕННОГО НАСЛЕДИЯ

Используя рассмотренные в настоящей главе факты, мы сможем достроить схему 4, оставленную незавершенной в начале главы. Как вписываются в нее шесть рассмотренных выше примеров (седьмой пример — Уругвай — выпадает из данной схемы): имеют ли в их случаях место причинно-следственные связи типа I в соответствии с выводами из гипотезы Льюиса, или причинно-следственные связи типа II? На схеме 5 представлены наши общие заключения. Дихотомная классификация всегда сопряжена с чрезмерными упрощениями, поэтому требуется особо тщательно определить, к какой категории относятся некоторые из рассматриваемых примеров. Во всех шести случаях налицо по крайней мере отдельные элементы общности, и не всегда легко определить, достаточно ли совокупного воздействия этих элементов, чтобы страну можно было отнести к общественным демократиям.

---

⁶⁴ *Edelmann A.T.* The Rise and Demise of Uruguay's Second Plural Executive// *Journal of Politics* 31. No 1 (February 1969). P. 126, 128; см. также: *Weinstein M.* Uruguay: The Politics of Failure. Westport, Conn.: Greenwood Press, 1975. P. 113–139.

Бывшая метрополия: Англия/Франция

Бельгия/Нидерланды

С х е м а 5. Типы демократии и демократических режимов в бывших бельгийских и голландских колониях

Две страны можно без труда отнести к категории бывших колоний общественных демократий, которые и сами приняли общественную модель: Суринам (по крайней мере, до 1973 г.) и Нидерландские Антильские острова. Дью пришел к выводу, что к 1955 г., т.е. вскоре после получения полного самоуправления, на Суринаме завершилось становление полномасштабной общественной демократии, «абсолютно соответствовавшей определению, которое дал ей Лейпхарт»⁶⁵. Если принять межостровные коалиции на Антильских островах за функциональный аналог больших коалиций, то их (острова) можно отнести к той же категории. Однако Руанда вне всяких сомнений относится к другой категории; непродолжительное и вынужденное включение тутси в правительство не могло скрыть в целом мажоритарного и соревновательного характера избранной формы государственной власти. К той же категории, видимо, следует отнести и Конго, хотя весьма непродолжительное по времени существование в этой стране демократического режима не дает доста-

⁶⁵ Dew E. Surinam: The Test of Consociationalism//Plural Societies 3. No 3 (autumn 1972). P. 45. Аналогичные выводы приводятся в кн.: Hoppe R. Het politiek systeem van Suriname: Elite-kartel democratie//Acta Politica 11. No 2 (April 1976). P. 163; Bagley C. The Dutch Plural Society: A Comparative Study in Race Relations. London: Oxford University Press, 1973. P. 233–234.

точных оснований для столь категоричного вывода. Кабинет Лумумбы был большой коалицией, несмотря на то, что она была создана искусственным путем, а этнически сбалансированный принцип раздела двух высших государственных постов мог привести к дуумвирату Лумумба-Касавубу, подобному паре Сукарно-Хатта в Индонезии. Однако эти потенциально общественные признаки были сведены на нет слабой поддержкой правительства в парламенте, конкуренцией между двумя высшими руководителями, усугублявшейся тем, что в конституции были нечетко определены их прерогативы, а также неудачным применением федеративных начал. Индонезия и Бурунди отнесены к первой категории, но это остается под вопросом, поскольку для них, возможно, следовало бы использовать какую-то промежуточную категорию. Индонезийская демократия в 1950—1957 гг. обладала некоторыми отчетливыми общественными чертами, но в ней отсутствовало два очень существенных признака: во-первых, не было реальной федеративной системы, и во-вторых, один из четырех крупнейших сегментов — коммунисты — не допускался до участия в больших правительственных коалициях. Сменявшие друг друга кабинеты большой коалиции в Бурунди в 1961—1965 гг. могли бы служить достаточным аргументом для отнесения этой страны к общественным демократиям, если бы не откровенно недемократичная фигура главного действующего лица, создавшего все эти коалиции, т.е. монарха, всемогущего, но благородно беспристрастного арбитра.

Данные, обобщенные в схеме 5, в целом представляют собой слабые и недостаточно убедительные аргументы в поддержку первой части гипотезы Льюиса: два примера полностью свидетельствуют в ее пользу, еще два — лишь с оговорками, а два остальных — противоречат ей. Однако аргументы в поддержку гипотезы могут быть значительно усилены, если принять в расчет *степень* влияния бывшей метрополии. Существенно важным является то, что два не вызывающих сомнения примера общественной демократии — это страны, в которых переход от статуса колонии к самоуправлению и (на Суринаме) полной независимости осуществлялся постепенно, а процесс деколонизации отличался и гармоничностью отношений с метрополией, и доброй волей обеих стран. Неудивительно, что на пути к обретению независимости ни Суринаму, ни Антильским островам не пришлось прибегать к методам вооруженной борьбы, которые в случае отказа от признания политического авторитета колониальной державы привели бы к отвержению ее интеллектуального авторитета. Другую крайность представляет Конго. Бельгийские власти практически ничего не сделали для подготовки конголезцев к независимости и, как отмечает Янг, держали их «в почти

полной изоляции» от окружающего мира: до 1958 г. «буквально горстка образованных конголезцев побывала за границей»⁶⁶. Независимость была достигнута вскоре после появления первых признаков начала революционной борьбы; спустя всего две недели после провозглашения независимости новое конголезское правительство разорвало дипломатические отношения с Бельгией.

Вторая часть гипотезы, графически отраженная на схеме 5, в большей степени подтверждается шестью рассматриваемыми примерами. Только две чисто общественные демократии могут похвастаться удовлетворительным функционированием демократического режима. Если рассматривать в комплексе отображенное в схемах 4 и 5 уравнение с тремя неизвестными, то становится ясно, что бельгийское или голландское колониальное наследие для общественной демократии не составляет ни необходимого (это доказывается опытом Ливана и Малайзии), ни достаточного условия (что доказывается четырьмя другими примерами, рассмотренными в данной главе). Единственный вывод, который можно сделать со всей уверенностью, заключается в том, что такое наследие является способствующим общественности фактором и, таким образом, по своему воздействию аналогично другим условиям, благоприятным для становления общественной демократии, которые разбирались в главе 3.

Следует, однако, подчеркнуть, что Индонезия и Бурунди — два примера демократии или почти демократии с бельгийско-голландским наследием, с отчасти общественным режимом и демократией, которая потерпела поражение, но несмотря на это данные страны на самом деле укреплялись, хотя и незначительно, благодаря общественным элементам. Например, как утверждает Гирц, в Индонезии до 1957 г. трения в отношениях между регионами сдерживались не только солидарностью, рожденной в борьбе за независимость, но и «отражавшей интересы широкого спектра политических сил многопартийной системой», которая, добавим, дополнялась практикой участия в правительстве представителей нескольких партий и совместным руководством Сукарно и Хатты⁶⁷. По поводу Бурунди Лемаршан отмечает, что несмотря на серьезные этнические трения в период 1962–1965 гг., политический климат в этой стране был «на удивление терпимым и, к счастью, лишенным «мобилизационных черт», с которыми часто приходилось сталкиваться в те годы в других африканских государствах»; это благополучие он ставит в заслугу правительствам большой коалиции. «Разделение

---

⁶⁶ *Young C. Politics in the Congo. P. 279.*

⁶⁷ *Geertz C. Integrative Revolution. P. 130.*

власти между представителями различных групп означает, что ни одна из них не чувствует себя в непосредственной опасности перед лицом угрозы, исходящей от системы в целом»⁶⁸.

Остается ответить на последний вопрос: не является ли благоприятное влияние, относимое нами на счет колониального наследия, результатом действия других позитивных условий? Поскольку для ответа на этот вопрос пришлось бы рассмотреть слишком много переменных, постольку со строго научной точностью дать ответ на него не представляется возможным. Любой наш предварительный вывод мог бы быть в значительной мере поставлен под сомнение или даже опровергнут, если бы выяснилось, что успеху общественной демократии в Суринаме или на Нидерландских Антильских островах благоприятствовали все или многие другие условия. Однако сравнение этих двух стран с четырьмя другими, демократический опыт которых был не столь успешен, показывает, что первые две не имели заведомых преимуществ.

Единственно значимым благоприятным фактором в Суринаме, наряду с колониальным наследием, был умеренно множественный баланс сил его этнических сегментов. В этом отношении его положение было гораздо лучше, чем Нидерландских Антильских островов, которым приходилось существовать в условиях соотношения сил, близкого к наиболее неблагоприятному варианту «два неравных сегмента». Такое же первенство двух сегментов характерно и для Индонезии, если судить не по разделению на алираны, а с точки зрения противостояния Явы и Внешних островов. Крайняя степень такого неравенства отличает Руанду и Бурунди. Для Антильских островов главный благоприятный фактор — практически полная изолированность сегментов, поскольку сегменты составляет население различных островов. Общей для Суринама и Антильских островов чертой является весьма малая численность населения, не достигающая в совокупности и полумиллиона человек. Однако, согласно выводам, сделанным нами ранее, столь малый размер населения (меньше, чем даже в Ливане, на Кипре или в Северной Ирландии) не создает оптимальных условий для общественной демократии. Руанда и Бурунди с населением около 3 млн. человек каждая и Конго, население которого на момент достижения независимости составляло приблизительно 15 млн. человек, по этому показателю ближе к оптимальной цифре, однако Индонезия, занимавшая в 50-х годах шестое место в мире по численности населения (оно уже тогда приближалось к 100 млн. человек), находилась в самом невыгодном положении. С малым размером населения страны обычно связывает-

---

⁶⁸ Lemarchand R. Rwanda and Burundi. P. 296.

ся такой фактор, как относительная легкость бремени внешней политики. Этот фактор дополнительно способствовал развитию общест­венности в Суринаме и на Антильских островах, являвшихся членами Королевства Нидерландов, в котором они оставались в тени более густонаселенных и зажиточных европейских Нидерландов и, соответственно, были почти полностью лишены необходи­мости проводить собственную внешнюю политику⁶⁹.

Следует также отметить, что и Суринам, и Антильские острова — это чисто многосоставные общества; их неоднородность не смягчается наличием надсегментных ориентаций. Более того, в Суринаме сегменты разделены усиливающими друг друга культурными, религиозными, языковыми и расовыми границами, надсегментное же национальное сознание практически отсутствует. Социологи, занимавшиеся исследованием суринамской политики и общества, практически единодушны в оценке Суринама как «одного из лучших примеров многосоставного общества», являющегося «несомненно... одним из самых неоднородных обществ в районе Карибского моря» и «примером наибольшего плюрализма культур в западном полушарии»⁷⁰. На Антильских островах общество разделено и территориально, и по цвету кожи, однако население двух крупнейших островов и Бонайре исповедуют общую религию — католицизм и имеют единый язык — папиаменто, на котором нигде больше не говорят. Причем характерно, что Кюрасао и Аруба спорят о правилах правописания, существующих в этом языке. В целом же различия между островами намного глубже, чем связующие их узы, и, как отмечает Алберт Л. Гастман, «ослабляют приверженность Нидерландским Антильским островам как единому целому»⁷¹.

Кроме того, противоречия между сегментами в обеих странах усиливаются экономическим неравенством. В Суринаме существует достаточно отчетливое разделение труда по этническому признаку, а также этнические различия в экономическом развитии; более зажиточному креольскому сегменту лишь в последнее время стали составлять конкуренцию индийцы. Мелкие Антильские острова находятся в экономической зависимости от крупных, но еще более существенным фактором раскола служит значительно более высо-

---

⁶⁹ Пребывание в составе королевства помимо всего прочего влекло за собой постоянное присутствие на островах небольшого, чисто символического контингента голландских войск, которым иногда приписывается роль миротворческих сил.

⁷⁰ *Van Lier*. *Frontier Society*. P. 11; *Speckmann J.D.* De plurale Surinaamse samenleving//*den Hollander A.N.J. et al.* De plurale samenleving: Begrip zonder toekomst? Meppel: Egel Reeks, 1966. P. 52; *Dew E.* Surinam: The Test of Consociationalism. P. 36.

⁷¹ *Gastmann A.L.* Politics of Surinam and the Nederlands Antilles. P. 3.

кий уровень благосостояния населения Арубы по сравнению с жителями Кюрасао. Отсутствует и внешняя угроза, которая могла бы служить укреплению антильского единства. Все жители страны осознают, что близость Венесуэлы (Кюрасао, Аруба и Бонайре расположены на континентальном шельфе вблизи берегов Венесуэлы) может представлять потенциальную опасность, но этот фактор не способствует сплочению антильцев, поскольку жители Арубы более расположены к установлению тесных связей со светлокожими венесуэльцами, чем с жителями Кюрасао. Единственная проблема во внешней политике Суринама — пограничные споры с Гайаной, но они не составляют серьезной опасности.

Выводы из анализа, проделанного в данной главе, не свидетельствуют однозначно в пользу общественной демократии как нормативной модели для многосоставных обществ «третьего мира». Одним явно положительным результатом является обнаружение еще двух конкретных примеров, демонстрирующих приемлемость общественности для условий «третьего мира». Среди наших открытий отметим еще один способствующий общественности фактор — благоприятное колониальное наследие, но он, как показал опыт, был значимым крайне редко, а сейчас практически вообще отсутствует, оставаясь в прошлом. Ввиду этого особенно важно, чтобы распространение общественной модели осуществлялось и другими средствами, в том числе методами убеждения, предложенными Люисом, а, возможно, и с использованием аргументов сравнительного анализа, проделанного в данной книге.

7

Конструирование сообщественности

Главная практическая идея этой книги — призыв к политическому конструированию, обращенный к политическим лидерам многосоставных обществ: если они хотят создать или укрепить демократические институты в своих странах, то должны стать конструкторами общественности. Политологи обычно избегают давать рекомендации макрополитического уровня. В частности, контраст между ними и их коллегами-экономистами, также занимающимися проблемами развития, просто разителен. Как пишет Джованни Сартори, «в области экономического развития экономист берет на себя миссию проектировщика, в вопросах же политического развития политолог — зритель. Экономист активно вмешивается в процесс: его знание имеет прикладной характер. Политолог же выжидает: он объясняет, но не творит происходящее»¹. Итак, мы сталкиваемся с подлинной дилеммой. С одной стороны, если мы рассматриваем политическое развитие не как любое изменение, а как направленное изменение, ведущее к определенной цели — установлению стабильной демократии, то необходимость

---

¹ *Sartori G. Political Development and Political Engineering// Montgomery J.D., Hirschman A.O. (ed.). Public Policy. Vol. 17. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1968. P. 261.*

выявления средств для достижения этой цели становится очевидной и понятной. Но, с другой стороны, имеем ли мы право заниматься политическим конструированием или давать советы тем, кто им занимается, если наши знания несовершенны? В частности, достаточны ли наши знания для того, чтобы дать нам право рекомендовать общественную демократию в качестве средства построения эффективного и устойчивого демократического режима в многосоставном обществе?

Для того чтобы с полной уверенностью давать такую рекомендацию, в идеале требуется соблюдение следующих условий: 1) специалист по политическому конструированию должен принимать демократию как основную цель своей деятельности; 2) рекомендованные к внедрению общественные структуры и методы должны быть подробно и четко описаны; 3) применение общественной модели должно быть действительно необходимо для установления стабильной демократии (или, если возможны другие средства для достижения той же цели, то общественная модель по каким-либо параметрам должна быть более предпочтительна); 4) общественный метод должен быть достаточным средством для достижения стабильной демократии; 5) должны быть оценены все последствия установления общественной демократии, а также взвешены достоинства этого метода и негативные явления, которые могут возникнуть как ее побочные результаты и соотношение которых должно быть приемлемым с точки зрения норм, коими руководствуется специалист по политическому конструированию². Два первых критерия касаются правомерности самой идеи рекомендаций по выработке политического курса, четвертый предполагает гарантии надежности таких рекомендаций, а третий и пятый обеспечивают достижение желаемого результата с наименьшими затратами.

Перечисленные условия невозможно соблюсти в полном объеме и, таким образом, нельзя рекомендовать конструирование обществности со стопроцентной уверенностью. Два из названных критериев особых проблем не составляют. Негативные последствия, являющиеся побочными результатами общественной демократии, уже рассматривались в главе 2, и их влияние было признано довольно ограниченным. Точные и подробные рекомендации, касающиеся характера общественных институтов и ме-

---

² К мысли о перечисленных критериях автора подтолкнула статья: Hoogerwerf A. Rationalisering en democratisering van beleid//Bestuurswetenschappen 27. No 5 (September 1973). P. 306-307.

тодов, можно разработать лишь для конкретного многосоставного общества, ибо они зависят от его особенностей, и прежде всего от соотношения размеров сегментов и степени компактности проживания их на определенной территории. Рассмотренные в данной книге конкретные примеры дают представление о том, как могут быть практически реализованы такие важнейшие принципы общности, как большая коалиция, взаимное вето, пропорциональность и автономия. Рекомендация общего характера, которую можно дать, касается вопросов, традиционных для практики выбора конкретного типа политической системы. Хотя общественная демократия и совместима с президентской формой правления, мажоритарной избирательной системой и унитарной формой государственного устройства, однако более благоприятные институциональные рамки задаются для нее иной средой: парламентской системой правления (или полупарламентской при коллегиальном высшем органе исполнительной власти, как в Швейцарии), системой пропорционального представительства с голосованием по спискам и, в обществах с компактно проживающими сегментами, федеративным устройством.

Самое уязвимое звено в цепи аргументов в пользу конструирования общности составляет отсутствие уверенности в том, что она является необходимым и/или достаточным условием установления стабильной демократии. Относительно успешное развитие несообщественной Индии и провал общности на Кипре свидетельствуют о ее слабости. Скептики могут возразить, что из четырех случаев достаточно благополучных общественных демократий в «третьем мире» две существовали довольно долго, но не были абсолютно успешными (Ливан и Малайзия), а две остальные еще не доказали свою стабильность в условиях полной независимости (Суринам и Нидерландские Антильские острова). Эти скептики могут выдвинуть и другое возражение: все факторы, признанные способствующими становлению общественной демократии, были выведены из эмпирического анализа опыта европейских государств, а затем применены для разбора нескольких примеров за пределами Европы, однако при такой аналитической процедуре игнорируются значительные различия между этими двумя типами стран, что при более тщательном рассмотрении может существенно снизить применимость идеи конструирования общности в «третьем мире». Особенно бросаются в глаза различия по двум параметрам: уровню экономического развития и глубине, степени интенсивности противоречий между сегментами. Наносят ли эти различия непоправимый ущерб общественной демократии как нормативной модели для стран третьего мира?

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ И ПРИОРИТЕТНЫЕ ЦЕЛИ

Прежде чем анализировать и пытаться развеять последние сомнения относительно практического использования идеи общественной демократии за пределами западного мира, необходимо присмотреться к первому из приведенных критериев: уверенности в том, что демократия является целью, к которой стоит стремиться³. Можно быть убежденным демократом и одновременно соглашаться с Рупертом Эмерсоном в том, что однопартийная система или иная форма недемократического режима имеет очевидные достоинства в многосоставном и слабо развитом обществе, где «единство — главнейшее необходимое условие, где... требуется создать новое сообщество и где личные интересы людей должны отступить на второй план перед тяготами и ограничениями во имя развития»⁴. Данный вопрос отчасти связан с системой ценностей: должны ли экономическое развитие и формирование нации стоять в нашей шкале ценностей выше, чем демократия? Возникает и практический вопрос: может ли недемократический режим достичь этих целей быстрее и эффективнее, чем демократический?

Весьма сомнительно, что на последний вопрос можно ответить утвердительно: успехи недемократических режимов в многосоставных обществах трудно назвать впечатляющими. Большинство исследователей, рассматривающих деятельность этих режимов, оценивали ее весьма негативно. Как утверждает Аристид Р. Золберг, африканские лидеры заблуждались, считая, что «для поддержания порядка и осуществления модернизации в политической, экономической и других областях необходимы авторитарные меры». В Африке подобная «имитация авторитарности» заведомо обречена на провал»⁵. Артур Льюис, общепризнанный авторитет в исследовании условий экономического роста, отмечает, что утверждения, будто однопартийные системы способны ускорить экономическое развитие, лишены оснований, и что такие режи-

---

³ Здесь неуместно говорить о достоинствах демократии вообще. Роберт А. Даль сделал это весьма успешно, дав ряд утвердительных и очень убедительных ответов на вопрос: а нужна ли демократия? Например, по сравнению с недемократическими, демократические режимы обеспечивают большую степень традиционных свобод, более представительное политическое руководство и более высокую вероятность того, что политика будет отвечать интересам широких слоев населения; см.: *Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven: Yale University Press, 1971. P. 17–32.*

⁴ *Emerson R. Political Modernization: The Single-Party System//Monograph Series in World Affairs. No 1. Denver: University of Denver, 1963–1964. P. 30.*

⁵ *Zolberg A.R. Creating Political Order: The Party-States of West Africa. Chicago: Rand McNally, 1966. P. 158.*

мы «в принципе не подходят» для разрешения экономических проблем Западной Африки⁶. Демократическое правительство может оказаться неспособным обеспечить быстрое экономическое развитие в том случае, если требования масс заставят его направить большую долю ресурсов на нужды личного потребления и в область социального обеспечения, но и недемократические режимы способны растратить впустую ресурсы нации. «В одних случаях диктатура может стимулировать рост производства, в некоторых других — существенно замедлить его»⁷.

Утверждение о том, что для создания внутренне сплоченных наций в многосоставных обществах требуются недемократические режимы, также весьма сомнительно. Как отмечает Арнольд Ривкин, подобные режимы не проявили особой способности сплотить воедино неоднородное по составу население, поскольку возможности навязывания единства сверху весьма ограничены⁸. Основная трудность заключается в том, что характерные для традиционного общества ориентации чрезвычайно глубоко укоренены, и отдельные лидеры или олигархии практически неизбежно оказываются представителями интересов определенных сегментов и, следовательно, политиками, неприемлемыми для остальных сегментов. Хорошим примером в этом плане является Сукарно, которого зарубежные наблюдатели, да и он сам, нередко представляли как подлинно общенационального харизматического лидера. На самом же деле он был представителем только острова Ява и лишь одной из индонезийских субкультур. В результате, как пишет Р. Уильям Лиддл в исследовании по межнациональным отношениям и формированию наций, «харизма Сукарно и его идеология имели смысл лишь для части населения Индонезии (и полностью отвергались остальными)». Лиддл приходит к выводу, что по крайней мере в Индонезии авторитарность и централизация оказались неэффективными механизмами создания нации⁹. Единственной формой недемократического режима, при которой этой трудности можно избежать, служит «общественная олигархия», например, однопартийная система, являющаяся в полной мере большой коалицией всех значительных сегментов.

---

⁶ Lewis W.A. *Politics in West Africa*. London: Allen and Unwin, 1965. P. 44.

⁷ McCord W. *The Springtime of Freedom: Evolution of Developing Societies*. New York: Oxford University Press, 1965. P. 285.

⁸ Rivkin A. *Nation-Building in Africa: Problems and Prospects*. New Brunswick: Rutgers University Press, 1969. P. 56.

⁹ Little W. *Ethnicity, Party and National Integration: An Indonesian Case Study*. New Haven: Yale University Press, 1970. P. 220, 229.

Недемократические режимы не только оказались неумелыми строителями наций, но и не смогли добиться успеха в поддержании должного равновесия, стабильности в отношениях между сегментами и обеспечении мира в многосоставных обществах. Важно отметить, что самые острые за последнее время вспышки насилия в межнациональных отношениях в многосоставных обществах произошли в Индонезии и Бурунди, причем они имели место по прошествии достаточно большого срока после отхода этих стран от демократических форм правления. В 1965—1966 гг. по меньшей мере полмиллиона человек было убито в Индонезии после военного переворота, в результате которого Сукарно был отстранен от власти. Еще более ужасный пример «выборочного геноцида» — почти 100 тыс. убитых (в большинстве своем — хуту) в Бурунди в 1972 г., поскольку в качестве жертв намеренно выбирались те слои хуту, которые имели высокий или средний уровень образованности, а также потому, что при малом размере населения эта резня привела к гибели 3,5% жителей страны в течение нескольких недель¹⁰.

На самом деле было бы более обоснованным утверждать, что демократия, особенно в ее общественной форме, является лучшим объединителем нации, чем недемократический режим. В краткосрочной перспективе общественная демократия обычно усиливает неоднородность многосоставного общества, однако за более продолжительный период своего успешного функционирования общественная система может разрешить по крайней мере некоторые наиболее острые противоречия между сегментами и тем самым лишить межсегментную рознь политического характера. Она способна также значительно укрепить взаимное доверие как среди элит, так и на массовом уровне, после чего необходимость в общественной отпадает. Укрепление консенсуса в результате накопления опыта успешного разрешения конфликтов очень близко к тому процессу, путем которого, по мнению Али А. Мазруи, должно идти формирование наций в африканских странах. Его вывод: «Разрешение конфликтов — жизненно важный механизм интеграции. Весь опыт совместных поисков путей выхода из кризиса, наблюдения за тем, как собственная обоюдная враждебность уступает место взаимной терпимости, глубокое осознание позиций друг друга и ощущение необходимости преодоления разли-

---

¹⁰ *Lemarchand R., Martin D. Selective Genocide in Burundi//report No 20. London: Minority Rights Group, n.d.; Aupens B. L'engrenage de la violence au Burundi//Revue française d'études politiques africaines 8. No 91 (July 1973). P. 48—69; Melady T.P. Burundi: The Tragic Years. Maryknoll, N.Y.: Orbis Books, 1974.*

чий со временем должны помочь двум группам людей прийти к более тесным отношениям»¹¹. Австрийские большие коалиции, целью которых было не допустить падения демократии после второй мировой войны, проложили путь к восстановлению в 1966 г. системы «правительство против оппозиции» без какой-либо угрозы демократической стабильности. К этому времени с косвенной помощью общественной демократии в обществе была создана такая степень консенсуса, при которой дальнейшее использование общности стало ненужным. И наоборот, как отмечает Уильям Т. Блум, попытка «прямого» создания нации Отечественным фронтом и однопартийной диктатурой в 30-х годах закончилась весьма плачевно¹².

Согласно другому аргументу, экономическое развитие и формирование нации должны иметь приоритет перед демократизацией не потому, что они важнее сами по себе, а потому, что создают субструктуру, являющуюся неперенным условием для демократии. Такая точка зрения получает активную поддержку и со стороны теоретиков политического развития, и многих западных авторов теорий демократии (несообщественного типа), которые исходят из выведенной эмпирическим путем взаимозависимости демократии и различных социально-экономических характеристик западного общества. Однако из этой зависимости не явствует, что благоприятные для демократии условия должны создаваться недемократическими методами. Более того, недемократические режимы не проявили никакой способности проложить путь демократии. Хотя нередко эти режимы оправдывают свое правление демократическими целями, на самом деле они больше заботятся о сохранении своей недемократической власти. «Из средства политическая монополия превращается в самодовлеющую цель»¹³. Ривкин отмечает, что нет ни одного примера однопартийного режима в Африке, который «не использовал бы монополию на власть для

---

¹¹ *Mazrui A.A. Pluralism and National Integration//Kuper L., Smith M.G. (ed.). Pluralism in Africa. Berkeley: University of California Press, 1969. P. 335.*

¹² *Bluhm W.T. Building an Austrian Nation: The Political Integration of a Western State. New Haven: Yale University Press, 1973. P. 38–40.* Важно обратить внимание на следующий комментарий о пропорциональном представительстве как средстве, способствующем формированию нации в европейских многосоставных обществах: «Введение пропорционального представительства являлось особой частью стратегии интегрирования нации, а именно альтернативой монополизации влияния или гражданской войне». *Rokkan S. Citizens, Elections, Parties: Approaches to the Comparative Study of the Processes of Development. Oslo: Universitetsforlaget, 1970. P. 168.*

¹³ *Zolberg A.R. Creating Political Order. P. 62.* Он также обращает внимание на опасность «чреватой взрывом спирали враждебности и насилия» (P. 87).

подавления реальной или потенциальной оппозиции во имя единства. Единство в данном случае обозначает то, что диктуется правящей партией»¹⁴.

СЛАБОЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ И КОНСТРУИРОВАНИЕ СООБЩЕСТВЕННОСТИ

Аргумент, касающийся экономического развития и формирования нации, основан на допущении, что оба этих условия являются предварительными условиями для становления демократии. Из такого допущения в свою очередь следует, что конструирование обществ в слаборазвитых многосоставных обществах «третьего мира» обречено на провал. Что касается фактора экономического развития, то такая пессимистическая точка зрения подкрепляется одной из самых распространенных в сравнительной политологии взаимосвязей — между уровнем экономического развития и демократией¹⁵. Более того, поскольку при общественной демократии обычно вводится пропорциональное распределение ресурсов, постольку возникает гораздо большая, чем при других видах демократии, необходимость увеличения их объема с целью минимизации перераспределения по принципу «нулевой суммы». И наконец, еще большую убедительность данному аргументу придает тот факт, что Ливан и Малайзия относятся к числу самых развитых среди афро-азиатских государств, а Суринам и Нидерландские Антильские острова — весьма зажиточные страны по южноамериканским стандартам.

Тем не менее, данные факты не меняют общего характера корреляции, которая в сущности является чисто статистической зависимостью и далеко не совершенна, из этого правила имеется ряд значительных исключений. В той степени, в которой эта корреляция имеет причинно-следственный характер, в роли причины выступает скорее демократия, чем уровень экономического развития. Представляется интересной оценка Майклом С. Хадсоном роли этих переменных в ливанской политике. Мнение Хадсона особенно заслуживает внимания, поскольку он внес важный вклад в разработку метода макростатистического анализа в сравнительной политологии. Он задается вопросом: «Верно ли, что именно высокий жизненный уровень в Ливане способствует сохранению

¹⁴ Rivkin A. Nation-Building in Africa. P. 50.

¹⁵ Критический обзор исследований такого рода см. в: May J.D. Of the Conditions and Measures of Democracy. Morristown, N.J.: General Learning Press, 1973.

демократии? Практически не подлежит сомнению, что в мире в целом существует общая взаимосвязь между экономическим благополучием и стабильной демократией». Однако, хотя такого рода корреляция имеет место и в Ливане, она не имеет, по его мнению, причинно-следственного характера: «Если причинно-следственная связь и существует в Ливане, ...то причина и следствие в ней меняются местами». Он даже утверждает, что страна не станет «более или менее демократической, чем сейчас, если доход на душу населения будет вдвое выше или вдвое ниже нынешнего»¹⁶.

В худшем случае слабое экономическое развитие может считаться неблагоприятным фактором для конструирования общест-венности, но оно не делает его невозможным. Вместо того чтобы списывать конструирование общест-венности в разряд средств, непригодных для экономически слаборазвитых стран, гораздо продуктивнее было бы учитывать в данном процессе потребность этих стран в экономической модернизации. Интересное предложение такого рода было сделано Дэвидом Е. Аптером и Мартином Р. До-орнбосом: они предложили учредить «верхнюю палату по вопро-сам развития», составленную из профессионалов и отвечающую за долгосрочное экономическое планирование, как составную часть демократической «конституции развития», разработанной специ-ально для развивающихся стран.¹⁷

КОНСТРУИРОВАНИЕ СООБЩЕСТВЕННОСТИ ПРИ НАЛИЧИИ ОСТРЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Потенциально самое серьезное возражение против идеи кон-струирования общест-венности заключается в том, что уроки за-падной общест-венности неприменимы в незападных многосос-тавных обществах, поскольку многосоставные общества «первого» и «третьего» миров слишком сильно отличаются друг от друга¹⁸. Согласно этой логике, противоречия между сегментами в неза-падных многосоставных обществах намного острее, чем в запад-ных, и потому надежды на улаживание их общест-венными ме-тодами равны нулю или чрезвычайно малы. Возможным ответом

---

¹⁶ Hudson M.C. Democracy and Social Mobilization in Lebanese Politics//Comparative Politics 1. No 2 (January 1969). P. 246n.

¹⁷ Apter D.E., Doornbos M.R. Development and the Political Process: A Plan for a Constitution//Apter D.E. Choice and the Politics of Allocation. New Haven: Yale University Press, 1971. P. 167–175.

¹⁸ Nicholls D. Three Varieties of Pluralism. London: Macmillan, 1974. P. 58.

на данное возражение мог бы быть пример общественности в Малайзии, в которой расовые, культурные и экономические различия между сегментами исключительно сильны. Однако более конструктивным было бы попытаться подробнее проанализировать аргументы, выдвигаемые критиками идеи общественности.

Крайних взглядов по этому вопросу придерживаются Элвин Рабушка и Кеннет А. Шепсл. Они исходят из того, что стабильная демократия в многосоставных обществах невозможна в принципе, и заявляют, что тех ученых, которые придерживаются противоположной точки зрения, вводит в заблуждение их собственная приверженность демократическим идеалам. «Многие ученые питают пристрастие к демократическим политическим институтам. Но это порождает, как нам представляется, целый ряд продиктованных благими намерениями и тем не менее тщетных попыток продемонстрировать, будто стабильной демократии можно добиться и в условиях культурного разнообразия». Недостаток их аргументации, имеющий дедуктивный характер, заключается в том, что они рассматривают политику в многосоставных обществах как игру с нулевой суммой: «Мир этнических обществ живет в соответствии с принципами Гоббса, что зачастую предполагает «войну всех против всех». В частности, они утверждают, что большая коалиция не может быть дееспособной, поскольку она, с точки зрения принципа размерности Райкера, гласящего, что при условии нулевой суммы образуются коалиции минимального большинства, «изначально слишком велика по размеру». Однако вряд ли было бы реалистичным принимать нулевую сумму за общий принцип, за исключением разве что крайних случаев многосоставных обществ. Если же в обществе существуют хотя бы какие-то общие ориентиры или рациональное восприятие политики не как одной «игры», а как непрерывной серии игр, и частью выигрыша считается сохранение мирных отношений в долгосрочной перспективе, то принцип нулевой суммы перестает действовать, а с ним утрачивает силу и аргумент о нежизнеспособности больших коалиций¹⁹.

Авторы приводят множество конкретных свидетельств провалов демократии в многосоставных обществах. Однако большая часть их данных не относится к общественным демократиям, а некоторые факты с точки зрения общественной модели нельзя рассматривать как провалы. Например, политика «голосуй только за своих» в Гайане совмещается с общественной демократией, в которой существование партий, открыто выражающих интере-

---

¹⁹ *Rabushka A., Shepsle K.A. Political Entrepreneurship and Patterns of Democratic Instability in Plural Societies//Race 12. No 4 (April 1971). P. 462, 467, 470.*

сы отдельных этнических групп, служит вполне благоприятным фактором. Аналогичным образом, введение федеративных начал во фламандско-валлонские отношения является скорее шагом к разрешению языкового конфликта в Бельгии, чем свидетельством провала демократии²⁰. Некритическое восприятие принципа нулевой суммы оказывается столь же нереалистичным, сколь беспочвенными могут стать благие, явно демократические намерения. По последствиям же оно еще вреднее, поскольку затрудняет конструктивные попытки создания демократического режима при неблагоприятных условиях.

Огульное осуждение конструирования демократии в много-составных обществах распространяется Рабушкой и Шепслем и на «первый», и на «третий» миры, но по смыслу оно больше относится к «третьему миру» ввиду того, что там больше много-составных обществ и их многосоставность имеет более ярко выраженный характер. Эта бóльшая «выраженность» многосоставности в «третьем мире» по сравнению с «первым» проявляется в двух моментах: обычно здесь более значительны различия в культуре, и они усиливаются бросающимися в глаза и, как правило, не стирающимися различиями во внешнем облике.

Второй из названных моментов особенно подчеркивает Брайан Барри, который рекомендует проявлять сдержанность при переносе в этнически неоднородные общества общественных принципов, оказавшихся эффективными в разрешении религиозных или идеологических конфликтов между политическими субкультурами в Европе. Он утверждает, что «религиозные и классовые конфликты — это конфликты организаций»; этнический же конфликт — конфликт сплоченных групп, не нуждающихся в организации для того, чтобы устроить мятеж или погром, если они могут как-то иначе определить, кто к какой группе принадлежит». Однако бросающиеся в глаза различия в культуре или во внешности могут сыграть и положительную роль, четко обозначив границы и тем самым ограничив контакты и, следовательно, сведя к минимуму возможность конфликта между сегментами. Барри утверждает также, что в отличие от этнических религиозные и идеологические сегменты определяются принадлежностью людей к организованным группам, следующим за определенными лидерами; в результате этого лидеры могут полагаться на лояльность и поддержку их сторонников при заключении соглашений с лидерами других сегментов. В подобных рассуждениях не учитываются тенденции

---

²⁰ *Rabushka A., Shepsle K.A. Politics in Plural Societies: A Theory of Democratic Instability. Columbus, Ohio: Merrill, 1972. P. 62–92.*

многосоставных обществ к организованности по линиям водоразделов между сегментами и к усилению ориентации людей на собственные сегменты при обострении противоречий между сегментами. И наконец, Барри утверждает, что к вопросам религии и идеологии общественные методы подходят лучше, поскольку в таких случаях проблема состоит в том, «как управлять страной», а не «быть или не быть этой стране»²¹. Однако вопрос не ограничивается характером и интенсивностью противоречий, а предполагает также наличие или отсутствие надсегментных ориентаций.

В рассуждениях Барри слишком большой упор делается на проблеме власти элиты над сегментами и почти не затрагивается проблема достижения договоренностей между элитами различных сегментов. Во втором из указанных аспектов религиозные и идеологические противоречия являются особенно серьезным препятствием: они способны порождать напряженность в результате попыток обращения в свою веру представителей других сегментов; кроме того, они могут оказаться несовместимыми в логическом, а не эмоциональном отношении. Яростное сопротивление включению коммунистов в правительство большой коалиции в Италии и Индонезии наглядно показывает, какого высокого накала может достигать идеологическое противостояние. Эти возражения не опровергаются, разумеется, того факта, что расовые и этнические различия усиливают неоднородность многосоставного общества и уменьшают возможность общественной демократии. Общий вывод сводится лишь к тому, что разные *типы* межсегментных противоречий могут иметь различную *степень* интенсивности и что эти различия в степени интенсивности не следует преувеличивать.

На культурных различиях делает акцент Пьер ван ден Берге, который, подобно Рабушке и Шепслу, рассматривает многосоставные общества как по природе своей конфликтные, но при этом оговаривается, что при определенных условиях некоторые умеренно многосоставные общества достигли достаточно высокого уровня развития демократии. В качестве примеров многосоставных, но демократических систем он приводит Швейцарию, Бельгию, Канаду, Индию и Израиль. На основании изучения опыта этих пяти стран он вывел пять «ограничивающих условий», которые заслуживают того, чтобы их рассмотреть, поскольку они могут помочь в оценке общих перспектив демократии в многосоставных обществах. Два из условий ван ден Берге совпадают с характерными чертами общественной демократии. Он подчер-

---

²¹ Barry B. Political Accommodation and Consociational Democracy//British Journal of Political Science 5. No 4 (October 1975). P. 502—503.

кивает важность выработки определенных процедурных норм, «таких, как точные *modus vivendi* и *modus operandi*», обеспечивающих распределение власти в обществе в пропорциях, примерно соответствующих величине группировок». Судьба демократии зависит также от согласия по вопросу о том, как должны разрешаться противоречия между сегментами, то есть о «наличии общих норм, закрепляющих легитимность неоднородности общества, и специфических норм антиассимиляционного характера, которые обеспечивали бы сохранение целостности группировок. К числу самых важных из этих вопросов относятся вопросы культурной и региональной автономии». Указанные условия являются «ограничивающими» лишь в том смысле, что сводят формы демократии, способные существовать в многосоставном обществе, к общественному типу. Такая точка зрения в точности соответствует главной мысли настоящей книги.

Оставшиеся три условия у ван ден Берге касаются характерных черт рассматриваемых обществ. Первое из них — степень пересечения или наложения друг на друга линий различных противоречий — мы рассматривали в 3-й главе настоящей книги. В качестве главного условия (ван ден Берге ставит его на первое место) он указывает такое: шансы демократии в многосоставных обществах «прямо пропорциональны степени согласия по вопросам, касающимся основных ценностей, и, тем самым, обратно пропорциональны степени культурной неоднородности». Тот факт, что существуют разные степени многосоставности и что вероятность становления стабильной демократии находится в обратной зависимости от степени неоднородности, не подлежит никакому сомнению. Более важный вопрос заключается в другом, а именно: где тот рубеж, за которым демократия перестает быть возможной или становится маловероятной. Ван ден Берге утверждает, что в Бельгии и Швейцарии демократия совместима с многосоставностью, поскольку в этих странах общество является «средним по уровню культурной неоднородности». Другими примерами среднего уровня многосоставности общества могут служить Югославия и ЮАР, в частности отношения между африканерами и англоязычными белыми во второй из указанных стран. Минимальный уровень культурной неоднородности существует в ЮАР и в отношениях меж-

---

* *Modus vivendi* (лат. — образ жизни, способ существования) — 1) временное соглашение по какому-либо вопросу, заключенное сторонами в расчете на то, что впоследствии он будет урегулирован окончательно; 2) фактическое состояние отношений, признаваемое заинтересованными сторонами; *modus operandi* (лат.) — образ действия. (Прим. пер.)

ду африканерами и цветным населением, говорящим на языке африкаанс, а максимальный уровень — в отношениях между африканерами и зулусами. Ван ден Берге утверждает, что в случае максимальной культурной неоднородности шансы демократии весьма малы. По данному, достаточно приблизительному критерию большинство многосоставных обществ Азии и Африки принадлежит к средней категории. Крайне высокую степень культурной неоднородности, которая имеет место между африканерами и зулусами, можно обнаружить в весьма ограниченном числе случаев. Таким образом, концепция «ограничивающих условий» не предполагает жесткого и пессимистического взгляда на положение дел. Последнее условие, на которое ван ден Берге обратил особое внимание, звучит так: судьба демократии зависит от уровня научно-технического развития сегментов; демократия маловероятна в ситуации, когда «одна из группировок благодаря обладанию более совершенной техникой легко захватывает монополию над средствами насилия». Но за исключением белых переселенческих колоний в ЮАР и Родезии такой крайне резкий перепад в уровнях развития также представляет собой редкое явление²².

Перспективы общественной демократии в прогрессирующей степени ухудшаются с усилением неоднородности, с увеличением неравенства размеров сегментов или с большей раздробленностью общества, но они остаются все же более благоприятными, чем шансы на установление стабильной демократии британского типа. В случае крайне многосоставных обществ, таких, как ЮАР, слабы надежды на успех любой демократии, но если там все же установится демократическая система, то по своему характеру она почти неизбежно должна быть общественной. Заметим, что откровенные противники политики апартеида, как, например, Алан Патон, все больше думают о таких решениях южноафриканской проблемы, которые близки к общественной модели. Патон, подтверждая свою страстную приверженность идее «единого общества, единой Южной Африки, принадлежащей всем и управляемой всеми», утверждает, что «к цели единства всего общества в нынешних условиях нужно идти в рамках отдельного развития*... Эти территориальные образования (хоумленды, «отечества» для африканцев), как бы плохи они ни были, обладают потенциальным динамизмом, который мог бы «ускорить неизбежно воз-

---

²² *Van den Berghe P.L. Pluralism and the Polity: A Theoretical Exploration//Kuper L., Smith M.G. Pluralism in Africa. P. 70, 74–77.*

* Термин «раздельное развитие» явно перекликается с термином «раздельное проживание», что в переводе на язык африкаанс означает «апартеид». (Прим. пер.)

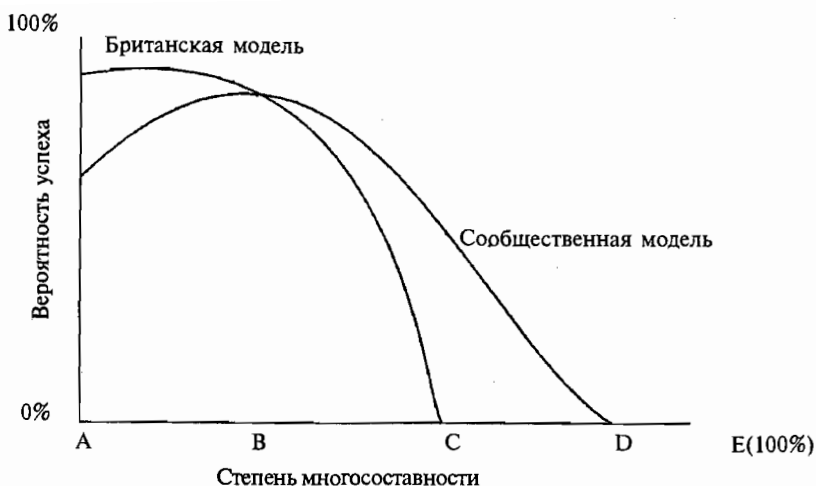

Схема б. Вероятность успеха двух нормативных моделей

никающее движение к единому обществу». К этому можно прийти, например, путем отказа от *полной* разделенности на суверенные «отечества» в пользу создания «в каком-либо виде федерации с федеральным парламентом, в котором были бы представлены все штаты или провинции, а последние имели бы кроме того высокую степень автономии». Он также подчеркивает, что эволюция в этом направлении должна сопровождаться движением к политическому и экономическому равенству²³. Предлагаемое Патоном решение в целом имеет общественный характер, хотя он и не рассматривает возможности внетерриториальной или частично территориальной автономии сегментов, сочетающейся с сегментарным политическим представительством, что может оказаться более приемлемой формой реализации принципов общности как с моральной, так и с практической точек зрения, поскольку не требует массового переселения. Общественное решение такого рода открывает лучшие, точнее говоря наименее неблагоприятные, перспективы мирных демократических перемен.

В конечном счете остается справедливым предположение о том, что конструирование общности полностью не от-

²³ Paton A. Some Thoughts on the Common Society//Randall P. (ed.). Directions of Change in South African Politics. Johannesburg: Study Project on Christianity in Apartheid Society, 1971. P. 46, 49–50.

вечает двум условиям, сформулированным в начале данной главы и гласящим: общественность должна быть и необходимым, и достаточным средством для достижения стабильной демократии. Главный вывод этой книги более скромнен, но все же имеет насущное практическое значение для многосоставных обществ. Он в обобщенном виде, графически представлен на схеме 6, на которой дается непроградуированная и приблизительная шкала степени неоднородности общества (при допущении равенства прочих условий) и столь же приблизительная оценка вероятности успеха двух типов конструирования демократии²⁴. В гомогенных обществах (отрезок между точками А—В на схеме 6) следует рекомендовать британскую модель ввиду относительной слабости деполитизированной демократии²⁵. В экстремальных случаях многосоставности (D—E) обречены обе модели. По мере возрастания степени неоднородности на отрезке В—D шансы *обеих* моделей уменьшаются, но это сокращение шансов гораздо значительнее у британской модели, чем у общественной. Другими словами, на отрезке В—D перспективы общественной модели *улучшаются по сравнению* с перспективами британской модели. На отрезке В—С шансы у общественной модели лучше, чем у британской, но ни одна из моделей не является ни необходимой, ни достаточной. Однако на отрезке С—D общественный метод становится необходимым, хотя его шансы на успех продолжают падать. Для большинства многосоставных обществ западного мира реальным представляется выбор не между британской нормативной моделью демократии и общественной моделью, а между общественной демократией и невозможностью демократии вообще.

---

²⁴ Принимается также, что общественная и британская модели являются идеально-альтернативными друг другу и никакой третьей, отличной от них модели, не существует.

²⁵ См. раздел «Типология демократических режимов», гл. 4.

Предметный указатель

Австралия 148

Австрия:

- баланс сил 91, 96–98, 210
- большая коалиция 66–72, 84, 92, 141–142, 180
- взаимное вето 74
- как многосоставное общество 49–51, 58, 108 (прим.), 109–111, 151, 166
- как нормативный пример 36, 50, 219, 222
- политические традиции 137–139
- принцип пропорциональности 75
- размеры 102–105
- снижение степени общественности 36–37, 111, 141–142, 147
- федерализм 79, 126, 134–135, 160
- центробежная демократия 147, 151

Автономия (сегментов):

- в Австрии 79, 134–135
  - в Бельгии 79, 222–223, 230, 247
  - в Израиле 166–167
  - в Канаде 158, 160
  - в Ливане 186, 191–192
  - в Малайзии 188
  - в Нигерии 199–200
  - в Нидерландах 79, 85, 221–222, 230
  - и «власть черных» 150
  - и федерализм 77–79
  - как общественный метод 60, 77–79, 184, 203–205, 272
  - как средство укрепления многосоставного общества 77–78, 84, 126, 265–266
  - на Кипре 195–198
  - препятствия на пути к автономии 84–85, 87.
- см. также:* Федерализм

Алмонд, Габриэль А. 40–46, 48–50, 52–53, 57–58, 62–63, 91, 99, 112, 124, 143, 147, 149, 151, 156

Альберт (король Бельгии) 71

Альтузиус, Иоганнес 36

Антилы. *См.:* Нидерландские Антильские острова

Аптер Дэвид Е. 199–200, 268

Ариан Алан 168–170

Аристотель 35

Балж, Ян 171

Байндер, Леонард 54, 186

Баланс сил:

- в Австрии 91, 96–98, 210
- в Бельгии 97–98, 101, 210
- в Бурунди 220, 227, 256–257
- в Израиле 169
- в Индонезии 227–228, 256–257
- в Канаде 164
- в Ливане 190–191
- в Малайзии 190–191
- в Нигерии 201–202
- в Нидерландах 92, 96–97, 210
- в Руанде 219–220, 227, 253–254
- в Северной Ирландии 174–175, 198
- в Суринаме 256–257
- в «третьем мире» 208–210, 211–212
- в Швейцарии 97–98, 130–131, 209–210
- и партийная система 98–102
- и индекс раздробленности 95
- как благоприятное условие 77, 90–98
- на Кипре 197–198
- на Нидерландских Антильских островах 227–229, 254
- элементы баланса сил 92

Бальфур, лорд 63

Барри, Брайан 65–66, 107, 175, 270–271

Батлье и Ордоньес, Хосе 250, 252, 253

Бауэр, Отто 79

Бельгия:

- баланс сил 97–98, 101, 210
- большая коалиция 67–68, 141, 222
- взаимное вето 74
- изолированность сегментов 125
- в Бурунди 219–220, 223–224, 245–246
- и Конго 219–220, 223–225, 230–233, 243–244, 247

- и Руанда 219–220, 224, 227, 244–245
- и правило паритета 77, 223
- как метрополия (колониальная держава) 215–217, 222–223, 255
- как многосоставное общество 49–50, 108–116, 141–142, 157–158, 166, 206, 271
- как нормативный пример 37, 50, 246–247
- монархия 71, 97, 120, 224, 247
- политические традиции 137–138
- размеры 102–104
- снижение степени общности 36, 141–142
- федерализм 79, 133, 222–223, 270
- Бентлу, Артур Ф.** 45–46
- Берег Слоновой Кости** 181
- Берлингуэр, Энрико** 156
- Бернская Юра** 131–134
- Блюм, Вильям Т.** 42, 119, 139, 266
- Большая коалиция:**
- в Австрии 66–72, 84, 92, 141–143, 180
  - в Бельгии 67–68, 141, 222
  - в Бурунди 245–246, 255, 256–257
  - в Великобритании 64, 173–176
  - в Германии 155
  - в Израиле 166–171
  - в Индонезии 235–237, 255, 271
  - в Италии 155–156
  - в Канаде 161–163, 242
  - в Колумбии 69
  - в Конго 243–244, 254–255
  - в Ливане 69–70, 185
  - в Малайзии 188–190
  - в Нигерии 199–200
  - в Нидерландах 71, 103–104, 137–138, 222, 235
  - в Руанде 244–245
  - в Северной Ирландии 173–175
  - в Суринаме 238–239
  - в США 64
  - в «третьем мире» 207
  - в Уругвае 249–253
  - в Чехословакии 69
  - в Швейцарии 66–67, 70, 137, 249–252
  - в Швеции 64
  - и баланс сил 91–92
  - изменение коалиций 64–66
  - и президентское правление 64, 69, 224
- и принцип пропорциональности 74–77
- и принцип размерности 61–62
- и теория демократии 63–64, 183–184
- и фактор размера 102–103
- как общественный метод 35, 39, 51, 60–66, 181–184, 204–208
- на Кипре 196
- на общенациональном уровне 137
- на Нидерландских Антильских островах 238–243
- недостатки 83–85, 86–88
- формы 66–72
- Британская модель демократии:**
- интерпретация Льюиса 181–184, 205, 207
  - как колониальное наследие 213, 214–215
  - определение 61, 62–63
  - отличие от общественной модели демократии 63–64, 76–77, 81, 83, 85, 202, 273–275
  - см. также:* Сообщественная демократия; Соединенное королевство; Великобритания
- Булл, Хэдли** 82
- Бурунди:**
- большая коалиция 245–246, 255, 256–257
  - конституция 223–224, 248
  - насилие 220, 265
  - неудачи демократии 220–221, 256
  - принцип пропорционального представительства 227
- Ван ден Берге, Пьер Л.** 206, 211, 271–273
- Ван ден Бранде, А.** 123
- Великобритания. См.:** Соединенное Королевство
- Верба, Сидней** 46, 50, 154
- Вертон, Петер** 241
- Верхняя Вольта** 181
- Вето. См.:** Взаимное вето
- Взаимное вето:**
- в Австрии 74
  - в Бельгии 74, 133–134, 222
  - в Израиле 167
  - в Канаде 161, 163–164
  - в Ливане 186
  - в Малайзии 189
  - в Нигерии 199, 200

- в Нидерландах 74, 222
- в Северной Ирландии 173
- в США 149–150
- в Уругвае 251
- в Швейцарии 74
- и соперничающее большинство 72–74
- как общественный метод 60, 72–74, 76, 180
- на Кипре 196–197
- невыгодные ситуации 87–88
- Вильгельмина** (королева Нидерландов) 71
- Внешняя политика** 103–107
- Внешняя угроза:**
  - в Израиле 169–170
  - в Канаде 164–165
  - в Ливане 191
  - в Малайзии 191
  - в Северной Ирландии 176
  - в Суринаме и на Антилах 258–259
  - в «третьем мире» 205, 211–213
  - как благоприятное условие 103–105
  - на Кипре 198
- Волпе, Ховард** 179
- Габон** 210
- Гайана** 51, 239, 269
- Гамбия** 210
- Гамильтон Чарльз В.** 150
- Гана** 181
- Гастман Альберт Л.** 258
- Гвинея** 181
- Германия:**
  - большая коалиция 155
  - в типологии Алмонда 41, 50, 151
  - как центростремительная демократия 154–155
  - размеры 102
  - федерализм 126, 160
  - центробежный характер демократии 100, 151, 153
- Гирц, Клиффорд** 51–52, 209, 236–237, 256
- Голландия. См.: Нидерланды**
- Горовитц, Дональд Л.** 93, 211
- Греция** 82, 195, 198
- Гринберг, Жозеф Х.** 96
- Гриффит, Эрнест С.** 105
- Гутман, Эмануэль** 167–168
- Даалдер, Ханс** 71, 77, 89, 92, 106, 136–137, 203–204
- Дагомея** 181
- Даль, Роберт К.** 36, 38, 64, 69, 82, 91–92, 105–106, 107, 117, 133, 136, 145, 149, 263
- Дания** 49–50, 147–148
- Данн, Джеймс А.** 132, 133
- Дейч, Карл В.** 104, 125, 209
- Демократия:**
  - определение 38
  - специфика 83–87, 88, 101–102
  - типы 40–41, 47–49, 69–72, 143–146
- Деполитизированная демократия:**
  - в Австрии 147
  - в Скандинавии 147
  - как тип демократического режима 143
  - стабильность 144–145, 146, 275
- Диамант, Альфред** 58
- Дифенбейкер, Джон** 163
- Доорнбос, Мартин Р.** 268
- Дью, Эдвард** 239, 248, 254
- Дюверже, Морис** 47, 100, 153
- Дюпе, Жорж** 152
- Жирос, Роже** 126
- Заир. См.: Конго**
- Золбергер, Аристид Р.** 263
- Игра с нулевой суммой** 61, 93, 102, 117–118, 269
- Изоляция (сегментов):**
  - в Австрии 126, 135
  - в Бельгии 125, 133
  - в Израиле 166–167
  - в Канаде 158, 162–163
  - в Ливане и Малайзии 193–194
  - в Нигерии 199, 201–202
  - в Северной Ирландии 171–172, 177–178
  - в США 149–150
  - в «третьем мире» 206, 212
  - в Швейцарии 126–131
  - и равенство 85
  - и федерализм 126
  - как благоприятное условие 90, 124–126
  - на Кипре 195–198
  - на Нидерландских Антильских островах 257
- Израиль:**
  - благоприятные условия 169–171, 203

- как многосоставное общество 166–167, 271
 специфические черты общест-
 венности 168–171
 Индия 209, 210, 262, 271
 Индонезия:
 большая коалиция 235–238, 255,
 257, 271
 и Малайзия 192, 208
 и нидерландские колониальные
 власти (правление) 219
 конституция 223–224, 248
 крушение демократии 221
 размеры 210, 257–258
 принципы пропорционального
 представительства 227–228
 федерализм 230–235, 255
 Ирландия, Республика:
 и Северная Ирландия 172–176
 как центростремительная демок-
 ратия 148
См. также: Северная Ирландия
 Исландия 50, 147–148
 Испания 100, 137, 151
 Истон, Дэвид 124
 Италия:
 в типологии Алмонда 41, 44,
 49–50, 99, 151
 размеры 102
 сотрудничество элит 155–156
 центробежный характер 99–100,
 151, 155–156, 169
Калхоун, Джон К. 73, 161, 187
 Канада:
 благоприятные условия 163–166,
 171, 203
 как многосоставное общество 56,
 149, 156–166, 271
 федерализм 126, 156–166
 элементы общественности 160–
 166, 242
 Канза, Томас 232
 Кармайкл, Стоукли 150
 Карнелл, Ф. Дж. 232
 Касавубу, Жозеф 233, 244, 247, 255
 Кахин Джордж МакТ. 227, 232
 Кизингер, Курт Георг 155
 Кипр:
 благоприятные условия 198, 210
 как многосоставное общество
 195–196
 колониальное наследие 217–218,
 253
 неудачи демократии 196–198,
 202, 262
 специфические черты общест-
 венности 184, 195–198, 253
 Киришаймер, Отто 139
 Китай 208
 Клаес, Лоуд 74
 Коалиционный Комитет (Австрия)
 68, 74, 76
 Кокс, Оливер К. 57
 Колониализм:
 и тип демократии 213, 214–219,
 253–259
 Колумбия 69, 216
 Конверс, Филипп Е. 152
 Конго:
 большая коалиция 243–244,
 254–255
 и бельгийские колониальные
 власти 219–220, 255–256
 конституция 223, 247
 неудачи демократии 219
 принцип пропорциональности
 225
 федерализм 230–233
 Коннор, Уолкер 51, 125
 Концепция «центр — периферия»
 (Шилз) 55–56, 93
 Корнхаузер, Уильям 84
 Котхари, Раджни 56, 218
 Коулмен, Джеймс С. 57
 Крейгавон, лорд 172
 Крозье, Мишель 153
 Купер, Лео 53
Лейпхарт, Аренд 96, 254
 Лейтес, Натан 152
 Лемаршан, Рене 220, 244–245, 256
 Лембрух, Герхард 39, 92, 106, 137,
 139, 155
 Либерия 181
 Ливан:
 благоприятные условия 190–195,
 202–203, 208–211
 большая коалиция 69, 185
 как многосоставное общество
 185–186, 191
 как общественная демократия 40,
 185–187, 202
 колониальное наследие 217–219,
 256
 успехи демократии 186–187, 262
 Лидлл, Уильям Р. 264

Липсет, Сеймур Мартин 45, 122, 130, 154
Лорвин, Вэл Р. 39, 50, 65, 86, 102, 115, 119, 123, 125, 138, 141, 157
Лоуи, Теодор 144, 145
Лумумба, Патрис 232, 233, 244, 247, 255
Люксембург 40, 50, 102
Льюис Артур 181–184, 202, 205, 207, 215–219, 222, 250, 253, 255, 259, 263

Мавритания 181

«Магическая формула» 67, 75, 137
Мазруи, Али А. 265
Макариос, архиепископ 197
Маквей, Рут Т. 235, 236
Макданиел, Джерад Р. 148
Макиавелли, Никколо 203
Маккензи, Дж. 214
Макрей, Дункан 152
Макрей, Кеннет Д. 137, 157, 162, 165

Малайзия:

благоприятные условия 190–195, 202–203, 267
как многосоставное общество 187–188, 190–192
как общественная демократия 40, 184, 187–190, 202–203
колониальное наследие 218, 221, 256
успехи демократии 187–188, 262

Мали 181

Меддинг, Питер И. 169
Мейзель, Джон 158, 164
Мелсон, Роберт 179
Меньшинства. См.: Представительство меньшинств
Мео, Лейла М. Т. 193
Миль, Джон Стюарт 53
Милн Р. С. 190
Минз, Гордон П. 192
Многосоставное общество:
в «первом мире» 40–43, 270
в «третьем мире» 51–56, 270
и автономия сегментов 77–78, 126, 264–265
определение 38–40, 52, 77, 205
типы 52–53, 108, 269–271
См. также: Разделенность (общества) на сегменты
Мобуту, Жозеф 220, 231, 247

Надсегментные ориентации:

в Израиле 169
в Канаде 165
в Малайзии и Ливане 191–192
в малых европейских странах 71–72, 118–120
в Северной Ирландии 174–176
в Суринаме и на Нидерландских Антильских островах 258–259
в «третьем мире» 204–206, 212 и монархия 71
как благоприятное условие 71, 90–91, 118–120
на Кипре 198
Нарролл, Рауль Г. 213
Национализм 119–120
См. также: Надсегментные ориентации
Национальное строительство 51, 54–56, 59, 80–81, 179–180, 207–208, 264–265
Нвабузе, Бен О. 201
Нигер 181
Нигерия 181, 184, 199–202, 209, 210
Нидерландские Антильские острова (Антилы):
благоприятные условия 257–259, 267
деколонизация 255, 262
коалиции 239, 243, 254
конституция 224
принцип пропорционального представительства 227–228
успехи демократии 221–222
федерализм 230–235
Нидерланды:
автономия сегментов 79, 85, 136, 223, 227
баланс сил 92, 96, 210
большая коалиция 67–68, 70, 71, 142, 222
взаимное вето 74, 222
и Индонезия 219, 221, 223, 224–225, 227–228, 230–235, 247–248
и Нидерландские Антильские острова 219, 221–222, 224, 228–229, 230–231, 233–234, 238–243, 246, 255
и Суринам 219, 221–228, 238–239, 249, 254–255, 257
как метрополия (колониальная власть) 214, 217, 221, 222, 223

- как многосоставное общество 49, 50, 110–111, 114, 115, 118–119, 157, 166, 167
как нормативный пример 36, 37, 50–51
монархия 71, 224, 247
неудачи общности 35–36, 88, 141–142, 246–247
политические традиции 136, 137, 138, 203
принцип пропорциональности 88, 167, 222–223, 225
размеры 102, 103, 104
- Никсон, Ричард М. 64
Новая Зеландия 148
Ноел, С. Дж. Р. 163
Нойман, Зигмунд 47, 100
Норвегия 49, 144, 147–148
Нордлингер, Эрик А. 40, 80, 85–86, 151, 180, 212
Ньерере, Джулиус 64, 204
- О’Брайен**, Конор Круз 172, 174
О’Лири, Корнелиус 171
ООН 197, 219, 220, 221, 244–245
Ормсби, Уильям 161
- Пай**, Люсиан У. 51, 54, 58, 207
Палтиел, К. З. 166, 171
Папуа – Новая Гвинея 208
Парламентское правление 60–61, 69, 224, 262
- Партийная система:
австрийская 66–67, 99, 120–121
бельгийская 67, 121–122
в Израиле 166–169
в Северной Ирландии 172–173
в Суринаме 225–226, 249
голландская 67–68, 120–121
и баланс сил 98–100
индонезийская 228, 234–235
итальянская 99–100, 155–156
канадская 158–159, 242
количество партий 47–49, 99, 182, 216
малайзийская 187–190
на Нидерландских Антильских островах 239–241
нигерийская 199–200
представительство 120–124
швейцарская 66–67, 120–124
- Патон, Алан 273, 274
Паундс, Норман 82
- Пауэл-младший, Г. Бингем 41, 46, 99, 112, 115
Пенгель, Дж. А. 239
Пересечение (линий разделения):
индекс пересечения 117
угол пересечения 113–115
См. также: Разделение
- Политическая стабильность:
в общественной демократии 51, 86–88, 143–146
в типологии Алмонда 42
определение 38–39
- Политические партии.
См.: Партийная система
- Политическое развитие.
См.: Развитие
- Поллис, Адамантия 195
Портер, Джон 162
- Правление (власти) большинства:
в Канаде 163–164
в Северной Ирландии 172–174
и абсолютизм 138
как британская политическая традиция 204
как метод проведения выборов 76, 182, 262
на выборах в Индии 218
на выборах в Малайзии 189–190
на выборах в Нигерии 204
на выборах в Суринаме 221–222
отклонения от правила 60–61, 63, 72, 74–77, 182
См. также: Большая коалиция; Взаимное вето; Принцип пропорциональности
- Представительство меньшинств:
в Индонезии 234–235
в Суринаме 225–226
на Кипре 196, 197
на Нидерландских Антильских островах 227–228, 241–242
- Президентское правление 60, 64, 69–70, 71, 185–186, 216, 224, 247
Престус, Роберт 156, 165
- Принцип паритетности (равного представительства) 77, 229, 234–235
в Бельгии 77, 133–134, 223
в Канаде 164
на Нидерландских Антильских островах 229
- Принцип пропорциональности:
в Израиле 167, 171

- в Канаде 161–162
- в Ливане 185–186
- в Малайзии 188–189
- в Суринаме 226
- в Уругвае 251
- делегирование полномочий 76
- и представительство 74, 88
- и принцип «перекаtywания бревна» 75
- и распределение государственных должностей и ресурсов 74–75
- как принцип избирательной системы 76, 88
- как общественный метод 60, 74–77, 181–184, 234, 271–272
- на Кипре 195–196
- неудачи 87
- разновидности 76–77
- Принцип размеров (размерности) 61, 269
- Принцип частичного совпадения 41, 45–46
- См. также:* Разделенность общества на сегменты
- Пропорциональное представительство:
  - в Бельгии 225, 247
  - в Бурунди и Руанде 227
  - в Великобритании 175
  - в Германии 155
  - в Израиле 167
  - в Индонезии 227
  - в Конго 227
  - в Ливане 185
  - в Нидерландах 88, 167, 225
  - во Франции 215
  - в Северной Ирландии 173
  - в Суринаме 225
  - в Уругвае 251
  - и принцип пропорциональности 74–77, 88, 101, 161, 183, 262
  - как способ национального строительства 267
  - на Нидерландских Антильских островах 227, 229
  - типы 173–174, 184
- «Пятерка» (Петка) 69, 76
- Рабушка, Элвин** 269–271
- Равенство, социально-экономическое (и неравенство, классовые различия):
  - в Австрии 115
  - в Бельгии 115–116, 119
  - в Израиле 170
  - в Канаде 156, 165
  - в Ливане 193
  - в Малайзии 193
  - в Нидерландах 85, 113–115, 118
  - в Северной Ирландии 175
  - в Суринаме и на Нидерландских Антильских островах 258–259
  - в США 150
  - в «третьем мире» 210–212
  - в Швейцарии 115–116
  - в Южной Африке 272–273
  - и изолированность сегментов 84
  - как благоприятное условие 112–115, 124
  - на Кипре 198
- Развитие:
  - политическое 51–56, 179–180, 209, 260
  - экономическое 211–212, 260–263, 266–267
- Раздел (разделенность):
  - защитники его 81–82
  - и теория международных отношений 82
  - Канады 165–166
  - Кипра 198
  - невыгодные моменты 80–83, 84–85
  - Северной Ирландии 174, 178
  - совместимость с общественностью 81, 103
- Разделение властей 41, 43–45, 70
- см. также:* Президентское правление
- Разделенность (общества) на сегменты:
  - в «первом мире» 39–40, 49–51, 56–57, 147–160, 171–173
  - в «третьем мире» 51–54, 185–186, 187, 195, 205–206, 208–210, 258–260
  - интенсивность (глубина) 53, 262–263, 268–275
  - и партийные системы 65, 120–124
  - недостатки (слабость) 35–36, 141–143, 146
  - определение 38–39
  - «пересекающиеся линии разделения» 45–46, 111–118, 123–124, 272
  - раздробленность 108–110

- Раздробленность:
индексы 94–96, 108, 127
- Размеры:
бывших бельгийских и голландских колоний 256–258
и внешняя политика 106–107
и внешняя угроза 103–104
Израиля 170
и малые европейские страны 102–106
как благоприятное условие 90, 102–106
Канады 164
Кипра 198, 210, 257
Ливана 191, 198, 210, 257
Малайзии 191, 210
Нигерии 202
опосредованная (косвенная) выгода 105–106
прямая выгода 102–104
Северной Ирландии 176, 198, 210, 257
стран «третьего мира» 210
- Райкер, Уильям Х. 61, 269
Райт, Квинси 124
Растоу, Данкварт А. 147
Рей, Дуглас 95, 108, 127
Реннер, Карл 79
Референдум 76, 132, 133
Ривкин, Арнольд 264, 266
Родезия 273
Роккан, Стейн 144, 266
Рондо, Пьер 185
Роуз, Ричард 172, 175–176
Руагасоре, принц Луи 245
Руанда:
большая коалиция 245
конституция 224
неудачи демократии 220
пропорциональное представительство 226
- Руссо Ж.-Ж. 63
- Сааб, Хасан 191
Сабах 188, 217
Самопроверяющееся пророчество 138, 140
Саравак 188, 217
Сартори, Джованни 99–101, 260
Северная Ирландия:
благоприятные условия 173–178
и британские традиции 173–175, 216–219
как многосоставное общество 149, 171–174, 248
размеры 175–176, 191, 198, 210
общественное решение 171–178, 253
- Сегмент:
определение 38
см. также: Разделенность (общества) на сегменты
- «Сегментарный плюрализм»:
определение 40
степень 49–50, 97, 98–100, 101–102, 141, 157
- Сенегал 181
Сингапур 188, 191, 208
Система «миллятов» 192, 198
Смит М. Дж. 53, 57, 205
«Совпадающее большинство» 60, 72–73, 161, 164, 187
см. также: Взаимное вето
- Соединенное Королевство (Великобритания):
в типологии Алмонда 41–42, 44, 46, 50, 57, 147
избирательная система 76, 173–174, 181–182, 227
как метрополия (колониальная власть) 198, 214, 217, 218
как конкурирующая (сореволюционная) модель (демократии) 61, 64, 148, 181–182
политические традиции 137, 165, 175
см. также: Британская модель демократии, Северная Ирландия
- Сообщественная демократия:
в Бурундии и Индонезии 255–257
в Израиле 170–171
в интерпретации Льюиса 181–185
в Канаде 149, 165–166
в Ливане 185–187
в Малайзии 190–191
в малых европейских странах 49–50, 68–80
в Нигерии 199–202
в Северной Ирландии 149, 171–178
в Суринаме и на Нидерландских Антильских островах 254, 258
в США 147, 214–216
на Кипре 195–198
недостатки 83–88, 261–262

- неудачи (провалы) 35, 88, 142, 146
определение 35–36, 39–40, 60, 184, 199–200, 205–206
стабильность 36, 51, 90, 146
элемента 60
- Социально-экономический совет (Голландия) 68
- Стабильность. См.: Политическая стабильность
- Сукарно 221, 235–238, 248, 255, 256, 264–265
- Сулейман, Мишель 186–187
- Суринам:
благоприятные условия 257, 267
доколониализация 254, 255
как многосоставное общество 51, 258
коалиции 238–239, 242
конституции 224, 248
пропорциональное представительство 225, 226
- США:
большая коалиция 64, 69, 144, 149–150
в типологии Алмонда 41–42, 44, 46, 50, 147
как метрополия (колониальная власть) 214, 221
как многосоставное общество 56, 125, 126, 149–150, 157
размеры 102
федерализм 126, 160, 215
- Сьерра Лионе 181
- Тафт**, Эдвард Р. 82, 105, 107
- Тинкер, Айрин 150
- Того 181
- Традиции:
в Великобритании 173
в Израиле 170
в Канаде 165
в Ливане 191–192
в Малайзии 191–192
в малых европейских странах 137
в Северной Ирландии 175
в «третьем мире» 140, 203–204, 213
изначально общественные (протосообщественные) 90, 136–140, 203–204
и самопроверяющиеся пророчества 136
как благоприятное условие 136, 139
- как колониальное наследие 219–223, 256–259
на Кипре 198
- Тринидад 51
- Труеба, Андреас Мартинес 250
- Трумэн, Дэйвид Б. 45
- Турция 82, 195, 197–198
- Тэйлор, Майкл 95, 100, 108, 127
- Тэйлор, Филипп В. 252
- Уайли**, Лоренс 152
- Уирт, Луис 81
- Уругвай 219, 249–253
- Файн**, Герберт 131
- Файн, Леонард Дж. 170
- Федерализм:
в Австрии 79, 126, 134–135, 160
в Бельгии 79, 133, 222–223, 270
в Израиле 167, 170
в Индии 219
в Индонезии 221, 230–231, 232–235, 255
в Канаде 126, 156–166
в Конго 230–233
в Малайзии 188
в Нигерии 200–201
в США 115–116
в Швейцарии 79, 87, 126–133, 271
в Южной Африке 273
как общественный метод 78–79, 99, 124–126, 183, 262
на Кипре 196
на Нидерландских Антильских островах 230–231, 233
- Федеральный Совет 67, 70, 72, 75, 120, 137, 250, 252
- Фернивал, Дж. С. 52–53, 56–58, 81, 181
- Филиппины 215
- Финляндия 50, 147, 148
- Фольк, Уияльм Дж. 206
- Форис, Карл, фон 190
- Франция:
в типологии Алмонда 41–50
как метрополия (колониальная власть) 192, 215, 217
политические традиции 137, 164, 181–182
размеры 102
центробежный характер (демократии) 100, 151–152, 181–182

Хаас, Майкл 204
Хаас, Эрнест Б. 143
Хадсон, Майкл С. 267
Хаммаршельд, Даг 219–220
Хантингтон, Сэмюэл П. 54, 82, 209
Харрис, Розмари 171, 177
Хатта, Мохаммед 232, 237–238, 255, 256
Хейслер, Мартин О. 61
Хелю, Шарль 185
Химмельstrand, Ульф 201
Хог, Мери Р. 111
Хоффман, Стэнли 90, 152
Хьюз, Люсьен 97

Цейлон 208

Центробежная демократия:

в Австрии 147, 151
в Германии 151, 154–155
в Израиле 171
в Испании 151
в Италии 151, 155–156
в Канаде 165–166
во Франции 151–154, 217
в Северной Ирландии 149, 171–178
в США 149
нестабильность 144
определение 143

Центростремительная демократия:

в Австрии 147
в англо-американских странах 148–149
в Великобритании 148–150
в Германии 154–155
в Скандинавии 147
в США 147, 149–150, 215
определение 143, 146–147
стабильность 144

Чехословакия (Чехо-Словакия) 69

Шаттшнейдер, Е. Е. 117, 124

Швейцария:

баланс сил 97, 210
большая коалиция 66–67, 70, 72, 262
взаимное вето 74, 75–77
и Уругвай 219, 249–252
как многосоставное общество 49–50, 108–111, 112–116, 119, 120–122, 141–142, 157–158, 160, 206, 271
как нормативный пример 37, 51, 219, 222, 271
отход от общестественности 36, 141
политические традиции 136, 203
принцип пропорциональности 75, 76
размеры 102, 104–105
федерализм 79, 87, 126–133, 160

Швеция 49, 64, 147

Шепсл, Кеннет А. 269–271

Шилз, Эдвард 55–56, 187, 216

«Школьные пакты» («школьные конфликты») 68, 77, 97

Шлезингер, Артур, младший 144

Штайнер, Юрг 75, 87, 93, 97, 102, 131–132

Эдельманн, Александер Т. 253

Экштейн, Гарри 38, 118, 123, 147

Элита:

решающая роль 85–86, 89–90, 205–208, 215, 260

Эмерсон, Руперт 204, 214, 263

Энгельманн, Фредерик 139

Эрвин, Дерек У. 122, 133

Эсман, Милтон Дж. 189, 193

Югославия 272

Южная Африка (ЮАР) 272–273

Янг, Кроуфорд 227, 230, 231, 256

Содержание

Предисловие научного редактора	5
Предисловие к русскому изданию книги	26
1 МНОГОСОСТАВНЫЕ ОБЩЕСТВА И ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ РЕЖИМЫ	35
Вызов демократическим пессимистам	36
Определения	38
Многосоставные общества и демократия в «первом мире»	40
Разделение властей и теория частичного совпадения	43
✓ Многосоставные общества и партийные системы	47
«Особые случаи»	49
Многосоставные общества и демократия в «третьем мире»	51
Преувеличение роли контрастов между «первым» и «третьим» мирами	56
2 СООБЩЕСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ	60
✓ Большая коалиция	60
✓ Разновидности больших коалиций	66
✓ Взаимное вето	72
✓ Пропорциональность	74
✓ Автономия сегментов и федерализм	77
✓ Отделение и раздел	80
✓ Недостатки общественной демократии	83
3 УСЛОВИЯ, БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИЕ СООБЩЕСТВЕННОЙ ДЕМОКРАТИИ	89
Баланс сил	91
✓ Многопартийные системы	98
Размер государства и общественная демократия	102
Структура различий	108
Пересекающиеся различия	111
Общие, надсегментные ориентации	118
Представительные партийные системы	120
Изолированность сегментов и федерализм	124
Традиции урегулирования на уровне элиты	136

4 ЭЛЕМЕНТЫ СООБЩЕСТВЕННОСТИ В НЕСООБЩЕСТВЕННЫХ ДЕМОКРАТИЯХ	141
(Типология демократических режимов	143
Центростремительные демократии	146
Центробежные демократии	151
Полусообщественная демократия: Канада	156
Полусообщественная демократия: Израиль	166
Пределы общности: Северная Ирландия	171
 5 СООБЩЕСТВЕННАЯ ДЕМОКРАТИЯ В «ТРЕТЬЕМ МИРЕ»	179
Модель Льюиса	181
Сообщественная демократия в Ливане, 1943–1975 гг.	185
Сообщественная демократия в Малайзии, 1955–1969 гг.	187
Ливан и Малайзия: благоприятные и неблагоприятные условия .	190
Провал общности на Кипре, 1960–1963 гг.	195
Неудача демократии в Нигерии, 1957–1966 гг.	199
Условия в «третьем мире»: общая оценка	202
Двойственные, противоречивые факторы	208
Неблагоприятные факторы	211
 6 СООБЩЕСТВЕННАЯ МОДЕЛЬ КАК КОЛОНИАЛЬНОЕ НАСЛЕДИЕ	214
Демократические модели колонизаторов	215
Бельгийская и голландская модели в шести молодых государствах	219
Общность и формальные конституционные принципы	223
Адаптация принципа автономии	230
Неформальные общственные механизмы: Индонезия	235
Коалиции между сегментами в Суринаме и на Нидерландских Антильских островах	238
Коалиции в бывших бельгийских колониях	243
Антиобщственные элементы в бельгийском и голландском примерах	246
Швейцарская модель в Уругвае	249
Ценность общественного наследия	253
 7 КОНСТРУИРОВАНИЕ СООБЩЕСТВЕННОСТИ	260
Альтернативные и приоритетные цели	263
Слабое экономическое развитие и конструирование общности	267
Конструирование общности при наличии острых противоречий	268
Предметный указатель	276

Учебное издание

Аренд Лейпхарт

**Демократия в многосоставных обществах:
сравнительное исследование**

Ведущий редактор **Л.Н. Шипова**
Редактор **А.Г. Гридчина**
Технический редактор **Н.К. Петрова**
Корректор **В.Ф. Герасимова**
Компьютерная верстка **С.А. Артемьевой**

ЛР № 090102 от 14.10.94

Подписано к печати 17.11.97. Формат 60 × 90^{1/16}. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 18.

Тираж 5000 экз. Заказ № 2331

Издательство «Аспект Пресс»
111398 Москва, ул. Плеханова, д. 23, корп. 3.
e-mail: Aspect.Press@relcom.ru
Тел. 309-11-66, 309-36-00

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200 г. Можайск, ул. Мира, 93.

Arend Lijphart
Democracy in Plural Societies
A Comparative Exploration

А. ЛЕЙПХАРТ

**ДЕМОКРАТИЯ
В МНОГОСОСТАВНЫХ
ОБЩЕСТВАХ**

СРАВНИТЕЛЬНОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

ISBN 5-7567-0208-3

9 785756 702088